

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

**XXVII ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

БОГ. ЧЕЛОВЕК. МИР

18–21 ДЕКАБРЯ 2024 ГОДА

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

Издательство РХГА
Санкт-Петербург
2025

Представлено к печати рабочим оргкомитетом XXVII всероссийской
научно-практической конференции с международным участием
"БОГ. ЧЕЛОВЕК. МИР"

*Тексты докладов публикуются
без издательского редактирования*

Издание подготовил М. Г. Тихомиров

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор Д. В. Масленников;
доктор культурологии, профессор Я. С. Иващенко

XXVII Всероссийская научно-практическая конференция «Бог. Человек. Мир» 18–21 декабря 2024 г. Сборник докладов. — СПб.: РХГА, 2025. — 369 с.

ISBN 978-5-907987-07-4

XXVII ежегодная конференция молодых ученых «Бог. Человек. Мир» проводится с целью обсуждения актуальных проблем в области исследования вопросов, связанных с изучением социокультурных, духовно-нравственных аспектов существования современного человека, а также формирования объемного видения феномена религии. Междисциплинарность конференции, актуализация проблем стоящих перед миром и обществом, создание единого пространства для совместного творческого поиска историков, философов, богословов, религиоведов, психологов, филологов, культурологов — все это делает конференцию «Бог. Человек. Мир» уникальным событием в научной жизни Санкт-Петербурга. Благодаря участию в совместных дискуссиях на конференции создаются условия для творческой активности, самостоятельности молодых исследователей в их научной деятельности, расширяется научное сотрудничество между вузами, устанавливаются межличностные и межвузовские контакты. В рамках работы конференции происходит диалог светской и религиозной мысли, осмысляются вопросы взаимосвязи науки и религии, религии и образования, межкультурной и межрелигиозной коммуникации, обсуждается роль и место религии в современном обществе.

ISBN 978-5-907987-07-4

© Авторы, 2025

© АНО ВО «РХГА», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Философия

<i>Сурков А. Г.</i> Философско-антропологический взгляд на развитие искусственного интеллекта	11
<i>Рохмистров В. Г.</i> Философская антропология: возврат к истокам	19
<i>Бильченко Е. В.</i> Антропологический идеал будущего: знаковые и нравственные черты радикального субъекта метамодерна	24
<i>Смирнов А. Э.</i> Понятие «художественный образ» в ключе воображаемого лакана	40
<i>Холод С. В.</i> Историософия оптимизма митрополита Илариона в «Слове о законе и благодати»	50
<i>Армени Н. А.</i> Проблема субъективности и телесности в философии Ж. -П. Сартра	56
<i>Ващенко А. Н.</i> К вопросу о становлении в истории философии идеи абсолютного блага как формы единства мира	61
<i>Заманилов Р. В., Берлов Д. Н.</i> Апостол хронотопа и доминанты	67
<i>Сенчило В.</i> Философия сердца Памфила Юркевича как концепция бессознательного	72

Искусство

<i>Аткина Л. И., Москаленко Е. В.</i> Цветочное оформление храмов, как один из путей прихода человека к вере в бога	78
<i>Нестеров Г. В.</i> Альбрехт Дюрер: символы, allegории, смыслы	83

<i>Есина Н. С.</i>	
Синергетический эффект синтеза музыки и живописи в творчестве М. К. Чюрлёниса	92
<i>Гринберг Д. С.</i>	
Архитектурное наследие А. М. Горностаева: первые работы в «русском стиле»	99
<i>Решетняк У. А.</i>	
Топография города в советском кино второй половины XX века	104
<i>Игнатова К. А.</i>	
Искусство как инструмент развития сознания: трансцендентальная живопись, органический авангард, космизм.....	108
<i>Хацкевич Т. М.</i>	
Кремулятор: образ главного героя и особенности романа	116
<i>Вихрова К. А.</i>	
«У нас это невозможно»: исследование нацистской идеологии в романе «Симулякры» Ф. К. Дика	125

Психологическое сопровождение человека на разных этапах бытия

<i>Бардиер Г. Л., Куцук А. И.</i>	
Неконсультативная доверительная беседа и возможности ее проведения в работе с женщинами.....	129
<i>Бардиер Г. Л., Ивонин А. В.</i>	
Критериальный подход к оценке успешности профессиональной деятельности адвоката	136
<i>Виноградов П. Н.</i>	
Визуальная культура современного человека в контексте взаимодействия с жизненной средой	142
<i>Фан Вэнькай, Васильева С. В.</i>	
Опыт проведения группы психологической поддержки для студентов-иностранцев	147
<i>Гвоздев Д. Н.</i>	
Реабилитационный потенциал ветеранов боевых действий	151
<i>Грауберг О. С.</i>	
Процесс художественного творчества и его нейробиологические аспекты	157

<i>Игнатенко М. С., Кравцова Мария Андреевна</i> Личностные характеристики как ресурс становления молодых ученых	161
<i>Ильина А. С., Комова О. В.</i> Тики у детей и аспекты психологической работы при данной симптоматике.....	166
<i>Конабеева В. А.</i> Деструктивная семья как фактор самоповреждающего поведения подростков	171
<i>Коновалова Е. В.</i> Построение стратегии будущего как выход из психотравмы	178
<i>Константиновская О. В.</i> Дисбаланс чувственного и рационального познания как тренд современности	183
<i>Костромина С. В.</i> Самоповреждающее поведение: концепции и модели.....	195
<i>Леонтьева Л. Г.</i> Рисование «наощупь» как инструмент активизации чувственного познания	200
<i>Лидухен Ю. А., Котова С. А.</i> Работа с дошкольниками по преодолению эмоционального дисбаланса после тяжелых жизненных ситуаций.....	206
<i>Паширова Е. С., Котова С. А.</i> Совладание с эмоциональными нагрузками у психологов- консультантов	211
<i>Рыбак М. Ю.</i> Психотравматизация как предиктор алкогольной зависимости у мужчин.....	217
<i>Черников А. Л.</i> Исследование общественного мнения в формировании доверия к политической сфере (к политическим институтам)	223

Психология: многообразие опыта

<i>Киреев С. И.</i> Адаптация и важность психологического сопровождения военнослужащих.....	229
---	-----

<i>Сатюкова Т. И.</i>	
Особенности самоотношения и межличностных отношений у людей, оставшихся без дома.....	238
<i>Иванова К. И.</i>	
К вопросу об изучении категории ответственности в психологии профессиональной деятельности.....	248
<i>Попова А. В., Голуб Н. В.</i>	
Адаптивность копинг-поведения молодых женщин (18–25 лет).....	257
<i>Семёнова Л. Б.</i>	
Временная перспектива в условиях бездомности.....	265
<i>Бандура О. О., Собинова А. В.</i>	
Особенности взаимоотношений супругов в повторном браке	272

Общие вопросы психологии и педагогики

<i>Кретова Л. А.</i>	
«Уход в лес»: онтологическая ностальгия, свобода, решимость	277
<i>Литвиненко Е. Л.</i>	
Оценка готовности преподавателя СПО к реализации помогающего стиля в обучении	288
<i>Милер М. А., Лукина Л. Е.</i>	
Духовно-нравственная культура педагога в психолого-педагогическом сопровождении студентов	297
<i>Перваков М. О.</i>	
Роль мотивации в обучении студентов гуманитарных колледжей естественно-научным дисциплинам	305
<i>Попов А. А.</i>	
Влияние цифровых технологий на когнитивное, социальное и физическое здоровье учащихся.....	312
<i>Стойка Э. М.</i>	
Гендерный подход на музыкальных занятиях и уроках музыки в дошкольном и начальном образовании.....	318
<i>Юнка Е. В.</i>	
Мотивация как фактор развития личности	326

Религиоведение и теология

Каптен Г. Ю.

Измененные состояния сознания
в восточно-христианской молитвенной практике 333

Коврегина Г. М.

Литературно-церковное творчество сельского священника
рязанской епархии как индикатор развития миссионерского
движения конца XIX — начала XX вв. 340

Авсеев А. А.

Неотвратимость наказания и законы этики 346

Плясов Д. Л.

Определение религии И. Кантом и его значение
для религиоведения и эзотериологии 357

Федорук Е. О.

Ритуал в юридической процедуре:
постановка проблемы в эзотериологическом контексте..... 365

УДК 165.23

Сурков Александр Георгиевич
Магистр философии,
аспирант Русской христианской гуманитарной академии
asurkov@mail.ru

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Данная статья предлагает дискуссию о феномене искусственного интеллекта (ИИ) и его месте в бытии современного (информационного) человека. Показано, что ИИ в его текущем состоянии (ИИ в «узком» смысле) является специальным орудием труда человека. Такая позиция дает возможность сформулировать некоторые априорные суждения для анализа этого феномена и позволяет отделять адекватные суждения, укорененные в рациональном подходе, от «мифических», являющихся продуктами ожиданий того или иного вида. Для того, чтобы сделать это возможным, требуется переосмысление понятий разума, интеллекта в неантропологическом контексте.

Ключевые слова: информация, искусственный интеллект, человек информационный, информационная антропология.

*SURKOV A. G.
PHILOSOPHIC-ANTHROPOLOGICAL VIEW
ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE PROGRESS*

The article presents a discussion about artificial intelligence (AI) and its place in the being of modern (information) people. It is shown that current AI (as narrow IA) is a specific working tool of a man. This position allows to form several a priori statements for analysis of the phenomenon and makes possible to detect and separate true statements (as being reasonably deduced) against myths (as being a result of pure expectations of any kind). To make all it possible the essence of mind, intelligence have to be constructed on anthropologic free basement.

Keywords: information, artificial intelligence, informational man, information anthropology.

В настоящее время выявлен и активно исследуется феномен информации. Замечено, что природа информации имеет междисциплинарный характер и содержание, не редуцируемое к предмету и области какого-либо из существующих научных направлений. Это позволило выделить изучение информации и информационных процессов как предмет специализированной научной деятельности. Информационный подход в философском контексте в настоящее время представляет сложный междисциплинарный механизм, сочетающий общее и специальное, объективное и субъективное в бытии людей, основывающийся на понятии информация. Позиция автора по этому вопросу сформулирована в [8, 9, 10].

Также можно заметить, что в последние несколько лет изучение информации перешло из фазы «первичного накопления материала» в фазу его «переработки» (структуризации, осмысления, а, главное, «адресного содержания» как ответа на определенную индивидуальную «информационную потребность» получателя). Эта смена акцента пока еще широко не освещается: развитие информационных технологий продолжают преимущественно связывать с развитием аппаратных средств ее создания и хранения (компьютеров). Но, если мы обратим внимание на то, что человек (как финальный потребитель информации) в последнее время стал обращать существенно больше внимания на качество информации и ее соответствие своим потребностям, то будет ясно, что актуален уже процесс переработки информации, с которым связано развитие информационных технологий (ИТ).

Такая тенденция актуализирует технологии, связанные с поиском информации, которые, вследствие их сложности, динамичности, скорости исполнения не допускают адекватного аппаратного решения. Это, в первую очередь, обуславливает развитие методов программирования и оригинальных концепций работы с информацией («параллельные» методы как программы, исполняемые несколькими компьютерами одновременно, data mining — нахождение информации по косвенным признакам в большом массиве данных и т. д.). Но все вышеприведенные технологии создаются для человека как творца методов решения задач. Но он вследствие своих биологических ограничений постепенно становится «узким местом» системных процессов (производственных, социальных и т. д.), эффективность работы которого необходимо повысить. Для повышения эффективности своей работы человек использует орудия труда.

ОРУДИЯ ТРУДА

Человек замечателен тем, что создаёт «орудия труда» — предметы (инструменты), благодаря которым он делает свое бытие более эффективным и содержательным в рамках системы оценок, которой он придерживается. Создание новых более совершенных орудий труда — сущностная характеристика технологического прогресса. Автор полагает, что «технологический прогресс состоит в создании средств труда более высокого функционального уровня путем передачи им трудовых функций, ранее выполнявшихся человеком, которые выполняются вне психобиологических ограничений человека (не спят, не едят и т. д.) и эффективнее функционируют» [10]. Технологический прогресс порождается потребностью человека и основывается на развитии орудий труда. Отличительная черта орудия труда заключается в том, что у него нет своего (не зависящего от человека) значимого бытия.

Прагматичность информационного подхода основывается на том факте, что современный компьютер, как и калькулятор, остаются орудиями труда. Человек задает им движение как цель и содержание их бытия. Без человека бытие компьютера не имеет смысла. Но справедливо также то, что сложные орудия труда, такие как компьютеры (или, например, самолеты) «требуют» квалифицирован-

ного отношения и профильного обучения (не каждый и не сразу может стать пилотом самолета).

Взглянем кратко на отношение человека и орудий труда. Ф. Энгельс считает наиболее древними «орудия охоты и рыболовства» [13, с. 137]. Человек выслеживает животное. Животное «первично». Человек «приспосабливает» орудия труда к животному: стрела имеет смысл только на охоте. Последующее «употребление мясной пищи привело к ... пользованию огнем и приручению животных» [13, с. 138]. Первичны уже огонь и загон для скота — животные «обитают» у человека и от него зависят. А, например, огонь, используется не только в животноводстве.

Следующий шаг развития орудий труда приводит к созданию машин. Машина выводит функционально-бытийные процессы за рамки действий с непосредственным участием в нем человека, что позволяет не считаться с его биологическими ограничениями и позволяет вовлекать в рабочую деятельность большее количество материи. Это увеличивает количественно (и, возможно, качественно) результат деятельности, который присваивается человеком. При этом машина, сущностно, — такое же орудие труда, как и палка: ее назначение делать определенные процессы более эффективными по сравнению с тем, как если бы их делал человек, который продолжает присваивать себе результат.

Классический анализ использования «машинных» орудий труда приведён в «капитале» К. Маркса ([6]). К. Маркс отметил, что «если мы рассмотрим ближе к машине-орудию, или собственно рабочей машине, то мы в общем и целом увидим в ней, хотя часто и в очень изменённой форме, всё те же аппараты и орудия, которыми работают ремесленник и мануфактурный рабочий; но это уже орудия не человека, а орудия механизма, или механические орудия», [6, с. 379] «ремесленный инструмент, только в циклопических размерах» [6, с. 391]. Т.е. технологический процесс для машины в начале копируется с технологического процесса человека. И лишь в последствии, с развитием науки и технологии, происходит «специализация» существующего машинного производства под цель процесса (функциональность), в результате чего технология функционирования машины начинает расходиться с технологией труда человека. В частности, К. Маркс заметил, что «существеннейшим производственным условием для производства машин с помощью машин была машина-двигатель, способная развивать силу в любой степени и в то же время всецело подчиняющаяся контролю» [6, с. 391].

Посмотрим на информационные технологии с этой точки зрения. Машиной-двигателем в мире информационных технологий является компьютер. Заметим, что сам термин компьютер (от англ. 'computer' или вычислитель) изначально использовался для обозначения приспособления для счета. Это — орудие труда, «усиливающее» арифметические (вычислительные) способности человека.

Орудия «счетного труда» восходят к далекой древности. Число, представленное горстью камней, палочек, узелков или набором засечек, было известно издавна. Счетные приспособления или счеты (известные как абак в Вавилоне, соробан в Японии, суньпань в Китае и т. д.), как «произведённые» орудия труда появились более нескольких тысяч лет назад.

Счеты пытались сменить счетные машины (например, арифмометры), но массовым событием эта смена не стала. Качественный скачок произошел лишь в XXв. с развитием полупроводников, когда появился электронный вариант счет — калькулятор.

Следующий качественный скачок произошел, когда целью прогресса оказалась автоматизация типовых вычислений, где «узким местом» опять стала работа человека. Появились «большие вычислительные машины» (в том числе и по размеру, — «циклопические», если использовать вышеприведённую терминологию Маркса). Требования к размеру / объёму / энергопотреблению... этих орудий труда появятся позже, когда начнется, как отмечено выше, специализация «под результат». Выяснилось, например, что «естественная» человеческая десятичная система счисления не удобна для компьютера, который «предпочитает» двоичную и т. д. Также было замечено, что компьютеры могут быть эффективны не только в арифметическом счете, но и решать определенные рациональные задачи и управлять большим набором данных. Работа с данными (исследование передачи их по каналам связи) оказалась настолько востребованной, что послужила для К. Шеннона основанием для его классического определения [количества] информации.

Последующее развитие вычислительных (информационных) технологий (или ИТ) определило два их основных направления — совершенствование аппаратных средств и технологий их использования (программирование, поиск данных и т. д.) как аппаратное функциональное развитие информационных орудий труда (объективный аспект) и развитие умений ими пользоваться (субъективный аспект). Субъективный аспект как умение, которое в данной предметной области включает интеллект, приводит нас к феномену искусственного интеллекта (или ИИ).

ИИ В УЗКОМ СМЫСЛЕ

В современной науке определение ИИ нельзя считать устоявшимся. А. Иоселиани и Н. Цахадзе (см., напр., [3]) считает, что искусственным интеллектом «называют системы, предназначенные для решения интеллектуальных задач», которые люди решают с помощью своего «естественного» интеллекта (ЕИ). Такой ИИ определяется как «слабый» (узкий / narrow) и специализированный для решения определенного круга задач. С другой стороны, В. Васильев под слабым ИИ понимает «возможность точной синтаксической эмуляции разумного поведения человека» [2, с. 90], что относит нас к известному «тесту Тьюринга» [14, с. 433], описывающему успешное прохождение такой симуляции. Прохождение этого теста в его указанной форме затрагивает философскую проблему «что есть человек», если он не будет отличаться от машины?

Целеполагание прохождения теста Тьюринга обуславливает развитие информационных технологий в контексте бытия человека. Поскольку человек не отказывается от интеллектуальной деятельности, данное направление без сомнения актуально. Но, с другой стороны, как мы видели выше, безусловная ориентация на человека без учета «машинной специфики» не эффективна «для

машины» и потому также актуально развитие специализированных информационных «машинных» технологий. Развитие в обоих направлениях ставит задачу их синхронизации.

Сначала эту работу выполняли исследователи данного направления, затем профессиональные работники ИТ. Сейчас поддержка коммуникаций «человек — машина» постепенно переходит к машине, что делает возможным диалог с машиной широким кругам непрофессионального (в плане ИТ) человеческого общества. Машина уже может определить задачу, поставленную ей в диалоге человеком вербально. Наличие «говорящей на человеческом языке» машины заставляет переосмыслить традиционное понимание соотношения речи и разума (см. ниже).

Функциональный (прагматический) подход не требует принципиально «антропологической разумности». Тип проблем, которые сейчас ставятся перед машиной, требует функционального решения (смоделировать, сделать инженерные расчеты и т. п.). Сначала требования предъявлялись только к методам решения поставленной задачи, потом (с ростом способностей машины и информационных технологий) в расчет стали приниматься сопутствующие факторы (этичность решения, энергозатратность, время исполнения и т. д.). Таких факторов конечно количество и в определенных областях они допускают полноценную формализацию. Здесь машина эффективно и являет то, что ученые называют искусственным интеллектом в узком смысле. Она адекватно и эффективно решает прикладные задачи по заданным алгоритмам в определенной (узкой) предметной области, но не способна внести в нее что-то принципиально новое. Это позволяет считать машину полезной, но не никак не «судьбоносной» для человечества.

ИИ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ

Полноценным ИИ, возможно, следует считать то, что сейчас определяют, как сильный ИИ, или ИИ, способный к самомодификации. В контексте рационализма здесь возникает несколько философских проблем. Первая из них — адекватность. ИИ рационален и предметом рациональности ИИ должен быть окружающий мир. В эпистемологическом контексте это требование в рамках корреспондентского подхода порождает требования когеренции и корреспондентии к гносеологическим (когнитивным) процессам ИИ.

У человека корреспондентность знания укореняется в практике и его эмпирическом обобщении (истинность — «практический вопрос» у Маркса, знание «начинается с опыта» у Канта и т. д.). Когеренция «домысливает» априорные компоненты, полученные в результате абстрактизации существующего опыта или рациональных истинных суждений. Как считает В. Васильев «функция последних состоит исключительно в том, чтобы деструктурировать имеющиеся в наличии эмпирические данные» [2, с. 13].

Как возможен опыт у ИИ? Опыт дается в чувственной данности. У ИИ нет чувств, есть только представления явленного ему мира. Но представления (у человека) производятся на основе определённой схемы восприятия. Кто и как

даст такую схему ИИ? Если человек, то мы возвращаемся к понятию ИИ в узком смысле. Если только на начальном этапе (обучения) человек, то здесь возникает вопрос о том, как и чем будет регулироваться последующее развитие ИИ. Для человека этот выбор сделала эволюция. Так, например, В. Васильев считает, что «естественный отбор способствует формированию поведенческих схем, реализация которых благоприятствует выживанию и продолжению потомства в данных условиях» [2, с. 116]. Для ИИ это должен сделать человек, который общепринятую позицию по этому вопросу пока не определил, что связано с нерешенной философской проблематикой, существующей относительно ИИ.

ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

С течением времени информационные технологии развивались, ведя за собой связанные с ними предметные технологии, включая способность принятия решения, на основе имеющиеся фактических данных. Рациональность, соответствующая такому классу задач, «перетекала» от человека к машине, которая становилась все более рациональной в своей функциональности. Разума, в его традиционном понимании, у машины не было, так как традиционные определения разума антропологичны, а современные (учитывающие возможность «неантропологической разумности») пока не пришли к консенсусу.

Человек именует себя *homo sapiens* (человек разумный), что полагает наличие разума своей определяющей характеристикой. И здесь сразу возникает вопрос, насколько она адекватна (тут можно вспомнить легенду о споре Платона и Диогена, где человеком оказалось существо «на двух ногах, лишенное перьев... с широкими ногами»). Или, иными словами, насколько наличие разума у нечто полагает это нечто человеком при определенном «универсальном» понимании разума (в котором отсутствует слово «человек»? Здесь также отметим, что ИИ не единственный «не человеческий» современно признаваемый интеллект — создана и активно развивается научная дисциплина «когнитивная этология», изучающая интеллект животных. Поэтому системное неантропологическое определение разума — актуальная проблема современной философии.

Одним из подходов к решению вышеуказанной проблемы было соотнесение разума и речи. Феномен «говорящей машины» заставляет переосмыслить соотношение разума и речи. Если считать, что «язык — фиксированная, грамматически и синтаксически, форма вербальной передачи информации и ее обработки в процессе коммуникации, представленная в символьном систематизированном виде» [7, с. 136], то современный ИИ языком владеет достаточно для ведения коммуникации в рамках тематики своего предмета. Наличие, например, большого числа колл-центров, успешно обслуживаемых машиной, тому подтверждение.

Как возможно владение машиной языком? Известный лингвист Н. Хомский определили «универсальную грамматику» как способность к владению языком. Он считает, что для человека она образует «врожденную организацию» [12, с. 38]. То есть человек с рождения имеет способность к речи, что не запрещает другим сущностям ее получать специально. Если у них получится. Такую попытку и предпринимают создатели лингвистических систем ИИ.

Отношение человека и ИИ — самостоятельная философская проблема. Бытие современного человека предполагает орудия труда, усиливающие разнообразные физические способности человека (велосипед — скорость передвижения, бинокль — остроту зрения и т. п.). При этом способности человека к рациональному мышлению оставались нетронуты. Номо оставался sapiens.

ИИ как орудие труда фактически дополняет рациональные способности человека и человеческого общества. Разумность теперь приписывается не человеку, а человеку, оснащённому компьютером (смартфоном, а в недалекой перспективе ИИ). С развитием ИИ «доля человека» в разумности особи современного мира имеет тенденцию к падению. Человек «ленится»: он «перекладывает рутину» на смартфон и полагается на поиск готовых решений в интернете. Человек перестаёт быть разумным (пока только в мелочах). Номо перестаёт быть sapiens. Он теряет свою самую сильную черту, которая в свое время его «сделала» человеком. Поэтому изучение вопроса отношения человека и ИИ имеет огромное значение для человека.

Для анализа изменений, вызванных информатизацией бытия человека, будут показательны результаты исследований, относящихся к анализу связанных с ней феноменов и аномалий у детей как «эволюционно закреплённые» изменения информационной эпохи. Это позволит оценить динамику изменений человечества в его становлении информационным обществом.

Результаты исследования динамики интеллекта у детей различаются. Е. Ткачук выявила «тенденцию к снижению интеллектуального потенциала детей в дошкольном возрасте ... как одного из эффектов информатизации» [11]. Л. Белозерова и С. Поляков также выявили «упрощение мыслительной деятельности, снижению аналитического мышления» наиболее «восприимчивой к цифровизации» части детей информационной эпохи [1, с. 27]. И. Лысак и Д. Белов также отмечают, что «сеть делает людей рассеянными и поверхностными... возможно снижение произвольной памяти» [5, с. 260–261]. Но также «информационная среда ... может способствовать развитию интуитивного и творческого мышления» [5, с. 261].

Наоборот, В. Каменская и Л. Томанов, изучавшие «эффективность интеллектуальной деятельности дошкольников 6–7 лет, посещавших одно и то же образовательное учреждение и обучавшихся по одной и той же программе развития речи» в 2006 г. и 2014, снижения интеллектуальных возможностей не выявили [4]. Тут можно возразить, что восемь лет — слишком маленький интервал для анализа, чтобы тенденция явно была проявлена. В любом случае, привлечение внимания к данной проблеме необходимо, так как если развитие детей будет показывать отрицательную динамику, то через некоторый небольшой промежуток времени и прогресс человеческого общества сменится его регрессом и угасанием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ.

1. Исследование информации и развитие информационных технологий сделали возможным отделить от человека качества и способности, ранее считавшиеся его неотъемлемой частью (интеллект), в связи с чем происходит акту-

ализация философской проблемы «что есть человек» в информационную эпоху, а также понятий разума и интеллекта.

2. Страх и ожидания, сопровождающие ИИ основываются на непонимании его сущности и места в бытии человечества. Пока ИИ, как мы видели, — орудие труда. Можно привести в его реализацию определённый состав «личностных качеств», но орудием труда он от этого быть не перестанет. И относиться к нему нужно лишь как к орудию труда. Вся его интеллектуальность определяется человеком, разработавшим и внедрившем в состав ИИ определённые алгоритмы.

3. Развитие функциональных способностей сильного ИИ несет потенциальную угрозу. Со-бытие определяет наиболее «сильный» его участник. Если в со-бытии «человек-ИИ» человек окажется «слабее», то он потеряет контроль собственного бытия. С потерей контроля бытия, шансы это бытие покинуть у человека резко повышаются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозерова П., Поляков С. Трансформация когнитивной сферы детей «цифрового поколения»: опыты анализа // Известия Саратовского университета. 2021. т. 10 вып. 1 (37). С. 23–32.
2. Васильев В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 259 с.
3. Иоселиани А., Цхададзе Н. Искусственный интеллект: социально-философское осмысление // Прикладные исследования. 2019. № 2. С. 196–202.
4. Каменская В., Томанов Л. Интеллектуальные функции российских дошкольников в период становления интернет-технологий // Психология. Психофизиология. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-intellektualnyh-funktsiy-rossiyskih-doshkolnikov-v-period-stanovleniya-internet-tehnologiy> (дата обращения: 10.01.2025).
5. Лысак И., Белов Д. Влияние информационно-коммуникационных технологий на особенности когнитивных процессов // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 5. С. 256–264.
6. Маркс К. Капитал, т. 1 книга 1: процесс производства капитала /пер. И. И. Степанова-Скворцова Государственное издательство политической литературы, 1952. 794 с.
7. Назмиева Э., Габиев Р. Язык как форма мыслительной деятельности: факторы обучения // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1, № 4(4), С. 134–142.
8. Сурков А. О природе информации и информационных процессов // Вестник РХГА. 2023. том 24, вып. 1. С. 57–65.
9. Сурков А., Лебедев С. Об информационном субъекте // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2024. Том 25. Вып. 1. С. 63–72.
10. Сурков А. Философско-антропологический взгляд на информацию и информационные процессы: антропологический субъект // Бог Человек Мир: Сборник материалов XXVI всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, 2024. С. 276–284.
11. Ткачук Е. Некоторые показатели интеллектуального развития и тревожности детей дошкольного возраста в условиях информатизации // Фундаментальные исследования. 2013. № 9–5. с. 925–929;
12. Хомский Н. Язык и мышление. М.: изд. МГУ, 1972. 121 с.
13. Энгельс Ф. Диалектика природы. М.: Госполитиздат, 1953. 328 с.
14. Turing A. Computing machinery and intelligence // Mind. Oxford: Oxford University Press, 1950. No. 59. Pp. 433–460.

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ВОЗВРАТ К ИСТОКАМ

Философия одним из главных своих предметов всегда полагала существование человека. Тем не менее философская антропология как самостоятельная наука возникла в результате так называемого антропологического поворота только в начале XX в. Разные авторы называют различные причины этого, например, Э. Кассирер видел объяснение в том, что каждый исследователь исходит из собственных представлений о человеке, совершенно не интересуясь другими концепциями. Сам Кассирер отметил, что первым обнаружил эту разногласию М. Шелер, который заметил, что подходы к пониманию человека и его природы осуществляются с совершенно несовместимых позиций: с чисто научной, с метафизической и с теологической, что не позволяет даже дать единого определения того, что такое человек. В статье предлагается для решения этой проблемы вернуться к истокам философского изучения человека.

Ключевые слова: Аристотель, наука, философская антропология, природа человека.

ROKHMISTROV V. G.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY: RETURN TO THE ORIGINS

Philosophy has always considered the existence of man as one of its main subjects. Nevertheless, philosophical anthropology as an independent science emerged as a result of the so-called anthropological turn only at the beginning of the 20th century. Different authors cite different reasons for this, for example, E. Cassirer saw the explanation in the fact that each researcher proceeds from his own ideas about man, without any interest in other concepts. Cassirer himself noted that the first to discover this discord was M. Scheler, who noted that approaches to understanding man and his nature are carried out from completely incompatible positions: from a purely scientific, metaphysical and theological, which does not even allow for a single definition of what man is. The article proposes to return to the origins of the philosophical study of man to solve this problem.

Keywords: Aristotle, science, philosophical anthropology, human nature.

Древняя Греция дала миру названия многих наук; от любви к мудрости постепенно отделялись в самостоятельные дисциплины геометрия, физика, астрономия, история и другие. Однако несмотря на то, что и название науки «антропология» образовано из греческих терминов, впервые чисто в научных целях оно было употреблено лишь в XVI веке. Считается, что первым слово «anthropologia» употребил в 1501 г. немецкий философ, теолог и врач Магнус Хундт. А в конце того же века немецкий богослов Отто Касманн уже дал ему конкретное научное определение «*doctrina humanae naturae*» [9, с. 1].

Термин «антропология» имеет греческое происхождение и означает дословно «наука о человеке» (антропос — человек; логос — наука). Однако антропология как наука о человеке даже после данного О. Касманном столь конкретного определения не возникла. Человек вообще по-прежнему изучался в широких

рамках общей культуры, истории, а затем и психологии. В России под этим общим термином «антропология» объединяли все исследования биологического и природного характера. В англоязычных же странах сюда включали также социологические и культурные исследования.

Вообще в связи со всем этим следует отметить, что на самом деле философия одним из главных своих предметов всегда полагала именно изучение человека. В изданном в начале XXI века «университетской книгой» учебнике читаем: «Проблема человека ставилась уже первыми философами Индии, Китая, Древней Греции, и в последующем времени не было ни одной философской школы или учения, в которых не поднимался бы вопрос о человеке: его происхождении, способностях, структуре сознания, смысле существования и т. п.» [3, с. 5] Даже в этом достаточно коротком по объему определении мы уже видим всю многосторонность подходов, не только существовавших, но и продолжающих рассматриваться как относящиеся именно к «науке о человеке».

Но вот в начале XX в. в результате так называемого антропологического поворота возникла философская антропология, заявившая своей целью выработку единой систематической теории, посвященной непосредственно самому этому природному феномену, который обозначается так до сих пор и неопределенным понятием «человек».

Столь позднее возникновение философской антропологии как науки разные авторы объясняют по-разному, однако главной полагают общее ощущение кризиса; все вдруг осознали, что человек перестал быть «господином во Вселенной» [3, с. 5] — поясняют это авторы «университетского учебника».

Э. Кассирер увидел главную опасность ситуации в том, что «теологи, ученые, политики, социологи, биологи, психологи, этнографы, экономисты — все подходили к проблеме со своей точки зрения... каждый автор руководствовался собственной концепцией и оценкой человеческой жизни» [5, с. 25–26]. Так же М. Шелер, небольшая работа которого «Положение человека в Космосе» вышла в свет в 1928 году писал: «У нас есть научная, философская и теологическая антропология, каждая из которых ничего не знает о других. Мы, следовательно, не обладаем более никакой ясной и устойчивой идеей человека»¹. «можно сказать, что еще никогда в истории человек не становился настолько проблематичным для себя, как в настоящее время» [7, с. 31–32]. Действительно, как это становится понятным из представленной далее М. Шелером попытки найти в человеке нечто особенное, принципиально выделяющее его из остального населяющего Землю животного мира, состояние сегодняшней науки не позволяет сделать даже этого со всей несомненной определенностью.

Макс Шелер и Хельмут Плеснер, считающиеся основателями именно философской антропологии, частично основываясь на трудах Канта и Гердера и принимая во внимание биологические, социологические и психологические исследования, написали значительные работы о феномене человека. «Философы-антропологи» попытались вычленить основную структуру, которая интегриро-

¹ Здесь цитата из труда М. Шелера приводится в перефразировке Э. Кассирера [5, с. 26].

вала различные аспекты человека, изучавшиеся, в основном изолированно друг от друга различными гуманитарными науками.

Однако, как мы сегодня видим, ситуация не исправилась не только в XX, но и в начале XXI в., даже наоборот, бесконечное дробление уже и философской антропологии как науки о человеке только усилилось. В настоящее время термин «философская антропология» также охватывает широкий спектр слабо связанных между собой академических предметов. Под этим термином обсуждается человеческая природа настолько широко, что давно уже освещается под разными подзаголовками, от биологии до метафизики.

Как замечает профессор Питсбургского университета Джеймс Леннокс: «Кафедра антропологии в моем родном университете состоит из четырех основных отделов: археологии, социальной и культурной антропологии, медицинской антропологии и физической антропологии. Было бы настоящим ребусом и в конце концов бесплодным занятием пытаться выяснить, найдет ли какое-либо из многочисленных исследований человека Аристотелем место в любой из этих категорий» [9, с. 99]. Даже прибавляемый к термину «антропология» эпитет «философская» отнюдь не спасает ситуации. Гирт Кейл — профессор философии в Университете имени Гумбольдта в Берлине — отмечает: «Точно так же в современной философии изучение человеческой природы не является устоявшимся подразделом, а представляет собой общую заботу, по крайней мере, философии разума и действия, метафизики, моральной психологии, философии биологии и философии религии» [8, с. 2].

Исследователь из Лейпцигского университета Кристиан Китцманн заостряет этот вопрос, заявляя: «С одной стороны, люди изучаются как животные наукой о природе, которая должна молчать о божественной стороне человечества. С другой стороны, люди изучаются как интеллектуальные существа теологией, ценой абстрагирования от их бытия воплощенными животными. Это должно быть отражено в определении того, что значит быть человеком. Не может быть единого определения, которое схватывает все в человеческой сущности. Могут быть только частичные определения: одно интеллектуальной стороны того, что значит быть человеком, которое дано в теологии; и одно животной стороны, которое дано в физике, а точнее в биологии или зоологии. Возможно, определение человека как двуногого животного является наиболее вероятным претендентом на окончательное²» [9, с. 25].

А авторы нашего университетского учебника добавляют к этому еще более фундаментальное противоречие. «Этот спор двух тенденций не закончен и по сей день, а, следовательно, философской антропологии нужно все время доказывать законность своего существования» [3, с. 5].

Похоже, и в этом случае, так же как в случае с психологией, придется, в конце концов, свести антропологию к общему, снимающему фактически всякие границы определению антропологии как Human study.

В результате такой неопределенности все отчетливее начинают звучать призывы к отказу от антропоцентризма. В дополнение к понятию *homo sapiens* возникают определения *homo faber*, *homo ludens*, *homo sacer* и т. д. Человек то обо-

² Это определение идет еще от Платона. По словам Диогена Лаэртского, Диоген Синопский услышав это определение, предъявил Платону оципанного пегуха: [4, с. 226].

жествляется, то низводится до уровня простого животного, что в последнее время и вообще привело к так называемому анималистическому повороту.

В этом смысле, на мой взгляд, чрезвычайно интересна работа американского антрополога Э. Кона «Как мыслят леса», изданная в Канаде в 2013 г. и в 2018 г. переведенная на русский язык. В третьей части своего труда Эдуардо Кон приходит к интересному утверждению о существовании «живой мысли». Природа в течение длительной эволюции тщательно оттачивает всякое проявление существования, приспособляя его к тому или иному способу бытия в этом мире. Ученый приводит в пример муравьеда, все члены которого организованы именно таким, а не иным образом — в частности длинный вытянутый нос, максимально облегчающий ему способ его выживания. Это и есть живая мысль природы.

В связи с этим Э. Кон задается вопросом, а надо ли заглядывать по ту сторону человеческого? И сам же на него отвечает: «Глядя на животных, которые смотрят на нас в ответ, смотрят вместе с нами и в конечном счете являются частью нас, хотя их жизнь выходит далеко за пределы нашей, мы можем понять нечто важное. Мы можем понять, как то, что находится “по ту сторону человека”, позволяет нам существовать, делает нас теми, кто мы есть, и теми, кем мы можем стать в будущем» [6, с. 315].

А вот что мы видим в трактате Аристотеля «О частях животных» (РА I 5, 645a20–30): «Если же кто-нибудь считает изучение других животных низким, так же следует думать и о нем самом, ибо нельзя без большого отвращения смотреть на то, из чего составлен человек, как то: на кровь, кости, жилы и подобные части» [1, с. 50–51].

А не позволяет нам ли такое схождение пониманий объявить Аристотеля отцом антропологии? Да, термин «антропология» не использовался в античной философии. Вообще даже возникает вопрос о правомерности использования термина «антропология» применительно к древним авторам, например, к Аристотелю. И когда в некоторых учебниках заявляется, что первое употребление этого термина принадлежит Аристотелю, следует сделать уточнение. Фраза, которая ближе всего подходит к определению «антропология» в его работе, — «философия, касающаяся человеческих дел» (EN X 10, 1181b15), как это переводит Н. В. Брагинская [2, с. 293]. Аристотель использует эту фразу в завершении «Никомаховой этики», где объявляет, что его исследование «государственного устройства в целом» завершит эту «философию человеческих дел». Следовательно, эта фраза используется для того, чтобы связать его этику и политику в единое целое в рамках практической философии.

Хотя Аристотель не использовал термин «антропология» и не написал трактата о человеческой природе, — по крайней мере, в *Corpus Aristotelicum* нет книги под названием *Peri physeōs anthrōpou* или *Peri anthrōpou*, — тем не менее его работы содержат многочисленные размышления на эту тему. И, возможно, разобраться в сложившейся ныне пестроте мнений на понятие «человек» можно лишь обратившись к самим истокам рассмотрения этого явления, т. е. задавшись вопросом о природе человека, о чем Аристотель, где имплицитно, а где и явно, говорит во всех своих произведениях. Соответственно, несмотря на отсутствие

единого трактата о человеческой природе, работы Аристотеля представляют собой важный источник для понимания сложности и многогранности этой темы.

Вот что мы можем прочесть в его «Политике»: «природа, согласно нашему утверждению, ничего не делает напрасно; между тем один только человек из всех живых существ ... способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства» (Pol. I 2, 1253a8–18) [2, с. 379].

Направление, как говорится, задано. И более пристальный взгляд на попытки великого древнегреческого философа определить природу этого до сих пор неопределенного понятия «человек» с высоты наших сегодняшних достижений может открыть либо изначально закрывшуюся ошибку, либо новые возможности в решении этой основополагающей для философской антропологии проблемы — что такое человек и какова его цель существования на этой планете.

Исследование истоков философской антропологии позволит более глубоко осознать современные вызовы, стоящие перед человечеством. Это требует не только анализа теоретических концепций, но и практического применения философских идей для решения реальных проблем, с которыми сталкивается общество. В конечном счете, возвращение к истокам может помочь нам раскрыть суть человека, его место в мире и значимость в контексте современности.

В заключение можно утверждать, что возвращение к истокам философской антропологии также открывает и новые перспективы для анализа эволюции человеческой сущности, помогая распознать внутренние конфликты и противоречия, расшатывающие основы современного общества. Это подчеркивает необходимость философского осмысления основной проблемы современной антропологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. О частях животных. Перевод с греческого, вступительная статья и примечания В. П. Карпова. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1937.
2. Аристотель. Сочинения. М.: Мысль, 1983. Т. 4.
3. Губин В., Некрасова Е., Философская антропология. Учебное пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986.
5. Кассирер Э., Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. / В кн. Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
6. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
7. Шелер М., Положение человека в космосе. / В кн. Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
8. Aristotle's anthropology. Edited by Geert Keil & Nora Kreft. Cambridge University Press. 2019.
9. Kietzmann Ch., Aristotle on the Definition of What It Is to Be Human. Pp. 25–43. / In: Aristotle's anthropology. Edited by Geert Keil & Nora Kreft. Cambridge University Press. 2019.
10. Lennox, J. G. Is Reason Natural? Aristotle's Zoology of Rational Animals. Pp. 99–117 / In: Aristotle's anthropology. Edited by Geert Keil & Nora Kreft. Cambridge University Press. 2019.

Бильченко Евгения Витальевна,
доктор культурологии,
профессор Русской христианской гуманитарной академии
имени Ф. М. Достоевского,
yevzhik80@gmail.com

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ БУДУЩЕГО: ЗНАКОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ЧЕРТЫ РАДИКАЛЬНОГО СУБЪЕКТА МЕТАМОДЕРНА

В статье дается философско-антропологическая характеристика проекта метамодерна сквозь призму психотипа радикального субъекта. На основе синтеза метафизики Канта, структурного психоанализа Лакана и традиционной русской философии рассматриваются его основные черты: этический радикализм и новый традиционализм. Этически радикализм предполагает понимание долга как предельного онтологического желания, эстетическим выражением которого является поэтика самости. Новый традиционализм предполагает слияние категорий долга, бытия, самости и традиции, которая подвергается интеллектуализации, индивидуализации, эстетизации, модернизации.

Ключевые слова: метамодерн, радикальный субъект, самость, этический радикализм, новый традиционализм, долг, традиция.

*BILCHENKO E. V.
ANTHROPOLOGICAL IDEAL OF THE FUTURE:
SIGNIFICANT AND MORAL FEATURES
OF THE RADICAL SUBJECT OF METAMODERN*

The article provides a philosophical and anthropological characterization of the metamodern project through the prism of the psychotype of a radical subject. Based on the synthesis of Kant's metaphysics, Lacan's structural psychoanalysis and traditional Russian philosophy, its main features are considered: ethical radicalism and new traditionalism. Ethically, radicalism presupposes the understanding of duty as the ultimate ontological desire, the aesthetic expression of which is the poetics of the self. The new traditionalism presupposes the merging of the categories of duty, being, self and tradition, which is undergoing intellectualization, individualization, aestheticization, modernization.

Keywords: metamodern, radical subject, self, ethical radicalism, new traditionalism, duty, tradition.

Метамодерн — общий собирательный термин для обозначения ряда процессов и тенденций, имеющих место в современной культуре и философской мысли. Кризис неолиберального глобализма и следующие за ним духовные поиски меняют язык культуры и саму культуру, преодолевая глубочайшее разочарование, которое было пережито субъектами глобального информационного общества мультикультурного капитализма в связи с падением нравов, отчуждением, безверием, депрессией и гибридной войной. Метамодерн есть *ценностное нечто* («anything goes»), грядущее после постмодерна, не имеющее черт прямого отри-

цания последнего, но синтезирующее на новом диалектическом витке развития общества смысловые свойства модерна и постмодерна, рационализма и эмпиризма, универсальности и партикулярности, строительства и деконструкции. Точного научного значения данный термин не имеет, поскольку мы имеем дело лишь с интуитивным улавливанием отдельных мировоззренческих рефлексий и симптомов развития культуры, спорадических ментальных жестов, но главным свойством метамодерна как модуса существования человека является возвращение к аутентичности, проявлением чего может служить реконструкция онтологической линии в философии, возрождение субъекта после «смерти автора» в литературе, персоналистическая и патриотическая проблематика в новом искусстве, интерес к религии и нравственности в массовом сознании, аксиологизация научного мышления.

Для нас ключевое значение имеет приоритет субъекта — антропологического героя будущего, образ которого — весьма важен как образец для воспитания грядущих поколений обновленной России. Его сущностной характеристикой является самость — целостность и собранность актуализированной личности, восстановленные на базе расколотого субъекта постмодерна, возвращающего себе память, истоки, непрерывность и глубину после длительного периода депрессии. Антропологический идеал метамодерна — понятие весьма условное, относительное и неоднозначное, но в данном случае под антропологическим идеалом мы имеем в виду желаемый тип личности для мирового и, особенно, отечественного будущего, не созданный специально, в цехах и лабораториях идеологии, школы и политики, но возросший естественно, как следствие реализации своей подлинной природы, личной миссии в динамичном разрушающемся мире, следования голосу сердца и ума, выполнения долга как предельного желания без наслаждения, стремления к истинной событийности в бытии. Аутентичная личность уже не может быть такой, как была в премодерне, — до секуляризации, рационализации и фрагментации: современный человек — не в состоянии, пережив модерн и следующий за ним постмодерн, подвергнуть забвению проект Просвещения, превративший его из родового существа в трансцендентального субъекта. Но этого и не требуется. Речь идет о реставрации самости, как о некоем процессе воскресения авторства, осуществляемого путем возвращения личности в традицию (блудного сына — к Отцу), но возвращения, выполненного без внешнего давления, добровольно и свободно, когда Символическое, которое представляет собой традиция, является отражением Реального (бытия) и входит в само внутренне «тело» субъектности (индивидуализированная имплицитная традиция), а метамодерный язык культуры, к практикам которого привязывается субъект, одновременно им же и создается, релевантно отражая новые явления в развитии социума. Если самость и традиция как форма выражения самости являются феноменами онтологическими, бытийными, ценностными, то становится очевидным, что возвращение к бытию из сферы чистого сознания, которое культивировал проект модерна, оступившись и перезагрузившись за счет постмодерной трангрессии бессознательного, возможно исключительно из глубины, а не из высоты. Человек, утративший Бога, но, благодаря модерну,

постигший свою субъектность (и разрушивший её), сможет вновь обрести Бога именно на самом дне субъектности: не трансцендентально, а психоаналитически, не рационально, а иррационально, когда утрата сущности указывает на само бытие такой сущности, а знание незнания перерастает в незнания подлинного знания о себе.

Если метамодерный субъект создается на базе постмодерного расколотого человека как личности структурно недостаточной, ощущающей нехватку Реального (бытия, самости, сущности) в мире цифровой ризомы, то, очевидно, что для определения семиотических и этических признаков такого нового человека нам понадобится свойственный для постмодернизма *междисциплинарный подход*, основанный на синтезе философской антропологии, структурного психоанализа, культурологии, семиотики культуры, экранной теории и т. д. В своих попытках собрать целостный образ человека будущего мы будем использовать как современные направления западной гуманитаристики, так и классические тексты русской религиозной философии, амбивалентно сочетая «левые» школы критики (постфрейдизм и неопрейдизм, постмарксизм и фрейдомарксизм, критическую теорию, структурализм и постструктурализм) с «правыми» традиционалистскими учениями, свойственными для консерватизма отечественного Логоса.

Данный жест снимает оппозицию «левого» и «правого» начал в современной мысли в пользу противостояния начал глобалистского и антиглобалистского: метамодерный субъект осознанно оппонирует миру неолиберального глобализма транснациональных элит Запада, но при этом использует отдельные достижения этого мира, изъав их из тела постмодерна и апроприировав их для репрезентации своей ценностной программы в релевантной современности живой актуальной форме. Так, отдельные черты будущей личности проступают в учениях авторов, которых условно можно отнести к экзистенциальному «постмодернизму» так называемой «второй линии» философии (А. Бадью, Ж. Лакан, К. Метц, Ж.-А. Миллер, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Ф. Лиотар, Л. Альтюссер, Ж. Делез, Ж.-П. Сартр, А. Камю, М. Хайдеггер, С. Жижек, А. Зупанчич, М. Божович, М. Доллар и многие другие). Подобные же мысли высказывают откровенно традиционные русские мыслители: Д. Дугина, А. Дугин, К. Леонтьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Соловьев, П. Флоренский, В. Зеньковский, Л. Карсавин и т. д. Парадоксальный синтез критицизма и традиционализма отражает диалектическое движение нашей мысли от критики западного глобального общества к апологии традиции, от негативной свободы к позитивной, от расшивки (модерна и постмодерна) к перепрошивке (метамодерну).

Некоторая дерзость поставленной нами *цели исследования* состоит в том, чтобы не просто теоретически обобщить уже написанное в рамках классического и альтернативного дискурса, но и выявить, исходя из наличных тенденций кризиса культуры и раскола субъектности, *глубинные сущностные черты носителя нового антропологического идеала*. Тем более, что таких людей, особенно в России, среди молодого поколения появляется всё больше, просто их сущность и нравы не исчислить статистически и социологически. О метамодерных типах

личности опосредованно свидетельствуют интерес к возрождению традиции и к участию в специальной военной операции, возникший среди молодого поколения. Для осуществления данной цели обратимся сначала к этике, ибо становится очевидным, что после кризиса принудительной постмодерной эстетики новый субъект диалектически вернется к премодерным и модерным концепциям морали, первой из которых является для нас метафизика Канта, ибо образ человека будущего мы строим, вслед за А. Зупанчич, на базе синтеза учений Канта как классика и Лакана как постклассика, в рамках сочетания позитивной (Кант) и негативной (Лакан) онтологий, отражающих вертикальный порыв метамодерного человека от негации (Ничто, зияние, пустота, Реальное) к позиции (Всё, бессмертие, полнота, Символическое). Платоновские рецепции архетипов любви и ненависти, Эроса и Танатоса, мортидо и либидо, заданы в оказавшем на нас огромное влияние дневнике Дарьи Дугиной [9], чей научный, философский и метафизический потенциал еще не исследован до конца.

Выделяя ключевые черты антропологического идеала, мы бы остановили свое внимание на двух из них. Это — *нравственная радикальность* и *новый традиционализм*. Первая отражает состояние внутреннего мира метамодерного субъекта, вторая — его отношение к миру внешнему. Начнем с нравственной радикальности. Сразу отметим, что речь не идет о политическом или социальном радикализме, приводящем к нетерпимости, экстремизму и социальным конфликтам. Радикальность как понятие здесь используется в *метафизическом смысле слова*, и мы опираемся на ее толкование в рамках *структурного психоанализа новой французской школы*, обращенной одновременно к этике, и к искусству. То есть, речь пойдет одновременно о кантианской этизации эстетики и постмодерной эстетизации этики. Радикальность в данном контексте есть этический поступок, выросший из эстетического переживания, подобно тому, как у Канта универсальная этика растет из индивидуального суждения вкуса. В то же время коррелятом нравственного здесь является прекрасное. Речь идет «радикальном разрыве» — предстоянии отдельной мужественной личности объективному историческому детерминизму, связанному с тавтологически замкнутыми друг на друге жизненными ситуациями, в равной степени порочными и деструктивными, выбор между которыми является ложным выбором. В частности, радикальный субъект отказывается выбирать между Западом и Востоком, консерватизмом и либерализмом, Левиафаном и Ризомой, снимая оппозицию реакционного и революционного процессов в современном обществе. Субъект радикального разрыва осуществляет *полный и бескомпромиссный выход* из фатальной спайки внешних обстоятельств путем *отказа от каждого из них*. Радикальный субъект есть носитель истины разрыва. Радикальный разрыв — это отказ от участия в обездушивающей символической игре означающих, апеллирующих к насилию над аутентичностью личности.

Вслед за Ф. Бэконом, репрессивные обстоятельства объективации, приводящие к потере экзистенции, мы назвали «идолами театра», связав их с заблуждениями сознания (лакановскими скриптами Воображаемого), которые невозможно логически разрешить [5]. То, что нельзя логически разрешить, следует

принудительно прервать. В ситуации современной кастрации либерального дискурса, прервать который, в силу его демагогичности и всепроникающей «жидкой» способности просачиваться во все лакуны, — невозможно, радикальный разрыв предполагает выход за пределы тавтологически замкнутых друг на друге и перегружающих друга модерна и постмодерна к чему-то принципиально иному по отношению, как к дискурсу Закона, так и к дискурсу Желания.

Разрыв принципиально не является диалектическим синтезом. Синтез — это то, что проистекает из обстоятельств, то, что неизбежно следует. В разрыве, как в Воскресении Христовом, нет никакой гегельянской неизбежности, только — *свободная воля субъекта*. Наиболее ярко идея радикального разрыва представлена в современном экзистенциальном психоанализе, возвращающемся к метафизике и, тем самым, дающем после критики пансексуализма З. Фрейда надежду на возрождение бытийных принципов культуры. Так, слияние психоанализа с немецкой трансцендентальной философией становится визиткой Люблянской школы, «Критика практического разума» Канта объявляется Лаканом настольной книгой психоаналитика, Жижек говорит об этической революции Канта как предпосылке к открытию Фрейдом бессознательного, а А. Зупанчич напрямую соединяет императив Канта с Реальным Лакана [10]. Появляется потребность выявить и обосновать нечто третье между традиционной консервативной этикой, ориентированной на дискурс Господина, и постмодерной этикой, сосредоточенной на эгоистическом протесте Раба. Мета-позиция между служением и наслаждением, Законом и Желанием, консерватизмом и либерализмом, модерном и постмодерном привела к пониманию психоанализа как этики Реального, то есть, онтологии, метафизики присутствия. Наибольшее методологическое значение для нас имеет синтез классической этики И. Канта и неклассического клиницизма Ж. Лакана.

Согласно Лакану, в интересубъективных отношениях полностью утрачивается Реальное: символ заменяет его, и Реальное становится несимволизируемым остатком (избытком), обозначенным в немецком языке словом среднего рода с большой буквы — «Вещь» (das Ding), к которому привит моральный поступок [13, с. 30]. Вещь ускользает из вынесения суждения, из мышления, из языка, она, по сути, есть ноумен — вещь в себе и для себя. В идее Вещи психоанализ возвращается к Канту, фиксируя существования бытия, независимого от сознания и непознаваемого. Вещь заключена в Большом Другом (сакральном): она — объект навеки утраченного наслаждения, несимволизируемые истоки самости, на религиозном языке — Золотой век. Так, этика психоанализа возвращается к традиционной метафизике истока. Природа вещи остается до конца не проясненной. Её статус — экстимный: она пребывает на грани между самостью и инаковостью, представляя собой исключенное внутреннее, хранимое трансцендентным опытом.

Если предположить, что категорический моральный императив Канта, в силу критики последним всех предыдущих систем общественной морали (гедонистической, прагматической, эвдемонической, циничной, альтруистической), лежит вне сферы социального как такового (вне сущего, вне Символическо-

го), это значит, что категорический моральный императив лежит вне сознания и его сценариев, порождаемых культурой, которая предоставляет означающие для наших заблуждений (идолов). Поэтому, имманентно раскрывая категорический моральный императив, то есть, следуя метафизике нравов Канта до конца, мы непосредственно выходим в *чистое событие, в бытие, в Реальное, лежащее за пределами языка*, то есть, — в невыразимое, неэкспрессивное, невысказанное, довербальное, ноумен. Реальное как ноумен есть бессознательное. Из этого следует, что моральный императив лежит не в сфере сознания, а в сфере бессознательного, в истоках субъективности личности, которые мы постигаем интуитивно и которые свидетельствует о бытии Бога. Недаром у Канта категорический императив является аргументом в пользу бытия Бога. Методологическая непротиворечивость в прочтении Канта приводит нас к психоанализу Лакана: долг как императив является желанием, но желанием особого толка, желанием, не снисходящим до наслаждения, поскольку любое наслаждение является формой выгоды и лежит в области Символического, социального, сущего. Учитывая, что желание всегда имеет личностный характер, можно охарактеризовать *долг как глубинное желание субъекта, направленное к невыразимому*. Долг не является внешней нормативной силой принуждения, но проистекает из глубинных онтологических истоков личности, лежащих гораздо «ниже» тривиальных эротических и танатологических желаний. Долг есть *последний, предельный драйв*, мужество быть, своего рода онтологическое упрямство, единственным коррелятом которого является экзистенциальный абсурд — поступить именно так, а не иначе («Я не могу по-другому»).

Радикальный субъект — это *субъект долга*, которому доступно невыразимое. Его жизнь протекает в контексте параллелизма двух нарративов: нарратива жизни (Реального), воплощениями которого являются любовь, истина и смерть, и нарратива бреда (Воображаемого и Символического), воплощениями которого являются страсть, сновидение и наслаждение. Прорыв Реального в Символическое — это расшивка, десублимация, обнажение истины бытия, подобное процедуре экзорцизма — очищения от греха и внутренних бесов. Влияние метафизики на поздний психоанализ становится всё очевиднее: Реальное предстает как амбивалентное начало, где присутствуют, как «демоны», так и «ангелы», как низменные инстинкты, так и высшие сакральные переживания. Воплощением Реального как категорического морального императива в душе субъекта, его совести и самости, является, если следовать новому психоанализу, *театральная сцена*, персонифицируемая в образе *Антигоны*, причем, в роли «сцены» как синонима поэтики может выступать и поэзия, и кино, и любой другой вид искусства.

Если уподобить театр как искусство подлинности, связанное с катарсическим очищением, нарративу жизни, то современный экран (сетевое общество глобального мультикультурного капитализма) представляет собой искусство мнимости, связанное с нарративом бреда. Театр — это аристотелевская «поэтика», которой противостоит аристотелевская же «политика», подобно тому, как друг другу противостоят художественная правда и историческая правда, правда

желания и правда факта, правдивая ложь и лживая правда. Правда факта — это симптом. Правда желания — это фантазм. Согласно золотому правилу психоанализа Лакана: истина имеет структуру вымысла, то есть, — фантазма. Политика (историческая, но лживая, правда) может отражать факты сущего, но в оптике бытия она обманывает. Поэтика (художественная правда, правдивая ложь) обманывает по букве, предлагая вымышленный сюжет, но отражает наиболее глубинные универсальные архетипические свойства бытия. В поэтическом фантазме истина представлена либо посредством исключения (метафоры, трагедии), либо посредством включения (метонимии, комедии). Метафору и метонимию отличает друг от друга степень художественной отрешенности в репрезентации (цензуре) истины. Так, в метафоре, которая в психоанализе называется «закрытый шов», Реальное скрыто за воображаемым возвышенным нарративом. В метонимии же («открытом шве») Реальное не скрыто, но переплавлено через сублимацию: оно перформативно и трансгрессивно играет роль Воображаемого посредством Символического, и образуется двойной код возвышенного и смешного. Классическая лирическая, или «скупая», поэзия (по классификации Л. Выготского) — метафорична (трагична). Постмодерная образная «щедрая» поэзия — метонимична (трагикомична) [7].

В отличие от метафоры и метонимии, в политическом симптоме Реальное (бытие, истина) полностью утрачено (кастрировано), есть только воображаемая реальность, связанная с сущим. В политике субъект обманывает или обманут. В театре правда скрывается за ложью, но при этом так или иначе доносит свой голос, сообщая зрителю о сущностных свойствах бытия. Социальный мир транслирует правду, но эта правда, голос которой искажен. В мире искусства субъект творит вокруг себя индивидуальный поэтический миф, основанный на единстве жизни и текста, на вырастании текста из жизни и внедрении текста в жизнь путем театрализации реальности под законы произведения искусства. Искусство и политика не противостоят друг другу как симптом и фантазм, но симптом и фантазм как разные по степени откровенности способы репрезентации Реального в искусстве противостоят Символическому, слишком Символическому в симптоме политическом.

В контексте кантовской философии этическим деянием полагается поступок, полностью подчиненный долженствованию, не имеющий никаких прагматических мотивов и предполагающий реализацию категорического морального императива. Речь идет о деянии по ту сторону принципа наслаждения, то есть, о Реальном по ту сторону Символического. Единственным эмоциональным коррелятом нравственного поступка является страдание. Онтологическое упрямство этического деяния позволяет полагать этот поступок самодостаточным, закрытым в себе, направленным на себя же, бескомпромиссным и потому абсурдным с точки зрения мещанской рассудочности. Высшая моральность предполагает реализацию ценностного суждения посредством воли, идущей вразрез с расчётом. Концентратом состояния абсурда в онтическом измерении является смерть как предельный интерес опыта, преодоление же смерти смертью в онто-

логии является Воскресением — становлением субъекта как Бессмертного (А. Бадью) [2, с. 82], истинной-событием рождения нового каузального ряда.

Этическое деяние по ту сторону принципа наслаждения, руководимое исключительно бескорыстием, является либо абсолютным добром, либо абсолютным злом. По имманентной логике поступка Канта противоположные полюса распятия и террора, кенозиса и суицида совпадают в структуре, как у героев романов Достоевского. Очевидно, что и в случае подвига святости, и в случае отчаянного суицидального поступка мы имеем дело с расшивкой — прорывом Реального сквозь завесу Символического. При этом «лучшим местом для смерти» — топосом выхода Реального, реализации самости, где прерывается диалектический поток символических означающих, где завершается всякая темпоральность, останавливается время и раскрывается истина, — является сцена театра. Герой умирает на сцене по-настоящему, попадаясь в «мышеловку» собственного спектакля, и этим прерывает Символическое, слишком Символическое. Актерское искусство как истина-событие означает слияние жизни и текста, поэтику травматической действительности, десублимацию, радикальный разрыв.

Согласно И. Канту, большинство людей не способны на совершение подлинного этического поступка, ограничиваясь гипотетическим императивом — осуществлением благого поступка из соображений выгоды, когда доступ в Царство Божье покупается индulgенциями любого толка [12]. Добро совершается ради славы, репутации, вознаграждения или из чувства страха перед наказанием. В сочетании с корыстью добро перестает быть добром, поскольку больше не сияет имманентным внутренним светом. Подлинное добро не имеет внешней цели. Прагматическое же обоснование добра принадлежит миру символического порядка, социуму и культуре, основанному на конформизме. Таким миром предстаёт мир обычных людей как машина желаний. Правдивость театра по сравнению с миром состоит в том, что действительность может заявить о себе, *лишь будучи удвоенной, повторенной, воспроизведенной* — не напрямую, а через метафору или метонимию. Реальное, чтобы осуществиться, должно использовать посредничество вымысла. Именно на символической ступени развития культурной формы, когда метафоризация достигает крайнего предела и язык довершает свою функцию сигнификации, обнажается сам объект-вещь (ноумен, невыразимое и невыносимое, *Das Ding*) — то изначальное, что предшествовало всякой семиотизации и противится ей, существуя независимо от нашего сознания, и то конечное, что служит предпосылкой для осуществления ценностного деяния в истории. Данная изначальность в семиотике носит название *нулевой фонемы*, или нулевой игры структуры, сочетающей синхронию и диахронию, время и пространство, динамику и статику, синтагму и парадигму, миг и вечность. Смерть как выхваченный из потока времени миг одновременно является бессмертием как началом вечности. Смерть осуществляется на сцене перед ошарашенными глазами публики, выражая метафизический разрыв с Символическим. Сцена является местом осуществления события, избытком и нехваткой одновременно. Ей нет места в структуре гегемонии: здесь рождается бессмертный субъект истины, метамодерный радикальный герой.

Классическим образцом этики Реального является *Антигона* — древнегреческая героиня, чья ослепительная красота была напрямую связана со смертью и блокировала доступ к фундаментальному ужасу. Антигона персонифицирует страдание, возникшее вследствие трения материи, пределом которой является смерть, и Абсолюта, которому приносится в жертву чувственная природа человека ради превращения его в субъект истины. Этический поступок Антигоны вызывает эстетический эффект сияющего блеска: её красота — это не внешняя красота тела, но внутреннее духовное совершенство. Место смерти Антигоны, похороненной заживо, напоминает театр — это метафорическая сцена для реализации возвышенного сияния, подмостки для самораскрытия Реального как истины-события. Метафизика надежды на явление Бога (воплощение истины) состоит в том, что на сцене предпринимается попытка показать, что Реальное опосредованно «мерцает» в Символическом: его след, как след Археписма, можно прочесть в главном тексте человечества — в нарративе долга, в императиве Сверх-Я. Долг обременяет субъекта виной за невыполненный поступок, который воспринимается одновременно как внутренний и внешний. Императив Сверх-Я задает необузданные, невыносимые цели повиновения, и следовать им составляет высшее «наслаждение без наслаждения»: наслаждаться по-настоящему, предельно, означает не потакать своим душевным слабостям, а следовать долгу. Такое «наслаждение» — главный герой на месте встречи Вещи и Сверх-Я, Реального и Символического. Это — болезненное избыточное состояние, столь ярко продемонстрированное в судьбе Дикаря из романа О. Хаксли «О, дивный, новый мир», избивавшего себя бичом и бросавшегося нагим на куст шиповника, подобно Франциску Ассизскому. В постмодерном трансгрессивном обществе, где новый закон машины предписывает желать и призывает к принудительному наслаждению, само желание не желать, желание подавлять свои желания, желание следовать моральному долгу аскезы и повиновения есть высшие проявления самости и свободы.

Антигона следует до конца своему желанию: она — не только прекрасна, но и упряма. Её желание не имеет ничего общего с мотивами рутинных желаний, связанных с объектами обладания и потребления. Её желание — бессознательное, невозможное, истинное, это — желание смерти как таковой, или, что то же самое, — это мужество быть вопреки. Верность истинному желанию (событию истины) — это верность самому состоянию верности, потому что субъект не уступает и не изменяет тому, что остается в поле его незнания. Антигона верна своей верности и не интересуется мнением других: этика истины вынуждает нас дистанцироваться от мнений. Верность событию формирует трагедию — обречение себя человеком на жертву, на подвиг добровольчества, на абсолютное следование своей аутентичности вопреки соображениям блага, удовольствия, покоя, уюта. Антигону нельзя одомашнить в консервативном ключе, представив кроткой защитницей ценностей домашнего очага. Её, однако, нельзя и политизировать в либеральном аспекте, ибо девушка эта не является активистом, борющимся за права человека против тиранического общества. Она — вакуум в символической структуре, принципиально *Иное*: в этом — её

ужасающая странность. Поступок как альтруистическое деяние, или кенотический поступок, — это подвиг добровольного самопожертвования, не предполагающий никакой компенсации со стороны символического порядка культуры. Речь идет о самодостаточном действии, самости в её предельном одиночестве как некоей тайной обреченной обращенности к сокрытому Большому Другому (Богу). Поступок является универсальным и сингулярным одновременно. Поступок порывает с парадигмой темпоральности, низводя субъекта в статичную нулевую точку: у него нет никакого «до» и никакого «после», как нет длительности в акте молитвы в Гефсиманском саду. Значение имеет лишь ноумен как цель поступка. В классических культурах поступок часто интерпретировался как юродство, «священное безумие», помешательство гения: Гамлета, Дон Кихота, Сизифа и других героев абсурда. Предпосылкой к осуществлению абсолютно нравственного поступка является философский суицид — «большой отказ» от собственных повседневных желаний, наслаждений, развлечений, фантазмов, зависимостей, предубеждений, страхов и т. д. Уметь совершить поступок — это пойти на риск и прорваться к ядру своей самости.

Осуществив анализ радикальности как совершения субъектом абсолютно нравственного поступка, направленного к Реальному, мы можем перейти ко второй черте метамодерного субъекта — его *традиционализму*. Мы назвали такой традиционализм «новым», предположив, что традицию, которая раньше понималась в категориях Символического, также можно представить так, как мы понимаем служение долгу: как Реальное, как бессознательное, как предельное желание, как событие в бытии. Поскольку ключевой частью традиционализма является патриотизм, любовь к Родине, Родина в качестве собирательного смысла родной земли также предстает именно как Реальное, а не как Символическое, как Желание, а не как Закон. Понимание *Родины как Жены или Родины как Матери* иллюстрирует заявленную нами разницу между традицией как Реальным (Жена) и традицией как Символическим (Мать). В отличие от традиционной личности, для субъекта, прошедшего скептический секулярный опыт модерна и постмодерна, традиция не является материнским пространством мифа, в которое человек инициирован с детства. Для многих людей, воспитанных в девяностых и после девяностых в России, так называемый «русский мир» — это формула личностного сопротивления западному мифу и его идолам, формула индивидуальной свободы выбора (Жена). Такими людьми традиция переживается в коннотациях личностной воли, личностной ответственности, личностной реализации, в которых нет ничего внешнего, тотального и репрессивного. Нет ничего принудительного. Речь идёт об аскетическом усилии духа в его реализации мужества быть собой, об онтологическом упрямстве Антигоны, способной на поступок вопреки.

Более того, в двадцать первом веке традиция не может восприниматься больше как внешняя патриархальная или матримониальная сила, в которую мы входим, как в некую идеологию. Все мы как люди постсовременности не можем верить традиции так, как верили, когда были её детьми: слепо, послушно и догматично. Насаждать традицию ультраконсервативными премодерными способами — значит вольно или невольно убивать ее. Монструозный tradi-

ционализм, агитирующий за традицию с выхолощенным пафосом при опоре на командно-административные методы контроля становится социальной трагедией, способом отпугивания от русского мира молодого поколения. Возвращение метамодерного субъекта к традиции — это возвращение блудного Сына к Отцу без какого-либо давления со стороны «злого» Отца, но и, что самое главное, также без какой-либо помощи со стороны «доброе» Отца. Мы должны разорвать не только с западными идолами либерализма, но и с удобным образом Родины, которая заставит, заметит, придет, спасет, поможет, наградит, защитит, прославит. Любовь к такой Родине сродни рабскому подчинению или ребяческому обольщению, в такой любви нет подлинного альтруизма, она не выходит за пределы Символического. Задача нового традиционализма — прервать дискурс, осуществить разрыв с Символическим, с любым Символическим: как с либеральным, так и с консервативным.

Метамодерная программа возвращения в традицию — это переработанная программа постструктурализма. Традиция может и должна излагаться на языке постмодерна, потому что нельзя допустить, чтобы альтернативный философский постмодерн, имеющий огромный нереализованный когнитивный потенциал, был апроприирован западными идолами политического неолиберального постмодерна. То, что глобализм дискредитировал учения Делёза, Деррида и Маркузе, еще ничего не говорит нам о самих этих учениях и тех ресурсах критики глобализма, которыми они обладают, которые релевантны современному стилю мышления и которые могут быть использованы для деконструкции неолиберальной парадигмы. Чтобы родился современный патриот России как платоновский субъект, о котором написано в дневниках Дарьи Дугиной, надо пройти две последовательных процедуры: *негативную* и *позитивную*. Негативная — это радикальный разрыв, ницшеанская «свобода от». Мы освобождаемся от символических симулякров западного мира, за которыми скрываются агрессия и ненависть, и погружаемся в Реальное. Реальное — это конструктивное начало творчества как позитивной программы преобразования, «свободы для». Теология пустоты гласит: отчуждение от сущности указывает на саму сущность. Если Бог умер, значит Он был, если Он был, значит, значит Он есть.

Зияние в структуре личности, которое концептуализировал Жак Лакан, подобно использованию пустого пространства, дыр в теле, применяемых в африканской скульптуре: оно является активной частью композиции, значимым отсутствием, или, как говорили многие русские семиотики и теоретики поэзии, человек — это беззвучный звук, который есть/нест. «To be present but not represented», — говорил Ален Бадью о вакууме, избытке в структуре [1]. Присутствовать, но не давать себя назвать. Восточные мистики прекрасно знали о благодатной природе пустоты и передали это знание русским авангардистам XX века. Расшивка — это предпосылка освобождения. Это — жест хирурга, которому предшествует долгая процедура диагностики.

Второй шаг после разрыва с идолами — это свобода для, перепрошивка субъекта, его вхождение в ту систему ценностей, в то Символическое, которое соответствует его самости. За хирургическим вспарыванием раны и удалением

опухолу следует наложение шва и помещение в зияющую дыру лекарства. Речь идёт о добровольном возвращении Сына к Отцу, патриота — к традиции, чело- века — к Богу. При этом мы помним, что Отец в новом традиционализме лишён, как коннотаций давления, так и коннотаций поощрения. Как говорил Николай Бердяев, «я воспринимаю Бога через Сына» [4, с. 321], через «обаяние беззащит- ной истины» (Б. Пастернак) [16, с. 156], то есть, через Отца, который Сам Себя распинает на кресте. Отец не только не давит на Сына и не вознаграждает его, он его даже не зовет.

Акме в становлении радикального субъекта как героя абсурда — это Бог как равнодушный Большой Другой, либеральный ироник, мертвый Отец. Строку из стихотворения Андрея Шигина «А наши не придут... Все наши — это мы», — следует читать шире, чем крик разочарования: это — задаваемая нам формула теологии отчаяния как теологии надежды. Я во аде, но я не ад. В таком субъ- екте состоит сущность эсхатологического оптимизма Константина Леонтьева и Дарьи Дугиной: сохранять веру в Победу духа над грехом в условиях абсурда и краха иллюзий. В том числе, и русских иллюзий. Переиначивая фразу Федо- ра Достоевского: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действи- тельно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставать- ся со Христом, нежели с истиной» [8, с. 96], — можно сказать: «Если с Россией мы не победим, то лучше с Россией умереть». Русская традиция превращается в долг — в категорический моральный императив, в ядро этики Реального как предельного желания.

Желание как чувственная категория имеет эстетические свойства. Эстети- ческое касается всех желаний бессознательного, включая предельные. Эффек- тивность возрождения традиционализма как механизма усиления социальных скрепов после постмодерна требует от нас, чтобы традиция стала, как и сам постмодерн, — атомарной, фрагментированной, личностной, пропущенной сквозь призму субъектности. Тогда она будет понятна современной молодежи. Индивидуализированного человека привлечет только индивидуализированная традиция, и он, будучи субъектом не этическим, а эстетическим, сначала имен- но чувственно повлечется к ней не из чувства долга, а исключительно как к но- вой форме наслаждения в плюральном ряду легитимированных удовольствий постмодерна. Эстетические предпочтения атомарного индивида также нужно учитывать при формировании новой системы коллективизма и солидарности: традиция должна быть не только глубоко личностной, но и привлекательной эстетически, не ретроградной, не пафосной, не назидательной. Последнее вовсе не значит, что традиция должна быть превращена в символический товарный знак капитализма, в туристическую диковинку, а патриотизм стать пустым брен- дом. Негативный опыт ребрендинга классики и фольклора нам уже продемон- стрировали регионализм и глоболокализм. Представляя старину в новой форме, необходимо следить за тем, чтобы средства не заслоняли цели и не превраща- лись в самодостаточные перспективы. Истина-событие может использовать тер- рор в качестве средства своего воплощения, но террор не должен превращаться в катастрофу, выхолащивая истину.

Избежать этого можно, если соблюдать выделенную Роланом Бартом в работе «Миф сегодня» структуру мифа: знак языка и знак мифа как означающее и означаемое существуют в параллельных плоскостях и никогда не конфликтуют, ибо не встречаются, как не могут встретиться стекло окна и пейзаж в глазу человека. Если человек смотрит на пейзаж за окном, он не видит стекла, если же он смотрит на стекло, он не видит пейзажа. Если традицию уподобить знаку мифа (означаемому, нарративу), а современность знаку языка (означающему, смыслу), то по закону мифологической деформации знак языка искажается, выхолащивается, опустошается и, утратив первоначальное содержание и смысл, превращается в форму, готовую принять иные смыслы. Смысл традиции вкладывается в современную форму, которая не касается его содержания. Одновременно форма и содержание связаны между собой через самый глубинный элемент мифа — архетип, или знак — тайное значение, которое на вершине пирамиды мышления роднит и современную культуру, и традиционную. Барт этого не говорил, но одновременное восприятие вниманием и окна, и пейзажа за ним возможно, если не смотреть через стекло вплотную, а отойти на некоторое расстояние и из глубины комнаты воспринять то и то одновременно как части единого целого (в состоянии остранения, трансцензуса, инсайта, мистического откровения, художественного вдохновения, озарения).

Трансцензус предполагает не мета-позицию Третьего в диалоге-конфликте традиции и современности, но выход за пределы этого взаимодействия как такового в новое измерение. Речь идет о состоянии, похожей не на реку меж берегов, а на отсутствие берегов (дзен). Это возможно при одновременной реактуализации в сознании субъекта всех ценностей, переводимых из парадигмы истории в синтагму психики, в результате чего наступает их взаимное обнуление и складываются предпосылки для нового каузального ряда. Так синтез переходит в метафизический разрыв, а разрыв дает начало другой диалектике. Всё это происходит посредством субъекта, если последний присутствует, но не представляется, бытийствует, но не дает себя назвать, оставаясь вакуумом в символической структуре и не давая оседлать себя ни одной из идеологий. Жан Бодрийяр одним из самых великопепных образов антропологии нашего века называет архетип сидящего человека, созерцающего в день забастовки пустой кран своего телевизора: он не только не принимает участие в революции, он отказывается и от реакции, выпадая из Желания и Закона, либерализма и консерватизма одновременно [6]. Образ «постороннего» А. Камю является моделью субъекта избытка как нехватки: такой человек не вмешивается не потому, что жаждет компромисса (как его жаждет Третий), а потому что одновременно вытеснен и угнетен из каждой группировки, вступившей в схватку, то есть, не приспособлен тотально. Такой человек не имеет никакой поддержки, кроме собственных внутренних сил и на сегодня представлен в доктрине феноменологии радикального субъекта.

В прикладном культурологическом аспекте реализация ценностей нового традиционализма как эстетического манифеста радикального этического субъекта предполагает популяризацию мыслей и произведений современных авторов, которые являются патриотами, исповедуют цивилизационные смыслы

России, но при этом не вписываются в нормативный канон гротескного консерватизма, формализма и выхолощенного официоза, своей уродливой формой репрезентации только отталкивающих от традиционных ценностей, способствующих увеличению числа сторонников вестернизации нашей Родины. Стратегическими задачами проекта являются действия, направленные на геополитические, национальные и ценностные приоритеты России, представленные в принципиально новой актуальной форме:

1. **Персонализация традиции** — репрезентация традиционных ценностей русского мира через творчество ярких индивидуальностей, которое не исчерпывается, например, темой СВО, но является образцом полифонии смыслов и просвещенного патриотизма вне вульгарных схем фронтальной пропаганды.

2. **Интеллектуализация традиции** — избавление от закостенелых форм археомодерна и поощрение диалога традиции с просветительским проектом, направленным на универсализм, рационализм и прогресс.

3. **Модернизация традиции** — «омоложение» традиции посредством обеспечения ее взаимодействия с актуальными научно-философскими теориями (экзистенциальный психоанализ, альтернативный постмодернизм, метамодерн) и направлениями искусства (авангард, трансавангард, рок- и рэп-музыка высокого качества, эстетический андеграунд и нонконформизм, гиперреализм и сюрреализм, поп-арт визуальные технологии, сетевая лирика и т. д.).

4. **Эстетизация традиции** — сочетание русской традиции с мировыми достижениями классического и особенно современного искусства, экзистенциальный, личностный характер которого соответствует вкусам современной молодежи и способствует переводу традиции из внешней нормативной силы принуждения во внутреннее состояние души, в архетип, в экзистенциал, в достояние субъективности. В постмодерном мире победившего эстетизма, включая индивидуацию, трансгрессию, перформативность и виртуальность, традиция также должна уметь примерять личностные, игровые, чувственные и цифровые одежды, уметь говорить на языке эпохи, владеть современной семиотикой жеста, моды, вкуса и стиля.

Реализация данных задач будет способствовать повышению количества патриотически настроенных представителей современной российской молодежи, которым будут предоставлены все привлекательные для них стилевые ресурсы брендинга, моды и эрудиции, коими обладают сегодня наши либеральные оппоненты. Запрет повышает запрещаемое в значимости, «отнятие» же и наполнение новым контентом средств обольщения, используемых оппонентом, лишает противника его силы и обаяния. Речь идет о жесте апроприации (присвоения) и о стратегии «мягкой силы», которая обеспечивает эффект эмпатии, катарсиса и задора при усвоении молодыми людьми базовых традиционных смыслов, гарантирует обеспечение устойчивого эстетического интереса к традиционным ценностям как психологической и душевной предпосылки будущего духовно-этического становления личности. Если следовать Иммануилу Канту, нравственный императив рождается из личностного суждения вкуса [11]. Пауль Тиллих считал, что богословие должно быть «отвечающим», то есть, реагировать

на запросы времени и новые языки культуры [17]. При этом «модные» ресурсы, будучи извлеченными из «тела» глобализма, лишатся своего деструктивного западного влияния и в качестве первичной системы языка, по Ролану Барту, из смысла превратятся в пустую форму [3], который мы наполним конструктивными патриотическими и нравственными значениями русского поэтического мифа.

В результате актуализации традиции и ее пропаганды в современной форме, включая стилизацию жестов контркультуры, произойдет своеобразная парадигмальная мировоззренческая *рокировка*: либерализм, отжив свое, будучи дряхлым, начнет восприниматься как формула транснациональной власти и мирового закабаления, а консерватизм, обнаружив неожиданный революционный потенциал, станет формулой новой патриотической свободы и глубинной личностной самореализации, не отягощенной чрезмерными гротескными формами нормативного чиновнического официоза. Еще Осип Мандельштам в книге «Шум времени» утверждал, что Овидий, Катулл и Пушкин — это не вчерашний день, наоборот, они еще не родились [с. 75], а Юрий Лотман говорил, что прошлое рождается в будущем и зависит от настоящего [с. 45–60]. Традиция, представленная в современной форме, при грамотном соотношении формы и содержания, цели и средства (с тем, чтобы форма как средство не вытесняла сам традиционный смысл как цель и не разъедала его, что возможно при соблюдении критической авторской дистанции и общего смыслового контекста) превратится в двойной код древности и современности, тождества и отличия, трагического и увлекательного одновременно.

Омоложение традиции — задача не из легких. Чтобы ее реализовать, необходимо наладить долгосрочную комплексную работу по распространению текстов ныне живущих авторов, которые имеют мировое и/или общероссийское значение, написаны на живом современном языке, проповедуют гуманность и человеколюбие, релевантны тенденциям развития художественного стиля, но при этом — глубоко патриотичны и традиционны, а также связаны с обстоятельствами личной жизни их создателей, степенью ее событийности и бытийной насыщенности на поприще русской политики, культуры и особенно военных действий.

Выводы. Таким образом, главными свойствами метамодерного субъекта являются *этический радикализм*, эстетическим выражением которого является эффект художественной правды как сцены, и *новый традиционализм* — репрезентация традиции в современной семиотической форме. Этический радикализм предполагает переводение категорического морального императива из области сознания в область бессознательного и репрезентация долга как предельного желания на основе синтеза учений Канта и Лакана. Новый традиционализм предполагает интерпретацию традиции в категориях внутреннего долга, категорического императива и Реального, когда служение Родине как концентрату традиции опирается исключительно на свободную волю субъекта и осуществляется вне символических означающих социума. Субъективация традиции влечет за собой ее диалог с современной личностью, в результате которого

традиции придаются черты эстетики, интеллектуальности, актуальности и современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадью А. Загадочное отношение философии и политики. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. 112 с.
2. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. М.,-СПб.: Московский философский фонд; Университетская книга, 1999. 95 с.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. С. 72–130.
4. Бердяев Н. Самопознание: Сочинения. М.: Издательство ЭКСМО-Пресс; Харьков: Издательство «Фолио», 2001. 624 с.
5. Бильченко Е. В. Идолы театра. Долгое прощание. СПб.: Алетейя, 2023. 606 с.
6. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Доброхот, 2021. 260 с.
7. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: АСТ, 2023. 480 с.
8. Достоевский Ф. М. Письма. 39. Н. Д. Фонвизиной. Конец января — 20-е числа февраля 1854. Омск // Собр. соч. в 15 тт. Т. 15. С. 95–97.
9. Дугина Д. А. Топи и выси моего сердца. Дневник. М.: Издательство АСТ, 2023. 432 с.
10. Зупанчич А. Этика реального: Кант, Лакан. СПб.: Скифия-принт, 2019. 334 с.
11. Кант И. Критика способности суждения / перевод с нем. Н. Соколова. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 448 с.
12. Кант И. Метафизика нравов. «Ты должен, значит, ты можешь». М.: Родина, 2022. 272 с.
13. Лакан Ж. Этика психоанализа (семинары: Книга VII (1959–60)). М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2006. 416 с.
14. Мандельштам О. Шум времени. — М.: Эксмо, 2023. 320 с.
15. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, Издательская группа «Прогресс», 1992. 271 с.
16. Пастернак Б. Доктор Живаго. М.: АСТ, 2022. 384 с.
17. Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 479 с.

Смирнов Анатолий Эдуардович,
аспирант Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
azxder@list.ru

ПОНЯТИЕ «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ» В КЛЮЧЕ ВООБРАЖАЕМОГО ЛАКАНА

В статье проводится детальный анализ понятия «художественный образ» и его способа мышления в отечественной теории литературы. Основным положением выступает онтологический постулат, наследуемый из теории отражения Ленина, об изоморфизме формы и содержания. Сопоставление теории отражения и стадии зеркала Лакана позволяет деконструировать литературоведческий подход к «художественному образу» как подход, ограниченный регистром Воображаемого.

Ключевые слова: Лакан, Ленин, художественный образ, теория литературы, теория отражения, стадия зеркала.

SMIRNOV A. E. THE CONCEPT OF "ARTISTIC IMAGE" IN CONTEXT OF LACAN'S IMAGINARY ORDER

The article analyzes in detail the concept of «artistic image» and its comprehension Russian literature theory. The main thesis is the statement taken from Lenin's reflection theory about isomorphism of form and content. The comparison of reflection theory and Lacan's mirror stage allows to deconstruct a literary approach to «artistic image» as an approach limited by Imaginary order.

Keywords: Lacan, Lenin, artistic image, literary theory, reflection theory, mirror stage.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ КАК ПОНЯТИЕ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Понятие «художественный образ» чрезвычайно важно для отечественной теории литературы, т. к. его содержание задает облик и логику науки о природе художественного текста. Столь ответственную роль данному понятию вменили Ю. Б. Бореев и Я. Б. Эльсберг. Подчеркивая значимость образа для литературоведения, они писали: «В теории литературы этот метод (диалектико-материалистический, — прим. автора) требует отыскания среди категорий поэтики в ряду наиболее общих понятий того основного звена, которым все определяется и из которого только и может вырасти вся диалектически гибкая и подвижная система теоретико-литературных категорий. Таким звеном является художественный образ, ибо в нем преломляются, сходятся и от него расходятся все связи, все солнечные нити той волшебной пряжи, из которой соткано художественное произведение» [13, с. 21].

КАКОВЫ КЛЮЧЕВЫЕ СВОЙСТВА ОБРАЗА?

В книге «Литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины», где собраны более двадцати словарных статей по терминам и понятиям литературоведения, Л. В. Чернец и В. А. Скиба дают следующее определение: «Художественный образ — категория эстетики, характеризующая результат осмысления автором (художником) какого-либо явления, процесса свойственными тому или иному виду искусства способами, объективированный в форме произведения как целого или его отдельных фрагментов, частей (так, литературное произведение-образ может включать в себя систему образов персонажей; скульптурная композиция, будучи целостным образом, нередко состоит из галереи пластических образов)» [2, с. 210]. Любопытно, что данное определение близко к ленинскому пониманию ощущения как субъективного образа объективного мира [7, с. 120].

Одним из главных свойств образа является его целостность и неделимость. И. К. Кузьмичев так об этом пишет: «Он (образ, — прим. автора) не только конкретен, предметен, но и неделим. Образ — это та единица искусства, которая не поддается дроблению. Она не делится на «форму» образа и «содержание» образа, как это иногда утверждается, а являет собою живую нераздельную цельность, органическое единство, первоэлемент искусства, не поддающийся расчленению даже мысленно» [9, с. 173]. В отличие от знака, для которого характерна произвольная связь между означающим и означаемым, художественный образ неделим, его смысл возможен только в определенной форме.

Второе свойство — максимальная смысловая емкость, его «неисчерпаемость»: «Художественное сознание, сочетая рассудочный (дискурсивный) и интуитивный подходы, схватывает нерасчлененность, целостность, полноту реального бытия явлений действительности и выражает его в чувственно-наглядной форме.» [2, с. 212]. В данном случае, неисчерпаемость не следует понимать, как необязательность или произвольность. Художественный образ «неисчерпаем» не потому, что представляет собой бездонный мешок, в котором находится любое количество предметов, и не потому, что «форма» потенциально может означать «все, что угодно» — классическая теория выступает категорически против субъективизма в интерпретации. Образ неисчерпаем в том же значении, в котором сама действительность, сам объективный мир предстает для человека неисчерпаемым в попытках его объяснить или понять. Как пишет П. В. Палиевский: «...Образная мысль не «подразумевает» некий дополнительный смысл, а имеет как бы некоторый дополнительный источник питания, нерастроченный центр, готовый сообщить нам знания по самым различным вопросам — вплоть до таких, о которых не думал еще никто, включая самого автора. Это значит, что ей удастся воспроизвести в пределах разума одно из замечательных свойств, присутствующих, казалось бы, только внешней, объективной природе — неисчерпаемость. Это значит, что она умеет быть почти столь же неистощимой, как и отраженный, освоенный ею предмет» [13, с. 89].

Неисчерпаемость художественного образа неразрывно связано с его третьим свойством — познавательной функцией. Если бы образ был формой отраже-

ния исключительно субъективного авторского восприятия, оторванного от объективной действительности, ценность его была бы невелика. Однако, и в этом заключается отличительная черта художественного образа, он позволяет осмыслить реальность в ее эстетической, специфически художественной форме. Данную мысль еще в 1962 г. выразил Н. К. Гей: «Отражение реальности во всех своих формах подчинено общим гносеологическим законам. Но если бы наука и искусство, а точнее, понятийное и образное мышление, были идентичны и по характеру, и по тем результатам, которые они в состоянии дать, то самостоятельное существование того и другого — явление необъяснимое и в свою очередь иррациональное. Искусство равноправная и особая форма мышления. И если эстетическое познание не может дать того, что дает паука, теория, то и понятийное познание не в состоянии заменить собой образного мышления» [13, с. 137]. Спустя около полувека, Л. В. Чернец повторит: «В контексте сравнения искусства как мышления в образах с наукой — высшей формой понятийного мышления — отчетливо просматривается разница между художественным образом и понятием... Понятийное мышление, говоря гегелевским языком, „царство закономерностей“; *мышление художественное, не игнорируя закономерности, оживляет их, „примиряет с действительностью“ и „абстракциями науки“, раскрывая истину через имитацию, создавая иллюзию чувственно воспринимаемых предметов*» [2, с. 210].

Благодаря чему художественный образ способен быть способом познания? Благодаря тому, что действительность отражается в художественном образе. Да, это особое отражение, которое не следует понимать буквально, как зеркальное отображение, но так или иначе, образ именно что «отражает», а не, допустим, «отсылает» или «символизирует» действительность. Отражение подразумевает соотнесенность двух пространств: чувственного восприятия образа и самой действительности в ее эстетическом аспекте. Т. Т. Давыдова пишет: «С точки зрения семиотики, художественный образ — также иконический знак, десигнатом которого является ценность. Так, синтаксис и слова лирических произведений действуют на читателя таким образом, что на первый план выступают моральные ценности и оценки лирического героя» [14, с. 11]. Благодаря этой соотнесенности возможен как акт творчества, когда реальность «преломляется» через призму авторского сознания, так и акт познания, когда читатель «проникает» в те аспекты действительности, которые недоступны для других форма познания.

Таким образом, гносеологическая функция художественного образа строится на том, что между действительностью и её авторским осмыслением есть некоторое подобие, сходство, которое и выступает залогом самой возможности познания. Данную посылку мы вполне можем назвать онтологической.

Чтобы понять, почему художественный образ мыслится именно в гносеологическом ключе, почему именно посылка подобия лежит в его основании, а также чтобы определить, какую меру ограничения накладывает описанное нами понимание понятия художественного образа на теоретическую мысль, необходимо проследить генезис самого понятия. С этой целью мы обратимся к те-

ории отражения В. И. Ленина, т. к. именно ее рецепция является основой для мышления художественного образа в категориях целостности, неисчерпаемости и познаваемости.

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ

Отечественная теория литературы мыслит художественный образ как форму и способ познания действительности. Данное понимание восходит к литературным разработкам 60-х годов. Теоретические работы Ю. Б. Борева, Н. К. Гея, В. В. Кожина, П. В. Палиевского, А. В. Михайлова — бессмертная классика, их идеи на долгие годы определили облик и вектор развития теории литературы. Но никого не удивит, что базисом для теоретических разработок выступает именно теория отражения В. И. Ленина.

Теорию отражения Ленин излагает в работах «Материализм и эмпириокритицизм» и в «Философских тетрадах». В них он подвергает критике различные формы идеализма и агностицизма, спорит со взглядами Э. Маха, Э. Канта, Дж. Беркли и других западных мыслителей. Ленин поднимает существенный вопрос о природе знания, о возможности научного познания мира и тех философских аксиомах\взглядах, которые могут стать либо подспорьем для научного осмысления мира, либо наоборот — препятствием. Естественно, в качестве первого он видит диалектический материализм и учение Маркса, т. к. они утверждают как наличие реального мира, независимого от субъекта, так и возможность его познания. Вторые же — это «идеалисты и агностики» — наоборот, отрицают не только возможность познания реальности, но и саму объективную реальность как таковую, редуцируя ее то к феноменологии ощущений, то к трансцендентной «вещи в себе».

Ленин настаивает на положении, что вещи существуют объективно, независимо от познающего субъекта («вещи в себе») и что они доступны человеческому познанию («вещи для нас»). Возможность познания он обосновывает тем, что человеческое восприятие являет собой субъективный образ объективной действительности. Но в чем суть этого образа? Почему восприятие — это именно образ, а не знак (иероглиф), как вслед за Гельмгольцем утверждал Плеханов?

Рассуждая о природе образного отражения, Ленин подчеркивает его диалектический характер, признавая, с одной стороны, что образ не следует понимать как буквальное зеркальное отражение или копию реального объекта в человеческом восприятии, а с другой стороны, что восприятие является именно образным подобием вещи, т. е. имеет меру сходства одного и другого. «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc., каковые понятия, законы... охватывают условно, приблизительно универсальную закономерность вечно движущейся и развивающейся природы» [8, с. 163]. Стоит отметить, что понятия «образ» и «отражение» Ленин постепенно расширяет, применяя их не только к восприятию в его психофизиологическом ключе, но также к мышлению и материи как таковой, подчеркивая, что «...вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения» [7, с. 91].

Под отражением Ленин понимает способность материи в целом и человеческого мышления в частности воспроизводить определённую других материальных форм посредством изменения собственной определённости при взаимодействии с ними. При этом, сам характер изменения обладает подобием, сходством между одним элементом и другим, т. е. между образом объекта в сознании и самим объектом. Выражаясь современным языком, Ленин настаивает на изоморфизме образа и действительности: поскольку познание образа («вещи для нас») позволяет делать выводы о действительности («вещи в себе»), это означает, что отсутствует принципиальная, непроходимая граница между одним и другим. Так, в рамках теории отражения, понятия «образ» и «отражения» выступают базовыми гносеологическими категориями, а подобие — их онтологическим условием.

Поскольку сходство как ключевое условие отражения выступает принципиальным онтологическим утверждением, Ленин выступает категорически против Плеханова, несмотря на то что последний нигде не отрицает ни объективность реального мира, ни его познаваемость. Единственное отличие в том, что Плеханов придерживается «теории иероглифов», указывая, что пусть восприятие и есть «образ» внешнего мира, между ними нет никакого подобия, хотя и есть возможность установить однозначное «соответствие»: «Наши ощущения — это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения то, что происходит в действительности. Иероглифы не похожи на те события, которые ими передаются. Но они могут совершенно верно передавать как самые события, так — и это главное — и те отношения, которые между ними существуют» [12].

ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ленин задает изначальное противопоставление мира на «вещи в себе» и на чувственное восприятие, доступное сознанию («вещи для нас»). В отличие от Канта, который настаивает на принципиальной непознаваемости «вещи в себе», Ленин утверждает обратное: «вещи в себе» и «чувственно данное» не разделены друг от друга непреодолимой преградой, а значит, принципиальной разницы между ними нет. Утверждать подобное ему как раз и позволяет описанная нами онтологическая посылка. Не представляет труда увидеть, что «вещи в себе» для Ленина не что иное, как простое означаемое, в то время как «чувственно данное» — означающее. Он настаивает на изоморфизме, т. е. на подобии означающего означаемому, мотивируя это подобие базовым свойством материи к отражению. Всяческие попытки подвергнуть само «подобие» сомнению Ленин упрекает в отступлении от материалистической позиции и приближению к кантианству: «Бесспорно, что изображение никогда не может всецело сравняться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, условный знак. Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность (выделено мной, — прим. автора) того, что «отображается». «Условный знак», символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма» [7, с. 248]. Именно эту «уступку Канту» и будут вменять в вину Плеханову последователи Ленина [9].

Если брать ленинский аргумент против Плеханова на уровне содержания, то суть спора окажется совершенно непонятна, ведь утверждение, что «символ вносит ненужный элемент агностицизма» — сугубо спекулятивное. Но суть претензии можно раскрыть, если рассмотреть спор с Плехановым в психоаналитическом ключе.

Как уже говорилось, Плеханов не отрицает ни объективной реальности, ни ее познаваемости. В этом смысле, он полностью повторяет базовые гносеологические тезисы Ленина, нигде им не противореча. За исключением одного момента, понять который вне семиотики — невозможно. Плеханов исходит из так называемой «теории иероглифов» — вольной трактовки теории восприятия Гельмгольца. Он утверждает, что между чувственным восприятием реальности и самой реальностью есть определенное «соответствие», что восприятие мотивировано реальностью, оно «отсылает» (указывает) на реальность, но при этом, сама мотивировка подобием не является.

Сам того не подозревая, Плеханов говорит о следе. След, безусловно, отсылает, указывает на то, что след оставило, однако, нисколько на него не похож. Если применить терминологию Ч. Пирса, то разница во взглядах следующая: Ленин настаивает на изоморфном отношении между означаемым (действительностью) и означающим (образом восприятия). Такое отношение, по Ч. Пирсу, характерно для иконических знаков, у которых между означающим и означаемым есть сходство, которое и мотивирует само означивание. Плеханов же настаивает на том, что реальность не отражается, но оставляет в восприятии некоторый след, который на саму реальность не похож, но имеет с ним некую каузальную связность. Между реальностью и ее следом есть некоторое каузальное соответствие, но оно не столь сильное, как подобие. Такое отношение между означающим и означаемым Пирс называет индексами [11]. Вот против этого Ленин как раз и выступает. Но почему?

Подчеркнем: подобие, по Ленину, есть условие самой возможности отражения, это онтологический залог, который утверждает материальное единство мира и его познания. Вот почему он расширяет данное понятие не только на сферу «чувственного восприятия», но и на всякую материю в целом. Конечно, Ленин не отрицает существование знаков, математических моделей или символов, которые не являются «образами», но, так или иначе, смысловое содержание этих моделей и символов возможно только при условии первичного, «онтологического» подобия, выступающего гарантом существования объективной реальности.

Но если же в основу мышления и восприятия, как предлагает Плеханов, положить фигуру «соответствия», то вся модель Ленина рухнет — в ней появится непреодолимый разрыв, расщепление не только между тем, что «познано» и тем что еще «не познано», но разрыв в самой материи как таковой; разрыв, где образ уже не отсылает через подобие к существующей действительности, но является следом, указующим в сторону того, что этот след оставило, но чего уже нет.

Парадоксально, как Ленин, выступая против идеалистов и защищая позицию диалектического материализма, воспроизводит дискурс метафизики присутствия [3]. Подобие ему необходимо, чтобы во что бы то ни стало удержать

«присутствие» реальности. Вот почему знак/символ в целом и след/иероглиф в частности так опасны — сама природа означивания есть суть указание на то, что отсутствует; сам след и есть репрезентация отсутствия как такового. «Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие «ни-какого сходства» с ними, то подвергается некоторому сомнению существование внешних предметов, ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам...» [7, с. 185].

Таким образом, предвзятость Ленина к мысли Плеханова есть проявление тревоги в ее психоаналитическом смысле. Ленин, сам того не зная, высказал истинное положение вещей, но не на уровне содержания, но на уровне акта высказывания, буквально «на теле своего текста», там, где высказал тревогу по поводу мысли Плеханова. Истина ситуации же заключается в том, что знак/след — явление принципиально иного характера, для которого оппозиция материализма и идеализма не является корректной; знак не является естественным (природным) или же неестественным (искусственным), но буквально — противоестественным. В ключе этого показателен оговорка, высказанная в одном из выпусков журнала «Революция и культура»: «Плеханов не понял критики его ошибки Лениным и отнесся к этой критике раздраженно-иронически и даже поставил за одну скобку идеалистов и... Ленина» [9]. В этой мысли психоаналитик увидит проекцию, в форме которой выдает себя истина того, что Ленин (в ракурсе метафизики присутствия) таки является идеалистом.

ЛАКАНОВСКАЯ «ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ»

Спор Ленина и Плеханова, разоблачение позиции Ленина как метафизической так бы и остались в границах истории философии, если бы не ряд структурных последствий, которые позиция Ленина за собой влечет. Для их вскрытия мы вновь обратимся к теории отражения, но уже Лакана.

Стадия зеркала — модель образования эго (Я) человека посредством идентификации эго с собственным зеркальным отражением. В период между шестью и восемнадцатью месяцами, когда ребенку еще недостает моторной координации, зеркальное отражение предлагает ему заверченный и целостный образ, предвосхищающий будущее овладение собственным телом. Лакан пишет: «Вот на чем я настаиваю в моей теории стадии зеркала: один лишь вид целостной формы человеческого тела дает субъекту воображаемое господство над его собственным телом — господство преждевременное по отношению к реальному овладению» [5, с. 107].

Посредством идентификации с зеркальным образом, ребенок конституирует собственное «Я», как бы собирая воедино разрозненные фрагменты своего тела. Однако, Лакан отмечает иллюзорный характер отражения, поскольку последнее, во-первых, обманывает субъекта, демонстрируя наличие объекта в другом месте: там, где субъект видит свое эго, никакого «Я» на самом деле нет. А во-вторых, сам обман конституируется символическим измерением или же проще — структурой: чтобы «оптический обман» состоялся, субъекту необходимо занять надлежащее расположение. Следствием этих аспектов является

отчуждение: узнавая себя в отражении, признавая «двойника» за самого себя, субъект ошибается.

Для Лакана стадия зеркала выступает не просто «историческим периодом» в жизни ребенка, но фундаментальным опытом отчуждения субъекта от самого себя и установлением порядка воображаемого: «Это и есть тот первичный опыт видения себя, где человек в отражении осознает себя иным, чем он есть, где закладывается основное человеческое измерение, структурирующее всю его фантазматическую жизнь» [5, с. 107].

Психоаналитическая разработка стадии зеркала нам интересна своей эвристической ценностью. Как позже заметит Лакан, стадия зеркала является прототипом любых дуальных отношений, а значит, мы можем воспользоваться ею для деконструкции теории отражения Ленина.

В чем же разница между ними?

При первом приближении можно обнаружить, что, несмотря на все теоретические различия, оба мыслителя прибегают к «зеркальной» метафоре, указывая понятия «образ», «отражение» и «подобие» в качестве фундаментальных категорий, структурирующих опыт и познание. Как и Ленин, Лакан задает оппозицию: действительный субъект (объективный мир у Ленина) противопоставлен своему зеркальному отражению (образ у Ленина). Между первым и вторым устанавливаются эквивалентные (изоморфные) отношения: субъект видит отражение и признает его за самого себя, точно так же, как по Ленину человек воспринимает образ, в котором распознает объективный мир.

Отметим, что Лакан, как и Ленин, указывает, что отражение не следует понимать сугубо в оптическом ключе. Виртуальной зеркальной поверхностью для субъекта в первую очередь выступает другой человек (см. другой у Лакана), его речь и поведение. Они «отражают» субъекта ничуть ни хуже, чем зеркало: в их реакциях первый опознает себя также, как и ребенок — в отражении.

Принципиальным моментом выступает лакановское разоблачение фигуры подобия. Зеркальное подобие скрывает как факт обмана, поскольку отражение создает видимость объекта там, где объекта нет (ср. это с ленинской тревогой по поводу знака, который может отсылать к отсутствующим вещам), так и ту структуру, которая делает обман возможным. По этой причине Лакан проводит феномены подобия, гармонии, целостности, синтеза, автономии, двойничества и т. д. по инстанции Воображаемого, т. е. схватывая их в образах не позволяет проникнуть в сущность данных явление. Справедливо и обратное, для строгого продумывания психоаналитических понятий Лакан обращается к математике, топологии и предельной абстракции, т. е. — к регистру Символического.

Но если сама фигура подобия и образа как отражения принадлежит регистру Воображаемого, если она есть суть иллюзия и обман, то какие аспекты реальности оказываются отчуждены ленинской теорией отражения и отечественным литературоведением? Для ответа мы вновь обратимся к семиотике.

Введение регистров Воображаемого и Символического необходимо Лакану для описания природы субъекта и проведения ряда принципиальных различий:

между языком и речью, между актом и содержанием высказывания, между полной и пустой речью и др.

Мы же рассмотрим лишь одно из них.

Лакан проводит различие между коммуникацией животных, которую он располагает в регистре Воображаемого, и коммуникацией человека, располагающей в регистре Символического. Отталкиваясь от типологии знаков Ч. Пирса, Лакан показывает, что в основании коммуникации животных лежат индексы, для которых характерна каузальная связь между означающим и означаемым, отчего саму систему корректней называть «кодом», а не «языком». Язык же структурирован означающим, которое не имеет мотивированной связи с означаемым. Поскольку в основе кодов лежат индексы, они лишены существенных особенностей человеческого языка: двусмысленности и неопределенности. Справедливо и обратное: поскольку язык структурирован означающим, речь субъекта по определению избыточна и способна к порождению уловок.

Проведенное различие Лакан переносит и на различие между психологией и психоанализом. По его мысли, психология, строящаяся на логике соответствия поведения его причинам, ограничена полем этологии: «Мы проявим куда большую дальновидность, сказав, что психология, если присмотреться к ней повнимательней, это этологическая дисциплина, рассматривающая взятое в целом поведение индивида, в биологическом смысле, в его отношениях с естественным окружением» [6, с. 17]. Конечно, биологическое начало в субъекте безусловно присутствует, поэтому это не означает, что психология ничего не может сказать о нем: психология сводится к общим законам поведения, которые могут применяться ко всем животным, включая человека. Но в том то и дело, что, игнорируя регистр Символического, психология, по мнению Лакана, не может сказать о человеке ничего специфически человеческого.

Данное положение, на наш взгляд, справедливо и для теории литературы. Помещая в свой фокус внимания понятие «художественный образ» и продолжая его мыслить в терминах подобия и сходства, литературоведение оказывается ограниченным регистром Воображаемого.

ВЫВОД

Теория отражения, как и любая мысль, в основании которой лежит фигура подобия (будь то понятие адаптация в психологии как соответствие поведения человека окружающей среде, или понятие художественного образа как соответствие формы содержанию), принадлежит регистру Воображаемого. Это означает, что те специфические аспекты человеческого бытия, которые обнаруживают себя в разрывах речи субъекта — избыточность, двойственность, противоречивость и т. д., оказываются недоступными для мышления. Для работы с последними необходимо учитывать регистр Символического.

В силу того, что литературоведение наследует ленинскую теорию, оно также оказывается ограниченным в мышлении художественного образа. Настаивая на его принципиальной целостности, неделимости, литературная мысль двигается в поле мнимых идентификаций и обманчивых явлений. Следствием этого

является, во-первых, отчуждение самого объекта исследования от научной дисциплины: теория литературы имеет дело не с реальным художественным образом, т. е. «вещью в себе», но с идеализированной моделью в своем теоретическом сознании, «вещью для нас», которую и принимает за саму действительность. А во-вторых, совершенно не развит теоретический аппарат, способный учитывать регистр Символического при разработке понятия «художественный образ».

В завершении отметим, что лакановский понятийный аппарат открывает большие возможности для освоения литературоведением новых теоретических областей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будагов Р. А. «Материализм и эмпириокритицизм» и советское языкознание // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1949. № 6. С. 509–521.
2. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. М.: Издательство «Высшая школа», 2000. 368 с.
3. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Издательство «Ad Marginem», 2000. 520 с.
4. Кузьмичев И. К. Введение в общее литературоведение XXI века: Лекции. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н. Н. Лобачевского, 2001. 324 с.
5. Лакан Ж. Л. Работы Фрейда по технике психоанализа. М.: Издательство “Гнозис”, Издательство “Логос”, 2009. 432 с.
6. Лакан Ж. Л. Психозы. М.: Издательство “Гнозис”, Издательство “Логос”, 2014. 432 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. Изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1968.
8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 29. Философские тетради. Изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1973.
9. Ленинская критика теории иероглифов // Революция и культура. 1930. № 21–22. С. 24–31.
10. Панфилов Е. Д. Против реакционной методологии современного структурализма // Ученые записки 1-го Ленинградского педагогического института иностранных языков. Новая серия. 1954. № 1. С. 246–258.
11. Пирс Ч. С. Что такое знак? // Вестник томского государственного университета. 2009. Философия. Социология. Политология № 3 (7).
12. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956.
13. Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер. М.: Издательство академии наук СССР, 1962.
14. Теория литературы: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. 228 с.

Холод Сергей Владимирович,
магистрант Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
xolod.sergei.2002@mail.ru

ИСТОРИОСОФИЯ ОПТИМИЗМА МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА В «СЛОВЕ О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ»

В статье рассматривается историософское содержание текста митрополита Илариона «Слово о Законе и Благодати». Учитывая дискуссионный характер существования древнерусской философии и русской философии в целом до XVIII–XIX вв., делается попытка выявить предполагаемые истоки той традиции осмысления истории и роли России и русского народа в ней, которая позже будет развита и в теологической концепции «Москва — Третий Рим», и в русском мессианизме, и в др. политико-исторических и историософских теориях русской мысли. В конечном счёте, философия истории и её истоки имеют значение и для осмысления роли современной России и её народа в историческом процессе и актуальной геополитической ситуации.

Ключевые слова: историософия, Закон, Благодать, оптимизм.

KHOLOD S. V. *THE HISTORIOSOPHY OF OPTIMISM OF METROPOLITAN HILARION* *IN «WORD ON LAW AND GRACE»*

The article examines the historiographical content of the text by Metropolitan Hilarion “Word on Law and Grace.” Considering the contentious nature of the existence of ancient Russian philosophy and Russian philosophy in general until the 18th–19th centuries, an attempt is made to identify the presumed origins of the tradition of understanding history and the role of Russia and the Russian people within it, which will later be developed in the theological concept of “Moscow — the Third Rome,” Russian messianism, and other political-historical and historiographical theories of Russian thought. Ultimately, the philosophy of history and its origins are significant for understanding the role of contemporary Russia and its people in the historical process and the current geopolitical situation.

Keywords: historiography, Law, Grace, optimism.

Обращаясь к истории философской мысли в России, мы можем увидеть её истоки ещё во времена Древней Руси. Конечно, вопрос о русской философии до XIX века является дискуссионным и превалирует позиция, что если философия и была, то имплицитно, в скрытом за искусством, политическими и правовыми текстами виде. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, написанное в XI веке, мы как раз можем отнести к этой предфилософии, к истокам русской мысли в целом и истории философии в частности. Вилен Болеславович Горский пишет о митрополите Иларионе как о зачинателе «традиции осмысления истории в отечественной культуре» [1, с. 65]. И действительно, сам Иларион был ярким культурным и церковным деятелем своего времени, был одним

из «Ярославовых книжников». Его литературный стиль показывает высокий уровень письменной культуры и риторики Киевской Руси раннего периода её расцвета — правления Ярослава Мудрого. Литературный талант митрополита разбирает в своей статье «Умное слово в «Слове» Илариона Киевского» Владимир Колесов: «взрывчатая сила этого небольшого текста настолько значительна, что способна смести иные скороспелые теории об «отсталости» наших предков» [2, с. 95]. Возможно, именно времена стремительного роста и благополучия Руси повлияли на оптимистический взгляд Илариона на исторический процесс и роль русского народа в нём. «Историософия оптимизма» — термин, разработанный В. В. Мильковым для обозначения одной из двух линий в русской философии истории, связанной с оптимистическим характером истолкования исторических событий и видения будущего, в противовес пессимистической философии истории, связывающей национальные бедствия с «теорией казней божиих».

Анализ текста мы начнём с рассмотрения структуры текста. В этом мы будем опираться на Дмитрия Сергеевича Лихачёва, который писал об условном делении «Слова» на три смысловые части: мировая история, история русского народа и история княжеского рода, прославление одного в лице Владимира и Ярослава. Именно по таким этапам мы и пойдём, следуя за иларионовской мыслью от общего к частному.

Иларион мировую историю рассматривает через три категории — «идольский мрак», Закон и Благодать, образ которых он взял из послания апостола Павла к галатам: «Не отвергаю благодати Божией; а если законом оправдание, то Христос напрасно умер» (Гал. 2:21) [1, с. 68]. «Идольский мрак» [6, с. 14] и Закон выступают как предшествующее Благодати состояния. История как бы идёт по пути от старого к новому: «Ветхое минует, и новое вам возвещаю» — обращается Иларион к пророку Исае [6, с. 174]. Такое прямолинейное течение истории характерно для христианской историософии как понимания истории от сотворения и грехопадения до Судного дня и Спасения, однако у Илариона оно обретает явно сугубо оптимистический характер — история неуклонно идёт от «мрака» к свету, к спасению через распространение Благодати.

Теперь же нужно более подробно разобрать сами понятия «идольского мрака», Закона и Благодати. «Идольский мрак» — это языческое прошлое и настоящее некоторых народов, эпоха тьмы и заблуждения в отсутствие света христианства («суета идольской лжи», «тьма бесслужения», цитируя Илариона). Что важно, эта эпоха все же является частью истории народов для Илариона, что идёт вразрез с традиционной позицией христианства, как пишет Владимир Владимирович Мильков: «Дохристианская история мыслится лишь в библейском плане как предыстория. Поэтому, а также по ряду других вопросов позиция Илариона расходится с традиционной христианской» [4, с. 116]. Для Илариона «настоящее — это итог прошлого, с которым сохраняются прочные кровные связи» [4, с. 121], поэтому он не забывает, например, языческих князей, а славит их за то, что они обеспечили Руси нынешнюю силу и могущество: «Дед Владимира — язычник «старый Игорь», отец Владимира — язычник «славный Святослав» превозносятся как великие отечественные герои [1, с. 72]. Иларион

как бы мирит языческое прошлое и христианское настоящее, избегает разделения истории народа и отречения от своих корней. «Идолский мрак» предстаёт подобием детской наивности, малознания народа, что положительно отличает его уже от Закона.

Закон — эпоха Ветхого завета, некое приготовление к христианству, частичная истина, которая, в христианской традиции, после пришествия Христа предстаёт в более мрачном свете как намеренное непринятие Бога, волевой отказ от его Благодати, чего нельзя вменить язычникам — Благодать чисто географически ещё не пришла к ним, в отличие от иудеев, которые от неё отказались по своему выбору. Иларион представляет Закон и Благодать в виде образа Агари и Саары, следуя апостолу Павлу. Первая — рабыня Саары, родившая Аврааму первенца Исмаила, раба от рабыни. Вторая — свободная, родившая Аврааму Исаака, свободного от свободной, который, будучи вторым сыном, перенял первенство у Исмаила. «Прежде Закон, потом она, Благодать. Прежде лишь тень, потом — истина» [6, с. 64–65] — пишет Иларион.

Однако, каково соотношение Закона и язычества? В коллективной статье Кормин, Любимова и Пилюгин пишут, что в «Слове» «происходит «игра» со всеми тремя членами ранее введённых оппозиций: закон — язычество — благодать, в результате которой закон получает характеристики, ранее относившиеся к язычеству, «идольской лести»: «мраку» язычества уподоблена «темнота» закона. Таким образом, трехчленность здесь снова стягивается к оппозиции «закон — благодать», но уже несколько иначе осмысленной: благодати противопоставлены и язычество, и закон» [3, с. 129]. Кажется странным, что Закон и язычество стоят будто на одном уровне, однако, общий их смысл в том, что они — предшествующий христианству этап жизни народов, время без света истины, по мнению Илариона, «тьма». Для иудеев такое время выражается в эпохе Закона, для других народов — в язычестве. Вырисовывается двухчастная схема исторического развития: Закон и язычество с одной стороны и Благодать с другой. Иудаизм и язычество представляются равными в том смысле, что оба для Илариона выражают заблуждения народов в отсутствии истинной веры.

Стоит при этом отметить, Иларион все же устанавливает некоторое преимущество языческим народам, т. к. иудеи, народ Закона, по мнению митрополита, добровольно отказались от Благодати, даже будучи прямыми свидетелями явления Спасителя и обладателями статуса богоизбранного народа. В том и состоит ценность обращённого язычника, в рамках концепции Илариона, что он, не имея той же подготовки к пришествию Христа, что иудеи, в рамках религии Ветхого завета, не видя непосредственно чудеса и славу Иисуса Христа, принимает Благодать. В каком-то смысле, тут отражается евангельский мотив ценности той веры, что не требует доказательств и проявлений божественной мощи. Поэтому, мы можем говорить, что Иларион ставит бывшие языческие и ныне христианские народы в более высокое положение. Они, как Исаак, забирают своё первенство у Исмаила, который пусть и был до них, но лишь они, следуя метафоре митрополита, рождены от свободной Саары свободными. В этом проявляется один из бликов оптимизма в историософии Илариона — христианские народы

ждёт такая же слава и попечительство Бога, которые когда-то были даны Израилю, теперь «новые народы» являются богоизбранными, причём они равны между собой в этом.

Исторический процесс таким образом предстаёт как постепенное и, что важно, необратимое распространение Благодати среди народов. Они приобщаются к истине с распространением христианства на земле: «спасение благо и щедро простирается на все края земные» [6, с. 155]. Принятие христианства считается Иларионом признаком зрелости народа и постепенное его распространение предполагает, что однажды все народы обретут спасительное учение, что порождает оптимистическое чувство не только для уже спасшихся народов, принявших Новый завет, но и для всего человечества. Тут же прослеживается некий оптимистический детерминизм, ведь Бог как бы предопределяет спасение народов. Благодать, плавно распространяясь, уже заранее включает в себя народы, которые обратятся и обретут спасение.

В таком виде ход истории несёт провиденциальный характер: «Движение истории мыслится предзаданным богом. Отсюда характерное выражение Илариона о «памяти будоущая жизни» [1, с. 68], то бишь, история исполняет пророчества, данные Богом людям. Бог как минимум направляет народы к спасению, но как? Важно рассмотреть, каким собственно Он предстаёт в «Слове» и соответственно, как действует в мире. Иларион не разделял образ грозного карающего ветхозаветного Бога, о который абсолютизируется в теории казней божиих. Для него Бог не карающий, а милующий. Он добр, терпелив к грешникам, человеколюбив и милосерден. Он покровительствует людям, чем-то напоминая языческих-богов покровителей, по мнению В. В. Милькова, и прощает их, ибо, как считал Иларион, новообращённые язычники не смогут полностью соответствовать образу благочестивого христианина, поэтому их не самое правоверное поведение Господь может простить, что и свойственно Богу милующему. Бог не действует карой, он терпеливо ждёт, пока народы взойдут к подножью его трона, приняв истинную веру. По крайней мере, именно такой образ вырисовывает Иларион, намеренно не поднимая тему божественного «батога».

Христианский оптимизм Илариона и состоит как раз в том, что он мало обращается к теме наказаний за грехи, стоя на той точке зрения, что человек всегда может получить помилование и не подвергнуться божьему «батогу», каре в этой жизни и следующей. В противовес теории казней божиих, Иларион не признает, что общая безнравственность или маловерие общества служат основанием для божественного наказания. Он даже опускает моменты из Библии, в коих говорится о карающей длани Господа. Митрополит заходит в своих речах до того, что, полагаясь на божественный провиденциализм, как бы перекладывает вину за проступки на провидение Бога и просит его, чтоб не наказывал в лишний раз верующих в Него, ибо они могут из-за этого отпасть от веры, что всяко страшнее и во избежание подобного стоит в лишний раз не карать человека.

Обрисовывая мировой исторический процесс, Иларион вписывает в него и русский народ в качестве перешедшего в семью «новых» народов в следствие распространения той самой Благодати. Христианские народы равны между

собой и имеют оптимистическое будущее через полученную Благодать. Однако, равенство, данное единой верой, не устраняет «неравенство исторического плана» [5, с. 105]. Поэтому, Иларион пытается уравнивать «молодой народ» Руси, имеющий языческое прошлое, с ведущими христианскими народами Европы, прежде всего Византией, которая любила видеть в новообращённых странах свои «религиозные колонии». Он опирается на то, что, как было сказано выше, христианские народы и так равны в получении Благодати, а также, вспоминая судьбу иудейского народа, притязавшего на первенство, выражает некоторые антивизантийские настроения и стремление уравнивать свой народ, как и другие «молодые», с высококультурными державами на подобие Византии и стран, взшедшими на останках Римской империи.

Что интересно, Иларион приписывает влиянию Благодати и успехи в дохристианском этапе истории, тем самым косвенно оправдывая языческое прошлое русского народа, как и всех прочих народов. Князья-язычники подготовили страну для принятия христианства, вели успешные войны с горделивой Византией, как бы и оружием уравнивая Киев и Константинополь. Таким образом, выступая опорой для будущего крещения князем Владимиром, «слава прошедших лет, соединённая с величием современных Илариону дней, внушает надежду и уверенность на новые достижения» [5, с. 107].

«Представляется, что оптимистическое мироощущение было порождено, по крайней мере, двумя обстоятельствами — действительными успехами страны и осмыслением перемен, причины которых религиозно ориентированное сознание могло усматривать не столько в реальных факторах, сколько в детерминированности силами мистического порядка. Так могла родиться идея о связи достигнутых страной успехов с её христианизацией» [6, с. 118]. Поэтому, принятие христианства представляется важнейшим событием в истории русского народа, давшее ему, во-первых, спасение и истину, во-вторых, приумножившее его могущество и славу, в-третьих, обеспечившее успехи и в будущем.

Наконец переходим к завершающей части «Слова» — Похвале князя Владимира. Можно рассматривать эту часть речи с точки зрения политической, но мы постараемся вывести более отвлечённый образ князя. «Похвалим же и мы, по силе нашей, малыми похвалами великое и дивное сотворившего нашего учителя и наставника великого государя (кагана) нашей земли Владимира» [6, с. 520].

Владимир как светский правитель силен и могуч, но его наибольшая слава обретается через крещение Руси, в котором, опять же, его светские заслуги приумножаются. Что важно, во-первых, Владимир принял крещение добровольно, не вынужденный, например, греками, а во-вторых, опираясь на свой разум и мудрость. «Величие Владимира, прежде всего, по мнению Илариона, в том, что разум его «выше разума земных мудрецов» [1, с. 74]. Сильный и мудрый правитель кроме чисто политических успехов совершил ещё и религиозный подвиг — крестил русскую землю, тем самым даровав спасение своему народу. Все его достижения подводят к необходимости канонизации: «он уверовал в Христа, не видя его, он неустанно творил милостыню; он очистил свои прежние грехи

этой милостыней; он крестил Русь — славный и сильный народ — и тем самым равен Константину, крестившему греков» [6, с. 48].

Поэтому, образ князя, который обрисовывает в своей речи митрополит, во многом отражает представление о христианском правителе и закладывает этот образ в русскую культуру. Благочестивый правитель для христиан — гарант успехов для державы. Владимир во многом своим праведным поведением обеспечил достижения своей стране. Гораздо позже образ идеального правителя сопутствовал, например, Дмитрию Донскому в связи с его триумфом на Куликовском поле: «Ратные успехи и политический авторитет того или иного князя объяснялись тем, что Бог прославляет достойных» [5, с. 92]. Можно сделать предположение, что Похвала Владимиру — исток той идеи, которая в конечном счёте трансформировалась в идею о самодержце, о православном царе. Здесь мы снова находим причину, по которой стоит изучать древнерусскую мысль — мы можем увидеть самые истоки тех или иных идеологем, которые сложились спустя столетия в русской культуре и социально-политической жизни. Например, мы можем попытаться найти связь историософии Илариона с концепцией «Третьего Рима» или русским мессианизмом, однако, эта тема выходит за рамки доклада.

Заканчивая рассмотрение «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, мы должны снова отметить, во-первых, что в каждой части текста мы можем вывести оптимистические представления об истории, которые мы и называем историософией оптимизма; во-вторых, в «Слове» представляется возможным найти истоки дальнейших представлений об историческом процессе и роли России и русского народ в нем, что сегодня кажется актуальным в связи с поиском новых идеологических основ российского общества и попытками понять роль современной России относительно её предыдущих итераций — Киевской Руси, Московского царства, Российской империи и Советского союза. «Слово о Законе и Благодати» даёт нам возможность проявить историческую связь Древней Руси и современной России, попытаться найти их духовно-ценностное созвучие, понять, что нынешняя российская культура может наследовать или фактически наследует от древнерусской и, таким образом, помочь прояснить «кто мы, откуда и куда идём?».

ЛИТЕРАТУРА

1. Горский В. С. Образ истории в «Слове о законе и благодати» // Альманах библиофила. 1989. Выпуск 26. 256 с.
2. Колесов В. В. Умное слово в «Слове» Илариона Киевского // Альманах библиофила. 1989. Выпуск 26. 256 с.
3. Кормин Н. А., Любимова Т. Б., Пилюгина Н. А. Характер философского мышления Илариона в «Слове о законе и благодати» // Альманах библиофила. 1989. Выпуск 26. 256 с.
4. Мильков В. В. «Слово» Илариона и теория «казней божиих» // Альманах библиофила. 1989. Выпуск 26. 256 с.
5. Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. М.: ИНФРАН, 1997. 197 с.
6. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати. пер. В. Я. Дерягина. Отв. Ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 176 с.

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОСТИ И ТЕЛЕСНОСТИ В ФИЛОСОФИИ Ж. -П. САРТРА

Данная работа посвящена значимой для философии XX столетия проблеме телесности и специфике отношения с «Я». Данная проблема выступала вопросом для осмысления различных влиятельных в современной философии мыслителей. В рамках данной статьи предполагается обращение к ее анализу Ж.-П. Сартром в силу оригинальности и дискуссионности его положений.

Ключевые слова: телесность, «Я», фактичность, чувство, проект.

ARTENI N. A. *THE PROBLEM OF SUBJECTIVITY AND CORPOREALITY IN THE PHILOSOPHY OF J.-P. SARTRE*

This work is devoted to the problem of physicality, which is significant for the philosophy of the twentieth century, and the specifics of the relationship with the Self. This problem has been a question for understanding various influential thinkers in modern philosophy. Within the framework of this article, it is intended to refer to its analysis by J.-P. Sartre due to the originality and controversial nature of his provisions.

Keywords: physicality, Self, facticity, feeling, project.

Сартр открывает эту тему через критику психологического феномена ощущения. Для Сартра принципиальный момент является и то, дано ли нам наше тело бытием-в-себе или же оно предстает нам как бытие-для-себя, поскольку это вопрос свободы, важнейший для его основного труда «Бытие и Ничто». Так под ощущениями Сартр понимает единство, возбуждений / раздражений, вызываемых воздействием среды на органы чувств. По Сартру, ощущения не имеют собственного бытия, а только внешнюю причину, воздействия на органы чувств и сами по себе возможны только из того что на них указывает другой человек из чего он делает вывод, что ощущений нет как феномена сознания. Поэтому философ дает ответ на то, что связывает сознание с миром.

Связующим звеном оказывается чувства. Их характер очень сильно напоминает Dasein Хайдеггера. Чувства позволяют нам быть частью мира. Определяя чувства как то, что происходит из факта самих предметов, философ показывает, что именно благодаря чувствам мы находим себя среди вещей и реализуем мир: «Чувство в действительности и есть наше бытие-в-мире, поскольку мы существуем в бытии в форме бытия-в-середине-мира» [3, с. 947].

Но что Сартр понимает тогда под телом?

Само тело по представлению философа — это орудие, которое мы приспосабливаем к миру и вещам. Оно раскрывается только в отношении с с ними.

Но и сам мир вещей представлен орудийным рядом, началом которого является наше тело. Оно же является адаптацией к орудиям. Важным моментом здесь является, что мир открывается нам как пространство, с которым мы можем взаимодействовать с орудиями-вещами, и указывает на действия, которые мы можем совершить по отношению к вещам. Мы можем переходить от одного действия к другому при оперировании с предметами, и таким образом каждая вещь открывает нам возможность дальнейшего взаимодействия. Так вещи, по Сартру, являются объектами восприятия и чистым «бытием-здесь» [3, с. 952].

Среди вещей именно тело находится для нас в центре мира, можно сказать, выступает точкой, определяющей угол обзора. Исходя из описанного выше тело не дано нам непосредственно в ощущениях или чувствах, мы постигаем его в опыте приспособления к орудиям-вещам.

Поскольку мы пользуемся вещами орудиями в мире и соответственно можно сказать, что тело обладает фактичностью, некоторым фактом того, что оно существует и ему присущи определенные качества. Сама фактичность отсылает к нашему рождению, а значит продолжает Сартр и к нашему прошлому; что я когда-то появился на свет и сейчас продолжаю существовать уже совершенно в другом виде, но вместе с тем это значит ничтожение этого самого прошлого, того в-себе, которым мы больше не являемся для-себя [3, с. 918].

Для Сартра это значит, что несмотря на то, что тело не представлено в сознании как таковое, оно тем не менее является необходимым условием для существования в мире. Философ отмечает, что тело является случайной формой нашего существования в мире и в этой случайной форме я совершаю выбор каким мне быть, как себя определять относительно своего тела, как реализовывать данные моей фактичности при рождении. Таким образом посредством выбора мы преодолеваем своё тело и его конечность, здесь является важным, то что тело и создает способ которым мы существуем в мире, оно так же и дает возможность самой свободы, поскольку заключает сам автор: «нет свободы без выбора» [3] и именно тело как фактичность даёт нам выбор.

И так получается, что человек создает себя хоть и исходя из своего факта существования, но тем не менее всегда устремляя свой проект в будущее, всегда стремясь к новому себе, ведь в сущности наше «Я» для нас оказывается ничем, факт ничтожения в себе в для-себя оборачивается для человека и его свободой и в тоже время бременем при котором он всё время должен выбирать себя снова и снова не находя опоры нигде, кроме своего выбора и собственной рациональности, как факта возможности спроектировать себя.

Я В ОТНОШЕНИИ ТЕЛА

Чтобы перейти к проблеме тела и «Я», необходимо в начале сказать, что философ сам понимает под этим Я. Для Сартра оно выступает частью целого Эго. Он пишет о том, что Эго делится на две свои части, первая часть самость — представляет собой единство состояния и качеств «Я», в свою очередь, является единством действий. Из этого положения следует, что «Я» таким образом непосредственно связано с телесным, поскольку действие выражается в кинестетике

[2, с. 125], а значит таким образом и «Я» и тело как-то друг с другом связаны и взаимно друг на друга влияют. Далее в своей работе Сартр и приходит к выводу, что «Я», которое мы схватываем в действии, подвержено вырождению. Этот процесс происходит именно потому что «Я» теряет свою интимность в деятельности, выступая только Я-понятием, приставкой к осязаемому символу тела. Проблема для Сартра состоит в том, что как Эго, так и «Я», берет свой источник «из ничто», то есть является фактически ничем, а соответственно исходя из этой логики Я становится «чем-то», а именно знаком для некоторого действия, например: Я-рублю или Я-готовлю. Именно это приводит к тому, что «Я» становится только словесной формой выражения действия, а значит теряет свою интимность [4, с. 69].

Тем не менее исходя из идей самого философа «Я» постигается в рефлексивном сознании посредством действия и тем самым отсылает к моей субъективности [4, с. 42]. Поскольку это «Я» действовал значит «Я» и ответственен за то что делаю и тут не может быть никакого вырождения, поскольку моя ответственность за выполненное действие отсылает к моему выбору, к моей субъективности и уже «Я» несу за это полную ответственность, если бы «Я» было только словесной формой и вырождалось таким образом, значит любое действие теряло бы отношение к моей субъективности, а значит за совершенное действие «Я» как субъект не нес бы ответственности, ведь в них уже нет меня, нет моего «Я» или есть, но выродившееся и уже не отсылающее к моему трансцендентному Эго. Однако это не так. Посредством действия я могу ощутить своё тело, как точка с которой я смотрю на мир тело выступает моим первичным опытом и трамплином в постижении мира и меня как взаимодействующего с этим миром и вещами как орудиями. Я могу сказать, что «Я» нахожусь на этом лугу, что «Я» испытываю эти эмоции или наоборот, что «Я» не могу их испытывать, они мне не свойственны, я не был там только видел из окна, но до того как «Я» что-то о себе сказал «Я» было именно тем, что мною переживалось как телесно, так и психически. Эти примеры демонстрируют, что посредством тела «Я» не вырождается, а наоборот становится наполненным, приобретая таким образом опыт себя пусть и с возможностью преодоления. Об этом я буду говорить позже.

Как было описано выше тело несет в себе элемент фактичности, этот модус существования нашего тела создает прецедент, который как пишет Сартр наше «Я» преодолевает, ничтожит в бытии-для-себя, но тем не менее мы тут улавливаем важный факт, необходимый для понимания «Я». Во первый Ничтожение значит, что фактичность исчерпывается существованием, скажем так сгорает, а значит имеет значение только как некоторое отношение к прошлому, тогда как «Я» полностью нивелирует то чем было в прошлом и уже на уровне сознания фактичность выступает только как внешний фактор существования безразличный к «Я», поскольку в ничтожении этой фактичности «Я» полностью от неё освобождается и творит себя из пустоты в проекте себя в будущем.

Преодоление же фактичности, несёт в себе волевой характер, который отражен в выражении «преодолеть себя», что значит преодолеть ту фактичность, которая составляет твоё нынешнее бытие, которое мы можем помыслить. Важ-

ным аспектом в таком случае является осознание этой фактичности, доведение до понимания для-себя и уже соответственно выстраивание проекта, в котором эта фактичность будет отторгнута, но несмотря на это — преодолеть не значит ничтожить, это значит она, тем не менее, будет о себе заявлять.

Но несмотря на возможность преодоления фактичности, мы тем не менее, благодаря ей и отвечаем на вопрос «Кто Я?». Именно она выступает наполнением для нашего «Я». Тенью, которая следует за нами по пятам. Тем самым опытом себя, который мы обнаруживаем в рефлексивном сознании. Само наше «Я» открывается нашему сознанию как опыт себя. Тело представляет собой проводником этого опыта, в том значении и отношении, что в существовании совершалось, переживалось мной, что мною было сделано.

Конечно помимо этого поскольку тело — это то, каким образом мы в принципе существуем в мире, то и оно по факту нашего рождения приписывает нам качества, которые в свою очередь влияют на нашу субъективность. Конечно Сартр это тоже отмечает, но для него всё же субъект эти качества ничтожит. Но тем не менее как отмечал Адлер в своей психологии, некоторая наша инаковость, слабость, болезнь может спровоцировать стремление к превосходству, формируя таким образом определённый тип личности, а значит и опыт своего «Я» [1, с. 111]. Этот пример наглядно может показать, что телесное в том числе влияет на наше «Я» и без учёта нашего сознательного и рационального. Конечно здесь можно пойти развивая эту тему дальше, но в данном исследовании важно только отметить влияние телесного на наше «Я».

Но полнота этого опыта раскрывается только в неуловимости нашего «Я», опыт которого мы всё время и обнаруживаем уже постфактум, фактически уже им и не являясь. Сартр правильно уловил мысль, что если я говорю о том, чем «Я» являюсь, то я уже этим не являюсь. Таким образом, чем я могу являться? Только тем, что мною здесь и сейчас переживается, в ином случае, когда я о себе выскажусь, я выскажусь уже о том, чем не буду являться, то что составит мою фактичность, что во мне содержится, отсылает, но уже в силу времени не является моим здесь-и-сейчас, но только постигаемое рефлексией как моё прошлое. И именно то самое чувство, о котором пишет Сартр и может выступать нашим «Я» как таковым, как раз оно и будет той самой наполненностью опыта улавливаемое мышлением и памятью как опыт себя в прошлом, но тем не менее ни память, ни мышление не являются основанием для нашего «Я».

Продемонстрировать эту идею на примере мысленного эксперимента. Его суть состоит в том, что человека, потерявшего память, но сохранившего чувство «Я». У него пропала преемственность и длительность личности, но «Я» как здесь-и-сейчас сохранилось. Он не может сказать о себе кто он, исходя из своего прошлого, но он может сказать о себе только то, что составляет его нынешний опыт себя. Что он чувствует, где он находится и самое главное исключительно вопрос если окружающие ему будут рассказывать кем он был до потери памяти, будет ли он действительно отождествлять себя с ними. Ведь не помнит переживал ли он этого в действительности, его опыт себя полностью обнулится. Таким образом его «Я» приобретает другой опыт себя исходя из нынешней реальности

и телесности, что влечёт за собой неминуемые изменения в структуре субъективности, но если его «Я» было пустотностью и лишь только рационально можно он мог о себе высказаться, то тогда рассказ других о нём не вызвал никаких сомнений у пациента. «Я» остается таким образом «Я», но уже в другом контексте с другим опытом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер А. Понять природу человека. — Москва: АСТ, 2021. 320 с.
2. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М., 2010
3. Сартр Ж. -П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ; Астрель, 2012. 925 с.
4. Сартр Ж -П. Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания. Москва: Модерн, 2011. 160 с.

Ващенко Альбина Николаевна
старший преподаватель кафедры Р4
«Экономика, организация и управление производством»
БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова,
аспирант Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского,
vashchenko_an@voenmeh.ru

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ИДЕИ АБСОЛЮТНОГО БЛАГА КАК ФОРМЫ ЕДИНСТВА МИРА

Идея абсолютного блага, будучи изначально мыслью, глубоко связанной с античным философским дискурсом, с необходимостью возрождается немецкими классиками, поскольку они в целом восстанавливали античный взгляд на мир, хотя и с учетом опыта христианской мысли и опыта метафизики Нового времени. Соответственно, одна из основных категорий античности также не могла остаться в тени новой философии, хотя и была существенно трансформирована рефлекслирующим мышлением Канта, Фихте и Гегеля. В таком качестве идея абсолютного блага была воспринята русской философией.

Ключевые слова: Абсолют, благо, античная философия, Платон, немецкая классическая философия, Кант, Гегель, русская философия.

VASHCHENKO A. N.

TO THE QUESTION OF THE FORMATION IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY OF THE IDEA OF ABSOLUTE GOOD AS A FORM OF UNITY OF THE WORLD

The idea of absolute good, being initially a thought deeply connected with ancient philosophical discourse, was necessarily revived by German classics, since they generally restored the ancient view of the world, although taking into account the experience of Christian thought and the experience of metaphysics of the New Age. Accordingly, one of the main categories of antiquity also could not remain in the shadow of new philosophy, although it was significantly transformed by the reflective thinking of Kant, Fichte and Hegel. In this capacity, the idea of absolute good was perceived by Russian philosophy.

Keywords: Absolute, good, ancient philosophy, Plato, German classical philosophy, Kant, Hegel, Russian philosophy.

Сущность человека состоит в его самопознании, под которым нужно понимать раскрытие внутренней истины человека и воплощение этого знания в устойчивые формы социальных отношений: в моральные основы семьи, в нравственные основы государства, в религиозные и духовные традиции. Однако нормы морали и нормы нравственности, нормы права и предписания государства, традиции общественной жизни будут лишь тогда восприниматься человеком как собственные императивы его разума и совести, а не как внешние предписание, не как насилие над его личностью, когда человек будет видеть

в них нечто безусловно значимое для него, нечто священное и нечто высшее по отношению ко всему, что его окружает и что он находит в непосредственности своего внутреннего мира.

Поэтому бытие человека и бытие культуры предполагает идею абсолютного как безусловного начала круга его нравственных ценностей. Умение видеть абсолютное «светящемся видимостью» в особенных формах отношения к другому человеку, в частных явлениях социальной жизни и в отдельных феноменах культуры, означает, что установка человека на подчинение нормам морали и нравственности, на то, чтобы быть законопослушным гражданином и следовать традициям своего общества, будет осознаваться человеком как реализация своих собственных нравственных ценностей, то есть — как высшее благо.

Таким образом, понятие абсолюта и понятие блага являются стержневыми идеями, лежащими в основе бытия человека и бытия формируемого им мира культуры. Этапы их философского синтеза в идее абсолютного блага, или в идее абсолютного добра (возможное различие которых пока не является существенным для предмета нашего исследования), одновременно составляют этапы осознания человеком своей нравственной сущности, а также этапы ее понятийного соотношения с сущностью норм морали и права, с сущностью государства как выражения высшей нравственной идеи, с ценностными основаниями культуры.

Эта истина раскрывается в формах созерцания, на которых стоит искусство, или в формах представления, которые человек обретает в религии. Ее философское осмысление предполагает возможность помыслить абсолютное в формах логического понятия. Образом этой абсолютной гармонии, которая может быть познана человеком и воплощена в порядок его отношения с другими людьми, представлялась справедливость как некий мировой космический принцип, воплощавший в себе диалектическое содержание абсолютного единства мышления и бытия. Справедливость рисовалась древними мыслителями как главная добродетель человека, т. е. как категория ранней этической науки. Но одновременно, представлялось, что принцип справедливости должен быть основной скрепой разумно устроенного государства и основой закона. Развитие первоначал этической мысли и основ науки о культуре в древних философских школах шло не просто параллельно: они еще не мыслились как нечто различное, а единое еще не противопоставлялось благу. Само отношение единого и блага в полной мере выступит как философская проблема только у Платона с тем, однако, чтобы стать одной из центральных (и до конца еще не решенных проблем) философии на протяжении всей ее истории [4, с. 30].

Философия должна показать, как всеобщее единство мышление и бытия, всеединство, несущее в себе начало абсолютной гармонии мироздания, раскрывает в себе определенность ценностей человека. Она должна суметь спроецировать заключенные в этой всеобщей гармонии бытия начала в исторические формы развития человека, общества и государства. «Наше мышление (рациональное, художественное, этическое) устроено так, что оно не может обойтись без самой идеи Абсолютного» [1, с. 111]. Тем более не может обойтись без нее мышление о природе культуры.

Природы абсолютного осмысливается в философии через диалектику отношения мышления и бытия [3, с. 45]. Тем самым философия может ответить на смыслообразующий для человека и общества вопрос: есть ли единство в нашем мире, включает ли это единство в себе гармонию или, наоборот, чревато расколами и распадом бытия, кризисом мышления? К последнему варианту ответа, начиная с середины XX столетия, все более склоняется современная философия. Обоснование первого варианта — учение о всеобщем единстве мышления и бытия как гармонии мироздания — мы находим в историческом развитии классической философии от Парменида до Гегеля.

Система ценностей может пониматься как проекция этой всеобщей гармонии в мир социальных отношений. Сама идея ценностей не могла бы сложиться, если бы мироздание изначально не заключало в себе всеобщую гармонию. Действительность идеи ценностей теоретически и практически подтверждает действительность всеобщей гармонии. Поэтому, если мы хотим раскрыть последние основания идеи бытия человека, то мы должны развернуть конкретное содержание единства мышления и бытия. Таким образом, история классической философии представляет собой теоретическую платформу самоопределения человека. Началом развития классической философии в ее исторической форме стало учение Парменида об абсолютном единстве мышления и бытия, конкретизированное Платоном в учение об Абсолютном Добре-Благе как источнике справедливости в моральном строе личности человека и в правовом строе государства.

В исходе этого развития, который был осуществлен немецкой классической философией рубежа XVIII–XIX вв., все противоположности, составляющие диалектику развития единого бытия и раскрытые на различных ступенях историко-философского процесса, синтезируются в идею конкретного единства бытия и мышления. Историко-философским процессом было достигнуто синтетические единство познания всех существенных моментов всеобщего диалектического тождества мышления и бытия, постигнутого как духовный абсолют, сущностью и смыслом которого является абсолютная свобода, понимаемая как высший дар Бога человеку [2, с. 72–76]. Без такого знания истины бытия как абсолютной свободы (в указанном выше смысле) и как абсолютного блага невозможно понимание его сущности. Но и наоборот, без этого знания невозможна трансформация представлений о базовых ценностях народа в дискурсивную форму научной теории. Классическая философия дает методологические средства для теоретического выражения умопостигаемых сущностей, к которым относятся ценностные основания бытия человека.

Уже первые шаги классической философии актуализировали абсолютные основания бытия человека и бытия культуры. Отметим, что согласно позднейшим философским учениям, прежде всего И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегеля, абсолютное и не может «существовать априорно», поскольку оно включает в себя свое опосредствование деятельностью субъекта в качестве необходимого момента своей сущности. В какой-то мере данный подход характерен и для сократической линии философии, прежде всего — для Платона. Однако потребовалось столетие критики наивного объективизма натурфилософов со стороны софи-

стов, чтобы в учении о природе, о справедливости и праве в качестве опорной точки утвердился сократовский принцип «Познай самого себя».

Рационалистический пафос старших и младших натурфилософов, заложенный в учении об абсолютном благе как первопринципе мироздания, о необходимости познания его человеком и о следовании ему, был в полной мере воплощен в учении Сократа. Сократ видит в субъективном мышлении способность познать объективно всеобщее. Для него деятельность мышления должна быть прежде всего направлена на поиск при помощи субъективной деятельности общего понятия справедливости. В многообразии мнений о справедливости Сократ ищет всеобщую идею блага, мысль о которой должна быть сама по себе истинной и противоположной мнениям.

Можно заметить, однако, что во всеобщем Сократ усматривает только абстрактно-всеобщее: справедливость вообще, мудрость как таковая и т. п. Мысль, таким образом, стремится оторваться от конкретных форм моральности и законности и уйти в рефлекссию, размышление над сутью этико-правового содержания, как бы погрузиться в самое себя. Кроме того, Сократ считает, что знание о справедливости может быть достигнуто в диалоге, беседе, споре, путем размышления над вопросами о законе, добродетели, мудрости и т. п.

Главное в познании справедливости — не новизна объективного содержания, а новизна самого мышления, способа использования мышления, и это составляет отличительную черту философии Сократа. Этот способ мышления был положен в основу теории идей Платона, ученика Сократа, неразрывно связавшего мир чувственно воспринимаемых вещей с миром умопостигаемых идей как их вечной, всеобщей сущности.

Как известно, философия Платона — это теория идей. В философии Платона идеи составляют истинное и полное бытие, бытие же видимых вещей возможно лишь через причастность их к этим «порождающим моделям» (А. Ф. Лосев). Идеи у Платона имеют свою иерархию, единую высшую идею, которую мы, следуя за Владимиром Соловьевым, можем определить, как единство Истины, Добра и Красоты. Тогда каждая сущая вещь, будь то прекрасное произведение искусства, справедливое государство или добродетельный человек, оказывается отражением, сколком высшей истины, заключает в себе начала Абсолютного Добра и является чем-то прекрасным. Поистине, существует лишь то, что несет в себе начала Истины, Добра и Красоты. В той мере, в какой вещь причастна этим идеям, она существует. Но поскольку ни одна вещь не есть идея, а только причастна, ее бытие является ограниченным и конечным во времени. Явленность в человеке начал Истины, Добра и Красоты составляет подлинный критерий его действительного существования как человека, критерий реализованности и совершенства его жизни. Высшая добродетель человека, в которой фокусируются все добрые начала в нем, это, по Платону, идея справедливости, конкретизирующая идею Абсолютного Добра, Блага.

В целом Платону было важно раскрыть идеальную природу сущности реальных вещей, важно показать, что в основе всех единичных предметов и явлений лежит всеобщая сущность, имеющая природу мышления. Следующий шаг

в развитии философского предмета должен состоять в сосредоточении на познании самих предметов реального мира. Но это должно быть уже такое познание, которое основано на опыте платоновской философии, показавшей, что вещи не самодостаточны. Именно таким и выступает в истории философии учение Аристотеля. Согласно Аристотелю, высший разум объединяет в динамическое единство начала, образующие сущность вещи: материю, форму, источник движения и цель. Поэтому высший разум является одновременно и высшим благом, т. е. абсолютной целевой причиной, к которой движется все сущее и которая является источником такого движения.

Философия Нового времени переносит «центр тяжести» философского познания их сферы бытия в сферу чистого мышления [3, с. 45], из начал которого следовало дедуцировать единство бытия мироздания, на чем и было сосредоточено метафизическое мышление Нового времени. Всеобщее единство трактовалось либо как внешнее единство двух субстанций, протяженной и мыслящей, объединенных волей Бога (Р. Декарт), либо как всеобщее субстанциальное единство, тождественное с самим Богом (Б. Спиноза). Идея блага как абсолютного не вписывалась с механистическую модель мироздания. Исключение могло бы составить учение Г. В. Лейбница о нашем мире, как наилучшем из возможных миров. Но у него идея блага, все же, не рассматривалась как элемент всеобщего онтологического единства, оставаясь всего лишь в пределах субъективного логического обоснования благой природы мироздания.

Метафизика Нового времени принципиально не могла вместить в себя диалектику единого и блага. Возвращение к их трактовке, заложенной в античной философии, мы находим лишь в диалектике немецкой классической философии. Новая форма идеи блага определялась, во-первых, единством субъективного и абсолютного в логическом дискурсе немецкой философии; во-вторых, идея блага трактовалась во взаимосвязи с идеей абсолютной свободы, во взаимной с ней рефлектирующей проекции; в-третьих, идея блага наполнялась конкретным содержанием через свое осуществление в понятии жизни и в понятии абсолютной красоты, но более всего — в содержательном пространстве понятия нравственности.

Так, И. Кант уже своим понятием целевой причины как основания для понимания природы жизни вводит понятие блага в круг современной философской науки. Ведь, целевая причина предполагает наличие цели у самой цели. Эта цепочка необходимо упирается в понимание всеобщей цели, которая и есть благо. Причем благо и как основание жизни, и как основание нравственного начала. Таким образом, через понятие блага Кант стремится соединить основное содержание «Критики практического разума» и «Критики способности суждения». Здесь также можно увидеть подход философа к обоснованию глубокой мысли о внутреннем единстве жизни, нравственности и эстетического отношения к действительности, связанных через идею абсолютного блага.

Таким образом, античная идея блага как формы всеобщности для целевой причинности восстанавливается Кантом, хотя и только в пределах субъекта и форм его теоретической и практической деятельности. Важно то, что идея

блага, замыкающего цепочку целевых причин, приобретает у Канта решающее значение прежде всего для сферы нравственности. Именно такой мы найдем ее в учении русских философов, прежде всего В. С. Соловьева.

Гегель развивает учение Канта об абсолютном благе, переводя его из сферы чистой субъективности в область логического. Причем логическое здесь рассматривается на высшей ступени его развития: как сфера абсолютной идеи. Абсолютная идея включает в себя в качестве своих моментов идею жизни и идею блага. В дальнейшем, в контексте исследований русских философов классическая трактовка идеи абсолютного блага как формы единства мира получает своей более полное развитие и теоретическое обоснование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырёв Д. К. Религии и идеологии. СПб: РХГА, 2019. 172 с.
2. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Логос права: Парменид-Гегель-Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М.: Норма: Инфра-М, 2024. 376 с.
3. Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и пост-модерна. Богатырёв Д. К., Богатырёва Л. В., Бильченко Е. В., Гуторов В. А., Докучаев И. И., Масленников Д. В., Никоненко С. В., Перцев А. В., Преображенская К. В., Протопопов И. А., Сальников В. П., Соловьев А. П., Бердников И. В., Хромцова М. Ю. Коллективная монография. Под общей редакцией Д. В. Масленникова. СПб: РХГА, 2023. 681 с.
4. Лебедев С. П. Единое и благо в теологии Платона // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. № 1. С. 29–37.

Заманилов Роман Вячеславович,
Кандидат биологических наук, доцент
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
Берлов Дмитрий Николаевич,
Старший преподаватель
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

АПОСТОЛ ХРОНОТОПА И ДОМИНАНТЫ

Биологические идеи Алексея Ухтомского о теории доминанты, хронотопе, заслуженном собеседнике, принимают формат всеобщих принципов. Любопытно наблюдать, как они отражаются в других науках и в жизни. Алексей Алексеевич Ухтомский: Я думаю, что настоящее счастье человечества будет возможно в самом деле только после того, как будущий человек сможет воспитать в себе способность переключения в жизнь другого человека, когда воспитывается в каждом из нас доминанта на лицо другого.

Ключевые слова: Алексей Ухтомский, доминанта, хронотоп, заслуженный собеседник.

ZAMANILOW R. V., BERLOV D. N.

APOSTOL OF THE CHRONOTOPE AND OF THE DOMINANT FOCUS

Alexey Ukhtomsky's biological ideas about the theory of the dominant focus, the chronotope, the worth confidant, take the format of the universal principles. It is interesting to observe how they are reflected in other sciences and in life. Alexei Alexeyevich Ukhtomsky: I believe that real human happiness will be possible only after future man will be able to foster in himself the capability to switch to the life experience of another person, when the dominant in the face of the other is fostered in each of us.

Keywords: Alexei Ukhtomsky, the theory of the dominant focus, chronotope, worth confidant.

Приближается юбилей выдающегося академика-физиолога князя Алексея Алексеевича Ухтомского. Тоже он был верующим, настоятелем прихода, кандидатом богословия. Существуют идеи [10], что христианин пишет своё собственное Евангелие, и это обязательно в сфере религиозной. Например, Рембрандта называют [7] пятым евангелистом за его живопись.

Алексей Алексеевич открыл и разработал многие принципы, которые можно считать общебиологическими, они так же применимы к другим областям знаний, это принципы доминанты, хронотопа, тексты о заслуженном собеседнике.

В девяностые годы выходили публикации о том, что эти идеи могут входить в научный оборот в философии, психологии, социологии, по-новому можно взглянуть на другие науки через учение Алексея Алексеевича, и вот прошло тридцать лет, впору подумать, как за эти многие годы наследие князя проявилось в этих науках.

И здесь есть понимание, что нервная деятельность — это чисто биологическое явление. Европейская философия, разработанная в Греции во времена древностей, когда ещё не знали на чём основано мышление, была бы совсем иной, если бы философы понимали, что их представления — это следствия работы нервной системы.

Не чувствуется, что философы как-то меняют свои идеи под воздействием биологических знаний. Вероятно, они ещё не готовы к расширению своего взгляда на философию, никакого переворота в философии не ожидается. То же можно констатировать и про другие науки, за небольшими исключениями в них почти не проникают биологические знания. Архитектура полностью основана на биологии, размеры и пропорции зданий, дверей, окон, детали дизайна, все это напрямую связано с биологией, ростом человека, его биологическими потребностями, узором, взятым из природы и так далее, и ведь научных исследований архитектуры, включающих биологические знания, почти нет. Это очень удивительно.

Другой хороший пример — образование, в семнадцатом веке сложилась современная трёхступенчатая классно-урочная система начального (четыре года), среднего (восемь лет), высшего (шесть лет) образования с началом обучения в шесть лет, разделением на часовые уроки, на каждом уроке проходят один параграф, последние пятнадцать минут отдыха, первый урок в девять часов утра, после уроков игры или прогулка, вечером домашние задания, трёх разовое питание, с тех пор она почти не менялась, а психофизиология же накопила огромный объём знаний позволяющий учиться намного эффективнее и он никак не используется, при этом существует наука-педагогика, совершенно непостижимо, как данные о нервной деятельности не находят применения.

Петербургский врач в середине девятнадцатого века заметил, как сильно вредят детям прямые столы, разрушающие зрение и осанку, он придумал наклонный стол, такие парты были распространены, то же в аудиториях СПБИУ были такие столы, сейчас же наклонные столы почти не используются в школах.

Большая физическая аудитория СПБИУ-та была устроена на принципах биологии, очень много естественного света, что позволяло не включать лампы почти никогда днём, наклонные столы, каждый последующий выше предыдущего, прекрасно разработанная акустика позволяла слышать лектора даже на самых высоких партах, доска и демонстрационный стол были хорошо видны отовсюду, благодаря наклонному устройству аудитории расстояние от всех столов до кафедр были минимальные при хорошем обзоре. Такие блестящие биологические решения не часто проводятся в жизнь.

Физики, приступив к изучению природы времени и пространства сразу обратили внимание [8] что это не физические, а психологические понятия, и психологии стоит ответить на вопрос что это такое. С этой задачей блестяще справился Алексей Алексеевич Ухтомский, проведя физиологические эксперименты на кошках. Оказалось, что для кошки расстояние до её котят равно времени достижения котят, то есть время и пространство слиты, соединены в сознании кошки в одно. Тогда была предложена идея Хронотопа (закономерной

связи пространственно-временных координат) [3], где и пространство, и время, и прошлое, и настоящее, и будущее пересоздаются в нечто единое.

Интересно, что это можно отнести и к будущему, например, открыв астрономический справочник, мы знаем, как будут располагаться планеты в будущем, для нашего сознания — это такие же знания, как и те, которые указывают на расположение планет в прошлом. Хронотоп использовался в литературоведении, для анализа хода произведений. Сказать, что он сделался таким уж распространённым знанием нельзя.

Многое становится понятно, осозная, что мышление устроено по принципу Доминанты [1; 2], открытым Алексеем Ухтомским (в ходе исследований физиологии человеческого духа), сейчас он имеет общенаучное значение. При многих сопутствующих обстоятельствах и знаниях мышление всегда направлено на что-то одно. Доминанта хорошо коррелируется с Хронотопом, в котором то же хотя и всё есть и всё происходит сразу выделяются определённые направления, которые явственнее других. Иногда доминанты называют органами сознания.

Сейчас большая проблема аутизм, невозможность иметь хорошее общение, что приводит к отчуждению, в котором уже невозможно братство, но рождается насилие [9].

Общение — это простор, где ты можешь быть и присутствовать, принятие таким, как ты есть, эмпатия, уют, умиление, учтивость, удовлетворение, удовольствие, угождение, радость, нежность, такт, ласка, любовь, добро, расположение, благо, верность, доверие, сострадание, сопереживание, деятельное участие, дружба, правда, правдивость, поддержка, лёгкость, счастье, подъём жизненных сил, помощь, чуткость, отзывчивость, согревание, поддержка, благообразие, задушевность. Пребывание, где преодолеваются социальные, экономические, личные, внешние, ментальные и возрастные неустройства, где можно почувствовать себя «в раю».

Открытые Алексеем Алексеевичем идеи о заслуженном собеседнике [4], [5], показывают, как организовано хорошее общение с близкими людьми, как реализовывать общение — большую радость, которая доступна сейчас в жизни. Он писал о знаменитом древнегреческом философе, который ходил днём с фонарём, чтобы искать человека, что тот дурак, ибо не видеть в людях людей, не уметь соприкасаться с ними, это большой изъян сознания.

Это хорошо — любовь, бывает не получается любить, ведь просто любить сложно, общаться сложно, академик открывает здесь биологические механизмы хороших отношений.

Алексей Ухтомский заметил, как важна идеализация в мышлении, сознание построено таким образом, что идеализирует. Это биологический принцип, хорошо применим и к общественной жизни и к другим наукам, например, философии. Идеалы, идеализация свойства живого, вряд ли можно построить стройное учение, игнорирующее такие биологические свойства как идеализация. Идеализация приближает к действительному бытию — возможно это высказывание можно считать парадоксальным, именно так работает реагирование на окружа-

ющую среду: возникают некоторые, вполне определённые чувства и они уже позволяют постигать обстановку и события.

Устремление к идеальному важно и в человеческом общении, задушевности, которое очень связано с концепцией заслуженного собеседника, важно идеализировать друг друга, видеть в друг друге алтари, а не задворки, это приводит к дружбе и задушевности.

Наверное, всегда любопытно узнавать, что глубоко верующий физиолог думает о религии? Академик высказывался в том смысле, что религия и вообще религиозное, особенно службы — это обновление, причём не только нервной системы, но и всего человека. Религия даёт новые доминанты, переживания, которые благотворно и целостно действуют на весь организм.

Конечно Алексея Ухтомского можно отнести и к исследователям искусства, его идеи связаны с биологическими изучением художественного творчества; несомненно, искусство имеет под собой биологическую подоплёку.

Алексей Алексеевич делится мыслью, что великие деятели искусства передавали свои впечатления другим, которые были хорошо склонны их воспринимать. Даже молекулы, например, при red-ox процессах реагируют на действительность. Так же происходит и с живыми существами. Реагирования лягушек, грызунов, моллюсков, рыб, птиц, на среду почти такие же как у людей, отражения же некоторых людей на жизнь в виде чувств воспринимаются широко другими, конечно это связано с тем, что нервную деятельность затрагивают особенно сильно эти впечатления, и ими хочется делиться. Древнейшей известной живописи на Сулавеси около 50-ти тысяч лет, с тех пор человек биологически совершенно не изменился, не изменилась и природа, простор жизни людей, сейчас мы живём в том же мире, что и первые авторы известного искусства, за это время искусство меняется, люди проявляют новые впечатления от действительности. Алексей Ухтомский: “Искусство есть принципиальное единение многих, сообщение лиц в единении жизни”. И мы можем присоединяться к тем впечатлениям от жизни, которые имели древние люди.

Можно совершенно точно сказать, что идеи Алексея Ухтомского не слишком уж вошли в науки и повседневность, сильно уж они опережают наше время, получается, что он разделил судьбу библейских пророков, идеи которых не были услышаны и поняты. В его судьбе (критик и кандидат богословия, академик-физиолог) нашло разрешение и мнимое разделение на науку и религию. Просто наука пока не всё знает, иначе религиозное могло бы быть предметом изучения науки.

Алексей Алексеевич Ухтомский: «Я думаю, что настоящее счастье человека будет возможно в самом деле только после того, как будущий человек сможет воспитать в себе способность переключения в жизнь другого человека, когда воспитывается в каждом из нас доминанта на лицо другого» [6].

Иными словами, хорошая жизнь осуществится на законах биологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ухтомский А. А. Доминанта Физиология поведения. М.: АСТ, 2022. 317 с.
2. Ухтомский А. А. Учение о доминанте. М.: Юрайт, 2020. 309 с.

3. Ухтомский А. А. Доминанта души. Рыбинск: Рыб. Подворье, 2000. 605 с.
4. Ухтомский А. А. Лицо другого человека. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. 661 с.
5. Ухтомский А. А. *Заслуженный собеседник*. Рыбинск: Рыб. Подворье, 1997. 567 с.
6. Народное образование в России: Исторический альманах. Москва, 2000.
7. Вейдле В. В. Книга о Рембрандте: Неосуществленный замысел. (существует в разрозненных записях и не опубликована).
8. Девис П. Пространство и время в современной картине Вселенной / Москва: Мир 1979. 288 с.
9. Горичева Т. М. Святые животные (к православной экологии). Санкт-Петербург, 2006. 91 с.
10. Протоиерей Феодор (устный источник).

Владимир Сенчило
аспирант Русской христианской гуманитарной академии
имени Ф. М. Достоевского,
психоаналитик
г. Санкт-Петербург,
sencilo.vladimir@gmail.com

ФИЛОСОФИЯ СЕРДЦА ПАМФИЛА ЮРКЕВИЧА КАК КОНЦЕПЦИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

В статье предлагается обзор основных аспектов философии сердца Памфила Юркевича. Представлен анализ места идеи сердца в философии Юркевича. Обозначены основные моменты трансформации идеи сердца как источника душевной жизни в связи с полемикой между философскими партиями идеалистов и материалистов. На основании воззрений Юркевича на проблемы современной ему физиологии и психологии, предложено сравнения философии сердца и концепции бессознательного Зигмунда Фрейда.

Ключевые слова: Памфил Юркевич, Сердце, Бессознательное, Зигмунд Фрейд.

SENCHILO V. THE PHILOSOPHY OF THE HEART BY PAMFIL YURKEVICH AS A CONCEPT OF THE UNCONSCIOUS

The article provides an overview of the main aspects of Pamphil Yurkevich's philosophy of the heart. It presents an analysis of the role of the idea of the heart in Yurkevich's philosophy. Key points of the transformation of the concept of the heart as the source of spiritual life are highlighted in the context of the debate between idealist and materialist philosophical factions. Based on Yurkevich's views on the issues of contemporary physiology and psychology, a comparison is proposed between the philosophy of the heart and Sigmund Freud's concept of the unconscious.

Keywords: Pamphil Yurkevich, Heart, Unconscious, Sigmund Freud.

Памфил Юркевич религиозный философ второй половины XIX века. Существует три направления в которых заметен вклад юркевича: метафизика сердца, труды по педагогике и в первую очередь участие в полемике с редакцией журнала Современник, в частности с Чернышевским и Антоновичем. Пик творчества философа пришелся на период 1859–1862, это три года, которые в то же время разделяют два периода его преподавательской деятельности. Так, до 1860 года 10 лет Юркевич преподавал в Киевской Духовной семинарии. На этот период приходится три его сочинения среди которых “Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия”, другое сочинение под названием “Идея”, и статья против сочинения Чернышевского “Антропологический принцип в философии”, с названием “Из науки о человеческом духе”, именно из-за этой статьи Юркевич был замечен в Москве. Так Михаил Катков отвечая Чернышевскому в своем журнале Русский вестник, упомянул

о статье Юркевича, которая на тот момент была опубликована в Трудах Киевской духовной семинарии. В своей критической статье Котков пообещал, что в следующем номере русского вестника будет опубликована статья Юркевича, в которой он показал себя как мыслителя с серьезной подготовкой, со знанием логики, немецкой философии. Его решают пригласить в качестве ординарного профессора на только что открывшуюся кафедру философии Московского университета. Через год он напишет статью “Язык физиологов и психологов”, как продолжение полемики с редакцией журнала Современник, потому что в 1862 году выйдет статья Максима Антонович, в который он будет упрекать противников журнала Современник за упоминание Юркевича в одном ряду с философом Льюисом, чья книга “Физиология обыденной жизни” пользовалась популярностью в то время.

Юркевич не мог проигнорировать такой критики в свою сторону, и публикует в Русском вестнике статью в ответ Антоновичу и пользуясь случаем разбирает “Физиологию обыденной жизни” Джеймса Льюиса и высказывает свои взгляды на ситуацию противостояния “философских партий” материализма и идеализма.

Перечисленные статьи оказываются важными в понимании проблемы, которую Юркевич будет решать в своем раннем эссе «О сердце и его значении в духовной жизни человека». Это не большая работа, которая начинается с перечисления Юркевичем ключевых моментов, связанных с сердцем в священном писании. Каждый из этих аспектов Юркевич подкрепляет стихами из ветхого и нового заветов.

Основные значения сердца, которые Юркевич находит в Библии:

1. Сердце есть хранитель и носитель всех телесных сил человека. по сути жизненные силы.
2. Сердце есть средоточие душевной и духовной жизни человека — желания и решимость.
3. Сердце есть седалище всех познавательных действий души — сюда Юркевич относит мышление, память, внимание и речь.
4. Сердце есть средоточие многообразных душевных чувствований, волнений и страстей — тоска, радость, ярость, страх, ревность, трепет.
5. Сердце есть средоточие нравственной жизни человека. Здесь Юркевич говорит о лукавстве или разумности сердца, которое определяет злые или добрые поступки совершает человек.

После Перечисления этих аспектов, связанных с сердцем, Юркевич говорит, что в писании не последнее место играет роль головы — голова служит завершением всего духовного устройства человека. Здесь также приводятся стихи из писания где указаны роль головы: возложение рук на голову при врачевании или во время благословения.

Примечательно то, что важным Юркевич находит упомянуть о лице, как об отдельной инстанции — как о зеркале душевных состояний, лицо может быть просветленным лицо может излучать свет. Таким образом, Юркевич формулирует такую душевную конструкцию где основанием, источником основных

душевных процессов является сердце, в голове эти процессы находят свое завершение, и их выражение мы можем наблюдать на лице.

После Богословского вступления, Юркевич переходит к размышлению в рамках к современных ему наук — непосредственно к физиологии и психологии. Ему важно показать, что речь не идет о метафоре сердца, как некой абстракции: все перечисленные моменты, связанные с сердцем, относятся непосредственно к органу, к “плотному сердцу”.

Юркевич хочет показать, что деятельность головы не исчерпывает всего существа души. Он подчеркивает, что прежде мышления есть первоначальная душевная энергия, которая в голове как бы перерабатывается, или как говорит Юркевич, это первичное чувство нуждается в поименовании, посредничестве и правительном действии головы:

“С этими общими определениями не может не согласиться психология, каковы бы, впрочем, ни были её особенные понятия об этом предмете. Но также можно наперёд предположить, что показанные явления душевной деятельности в голове ещё не исчерпывают всего существа души; по необходимости мышления мы должны допустить некоторую первоначальную духовную сущность, которая нуждается в поименованном посредничестве и правительственном действии головы. Эта первоначальная духовная сущность имеет, по учению слова Божия, своим ближайшим органом сердце” [2, с. 75].

По мысли Юркевича воля и чувствования сердца были понимаемы как видоизменения, отклонения или случайности мышления, то есть вторичны по отношению к рациональной части человека. Более того, он говорит, что именно в силу идеи господства мышления в человеческом существе, идея любви подменялась разумной идеей долга.

Обращаясь к названию данной статьи, сердце как концепция бессознательного, необходимо указать что в метапсихологических работах Зигмунда Фрейда, понятие бессознательного связано с понятием влечения, как основной силы, постоянно действующей которой подвержен субъект. в своем эссе влечение и их судьбы, Фрейд разбирает понятие влечения на три составляющих, он говорит том что у влечения есть цель, объект, напор и источник. он рассматривает все эти компоненты влечения кроме источника. Фрейд говорит, что что такое источник влечения, нам не известно, но его природу необходимо искать в телесном аспекте, и в моменте перехода от телесного к психическому [4, с. 92]. Безусловно, Юркевич не использует термин бессознательное в работе о сердце, хотя в своей статье Язык физиологов и психологов, он часто пользуется термином бессознательные состояния и бессознательные ощущения [3, с. 418].

Рассматривая вопросы важные для Юркевича, мы находим те же самые проблемы, которые будет решать Зигмунд Фрейд в теории психоанализа. Более того, мышление Фрейда возросло на психофизиологической мысли Фехнера, а Юркевич в свою очередь выявлял трудности, с которыми сталкивается физиология

и психология периода Фехнеровского творчества. Размышляя о значении сердца Юркевич обращается к физиологии головного мозга и говорит о неосознаваемой — “задушевных” стороне жизни:

“В то время как физиология указывает в головном мозге физические условия, от которых зависит деятельность души, священные писатели указывают нам непосредственный, нравственно-духовный источник этой деятельности в целостном и нераздельном настроении и расположении душевного существа. Наши мысли, слова и дела суть первоначально не образы внешних вещей, а образы или выражения общего чувства души, порождения нашего сердечного настроения. Конечно, в обыденной жизни, наполняемой заботами о текущей действительности, мы слишком мало обращаем внимание на эту задушевную сторону в наших мыслях и поступках” [2, с. 81].

Здесь уместно обратиться к контексту и посмотреть какое значение играет сочинение о сердце в творчестве Юркевича. Это по счету второе сочинение, оно будет следующим после сочинения “Идея”, в этой работе Юркевич проведет анализ понятия идея от античных философов до Гегеля и выступает сторонником этих позиций [1, с. 48]. Но уже в эссе о сердце и его значении в духовной жизни человека Юркевич начинает говорить о физиологии и психологии, как о наиболее современных научных тенденциях. Примечательно то, что Чернышевский, с которым будет полемизировать Юркевич, в работе “антропологический принцип в философии”, будет настаивать на необходимости следовать передовым открытиям в науке, быть сторонником прогрессивных взглядов. Юркевич оказывается как раз таким философом: он критикует последние для того времени статьи немецких философов, которых очевидно читает в оригинале, потому что преподавал немецкий в Киевской духовной семинарии. Юркевич критикует материалистов за то, что они хотят свести сущность человека, его душу, к механизму — к простому набору атомов.

На протяжении первых трех лет творчества, Юркевичу важно показать, что помимо комбинаций атомов, живой материи присуща особая структура связи этих элементов, что за этими комбинациями стоит идея. Стоит указать что в сочинении Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия, наиболее выражен религиозный момент философии, далее в своих полемических статьях Юркевич не обращается к богословию и видимо принимает условия игры противников, которые обвиняют его в “каббалистике”.

Так, обращаясь к проблемам современной физиологии, а именно к “Физиологии обыденной жизни Льюиса” в которой для Юркевича становится важным первичное чувство, которое по сути представляют неосознанные процессы:

“Мы описали здесь душевное состояние, которое испытываем мы каждый день в формах более или менее осложненных во время крепкого и здорового сна. Очень дельные, но несколько разбросанные замечания

Льюиса о сне дают мне повод остановиться на этом явлении, тем более что в нем, как я сейчас заметил, характеристически выступают первичные формы чувствительности, формы, ясное представление которых так необходимо для физиолога” [3, с. 411].

Необходимо обратить внимание на формулировку, ведь первичные формы чувствительности очень схожи с первичным принципом у Фрейда, который тоже в свою очередь главенствует в состоянии сна [5, с. 14]. Юркевич описывает их более детально:

“Мало-помалу эти вольные, бродящие без плана и наудачу представления теряют всякое предметное значение и обращаются в источники наших разнообразных настроений. В минуты, когда мы засыпаем, они блестят, как искры, которые в то же мгновение гаснут и только изменяют температуру наших чувствований. Во время крепкого и здорового сна мы погружаемся, таким образом, в первичную и неразвитую форму чувствительности, в непосредственное, беспредметное самоощущение” [3, с. 412].

Таким образом, если мы прослеживаем ту же идею, которую мы наблюдали в работе “Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению слова Божия”. Существует некая первичная форма ощущений, предшествующая мысли, и это не просто побочные эффекты сознания, а наоборот то от чего сознание отталкивается, тот чувственный материал, который будет положен в основу сознательной деятельности.

Как уже было отмечено, Юркевич в своих полемических статьях с материалистами не может оперировать богословскими понятиями, но саму идею сердца, как концепцию бессознательного, он использует как ключевую облекая в другую форму, на язык физиологов и психологов. В этой перспективе, неосознаваемые ощущения или беспредметные, первичные ощущения, представляют собой то, что находится между психическим и физиологическим, и во-вторых, как нечто досознательное, душевное, и в каком-то смысле до конца никогда не познаваемое. Как бы мы не углублялись в комбинацию атомов, субъективный опыт переживаний нами остается недоступен к разложению материальных элементов, ведь до сих пор нейробиологии и в философии проблема сознания остается нерешенной.

В заключение важно отметить что, идея сердца у Юркевича больше похожа на концепцию бессознательного Юнга, так как для Фрейда бессознательное выступает как нечто нарушающее целостность индивида, как нечто разделяющее психику на область вытесненных подавленных запретных желаний. В случае Юнга бессознательное представляет собой потенциально интегрирующую силу и стремится к целостности, к гармоничному существованию в символе в том числе религиозном. В религии Юнг видел исцеляющую возможность, в отличие от Фрейда, который считал религию причиной невротизации. По-

этому, говорить об идее сердца Юркевича как о бессознательном по структуре можно учитывая Фрейдовские категории, но по содержанию оно ближе к аналитической психологии Юнга. В данной статье, задачей было указать на тот пограничный между психикой и физиологией момент, который был важен для Юркевича, и этот же вопрос лег в основу проблемы обозначенный Фрейдом в психоаналитической теории бессознательного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юркевич П. Д. Идея. М.: Правда, 1990. 672 с.
2. Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека. М.: Правда, 1990. 672 с.
3. Юркевич П. Д. Язык физиологов и психологов. М.: Правда, 1990. 672 с.
4. Фрейд З. Влечения и их судьбы. Учебное издание. В 10 т. Т. 3. Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма-СТД», 2006. 447 с.
5. Фрейд З. Положение о двух принципах психического события. Учебное издание. В 10 т. Т. 3. Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма-СТД», 2006. 447 с.

УДК 726.71 (745.9.05)

Аткина Людмила Ивановна,
доктор сельскохозяйственных наук,
профессор кафедры ландшафтного строительства
Уральского государственного лесотехнического университета,
atkinali@a.usfeu.ru

Москаленко Елена Витальевна,
старший преподаватель кафедры ландшафтного строительства
Уральского государственного лесотехнического университета,
moskalenkov@m.usfeu.ru

ЦВЕТОЧНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ХРАМОВ, КАК ОДИН ИЗ ПУТЕЙ ПРИХОДА ЧЕЛОВЕКА К ВЕРЕ В БОГА

В статье рассмотрен вопрос о приобщении современных людей к православной вере, благодаря обучению благолепному цветочному оформлению храмов и монастырских территорий (на примере мужского монастыря во имя святых Царственных Страстотерпцев в урочище «Ганина Яма»). Подробно рассмотрен вопрос воцерковления группы современных женщин учениц школы храмовой флористики «Благодать» города Екатеринбурга. На основе анкетирования, наблюдений во время обучения и после описан поэтапный опыт прихода к православной вере 50 учениц школы «Благодать». Можно сделать вывод о том, что именно участие в цветочном благоустройстве храмов дает современным людям возможность чувствовать себя причастными к приходской жизни, изучать вопросы религии и через Божию красоту обрести веру в Бога. Цветы помогают задуматься о бренности земной жизни, о Рае и красоте Царства Небесного. Недаром святой праведный Иоанн Кронштадтский сказал, что «цветы — остатки Рая на земле».

Ключевые слова: цветочное оформление, современный человек, ценности, храм, монастырь.

ATKINA L. I., MOSKALENKO E. V.
FLORAL DECORATION OF TEMPLES
AS ONE OF THE WAYS A PERSON COMES TO BELIEVE IN GOD

The article considers the issue of introducing modern people to the Orthodox faith, thanks to the magnificent floral decoration of temples and monastic territories (using the example of the monastery in the name of the Holy Royal Passion-Bearers in the tract "Ganina Yama"). The issue of the church formation of modern women is considered in detail on the example of the work of the school of temple floristry "Grace" in Yekaterinburg. Based on a questionnaire, observations during and after training, the step-by-step experience of 50 students of the Grace school coming to the Orthodox faith is described. It can be concluded that it is participation in the floral decoration of churches that gives modern people the opportunity to feel involved in parish life, study religious issues and gain faith in God through God's beauty. Flowers help to think about the transience of earthly life,

about Paradise and the beauty of the Kingdom of Heaven. It is not for nothing that the holy righteous John of Kronstadt said that “flowers are the remains of Paradise on earth”.

Keywords: floral decoration, modern man, values, temple, monastery.

В современном обществе наблюдается тенденция изучения вопросов, связанных с православием. На встрече с представителями патриотических общественных организаций, которая состоялась 15 ноября 2024 года в Епархиальном управлении Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Варсонофий (Судаков) сказал, что «можно крестик надеть, с хоругвями ходить, но, если не посещать храм, не исполнять заповеди Божии, это мало нам принесет пользы. Надо потихоньку идти к Богу. Но насильно никого привести нельзя. Человек должен сам анализировать, читать книги — сейчас много духовной литературы. В Царствие Небесное войдет только то, что мы делаем во имя Христа и со Христом. В ином случае добрые дела остаются на земле, как и все земные награды и почести. Нужно выстроить правильно свою жизнь, чтобы быть православными» [2].

Человек приходит к вере в Бога разными путями (через живопись, музыку и т. д.), поэтому важно сохранения традиций православной культуры. Цветочное оформление храмов — один из путей прихода современного человека к православной вере. Через благолепие цветочного благоукрашения храмов происходит встреча современного человека с Богом. Сначала проявляется интерес к флористике, затем происходит обретение опыта воссоздания благолепного украшения из цветов в храмах. На этом этапе современный человек частично или полностью меняет круг общения. Он все больше времени начинает проводить в храме, в общении со священнослужителями и верующими людьми и начинает, как правило, свое воцерковление и как следствие, постепенно осмысленно приходит к вере.

Целью данной работы является описание этапов воцерковления 50 современных женщин через занятия храмовой флористикой. Для этого рассмотрен вопрос традиции благоукрашения храма живыми цветами, ее влияние на формирование христианских взглядов.

Цветочное оформление православного храма — давняя традиция. У благочестивых людей истари заведено приносить в храм живые цветы и зелень, дабы украсить дом Божий творениями Создателя, выказать своё благоговение перед святынями. А. Н. Стрижев пишет, что «Дом Божий — святилище для вознесения молитв. Красота земной природы, этого подножия престола Божия, напоминает грешному человеку о красоте небесной, о Райском Вертограде. Украшением же природы являются цветы. Мир Божий велик и благолепен. Его понять существу земнородному — человеку по силам лишь отчасти, да и то, что доступно и познаваемо поведает ему о нескончаемой мудрости замысла Творца, непрестанно пекущегося о мире. Гармония, красота и благо торжествуют во всех творениях по воле Сущего, благоукрашить свой храм прихожане стремились от души издавна» [3]. В древние времена храмы украшали цветами просто без руководства определенными флористическими правилами. В зависимости от сезона года приносились те или иные цветущие растения. С течением времени в декоративно-прикладном искусстве появляются новые способы и техники цветочного оформ-

мления храмовых пространств, и как результат, возникает новое направление узкой специализации — храмовая флористика.

Первая на Урале школа храмовой флористики «Благодать» в Екатеринбурге была создана в 2015 году при храме во имя святого Целителя Пантелеимона по благословию Митрополита Екатеринбургского и Верхотурского Кирилла. Программа обучения была рассчитана на дневное 2-х годичное обучение храмовой флористике разных возрастных верующих на базе воскресной школы для взрослых. Первый выпуск (30 чел.) обучающихся на курсах состоял только из верующих, которые осуществляли деятельность по благоукрашению храмов на приходах Русской Православной Церкви. С 2016 года, на обучение стали записываться современные девушки и женщины, которые рассматривали обучение храмовой флористики, как хобби, работая по основной профессии в различных областях. Проведенное анкетирование (перед и после обучения) в каждой набранной на курсы группе из 10–15 слушателей выявило потребность в смене профессиональной деятельности среди невоцерковленных современных женщин и уже на второй год обучения они пришли к православной вере, воцерковились, сменили свою основную профессию на благоукрасителя храма, и в настоящее время благоукрашают храмы. Такой неожиданный результат превзошел все ожидания и был достигнут под влиянием программы обучения, при составлении которой, учитывались различные аспекты: от обучения основам храмовой флористики до ознакомления с символикой, традициями, церковным этикетом в Русской Православной Церкви.

Программа обучения состояла из следующих этапов: знакомства с профессией храмового флориста, флористическими инструментами, одеждой, *обучении работе с различными современными расходными материалами и конструкциями; специфике работы со свежесрезанными цветами, заключающееся в выборе, уходе, хранении, колористических сочетаниях*; изучении символики православных праздников богослужебного круга, канонов и стилей, традиционных способов, мест благоукрашения внутрихрамового пространства, частей храма, церковных терминов и этикета. Теоретические знания закреплялись практическими занятиями непосредственно на территории храмов и монастырей Екатеринбурга. Практические занятия проводились в смешанных по возрастной категории и степени воцерковленности группах, состоящих из 2–3 учениц. Невоцерковленные современные женщины через обучение храмовой флористике, личное обращения к преподавателям, ученицам школы храмовой флористики «Благодать», священнослужителям Екатеринбургской Епархии нашли ответы на многие вопросы, связанные с православием и постепенно воцерковились. У недавно воцерковленных современных женщин наблюдались изменения во внешнем виде. Например, привычка ношение платка не только в храмах, но и в повседневной жизни. Менялась манера поведения, общения до и после обучения проявлялся интерес к церковным мероприятиям. Ученицы принимали активное участие в жизни приходской общины что свидетельствует о желании поддерживать традиционные культурные ценности в православии.

Храмовая флористика для этих учениц — это путь служения в Церкви. Первоначально основываясь на интересе к флористике как творческому процессу,

они в итоге обучения выполняют работы в соответствии с церковным Уставом и со знанием символики растений, принимая их всей своей душой.

Ученицы школы храмовой флористики «Благодать» и во время, и после обучения часто привлекаются к масштабным проектам по цветочному оформлению торжественных мероприятий в Екатеринбургской Епархии, в том числе к мероприятию, связанному с визитом Патриарха Всея Руси Кирилла в Царские дни. Уже стало традицией, что в Царские дни, посвященные памяти Царской семье ученицы школы, приезжают из разных областей России для помощи в цветочном оформлении мужского монастыря во имя святых Царственных Страстотерпцев в урочище «Ганина Яма». Ежегодно ученицами школы изготавливается по 200 метров флористических гирлянд, 25–30 масштабных цветочных композиций для оформления портретов Царской семьи, поклонного Креста у шахты № 7, входных групп, досточтимых икон, мощевиков, памятников царю Николаю II, царице Александре Феодоровне, Великим князям и цесаревичу Алексею (Рис. 1; 2; 3).

Рис.1.Цветочная гирлянда в храме во имя Божией Матери «Державная» в монастыре во имя святых Царственных Страстотерпцев в Царские дни (2019 г.). Фото автора.

Рис.2. Оформление цветочной гирляндой паникадила в храме во имя святых Царственных Страстотерпцев в Царские дни (2019 г.). Фото автора.

Рис.3.Гирлянды из цветов для портретов Царской семьи. Фото автора.

Как итог, можно сказать, что в школе храмовой флористики «Благодать», где на протяжении 5 лет получили знания 150 учениц из Екатеринбурга и соседних областей выявлена прямая связь между обучением базовым принципам курса, согласно рабочей программе и последующим воцерковлением.

В подтверждение полученного вывода приводим слова основоположницы храмовой флористики в России Галины Кондратьевой: «Мое воцерковление случилось через флористику и благодаря ей» [1].

Мы рекомендуем, по возможности, расширять деятельность на приходах Русской Православной Церкви в этом направлении для привлечения новых прихожан в православные храмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Московской Епархии. URL: <http://moseparh.ru/cvety-zhizni.html> (дата обращения: 14.12.2024).
2. Официальный сайт Санкт-Петербургской Епархии. URL: <https://mitropolia.spb.ru/news/mitropolit/?id=25292> (дата обращения: 14.12.2024).
3. Стрижев А. Н. «Остатки Рая на Земле». URL: <https://proza.ru/2015/03/21/2363> (дата обращения: 14.12.2024).

АЛЬБРЕХТ ДЮРЕР: СИМВОЛЫ, АЛЛЕГОРИИ, СМЫСЛЫ

В статье рассматривается творчество Альбрехта Дюрера — выдающегося художника и теоретика искусства Северного Возрождения, чьи работы пронизаны глубокими символическими и аллегорическими значениями. Мы проанализируем ключевые произведения Дюрера, такие как “Меланхолия”, “Рыцарь, смерть и дьявол”, “Адам и Ева”, “Автопортрет» с акцентом на использование символов и их интерпретацию в контексте культурных и философских идей того времени. Особое внимание будет уделено тому, как Дюрер использует визуальные элементы для передачи сложных концепций, таких как человеческая природа, стремление к знанию и место человека в мире. Мы также обсудим влияние античной философии и христианской догматики на его творчество, и то, как его работы отражают изменения в обществе и мышлении эпохи.

Ключевые слова: символы, аллегории, интерпретация, смыслы, мышление, философия, природа.

NESTEROV G. V.

ALBRECHT DURER: SYMBOLS, ALLEGORIES, MEANINGS

The article discusses the work of Albrecht Durer, an outstanding artist and art theorist of the Northern Renaissance, whose works are imbued with deep symbolic and allegorical themes. We will analyze key works by Durer, such as “Melancholia”, “The Knight, Death and the Devil”, “Adam and Eve”, “Self-Portrait” with an emphasis on the use of symbols and their interpretation in the context of cultural and philosophical ideas of the time. Special attention will be paid to how Durer uses visual elements to convey complex concepts such as human nature, the pursuit of knowledge, and man's place in the world. We will also discuss the influence of ancient philosophy and Christian dogma on his work, and how his work reflects the changes in society and the thinking of the era.

Keywords: symbols, allegories, interpretation, meanings, thinking, philosophy, nature.

Альбрехт Дюрер (1471–1528 гг.) остается одной из самых значительных фигур в истории европейского искусства. Его творчество оказало глубочайшее влияние на развитие живописи и графики Эпохи Возрождения. Он не только стал пионером в технике гравюры, но и привнес в искусство богатую символику и аллегории, которые отражали сложные философские и религиозные идеи своего времени. Вклад Дюрера в мировое искусство был настолько значителен, что искусствоведы справедливо называют конец XV и первую половину XVI века «эпохой Дюрера». Он смог привнести новаторские элементы итальянского Воз-

рождения в искусство Северных Альп и Германии, которое еще сохраняло средневековые черты.

В данной статье, на примере некоторых работ художника будет рассмотрена символика и аллегории, а также влияние христианской и античной философии на художественное мышление Альбрехта Дюрера. Целью исследования является понимание того, как религиозные и философские идеи формировали художественный мир Дюрера и каким образом он использовал их для характеристики персонажей, событий и концепций, затрагивающих экзистенциальные вопросы человеческого бытия.

Загадочность фигуры Дюрера, порождала немало легенд, вследствие чего современники порой всерьез считали художника сродни неизвестному в те годы, доктору Фаусту, легенды о котором были очень распространены в Европе, особенно на его родине, в Германии. Дюрер, подобно Леонардо да Винчи и другим гениям тех лет, интересовался оптикой, астрономией, математикой, биологией и анатомией. Он обладал очень хорошим образованием и был развит всесторонне.

«Немецкие писатели и гуманисты уже в начале 1500-х годов восторженно приветствовали его как первого художника Германии и провозгласили его немецким Аппеллесом. Так, уже в 1505 году известный писатель Якоб Вимпфелинг упомянул о нем в своей истории Германии как об авторе совершеннейших картин и произведений, которые высоко ценились даже в Италии. Действительно, гравюры Дюрера в то время уже были известны далеко за пределами Германии и имели всюду большой успех» [5, с. 11–12].

Ренессанс ознаменовал собой появление новых идей и подходов к изображению человека и природы. Художники стремились к более реалистичному отображению окружающего мира и человеческого тела. Дюрер, являясь ярким представителем этого течения, ввел в свои работы принципы наблюдения за природой и антропоморфизм. Такое стремление к точности стало отправной точкой для нового этапа развития живописи и графики. Глубокое изучение анатомии и природы позволило ему достичь высокой степени мастерства и реализма в своих произведениях.

В это время также активно развивалась гуманистическая философия, которая ставила человека в центр мироздания. Научные открытия, такие как работы Коперника, изменили представления о месте человека во вселенной. Это усилило интерес к индивидуальности и человеческому опыту, что отражается в произведениях Дюрера, где внимание уделяется эмоциональным состояниям и внутреннему миру персонажей. Его знаменитая гравюра «Меланхолия» (1514), стала символом этого нового восприятия человека, изображая не только физическую красоту, но и глубину человеческой души.

Эпоха Ренессанса была временем новых открытий и расширения горизонтов. Колониальные завоевания и экспедиции открыли новые земли и культуры, что также оказало влияние на европейское искусство. Ц. Г. Нессельштраус, автор предисловия к изданию «А. Дюрер. Дневники, письма, трактаты. Т. 1. 1957 г.», отмечает, что художник «...проявлял большой интерес

к искусству итальянского Возрождения. Еще в юности он копировал гравюры Мантеньи, стремясь постигнуть структуру человеческого тела и овладеть изображением движения. В 1494–1495-х годах он предпринял путешествие в Италию. От этой поездки сохранился ряд рисунков и акварелей, преимущественно пейзажей, выполненных им в пути» [5, с. 11].

Альбрехт Дюрер в своих работах постоянно использовал широкий спектр символов и аллегорий. Эти элементы не только обогащали художественное содержание, но и служили важным средством коммуникации между художником и зрителем. Мастер глубоко осознавал силу символики и часто использовал её для создания многослойного смысла, что позволяет современным исследователям заново открывать его работы и разгадывать зашифрованные послания.

Дюрер, пожалуй, единственный среди знаковых художников, который прославился своими автопортретами. В девять лет он создал свой первый автопортрет (рисунок). Стоит обратить особое внимание на его мюнхенский автопортрет 1500 года, выполненный им до начала работы над знаменитой «Меланхолией».

Исследователи творчества художника обращают внимание на некоторые детали в этой работе Дюрера. Многие из них отмечают двойственность в автопортрете — «...Очевидна аналогия с изображением творца, Бога — резко фронтальное изображение лица, прекрасные золотые волосы, расчесанные по бокам, строгий испытующий взгляд. Домашний халатик на беличьем меху. Нервная рука потрясающей красоты, как обнаженные нервы. Да, все дано, как на картине: меланхолия, но я только человек, и как человек я абсолютно слаб. Этот портрет 1500 года — портрет великого мастера, которому так много дано и у которого так много отнято, который так силен и который так по-человечески болезнен и слаб, который может то, чего не может никто, — он творит шедевры, и который имеет такую болезненную и уязвимую в жизни оболочку» [4, с. 19–20]. Дюрер был первым живописцем европейской школы, который осмелился сопоставить свой образ в автопортрете с самим Господом Богом, а именно Иисусом Христом. Неслыханная дерзость по тем временам!

Марсель Брион, известный исследователь творчества Альбрехта Дюрера, в своей работе «Дюрер» [3] говорит о различных автопортретах художника, которые он создал на протяжении своей жизни. У него мы можем прочитать, как Дюрер изображал себя в разных возрастах и состояниях: от взволнованного подростка до уверенного молодого человека с грацией, затем к зрелому мужчине с итальянской меланхолией и немецкой строгостью. В некоторых портретах он выглядит грустным и страдающим, даже обнаженным, что может символизировать его вопросы о здоровье. Также Брион упоминает портрет мальчика, ученика золотых дел мастера, который больше интересовался человеческой природой, чем драгоценными металлами. Все эти образы показывают разнообразие и глубину личности художника. Таким разнообразным и непостоянным предстаёт нам мастер в своих автопортретах.

Некоторые работы Дюрера 1500–1510х годов отразили стремление к «созданию канона человеческой красоты» и применению «геометрических схем в ком-

позиции». Позднее он отказался от поисков идеальных форм. «Снова произведения его наполняются дыханием жизни, обретают страстность и убедительную конкретность его ранних работ. Таковы его прославленные гравюры на меди 1513–1514 годов — «Рыцарь, смерть и дьявол», «Меланхолия» и «Св. Иероним», в которых он поднимает волновавшие всех в то время вопросы о верности долгу и твердости убеждений, об истинной ценности человеческих знаний» [5, с. 12].

Одним из наиболее известных примеров символизма в творчестве Дюрера является его гравюра «Меланхолия», созданная им в 1514 году. Здесь изображена некая крылатая фигура, похожая на ангела, окружённая различными предметами, каждый из которых символизирует разные аспекты знания и творчества. Среди них можно увидеть столярные и геометрические инструменты, книги и другие атрибуты науки и искусства. Позади женщины взошедший на жёрнов младенец с крылышками за спиной, выводит что-то на дощечке. Рядом свернулась в калачик тощая собака. Справа в глубине возвышается каменное здание, быть может, недостроенное, так как к нему прислонена деревянная лестница. Меланхолия, представленная здесь как обдумывающая и глубоко эмоциональная фигура, вступает в диалог о природе человеческой гениальности и страха. Стоит обратить внимание на контраст между центральной фигурой и окружающим пространством: меланхолия, несмотря на всю свою красоту и загадочность, передает ощущение одиночества и внутренней борьбы.

Известный искусствовед Паола Волкова в своём исследовании творчества Дюрера, отмечает, что — «Меланхолия» — «...это не просто гравюра, и даже не просто высшая точка формирования особого дюреровского стиля: сочетание колоссального опыта, труда, немислимых технических вещей, открытий, которых мы до конца даже не можем назвать. Это рассказ, очень многогранный: о том, что такое человеческая гениальность, что такое аспекты человеческой гениальности, безграничность и самим человеком поставленные ограничения, точность, аргументированность и опыт» [4, с. 9–10].

Гравюра «Меланхолия» была создана Дюрером после гравюры «святой Иеронима в келье» (1514). Довольно сложно расшифровывать и анализировать смысл и внутреннее, закадровое содержание этой работы. Однако, при внимательном рассмотрении гравюры, можно заметить, что она поделена на 3 «пояса», каждый из которых представляет собой некие ступени познания. Это нечто вроде энциклопедии, содержащей знания и представления о мире людей той эпохи. Однако речь идет только о тех, кто обладал полным объемом знаний.

Здесь важно отметить, что тема познания играла ключевую роль в творчестве Альбрехта Дюрера, отражая дух эпохи Ренессанса, когда художники и ученые стремились к глубокому пониманию природы и человеческой жизни. Дюрер, помимо своей художественной деятельности, активно изучал анатомию, геометрию, астрономию, перспективу и многие другие науки, что позволяло ему создавать более реалистичные и выразительные произведения. Его труды, такие как «Учение о пропорциях человека», демонстрируют стремление к научному подходу и систематизации знаний, что было характерно для многих современных ему мастеров, к примеру, таких как Леонардо да Винчи.

Вновь обратимся к прочтению содержания гравюры «Меланхолия» которое дал историк искусства Э. Панофский. В качестве ключа к разгадке ученый предложил — «текст известного Дюреру трактата Агриппы Неттесгеймского, где философ рассуждает о трех ступенях постижения истины. Первая, низшая из всех, доступна людям искусства, вторая принадлежит ученым, третья — тем, кто занимается сферой небесного, то есть теологам» [4, с. 14].

Интересны размышления Паолы Волковой о песочных часах — «...песочные часы присутствуют в каждой гравюре Дюрера. Песочные часы держит дьявол перед лицом рыцаря. Песочные часы висят на стене в келье святого Иеронима... И очень большое значение песочные часы имеют в «Меланхолии». Песочные часы — это выражение образа времени» [2, с. 121–122].

На стене, рядом с песочными часами и колоколом, размещен Магический квадрат, состоящий из шестнадцати ячеек, в которые вписаны числа. Примечательно то, что сумма чисел в каждой строке, каждом столбце и на обеих диагоналях этого квадрата всегда равна 34 — числу, которое встречается в численном ряду Фибоначчи. В составе квадрата также присутствуют другие числа из этого ряда: 1, 2, 3, 5, 8, 13. Два центральных числа в нижнем ряду квадрата несут в себе информацию о дате создания картины — 1514 год.

В своей книге «Мост через бездну», анализируя работу Дюрера, Паола Волкова большое внимание уделяет Вавилонской башне, она рассматривает её как символ — «... которая никогда не может быть достроена, потому что она и является символом непознаваемости. Она указывает на то, что есть вещи, которые познать можно, — это первый ряд. Есть вещи, которые нужно познать ученому человеку. И есть вещи, которые непознаваемы. Познание бесконечно, оно безгранично...» [2, с. 120–121].

Все эти объекты являются отражением внутреннего мира гения, который в данной работе представлен фигурой, расположенной справа. Крылья символизируют безграничные возможности познания, тогда как циркуль здесь выступает в роли некоего инструмента баланса, измерения, ограничения, ибо всё должно находиться под контролем. Не зря Паола Волкова отмечает, что: «...не было человека, кроме Леонардо, который до такой степени интересовался познанием самого себя, самоанализом, самоконтролем, самоизучением. Крылья гения и циркуль...» [4, с. 19].

Что касается непосредственно названия и тематики гравюры «Меланхолия», Марсель Брион в работе, посвящённой биографии А. Дюрера упоминает тот факт, что Дюрер не боялся меланхолии. «...Он часто погружался в подобное состояние, что можно заметить на ряде его автопортретов... Меланхолия на гравюре Дюрера — это не романтически-барочная меланхолия и не меланхолия конца Средневековья, а состояние, подобное тому, какое испытывает человек после напряженного умственного или физического труда» [1, с. 117].

Глубоко верующий художник сильно проникался религиозными идеями своего времени, стремясь отразить их в своем творчестве. Его гравюра «Рыцарь, Смерть и Дьявол» (1513), стала символом столкновения основных противоположностей: Добра и Зла. Рыцарь, выступающий в роли хранителя христиан-

ских ценностей, неуклонно движется вперед, преодолевая страх перед смертью и искушениями дьявола. Это произведение не только выражает идеал христианского воина, но и поднимает вопрос о выборе между добродетелью и соблазнами. Художник использует аллегорические образы для передачи своего видения христианских ценностей и нравственной ответственности человека.

Как считает исследователь Полина Пендина: «...на создание образа рыцаря Дюрера вдохновила статуя кондотьера — командира наемной дружины в средневековой Италии — Бартоломео Коллеони. Эту работу скульптора Андреа дель Верроккьо художник видел во время своего путешествия по Венеции. Другим возможным прототипом считается эскиз Леонардо да Винчи к конному памятнику Франческо Сфорци в Милане... [7]. Образ рыцаря, представленный на гравюре Дюрером, вызывает также и ассоциации с христианским воином, о котором в 1501 году писал философ Эразм Роттердамский в своем произведении «Руководство воина Христова». В данном труде автор призывал молодежь не бояться опасностей и с верой в сердце двигаться вперед.

На гравюре изображен христианский рыцарь в доспехах, верхом на тяжелом боевом коне, едущий в узком ущелье. В гриву и хвост его лошади вплетены дубовые листья, символизирующие «силу духа». Справа от всадника подкрадывается Дьявол с кабаньей мордой и тремя рогами. Слева на худой кляче едет Смерть — оживший мертвец в короне и саване, который поднимает перед рыцарем песочные часы, напоминая о неизбежности конца и бренности земной жизни. Корона у Смерти здесь является как бы недвусмысленным намёком на земных владык и означает, что всё бrenно и ничто не вечно. Власть, Сила, Богатство — всё проходит и остаётся лишь боль, горечь и разочарование по итогу несправедливо прожитых дней и времени, потраченного на пустые развлечения и преумножения богатств земных, а не на спасение своей души. Единственным положительным символом — спутником всадника является пёс, олицетворяющий верность. «Крепость на вершине горы в верхней части гравюры символизирует Царствие Небесное, то есть конечную цель пути христианина. Главная идея этой гравюры заключается в величии человека, способного преодолеть как собственные пороки, так и страх смерти» [7].

В эпоху Ренессанса развивалась христианская мысль и гуманизм, порождая новые представления о человеке как о заложнике божественной судьбы. Это отражено во многих произведениях, таких как «Адам и Ева» (1504), где Дюрер изобразил понимание первородного греха и его последствий для современников. Персонажи Адама и Евы передают сложности человеческой натуры, показывая внутреннюю борьбу между инстинктом и нравственным выбором. Художник в своем произведении выделил несколько ключевых деталей, связанных с тематикой Адама и Евы, таких как четыре животных, представляющих четыре типа темперамента.

Человек, согласно взглядам древних греков, имел темперамент, который зависел от соотношения четырех основных жидкостей в организме: крови, лимфы, желтой и черной желчи. Эти жидкости изначально были в гармонии, но после того как Адам вкусил запретный плод, это равновесие было разрушено, и человечество оказалось втянуто в грехи. Как замечает в своей статье Полна Пен-

дина: «Кошка — холерик, склонный к гордыне и гневу. Кролик — сангвиник, подверженный похоти. Бык — флегматик, чьи грехи — чревоугодие и уныние. Лось — меланхолик, жадный и вечно впадающий в отчаяние. К какому типу темперамента принадлежал человек, зависело, по мнению древних греков, от преобладания в организме определенной жидкости — крови, лимфы, желтой или черной желчи. Изначально эти жидкости находились в идеальном равновесии, но после того, как Адам попробовал запретный плод, оно было нарушено и человечество погрязло в грехах» [7]. Наивный Адам, не осознающий последствий своих действий, сравнивается с мышью у его ног, которая не замечает кота, готового на неё напасть. Рядом с Евой, на древе познания, смоковнице, изображен змей, олицетворяющий зло и искушения. Ему противостоит попугай как символ мудрости и доброжелательности. «Он сидит на ветке древа жизни, дикой рябины, за которую держится Адам» [7].

Философские идеи, возникшие в эпоху Ренессанса, оказали значительное влияние на творчество Альбрехта Дюрера. Гуманистические концепции, развивавшиеся под воздействием античной философии, стали основополагающими для его искусства, в котором он стремился к гармонии между человеком и природой, выходя за рамки традиционных художественных форм. Гуманисты утверждали, что человек — это разумное существо с свободной волей, способное к творческому самовыражению. Это видно и в автопортрете Дюрера 1500 года, о котором уже упоминалось. Внимание художника к анатомии и его способность точно передавать характер человека являются важными аспектами гуманистической традиции.

Кроме того, философские идеи, связанные с платонизмом, также оказали заметное влияние на его творчество. Платон говорил о мире идей и формах, что впоследствии отразилось в стремлении художников искать идеал в своих работах. Дюрер стремился запечатлеть как внешнюю красоту, так и внутреннюю суть своих персонажей. В таких работах, как «Святой Иероним в келье» и «Адам и Ева», он хорошо отражает эту гармонию между материальным и духовным.

В серии «Мастерские гравюры на меди» третьей по счету является гравюра, носящая название «Святой Иероним в келье». Здесь изображен старец, занимающийся созерцательной деятельностью в уютной келье. На переднем плане виден лев, а на заднем — Святой Иероним за работой. В келью через окна проникает свет, но здесь также присутствуют символы, напоминающие зрителю о смерти: череп и песочные часы. Святой Иероним сосредоточенно пишет, его голова окружена светом. На столе лишь подставка для книг, на которой лежат его труды, расписание и чернильница. Картина отражает характерную для Эпохи Возрождения композицию. Дюрер мастерски использует свет и тень для создания объема и глубины, а также для передачи эмоционального состояния святого. Дюрер был единственным мастером гравюры тех лет, сумевшим передать в своей работе солнечный свет! Лицо Иеронима выражает задумчивость и сосредоточенность, отражая его внутренние размышления о вере и знаниях.

Главный герой гравюры — ученый-богослов Иероним, причисленный к лику святых. Он жил в Риме в IV веке, изучал философию, а в зрелом возрасте

принял крещение, оставил мирскую жизнь и отшельником поселился в монастыре недалеко от Вифлеема — города, где родился Иисус Христос. Образ святого Иеронима неслучайно привлекал внимание и продолжает интересоваться многих исследователей... Он почитается не столько за свою святость, сколько за ученость — как ученый-мистик, толкователь священных книг, интеллектуал, проповедник аскетизма. Его труды по церковной истории положили начало христианской агиографии и историографии. Но прежде всего он известен как автор нового перевода Библии на латинский язык — Вульгаты [3].

При внимательном рассмотрении гравюры «Святой Иероним в келье» проявляется интересный момент — келья эта, на самом деле, рабочий кабинет Альбрехта Дюрера в его доме, в Нюрнберге. Интерьер кельи и атмосфера эпохи в полной мере подчеркивают актуальность сюжета для любого времени. Стоит отметить, что эта гравюра не только демонстрирует техническое мастерство Дюрера, но и служит символом глубокого стремления к знанию и духовному просветлению. «Святой Иероним в келье» является ярким примером сочетания искусства и философии, характерного для эпохи Ренессанса.

Самый распространенный атрибут Иеронима, благодаря которому его легко узнать на картинах, — лев. Льва стали изображать непременным спутником святого с конца XIII в., после того как сюжет «Отшельник со львом» появился в популярной «Золотой легенде», в которой рассказывается о том, как Иероним помог льву избавиться от занозы в лапе, за что благодарный лев остался служить при монастыре, охраняя осла, перевозившего хворост. Еще раньше схожая легенда была связана с другим святым, Герасимом Иорданским, возглавлявшим лагру (сообщество отшельников) возле Иерихона [8].

Творчество Альбрехта Дюрера представляет собой уникальный синтез философских и христианских концепций, отражая богатый внутренний мир мастера и его стремление к поиску смысла. Исследование его искусства открывает двери к новому пониманию не только эпохи Ренессанса, но и самой природы человеческого бытия. Дюрер успешно сочетает элементы символизма и аллегории, свои знания Человека эпохи Ренессанса, создавая произведения. Его символика становится связующим звеном между реальностью и духовным самоанализом. Творчество Дюрера заставляет разгадывать замыслы, идеи художника, которые придают его работам уникальную ценность и актуальность в различные исторические эпохи.

Хотелось бы закончить разговор о Альбрехте Дюрере словами знаменитого историка и теоретика искусства — Г.Вёльфлина, оказавшего значительное влияние на развитие науки об искусстве: «Дюрер подарил немецкому искусству новый глаз и новое сердце. Но мне кажется, что, если бы его спросили о его высшем достижении, он увидел бы его в рождении идеи созидательного искусства, которое обнаруживая в природе скрытую в ней гармонию и не утрачивая реальности, сквозь нее делает доступным для всех образ прекрасного» [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Брион М. Дюрер. М.: Молодая гвардия, 2006. 214 с.
2. Волкова П. Д. Мост через бездну. Книга вторая. М.: АСТ, 2015. 224 с.
3. Вольская Т. В. Жития святых как источник сюжетов западноевропейской живописи XIV–XVII вв. (на примере образа святого Иеронима Стридонского) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhitiya-svyatyyh-kak-istochnik-syuzhetov-v-zapadnoevropeyskoy-zhivopisi-xiv-xvii-vv-na-primere-obraza-svyatogo-ieronima-stridonskogo> (дата обращения: 30.01.2025).
4. Дюрер А. Дневники и письма. М.: АСТ, 2021. 272 с.
5. Дюрер А. Дневники, письма, трактаты. Т. 1. М.: Искусство, 1957. 250 с.
6. Дюрер А. Трактаты. Дневники. Письма. СПб.: Азбука, 2000. 704 с.
7. Пендина П. Статья, подготовленная по материалам выставки «Альбрехт Дюрер. Шедевры гравюры». URL: <https://www.culture.ru/materials/256313/zagadki-dyurera-chtto-zashifroval-khudozhnik-v-svoikh-rabotakh?ysclid=m44js5oqtr731639726> (дата обращения: 30.01.2025).
8. Яковлев В. Д., Вольская Т. В. Святой Иероним Стридонский в западноевропейской живописи: традиции, символы, смыслы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyatoy-ieronim-stridonskiy-v-zapadnoevropeyskoy-zhivopisi-traditsii-simvoly-smysly> (дата обращения: 30.01.2025).

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ СИНТЕЗА МУЗЫКИ И ЖИВОПИСИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. К. ЧЮРЛЁНИСА

В статье исследуется феномен синтеза разных видов искусств творчества литовского художника, композитора, общественного деятеля Микалоюса Константинаса Чюрлёниса (1875–1911). Рассматриваются взаимодействие и взаимовлияние разных жанров искусства, таких как живопись, объединившая символизм и абстракционизм, и музыка, имеющая особенные принципы построения с живописной образностью и легкостью. Анализируется воздействие символических образов его живописных и музыкальных произведений на зрителя и слушателя.

Ключевые слова: Чюрлёнис, музыкальная живопись, музыка, художник, композитор.

ESINA N. S.

THE SYNERGETIC EFFECT OF THE SYNTHESIS OF SIMBOLISM IN MUSIC AND PAINTING IN THE WORKS OF M.K. CIURLIONIS

The article explores the phenomenon of the synthesis of different types of art by the Lithuanian artist, composer, and public figure Mikalojus Konstantinas Ciurlenis (1875–1911). The article examines the interaction and mutual influence of different genres of art, such as painting, which combines symbolism and abstractionism, and music, which has special principles of construction with picturesque imagery and lightness. The impact of symbolic images of his paintings and musical works on the viewer and listener is analyzed.

Keywords: Ciurlenis, musical painting, music, artist, composer.

Художник не только наделён способностью чувствовать время и передавать его в своём творчестве, у него есть важнейшая черта: он всегда готов к творческому поиску, к нахождению новых возможностей в передаче важных, перспективных ценностей, улавливать тенденции развития человека, культуры, находить формы, позволяющие выразить адекватно дух своего времени, ритм развития культуры и мира глазами ЧЕЛОВЕКА-ХУДОЖНИКА. Таким был литовский композитор и художник Микалоюс Константинас Чюрлёнис.

Профессиональное музыкальное образование с раннего детства, тонкость восприятия окружающего мира, художественный вкус, стремление к познанию мистической стороны человеческой жизни — всё это послужило основой для начала нового направления в литовском искусстве в частности, и в целом, развитию идеи синтеза искусств, витавшей в творческой среде в начале XX века.

Для более глубокого понимания истоков творчества и мировосприятия автора необходимо обратиться к историко-биографическому методу исследования и рассмотреть основные вехи биографии художника.

Родился Микалоюс в г. Варене в семье церковного органиста первым из девяти детей. С 6 лет начал проявлять талант к музыке. Первым педагогом был отец, научивший Микалоюса игре на органе. Детство будущий композитор провёл в литовском курортном городке Друскининкай.

«Родители его были бедны, семья — большая. Как старший сын, он рано должен был начать думать о заработке. К музыке его влекло с детства; любовь к ней и способности он унаследовал от матери, женщины глубоко музыкальной.» [4, с. 27]

В возрасте 14 лет зачислен в оркестровую школу князя М. Н. Огинского в г. Плунге. Дружба с князем, несмотря на разницу в возрасте, будет длиться на протяжении 15 лет, до самой смерти князя. В школе Кастукас (детское прозвище М. К. Чюрлёниса) изучил игру на флейте и занялся композиторской деятельностью, играл в оркестре. Здесь же, гуляя по школьному саду, делает первые зарисовки, хотя главной страстью остаётся музыка.

В 1894 г. (19 лет) благодаря поддержке князя Огинского поступает в Варшавский музыкальный институт, где за годы учёбы создаёт около 25 фуг, кантату *De Profundis* (выпускная работа), симфоническую поэму «В лесу».

По окончании института навещает своего покровителя и посвящает ему торжественный полонез. Князь дарит Микалоюсу пианино — предел мечтаний любого небогатого музыканта того времени.

Затем Микалоюс, опять же при поддержке князя Огинского поступает в Лейпцигскую консерваторию, где проучится всего год, т. к. со смертью его друга и покровителя финансирование обучения прекращается. Но за это время музыкант весьма успешно и обширно расширяет свой кругозор — интересуется, помимо основных предметов, философией, историей эзотерики. Здесь же в Лейпциге, Чюрлёнис начинает серьёзно увлекаться живописью.

После вынужденного окончания консерватории, с 1902 г. жизнь музыканта и начинающего художника складывается неоднозначно. Он живёт в Варшаве и зарабатывает уроками музыки, а свободное время посвящает живописи. С 1904 г. активно участвует в создании и становится первым слушателем новооткрывшейся Варшавской школы изящных искусств.

С 1903 по 1907 гг. работает над симфонией «Море», которую в итоге посвящает Брониславе Вольман, почитательнице его талантов. Она играет большую роль в его жизни, материально поддерживая художника приобретением его работ и оплачивая его путешествия (в 1905 г. на Кавказ и в Крым, в 1906 г. по культурным центрам Европы).

В 1905 году, летом, на выставке в Варшаве работы Чюрлёниса обращают на себя пристальное внимание, вызывают обсуждения. Часть работ продаётся. В 1906 г. весной успех повторяется в Петербургской академии.

В 1907 г. в Вильнюсе проходит выставка работ литовских художников, после которой Микалоюс переезжает жить в Вильнюс и начинает активно заниматься общественной деятельностью. Здесь же в Вильнюсе он встречает свою большую любовь и единомышленницу — Софию Кимантайте, которую любит до конца жизни.

Осенью 1908 г. Чюрлёнис переезжает в Санкт-Петербург, где знакомится с именитыми художниками «Мира искусства» — А. Бенуа, И. Билибиным, Н. Рерихом, М. Добужинским, критиком С. Маковским, которые с интересом и большим теплом встречают литовского гостя. Но, не смотря на положительные отклики мэтров, единственным заработком художника остаются уроки игры на фортепиано. Мастер отвергает различные предложения службы, чтобы не терять душевного равновесия и творческой свободы.

В 1909 г. Микалоюс и София обвенчались. Он пытался жить на два города, но ничего не выходило. Работы не предвиделось, картины не продавались. Мастер оставался непонятым и непринятым. Люди воспринимали его как талантливую, но странного чудака. Лето этого года было последним счастливым в жизни пары. Осенью он снова уехал в Петербург, где его подстерегала душевная болезнь.

В 1910 г. супруга забрала мастера в родительский дом в Друскининкай. Затем последовала череда санаториев, клиник и лечебниц. Рождение дочери и всё нарастающий успех произведений мастера прошли мимо него.

В 1911 году Миккалоюс встречает своё любимое время года — весну — в клинике для душевнобольных, где истощённый и ослабленный умирает от простуды после прогулки в лёгкой больничной одежде.

Известный критик рубежа XIX–XX в. С. К. Маковский в журнале «Аполлон» в 1911 г. отмечает:

«Есть художники, судьба которых обрывается, как грустная, полувнятная песнь. Они приходят к нам, одинокие, загадочные, с руками, полными соковок, желая рассказать много — о чудесах далеких, о странах мечты нездешней, но внезапно уходят, не открыв своей тайны... Недолгая жизнь Чюрляниса — тоже недопетая песнь. Смерть ревниво увела его у нас в ту минуту, когда казалось — вот-вот из рук его польются сокровища и осветятся сумерки его мечты... Да, недопетая песнь. По отношению к Чюрлянису это не только метафора. Его творчество — музыка в той же степени, как живопись; в иных случаях — даже больше музыка, чем живопись. Свои фантастические картины он действительно пел, выражая нежными красками, узорами линий, всегда причудливой и необычайно индивидуально композицией какие-то космические симфонии... В его душе звуки непосредственно претворялись в зрительные образы, в миры призраков, в волшебные свитки то кошмарно-жутких, то райских видений; в его душе из звуков возникали хоры ангелов и крылатые всадники, невиданные города и сказочные горы, вихри облаков, принимающие формы воинов и зверей, вереницы солнц и лун, вселенские радуги, огненные круги преисподней, таинственные шатры небесных сфер...» [4, с. 23].

С ранних лет мастер живёт в мире, наполненном музыкой, которая чуть позже гармонично дополняется визуальными образами живописи. Своим твор-

чеством Чюрленис создаёт удивительный синтез принципов построения музыкальных и изобразительных произведений. Имеющий блестящее образование и в музыкальной, и в художественной сфере, он проводит аналогии между громкостью музыкального тона и интенсивностью цвета, контура, между музыкальным темпом и пластическим ритмом, между музыкальным телом произведения и цикличностью структуры изображения.

Друг и коллега М. В. Добужинский вспоминал:

«Как сейчас вижу его лицо: необыкновенно голубые трагические глаза с напряженным взглядом, непослушные редкие волосы, которые он постоянно поправлял, небольшие редкие усы, хорошую несмелую улыбку. Здороваясь, он приветливо смотрел в глаза и крепко пожимал руку, немножко оттягивая ее вниз. Он часто что-то напевал, помнится, однажды, уходя, он стал напевать «Эгмонта» и при этом улыбался своим мыслям. К нам его привлекало еще и то, что здесь он мог играть на замечательном новом «Беккере». Когда Чюрленис окончательно свыкся с нашей обстановкой, он целыми часами просиживал у рояля, часто импровизировал и приходил играть даже тогда, когда нас не было дома. <...> Играл он нам и свою симфоническую поэму «Море». Меня всегда удивляло, как тихий, робкий Чюрленис у рояля становился совсем другим, играл с необыкновенной силой, так, что рояль под его руками ходуном ходил...» [1, с. 392].

Современный исследователь «Серебряного века» Рапацкая Л. А. отмечает, что: «...М. Чюрленис был наделен сразу двумя талантами — композитора и живописца, которые, казалось, спорили друг с другом. Сегодня очевидно, что при несомненной композиторской одаренности Чюрленис был в общем традиционным музыкантом и в какой-то мере повторял открытия Скрябина, Рахманинова и Метнера. Гораздо значительнее его вклад в изобразительное искусство. Как-то Максим Горький, восхищенный полотнами Чюрлениса, назвал их «музыкальной живописью». Художник же мечтал об ином. Он «болел» идеей создать новый вид искусства — «зримую музыку», где органично сливались бы музыкальные формы и их изобразительный аналог» [7, с. 40].

Циклы художественных работ получают музыкальный характер. Оформляются в сонаты. Соната имеет определение произведения академической музыки для одного или двух музыкальных инструментов, состоящего из трёх или четырёх частей, разных по характеру и темпу. Аллегро, Анданте, Скерцо и Финал — составляют и циклы художественных работ мастера. Наиболее известны Сонаты Моря, Звёзд, Солнца, Пирамид.

В художественных работах переданы характерные черты музыкальных тем — бурные, стремительные, яркие, насыщенные формами и динамикой, восторженные Аллегро, спокойные, сдержанные, уравновешенные, плавные Анданте, ироничные, шутливые, лёгкие Скерцо и впечатляющие, ошеломляющие Финалы.

Сам мастер не любил объяснять свои работы, считая, что обязанность художника — изобразить, а обязанность зрителя — воспринять и осмыслить. Поэтому зрителю остаётся проникаться творчеством мастера и каждому для себя определять значения тех или иных символов, запечатленных в работах художника.

В музыкальных по форме, ритмически и композиционно выдержанных работах наиболее часто встречаются изображения моря, деревьев, человеческих и крылатых ангелоподобных фигур, птиц, цветов. В Похоронной симфонии художник обращается к теме смерти. Можно предположить и попытку намёками, аллегориями, символами изобразить Бога как надмирное и всеобъемлющее Сущее. Например, в цикле «Сотворение мира» (1905–1906 гг.), в работах «Сказка королей» (1909 г.), «Рех» (1909 г.), «Покой» (1904 г.), «Закат» (1904 г.).

Образностью, повествовательностью, живописностью характеризуются и музыкальные произведения мастера. Ярким примером является симфоническая поэма «В лесу», где во взвешенных, благородных спокойных интонациях угадываются, как мазками написанные, образы ветра, солнечного света, тихого перешёптывания деревьев.

В одном из самых грандиозных музыкальных произведений — симфонической поэме «Море» отражены величие, простор, ласка и вспыхивающая опасность морской стихии. Монументальная, завораживающая поэма раскрывает необъятный творческий потенциал композитора.

Лёгкость, воздушность музыкальных фраз ранних произведений композитора и спокойная, вдумчивая глубина более позднего творчества имеют богатейший музыкальный язык.

Милизмы, фиоритуры, пассажи и тираты, гармонические и темпоральные решения — при помощи разнообразнейших музыкальных приёмов мастер оформляет самую загадочную субстанцию человеческого бытия — время, наполняя его символами, смыслами, образами и ощущениями.

Вновь обращаемся к С. К. Маковскому, который дал наиболее точную характеристику воздействию творчества художника и композитора: «...Космическое и потустороннее чувствование вещей делает то небольшое, что создано Чурлянисом, знаменательную страницу в летописи предвестий нового мифотворчества. Ибо нельзя не видеть, что пафос этого художника — не пафос мечты, как иллюзии, а *profession de foi* объективного мирозерцания, исповедь внутреннего зрения, свидетельство тех духов в человеке, которых Данте называл «*Spiriti del viso*». Другой момент его пафоса — «*Sursum*», вечное восхождение к началу и источнику Платоновых идей и пифагорейских чисел...» [4, с. 25].

Таким образом, вполне обоснованно будет применить понятие синергетического эффекта и сказать, что эффект воздействия творчества мастера усиливается за счёт объединения принципов музыкального и изобразительного искусств в единую систему образов, наполнения их глубокими философскими и поэтическими символами. Можно только предположить, насколько был уникален внутренний мир М. К. Чюрлёниса, сотканный из звучания музыки, художественного, живописного восприятия окружающего и воплощающийся через

тонкое сознание гениального творца в неповторимых произведениях. Эти произведения мастера — ярчайший пример органичного воплощения закона эмерджентности, где каждый элемент системы (в рассматриваемом случае это музыкальные произведения автора, его художественные работы, смысловая нагрузка и форма, определяющая их строение) в совокупности создаёт незабываемый, глубоко проникающий в сознание эффект, воздействуя на зрителя бескомпромиссно, не оставляя ему возможности равнодушно пройти мимо работ мастера.

Реакция на такое синтетическое искусство всегда была и остаётся неоднозначной. Существуют мнения вплоть до диаметрально противоположных. У неподготовленного зрителя художественные произведения мастера неординарной манерой исполнения, глубокими и неоднозначными смыслами, порой глубоко скрытыми в символах, могут вызвать недоумение, неприятие, отторжение. Но люди, способные видеть и понимать мир идей, всегда находили, находят и будут находить в работах художника глубину, тайну, стремление к выражению красоты отражённого в произведениях внутреннего мира автора.

Современник художника Н. К. Рерих в своих воспоминаниях отмечал полноту мнений: «Помню, с каким окаменелым скептицизмом четверть века назад во многих кругах были встречены произведения Чюрлёниса. Окаменелые сердца не могли быть тронуты ни торжественностью формы, ни гармонией возвышенно обдуманных тонов, ни прекрасною мыслью, которая напитывала каждое произведение этого истинного художника. Было в нем нечто поистине природно вдохновенное. Сразу Чюрлёнис дал свой стиль, свою концепцию тонов и гармоническое соответствие построения. Это было его искусство. Была его сфера. Иначе он не мог и мыслить, и творить. Он был не новатор, но новый. Такого самородка следовало бы поддержать всеми силами. А между тем происходило как раз обратное. Его прекраснейшие композиции оставались под сомнением. Во время моего председательствования в «Мире Искусства» много копий пришлось преломить за искусство Чюрлёниса. Очень отзывчиво отнесся Добужинский. Тонкий художник и знаток Александр Бенуа, конечно, глубоко почувствовал очарование Чюрлёниса. Но даже и в лучших кругах, увы, очень многие не понимали и отрицали...» [8, с. 75].

Погружаясь в мир, рождённый воображением М. К. Чюрлёниса, думающий человек, умеющий видеть и слышать, находит в себе новые смыслы, задаёт себе новые вопросы, иначе, чем прежде, смотрит и воспринимает окружающий мир. Возможно не совсем осознанно, но ощущает на себе неоспоримую силу творчества Микалоюса Константинаса Чюрлёниса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добужинский М. В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. 477 с.
2. Информационный ресурс Бельканто.ру. Микалоюс Константинас Чюрлёнис. URL: <https://www.belcanto.ru/churlenis.html?ysclid=m6l3qjr03h230261356> (дата обращения: 31.01.2025).
3. Листопад А. Музыка на мольберте. Микалоюс Константинас Чюрлёнис — литовский композитор и художник. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/1731463-muzyka-na>

molberte-mikaloyus-konstantinas-chyurlenis-litovskij-hudozhnik-i-kompozitor (дата обращения: 15.12.2024).

4. Маковский С. К. Чурлянис Н. К. Аполлон. СПб., 1911. Т. № 5.

5. Официальный сайт национального музея имени М. К. Чюрлёниса. URL: <https://ciurlionis.eu/> (дата обращения: 12.12.2024).

6. Онлайн галерея живописи. Микалоюс Чюрлёнис. Самые популярные картины. URL: <https://allpainters.ru/chjurljonis-mikalojus-01.html> (дата обращения: 15.12.2024).

7. Рапацкая Л. А., Искусство «Серебряного века», М., «Просвещение»; «Владос», 1996. 192 с.

8. Рерих Н. К. Чюрлёнис. М.: МЦР, 1993. 88 с.

9. Санкт-Петербургская Государственная библиотека для слепых и слабовидящих. Чюрлёнис М. К. — композитор и художник. URL: https://www.gbs.spb.ru/ru/pages/resursy/novinki/rubrika_staraia_plastinka_chiurlenis_m_k_kompozitor_i_khudozhnik/ (дата обращения: 28.01.2025).

10. Творогин Р. Чюрлёнис. Симфония жизни и смерти. URL: <https://tvorogin.ru/chyurljonis/> (дата обращения: 12.12.2024).

**АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ А. М. ГОРНОСТАЕВА:
ПЕРВЫЕ РАБОТЫ В «РУССКОМ СТИЛЕ»**

В статье рассматривается архитектурное наследие Алексея Максимовича Горностаева (1808–1862 гг.), одного из основоположников русского стиля в архитектуре. В условиях современного поиска национальной идентичности обращение к его творчеству приобретает особую актуальность для исследователей. На основе анализа проектов культовых сооружений А. М. Горностаева для Валаамского Спасо-Преображенского монастыря будет прослежен подход архитектора к синтезу традиционных решений. Также будет освещена научная рецепция его наследия.

Ключевые слова: архитектура, русский стиль, храмовое зодчество, Валаамский монастырь, церковь во имя Всех святых, церковь Николая Чудотворца, часовня иконы Божией Матери «Знамение».

GRINGERG D. S.
THE ARCHITECTURAL HERITAGE OF A. M. ERMOSTAEV:
FIRST WORKS IN THE “RUSSIAN STYLE”

The article deals with the architectural heritage of Alexei Maximovich Gornostayev (1808–1862), one of the founders of the Russian style in architecture. In the conditions of the modern search for national identity, the appeal to his work acquires special relevance for researchers. On the basis of the analysis of A. M. Gornostayev's projects of religious buildings for the Valaam Spaso-Preobrazhensky Monastery the architect's approach to the synthesis of traditional solutions will be traced. The scientific reception of his heritage will also be highlighted.

Keywords: architecture, Russian style, temple architecture, Valaam Monastery, church in the name of All Saints, church of St. Nicholas the Wonderworker, chapel of the icon of the Mother of God “Of the Sign”.

В архитектуре России первой половины XIX в. на смену классицизму постепенно приходила эклектика. Этот подход в отечественной традиции получил название русского стиля, так как его представители «стремились к восстановлению национальной традиции, в основном утраченной с эпохи петровских реформ, и ориентировались в своем творчестве на древнерусское наследие» [1]. Согласно прот. А. В. Берташу, кандидату искусствоведения, историку архитектуры, «русский стиль прошел несколько этапов развития: „тоновский“ („русско-византийский“, „официально-академический“) (1830–1860-е гг.), собственно русский („романовский“, „царский“, „московско-ярославский“, стиль узорочья XVII в.). (1880-е — начало 1900-х гг.), неорусский („псковско-новгородский“) (1900-е гг.) стили и ретроспективизм (1910-е гг.), а также различные стилевые вариации» [1]. Безусловно, хронологически наследие А. М. Горностаева относит-

ся к «тоновскому» направлению русского стиля. Тем не менее есть основания утверждать, что концептуально творения архитектора принадлежат ему не до конца.

Исследователь Т. Л. Левиаш, занимавшая должности заведующей отделом архитектуры, строительства и реставрации Валаамского историко-архитектурного и природного музея-заповедника и начальника отдела по сохранению недвижимых памятников музея-заповедника «Киж», отмечала: «К. А. Тоном был разработан целый альбом типовых проектов пятиглавых крестовокупольных храмов, в которых он смешивал поверхностно воспринятую архитектуру Руси XVII века с византийской архитектурой. В противовес Тону А. М. Горностаев стал основоположником демократического направления в рамках „русского стиля“. Он стремился воплотить в постройках лучшие традиции русского зодчества XV–XVII веков» [4]. Дальнейшие рассуждения о манере архитектора невозможны без обращения к анализу творений, на материале которых делал выводы исследователь, — а именно к культовым сооружениям А. М. Горностаева для Валаамского Спасо-Преображенского монастыря. Однако перед тем, как перейти непосредственно к анализу, необходимо принять во внимание некоторые факты биографии, которые заложили основу формирования стиля архитектора.

Рано потеряв родителей, в 1826 г. будущий архитектор переехал в Санкт-Петербург, где занимался рисованием торговых этикеток и вывесок. В то же время он стал сотрудничать с издательством П. П. Свиньина, писателя, редактора и первого издателя журнала «Отечественные записки». В 1820-х гг. вместе со Свиньиным А. М. Горностаев в качестве рисовальщика совершил путешествие по северной и центральной России. Во время поездки он зарисовывал памятники древнерусской архитектуры для альбома «Картины России и быт ее разноплеменных народов: из путешествий П. П. Свиньина», опубликованного в 1839 г. Известно, что после этого А. М. Горностаев уже самостоятельно посетил с художественно-архитектурными целями Новгород, Псков, Владимир и Киев.

В 1828 г. А. М. Горностаев начал обучение архитектуре у архитектора Доменико Жилярди, одного из крупнейших московских классицистов. В следующем году поступил на учебу в Царскосельское дворцовое правление по рекомендации В. П. Стасова, автора как позднеклассицистических соборов, так и первого храма в русском стиле. В 1834 г. получил аттестат Академии художеств на звание свободного художника архитектуры. В 1834–1837 гг. за свой счет отправился в Европу для изучения памятников раннехристианской и византийской архитектуры Италии, Франции, Германии и Швейцарии.

В 1838 г. А. М. Горностаеву было присвоено почетное звание академика Санкт-Петербургской Академии художеств. В скором времени ряд его рисунков и проектов заслужил положительный отзыв императора Николая Павловича. В данной работе не будут освещены более поздние факты биографии архитектора. С 1840-х гг. А. М. Горностаев начал работать над ансамблем Валаамского Спасо-Преображенского монастыря, о постройках которого пойдет речь далее.

К работам на Валааме архитектора привлекли святитель Игнатий (Брянчанинов), благочинный монастырей Санкт-Петербургской епархии и настоятель

Свято-Троицкой Сергиевой пустыни, и, позднее, настоятель Валаамского монастыря игумен Дамаскин (Кононов). По заказу последнего архитектор в 1849 г. построил двухэтажный храм во имя Всех святых Всехсвятского скита.

По словам А. К. Коненковой, кандидата культурологии, заведующей кафедрой искусствоведения Государственной академии славянской культуры г. Твери, в архитектуре церкви А. М. Горностаев «соединил черты неороманского и русского стилей» [3]. «Тоновская» композиция «кораблем», шатровая колокольня над притвором с крыльцом соответствуют традициям русского стиля. Декоративное оформление венчающих частей основного объема и боковые башни-донжоны же говорят о влиянии романской архитектуры. Также архитектор привнес в проект элементы византийского зодчества: восьмигранный купол, световой барабан с арками и окна со сдвоенными арками на тонких колонках. Фасады церкви лаконичны. Стены украшены карнизами из «сухариков» и филленками. Окна церкви обрамлены наличниками. Аскетическое убранство фасада, плоскостной декор, трехчастное построение храма выдержаны вполне в духе К. А. Тона. Однако А. М. Горностаев отошел от «тоновского» прототипа, сделав храм монументальнее с помощью второго яруса.

В 1849–1853 гг. на Крестовом острове была возведена церковь святителя Николы Чудотворца. Благодаря А. М. Горностаеву она имеет совершенно другой, оригинальный архитектурный облик, хотя в ее основе лежит проект К. А. Тона. Храм построен в традициях русской архитектуры с элементами византийского зодчества. Здание имеет двухъярусную структуру «восьмерик на четверике» по типу московских храмов XV–XVI вв. и звонницу наподобие звонниц древнего Пскова. Завершается постройка шатром с главкой. В оформлении храма выделяется контраст между ярусами. Нижний ярус отличается лаконичным декором: углы оформлены килевидными завершениями, окна — без наличников. Верхний ярус более богат по убранству: фасады украшают двойные арочные окна с наличниками и колонками, а грани дополнены кокошниками. Шатер разделен орнаментальным поясом в фольклорном духе и декорирован продольными ребрами и кокошниками. Главка увенчана шаром и крестом.

Последнее культовое сооружение по проекту архитектора в Валаамском монастыре, часовня иконы Божией Матери «Знамение», было построено в 1862 г. Архитектурные и декоративные элементы часовни отсылают к русскому зодчеству XVI в. Она представляет собой открытую с трех сторон конструкцию с апсидой. Четыре колонны, соединенные арками, поддерживают крестовый свод. Шатровая крыша украшена продольными ребрами, луковичной главкой и крестом.

В. В. Стасов, академик Петербургской Академии художеств, видный критик XIX в., характеризовал архитектора как родоначальника „неофициального русского стиля“ [2]. Прот. А. В. Берташ и А. Ф. Крашенинников описывали его метод так: «При общей тенденции перехода от классицизма к архитектуре зрелой эклектики Г. удалился от классицистической основы, которая прослеживается в проектах Тона. Древнерусское зодчество и искусство Византии он сочетал с оригинальностью композиции и крупным масштабом форм. Г.

в большей степени, чем его предшественник, экспериментировал с объемно-пространственными решениями храмов» [2]. Прот. А. В. Берташ также отмечал, что А. М. Горностаев значительно расширил круг прототипов построек за счет образцов романской, византийской и барочной архитектуры. Действительно, на основе всего лишь трех культовых сооружений можно сделать вывод о том, что архитектор сохранил и расширил компилятивный способ освоения древнерусского наследия.

В. Р. Рывкин, кандидат архитектуры, занимавший должность заведующего кафедрой архитектуры Петрозаводского государственного университета, утверждал, что, в отличие от архитекторов-современников (в том числе Тона), А. М. Горностаев строил романтически приподнятые сооружения, передающие «дух» древнерусских архитектурных памятников, а также образный строй их природного окружения. В. Г. Лисовский, доктор искусствоведения, профессор Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, говоря об архитекторе, подчеркивал присущую ему «динамичную, эмоционально обостренную трактовку композиции» [5, с. 249]. В. Г. Лисовский критиковал подход В. В. Стасова, который резко противопоставлял А. М. Горностаева К. А. Тону. Однако исследователь не отрицал большого стремления первого «усилить романтические интонации, сделать применявшуюся им систему декорации более „живой“, разнообразной, добившись тем самым большего сходства с памятниками русского зодчества XVI или XVII века» [5, с. 250].

Вопрос о том, какое место в архитектурно-историческом процессе занимает А. М. Горностаев и стоит ли считать его наследие полноценным переходным этапом от «тоновской» традиции русского стиля к «собственно русской», требует более подробного сравнительного анализа наследия архитектора с работами его современников и последователей. Бесспорно лишь одно — большое мастерство архитектора, на основе элементов совершенно разных архитектурных традиций сумевшего не просто создать одновременно изящные и монументальные сооружения, но и вписать их как в ансамбль, так и в ландшафт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берташ А. В. Русское храмостроительство середины XIX — начала XX вв. В оценке дореволюционных и советских историков архитектуры: к историографии вопроса // Христианское чтение. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkoe-hramostroitelstvo-serediny-xix-nachala-xx-vv-v-otsenke-dorevolutsionnyh-i-sovetskih-istorikov-arhitektury-k-istoriografii> (дата обращения: 25.11.2023).
2. Берташ А., Крашенинников А. Ф. Горностаев Алексей Максимович // Православная энциклопедия. Т. 12. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006. URL: <https://www.pravenc.ru/text/166233.html> (дата обращения: 01.12.2023).
3. Коненкова А. К. Творчество А. М. Горностаева в контексте формирования русского стиля в архитектуре 2 пол. XIX в. // VIII Международная научно-практическая конференция «Наука в информационном пространстве — 2012» (4–5 октября 2012 г.). URL: http://www.confcontact.com/2012_10_04/arh2_kononenkova.htm (дата обращения: 20.11.2023).

4. Левиаш Т. Л. Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник Валаам. Путеводитель. Петрозаводск, 1989. 104 с.
5. Лисовский В. Г. Архитектура России XVIII — начала XX века. Поиски национального стиля. — М.: Искусство XXI век, 2018. 567 с.
6. Рывкин В. Р. Валаам. Архитектурно-природные ансамбли Валаамского архипелага. — Петрозаводск, 1981. 80 с.

ТОПОГРАФИЯ ГОРОДА В СОВЕТСКОМ КИНО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В статье рассматриваются роли архитектурных образов в советском кинематографе второй половины XX века. Городская среда в советском кино используется не только как фон, но и как важный инструмент передачи идеологических и социальных изменений. Анализ советских фильмов различных периодов позволяет проследить, как пространство города способствует отражению общественных настроений, формирует образы героев и подчеркивает эволюцию культурных и идеологических ценностей.

Ключевые слова: советский кинематограф, архитектурные образы, город, социальные трансформации, типовая застройка.

RESHETNIAK U. A.
*THE CITY TOPOGRAPHY IN SOVIET CINEMA
IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY*

The article examines the roles of architectural images in Soviet cinema of the second half of the 20th century. The urban environment in Soviet film was used not only as a background, but also as an important tool for conveying ideological and social changes. Analysis of Soviet films from different periods allows us to trace how the space of the city helps to reflect public sentiments, forms the images of heroes and emphasizes the evolution of cultural and ideological values.

Keywords: Soviet cinema, architectural images, city, social transformations, typical development.

В советском кинематографе второй половины XX века архитектурные образы играют ключевую роль в передаче эволюции общественного сознания и политической истории СССР. Архитектура в фильмах не только служит фоном для действия, но и является немым свидетелем исторических перемен, отражая идеологические стремления и социальные настроения эпохи. Декорации как неотъемлемая часть любого фильма помогают создать среду, в которой будет происходить действие, а окружающая обстановка, в свою очередь, позволяет раскрыть образ героя и дополнить общую картину повествования. «Архитектура придает смысл истории фильма и помогает создать сцену, как с точки зрения местоположения, так и с точки зрения периода времени» [2].

В советском кинематографе город становится настоящим актером в период оттепели. До этого в кадре чаще всего мелькали лишь отдельные парадные сталинские постройки и общие планы известных мест. К 60-м ситуация меняется. Регулярная планировка и архитектурные особенности города часто были связаны с политическим преобразованиями и социальными изменениями.

ями. Монтажникам-верхолазам из фильма «Высота» (1957, реж. А. Зархи) выдают квартиры в новом, чистом и тихом районе, визуально контрастирующим со строящейся домной: весь фильм буквально пропитан принципом социализма «от каждого по способностям, каждому по труду» и стремлением к светлому коммунистическому будущему.

В оттепельных фильмах герои редко видят изнанку города вроде бараков и пустырей. В фильме «Девушка без адреса» (1957, реж. Э. Рязанов) зритель встречается с Москвой, предстающей перед ним во всем великолепии своего центра: монументальные, вновь построенные проспекты, уютные старинные улицы и новостройки. Эти новостройки, хоть и продолжают традиции сталинской эпохи, лишены прежнего декоративного изобилия, отражая тем самым новые архитектурные тенденции времен оттепели. Кинематограф того времени, особенно в фильмах о Москве, будь то истории провинциалов или иностранцев, следует негласному сценарию: в каждом из них присутствует повторяющийся набор локаций, создающий узнаваемый образ столицы, который становится неотъемлемой частью повествования. Этот «список» локаций и архитектурных элементов не только создает визуальную привлекательность, но и подчеркивает определенные темы и настроения, присущие кинематографу периода оттепели.

В «Я шагаю по Москве» (1963, реж. Г. Данелия) новостройки редко появляются в кадре. Чаще герои предстают на более нейтральном фоне, будь то стеклянная стена аэровокзала или размытая девятиэтажка за сеткой-рабицей. Данелия позволяет зрителям увидеть город таким, какой он есть, без напускной демонстрации мощи советской идеологии и индустрии.

Однако, нотка иронии, присущая фильмам того времени, не умаляет всеобщее восхищение масштабами и темпами жилищного строительства. Часть сюжета культовой комедии «Операция „Ы“» (1965, реж. Л. Гайдай) неслучайно проходит на стройке: новые типовые дома небольших размеров, гармонирующие с масштабами человека, демонстрируют новую жизнь и послевоенное благополучие. Среди таких же невысоких свежестроенных домов возвращаются с экзамена Лида и Шурик. Аккуратный район и вежливые соседи будто являются символом всего государства в целом.

Постепенно в советских фильмах архитектурные образы начинают отражать социальное положение героев и общественные изменения. Новостройки, старые дома и центральные районы города становятся важными элементами сюжета, передают настроение и характер персонажей. Новые образцы жилой застройки и типовые дома отображают стремление к модернизации и социальному прогрессу.

К 1970-м тенденции меняются. Из фильмов уходят романтизация, характерная для оттепели, и идеологический пафос, сопутствующий строителям коммунизма. «Город становится реалистичнее — больше интерьерных съемок, более жизненные сюжеты...» [1]. Виды типовой застройки носят теперь, скорее, ироничный характер: достаточно вспомнить символический «Ирония судьбы, или с легким паром!» (1975, реж. Э. Рязанов). Фон в кадре соответствует социальному положению героев. Архитектура выполняет социальную функ-

цию, в том числе функцию создания имиджа государства: в теории все равны, но на практике — ситуация иная. Подобная тенденция хорошо прослеживается в «Служебном романе» (1977, реж. Э. Рязанов). Руководитель учреждения Калугина живет в элитном стильном ведомственном доме на Большой Никитской: панорамная съемка позволяет разглядеть нежилые первые этажи, стеклянные экраны балконов и отделку желтой плиткой. Просторная, с шиком обставленная квартира успешного карьериста Самохвалова расположена в многоэтажном доме близ Красной площади. Места обитания остальных героев, занимающих не столь высокое положение на карьерной лестнице, показаны не так подробно. Секретарша Верочка ждет общественный транспорт в районе Чертановской улицы с типовым жильем 60-х, семья Новосельцева живет в послевоенном малоэтажном доме, а неудачница Оля — в условном Подмоскowie.

«Москва слезам не верит» (1979, реж. В. Меньшов), что характерно из названия, в которое вынесено упоминание города, изобилует столичными локациями. Действие первой серии, происходящее в 50-х, характеризуется ударными стройками, оттепельными улицами, высоткой на Котельнической (которая по сюжету была высоткой на Кудринской). Локации второй серии переносят повествование в эпоху застоя. Достигшая высот в карьере Катерина живет в элитном кирпичном доме престижного района, а всю жизнь проработавшие штукатурами Антонина и Николай — в типичном районе новостроек Ясенево.

Подчиняясь общей культурологической тенденции, 1980-е в советском кино характеризуются ностальгией по прошлому. На экранах все чаще появляются старые улицы, живописные дома и локации с характерными архитектурными элементами. Адресность и узнаваемые места становятся важным компонентом для передачи атмосферы и настроения фильма. «Курьер» (1986, реж. К. Шахназаров) демонстрирует мир взрослых как что-то бессмысленное, отжившее свое. Хрущевки на фоне олицетворяют собой полный крах модернистских идей. Сюжет разворачивается не только в центре города, но и на окраине, ярко контрастирующей на фоне прежних оттепельных новостроек своей безлюдностью и отчужденностью. Кадр, дальним планом выхватывающий главного героя, теряющегося в масштабах гигантских многоэтажек 80-х, создает совершенно иную атмосферу, нежели создавали новостройки десятилетиями ранее. Футуристичный «Кин-дза-дза!» (1986, реж. Г. Данелия) гиперболично демонстрирует итог высокоразвитой цивилизации: «Социальная и экономическая структура такого мира построена вокруг ограниченности ресурсов, и даже простая спичка оказывается в этом мире таким дефицитом, что ценится буквально дороже денег» [3]. А привычная глазу эстетика «Дорогой Елены Сергеевны» (1988, реж. Э. Рязанов) создает совсем не оттепельную романтику и не мещанскую драму эпохи застоя, а погружает в чернуху конца 80-х с уклоном как в конфликт поколений, так и в общее социальное разочарование.

Креативные подходы к отображению городской архитектуры появляются в последние годы советского кинематографа и в постсоветском периоде. Фильмы становятся более реалистичными и аутентичными, отражают разнообразие городской жизни и архитектурных стилей. Отдаленные районы, окраины

и атмосфера разных периодов времени становятся важными элементами для создания уникального образа города. Государственная политика и идеология, пропитавшая большую часть фильмов эпохи, в этот период показана, скорее, сатирично: нарушение привычного уклада жизни деревенских жителей в «Белых росах» (1984, реж. И. Добролюбов) переселением в однотипные новостройки продемонстрировано с ноткой иронии и тоской по утраченному «счастливому» будущему и равенству.

«Советская архитектура в советском кино, за очень редкими исключениями, просто так в кадр не попадала» [5]: она является неотъемлемой частью повествования и ключевым элементом для передачи социокультурных изменений и исторических трансформаций. Визуальный язык фильмов и их архитектурные детали помогают зрителям погрузиться в образы и атмосферу того времени, представляя уникальный взгляд на эволюцию городского пространства и общественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьянова А. Как менялась Москва в фильмах с 1960-х по 2000-е. URL: <https://daily.afisha.ru/cinema/11118-moskva-v-kino-kak-menyalas-stolica-na-ekrane-s-1960-h-po-2000-e/> (дата обращения: 02.12.2024).
2. Дусенбаева К. Б. Взаимодействие архитектуры и киноиндустрии // МедиаВектор. 2023. № 9. С. 44–48.
3. Острогорский А. Архитектура в кино. URL: <https://arzamas.academy/materials/518> (дата обращения: 14.12.2024).
4. Тарханова К. Чужие города. Москва в советском и постсоветском кино // Искусство кино. 2015. № 2.
5. Шевченко Л. От Черемушек до Гонконга. Архитектура в советском и российском кино. URL: <https://knife.media/architecture-in-cinema/> (дата обращения: 10.12.2024).

ИСКУССТВО КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ СОЗНАНИЯ: ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ, ОРГАНИЧЕСКИЙ АВАНГАРД, КОСМИЗМ

Подход к творческой деятельности как к особой форме духовной практики стал широко распространенным культурным явлением XX столетия. Как отечественные, так и зарубежные художники, активно интегрируя идеи, почерпнутые ими из разных областей знания, разрабатывали собственные творческие подходы, в которых акцент с изображаемого объекта был перенесен на субъект — самого художника. В искусстве на первый план вышли задачи гармонизации человека, развития его сознания, трансформации личности через творческую деятельность. Общие подходы к искусству как к особой форме духовной практики нашли преломление в концепции «расширенного смотрения» Михаила Матюшина, интуитивного искусства художников-космистов, а также в подходах американских художников направления трансцендентальной живописи.

Ключевые слова: искусство, творческая деятельность, трансцендентальная живопись, органический авангард, космизм, интуитивное искусство.

IGNATOVA K. A.

ART AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF CONSCIOUSNESS: TRANSCENDENTAL PAINTING, ORGANIC AVANT-GARDE, COSMISM

The approach to creative activity as a special form of spiritual practice has become a widespread cultural phenomenon of the 20th century. Both Russian and foreign artists, actively integrating ideas drawn from various fields of knowledge, developed their own creative methods, in which the emphasis was shifted from the depicted object to the subject — to the artist himself. In art, the tasks of harmonizing a person, developing his consciousness, and transforming his personality through creative activity have come to the fore. General approaches to art as a special form of spiritual practice were developed in the concept of “expanded viewing” by Mikhail Matyushin, in the intuitive art of cosmist artists, and in the methods of American artists of the transcendental painting group.

Keywords: art, creative activity, transcendental painting, organic avant-garde, cosmism, intuitive art.

Отношение к искусству как к форме духовно-практической деятельности, направленной на развитие способностей человека и его гармонизацию, встречается на протяжении всей истории существования человеческой культуры. Однако XX век аккумулировал наибольшее количество новых подходов к искусству как среди отечественных, так и зарубежных творческих деятелей, которые стремились вывести искусство за границы обслуживающих функций и восстановить его в правах активного средства преобразования действительности в качестве особой формы духовной практики.

Начало XX столетия стало временем фундаментальных изменений во всех областях жизни человека. Череда политических и технологических революций, мировых войн послужили причиной стремительных перемен в культуре. Не успевая адаптироваться к новым условиям, человек слишком быстро терял связь с прошлым, со всей предыдущей традицией, которая служила для него надежной опорой. Перед ним встала задача приобретения необходимых навыков, которые помогли бы ему приспособиться к условиям стремительно меняющегося мира.

Ряд способов такой адаптации был предложен художниками, занявшими активную позицию в обществе и стремившихся участвовать в переустройстве мира. Творческие деятели поставили перед собой задачу воспитания человека «нового сознания», наделенного способностью «расширенного восприятия» мира и возможностями гибко реагировать на условия активно меняющейся среды. Художники, стремясь вывести искусство к новым рубежам, ставили вопросы о сущности художественного опыта, об истоках творческой деятельности, критериях искусства как такового, ставя перед собой цель выявить механизмы конструктивного начала творчества.

Одной из центральных для художников становится проблема целостности, проблема преодоления внутренней раздробленности человека. Широкое распространение получают представления о терапевтическом, гармонизирующем воздействии творческого процесса, идея о росте эффективности деятельности людей в различных сферах жизни посредством творчества, использования средств искусства для личностного роста человека (профессионального, духовного, социального и др.). Аналогичные вопросы волновали не только деятелей искусства, но и представителей разных областей культуры этого времени, в частности, науки, религии, философии, а также различных духовных направлений, идеи которых с конца XIX века получили широкое распространение в художественной среде.

Художники в это время активно изучали литературу, в которой поднимались вопросы выхода из кризиса современной культуры. Особое внимание творческих деятелей привлекали книги по Востоку (Вивекананда, Рамакришна), работы философов-интуитивистов (А. Бергсон, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и др.). Широкую известность приобрела идея развития сознания человека через способность восприятия новых пространственных мерностей (теория четвертого измерения Ч. Г. Хинтона). Такие учения, как антропософия и теософия служили одним из источников, где художники находили новые идеи для своих творческих экспериментов. Однако вовлеченность деятелей искусства в различные духовные течения чаще всего ограничивалась их собственными художественными задачами и не переходила в организационное участие [8, с. 28].

Примером такой интеграции в искусстве идей духовных направлений может служить книга Василия Кандинского «О духовном в искусстве», получившая широкий резонанс в творческой среде и ставшая настоящим «евангелием искусства XX века» [1]. В своей программной теоретической работе В. В. Кандинский высказал ряд идей (например, о пророческой миссии художника,

о духовных началах искусства, об интеграции искусства и жизни и др.), которые легли в основу творческих подходов многих художников, усматривавших в искусстве способ активного воздействия на сознание человека и преобразования действительности. Известно, что художник был увлечен идеями теософии и антропософии. Находясь в Германии, Кандинский посещал лекции Рудольфа Штайнера. Однако в книге «О духовном в искусстве» художник, отдавая дань достижениям теософии, в то же время относился к ней критически. Так, в своей книге Василий Кандинский отмечал, что «теософы несколько преждевременно радуются, что могут получить скорые ответы вместо того, чтобы стоять перед огромным вопросительным знаком» [4, с. 28]. Тем не менее ряд теософских идей и теософская терминология станут частью его эстетической концепции (например, такие понятия, как «восхождение», «вибрации», «живая сущность» и др.).

Своеобразным синтезом идей духовных течений и эстетики стал принцип внутренний необходимости, трактуемый в контексте художественной теории Василия Кандинского как принцип «целесообразного прикосновения к человеческой душе» посредством цвета и форм [4, с. 79]. На этой основе Василием Кандинским была разработана теория абстрактного искусства, которая послужила отправной точкой для дальнейших разработок художниками новых подходов к искусству как к духовно-практической деятельности. Трансцендентальная живопись

Взгляды Василия Кандинского, касаемые формы и содержания, духовного и материального в искусстве, практические поиски художника в области чистой беспредметности оказались близки многим творческим деятелям эпохи. Среди последователей Кандинского были и американские художники, входившие в группу трансцендентальной живописи (The Transcendental Painting Group, сокр. TPG), которая была организована в штате Нью Мексико в 1938 году. В группу входили такие художники, как Рэймонд Джонсон, Эмиль Бистрам, Роберт Грибброк, Лоурен Харрис, Уильям Лампкинс, Флоренс Миллер (Пирс), Хорас Таунер Пирс, Стюарт Уокер, Агнес Пелтон, Эд Гарман и др. Участниками группы был разработан собственный манифест, в котором они провозгласили главную задачу своего творчества — отойти от копирования физического мира и через «чистые формы», новые концепции цвета, света отразить мир, лежащий за границами чувственно воспринимаемой реальности [9, с. 214]. Намерением на присутствие в творчестве художников группы духовного элемента и само понятие «трансцендентальный», который художники избрали в качестве названия объединения.

Помимо теории Василия Кандинского, значительное влияние на участников объединения оказали работы Петра Успенского, Анни Безант, а также идеи Николая Рериха, который в 1920–1930-е годы находился в Америке, занимаясь общественной деятельностью. В 1921 году основатель группы Рэймонд Джонсон познакомился с Николаем Рерихом, вместе с которым в 1922 году он организовал в Чикаго братство художников «Cor Ardens» (лат. Плающее сердце). Предполагалось, что это творческое объединение будет продвигать идею сотрудничества между художниками по всему миру [9, с. 47]. Художники TPG разделяли идею

Николая Рериха о культурном универсализме и его отношении к творчеству как к фактору развития человека.

Среди членов группы был философ, композитор, основоположник гуманистического и трансперсонального направления в астрологии Дейн Радьяр. Ему была близка идея достижения культурных изменений в обществе на основе духовного начала, а познакомившись в 1930-е годы с художниками группы, в их творчестве он увидел практическую реализацию собственных идей. Став горячим апологетом и интерпретатором их искусства, он принял активное участие в разработке концепции группы, написал ряд статей о творчестве художников объединения и сам в том числе выступил в роли художника.

В мае 1938 года Дейн Радьяр арендовал студию в Санта-Фе и под неформальным руководством Раймонда Джонсона начал заниматься изобразительным искусством. Несмотря на отсутствие художественного образования, Радьяр смог реализовать себя как художник и даже экспонировал свои работы на нескольких персональных выставках [9, с. 160]. Дейном Радьяром, как и другими художниками группы, творческие навыки не расценивались как способности, которыми обладают лишь «одаренные» люди и поэтому недоступны для «простого обывателя». Поясняя свою позицию, Дейн Радьяр в одном из интервью говорил: «Техника художника в большей степени зависит от его психологических установок, нежели от его мастерства. Творческая сила, исходящая изнутри, может привести к неожиданным результатам, если только рука действует свободно, отзываясь на внутренние импульсы. И при этом неважно, держит ли рука ручку, кисть или играет на музыкальном инструменте» [9].

Художники группы считали, что творческие способности присущи каждому человеку, но у всех они раскрыты в разной мере. Тем не менее необходимость профессиональной выучки, усвоения необходимых теоретических знаний и практических навыков признавалась всеми художниками объединения без исключения (у большинства художников группы было высшее художественное образование, многие занимались преподавательской деятельностью, как, например, Рэймонд Джонсон и Эмиль Бисттрам). Позиция художников была обусловлена конкретным отношением к искусству и пониманием его задач. Для них в творческой деятельности важным оказывался не только результат в форме завершенного произведения, но и непосредственно сам художественный процесс.

Поэтому, несмотря на то, что художники делали акцент на создании «чистых форм», важным элементом их творчества служила также природа, которая для участников TPG являла собой некую границу чувственно воспринимаемой реальности. Природа стала неизменным источником вдохновения для одной из участниц группы — Агнес Лоуренс Пелтон. Ее искусство служило для других участников группы образцовым примером «трансцендентального искусства». Определенное влияние на ее творчество оказал интерес к теософии, антропософии и особенно к «Агни Йоге» Н. К. Рериха (в 1930 году Агнес посещала лекции Николая Рериха в Нью Йорке).

Ранние работы 1910-х годов Агнес Пелтон создает в парадигме символизма, еще оставаясь в рамках фигуративности. Позднее, когда художница уже непо-

средственно обратилась к абстракционизму, мир природных форм продолжал оказывать заметное влияние на образный ряд ее работ. Один из участников группы Эд Гарман отмечал: «Ее острое чувство наблюдения за зарождающимися формами жизни и непреложной силой неорганических форм — камня, земли, неба и звезд — которые она видела в природе, связывало ее с чем-то, что она хотела сохранить навечно. Куда бы ни завело ее воображение, она неизменно поддерживала связь с природой» [9, с. 72].

Поэтому, несмотря на отход от миметической парадигмы, от натуралистичности, для художников группы был важен средовой подход, который позволял им двигаться от конкретного к абстрактному.

ОРГАНИЧЕСКИЙ АВАНГАРД

Поиски в области взаимодействия природы и искусства были характерны и для творчества ряда отечественных художников начала XX столетия. Так, основоположник направления органического авангарда, художник, музыкант и теоретик искусства Михаил Васильевич Матюшин главной целью своей теоретической и практической деятельности провозглашал «возвращение человека к природе, подключение его к внутренним процессам жизни, ритмам и вибрациям природы» [5, с. 17].

В 1910–20-е гг. Михаил Матюшин обращается к идее развития пространственного восприятия человека через искусство. Философской основой его экспериментальных разработок послужил труд Петра Успенского «*Tertium Organum*» — «Ключ к загадкам мира». Метафизический взгляд на природу пространства у Михаила Матюшина оказался тесным образом связан с его научным интересом к возможностям зрительного восприятия человека — он активно изучал новейшие теоретические и опытные данные в области физиологии (в частности, оптики).

В 1920-е годы Матюшин возглавлял Органический отдел в Государственном институте художественной культуры (ГИНХУК). Работа отдела была направлена на опытное подтверждение динамического характера восприятия человеком форм, цвета и света. Так, например, проводились эксперименты с фокальным и периферическим зрением, которые позволили установить целый ряд зависимостей в отношении влияния пространства на восприятие человеком цвета и форм [5, с. 18].

Михаил Матюшин предложил особую систему развития сознания человека через искусство, получившую название «ЗОР-ВЕД». Расширенное смотрение». Согласно Матюшину, посредством «расширенного смотрения» предполагалось, что художник мог научиться видеть мир, выходя за пределы привычной системы координат и расширяя свой спектр восприятия видимого окружающего мира. Михаил Матюшин говорил о необходимости «выработать гигиену глаза», отказавшись от привычки «набирать полные глаза односторонней чепухи, засаривающей истинное» [5, с. 233]. Нахождение на природе при этом выступало для художника важным элементом развития восприятия человека: «В лесу, в полях так отдыхает глаз, умеющий смотреть по-настоящему. Там нельзя цепляться

за предметность, природа видимости еще не заставлена громадными коридорами домов, еще не разорвана и не рассыпана человеком на пуговицы, автомобили, вывески» [5].

Таким образом, в теории Матюшина основной акцент был сделан не на том, что именно видит художник, не на конкретном объекте, а на способностях самого художника, его умении созерцать объект. Поэтому Михаил Матюшин подчеркивал необходимость выработки культуры смотрения, говорил об очищении восприятия человека от ненужных подробностей. При этом художник придавал большое значение телесности, подчеркивая, что не только зрение, но и весь организм должен быть задействован в новой мерности «расширенного восприятия», которое, согласно Матюшину, должно привести человека к новому видению и в перспективе к развитию более тонких восприятий, представлений, к развитию интуиции.

ИСКУССТВО КОСМИЗМА

Среди отечественных художников начала XX столетия, развивавших подходы к искусству, как к духовно-практической деятельности, были те, кто стоял у истоков художественного направления, вошедшего в историю под названием «космизм». В 1920-е годы группой художников было создано объединение «Амаравелла». В основу их творческого подхода была положена концепция интуитивного искусства, которая получила отражение в составленном художниками в 1927 году манифесте. Так, один из его пунктов гласил: «Наше творчество, интуитивное по преимуществу, направлено на раскрытие различных аспектов космоса — в человеческих обликах, в пейзаже и в отображении абстрактных образов внутреннего мира. В стремлении к этой цели элемент технического оформления является второстепенным, не претендуя на самодовлеющее значение. Поэтому восприятие наших картин должно идти не путём рассудочно-формального анализа, а путём вчувствования и внутреннего сопереживания» [7, с. 69]. Разъясняя сущность концепции интуитивного искусства, один из участников группы Борис Алексеевич Смирнов-Русецкий отмечал: «В творчестве два пути: интеллектуальный — путь разума и интуитивный — путь сердца, духовный. Искусство, построенное на чисто интеллектуальном начале, дает информацию, но не затрагивает глубокие стороны человеческого духа. И наоборот, интуитивное, идущее от сердца, искусство будет глубже и плодотворнее» [3, с. 300]. Таким образом, художники группы понимали искусство, прежде всего, как духовную деятельность, в которой центральным элементом является динамический элемент творчества, которым для художников служила инспирация, интуиция.

Несмотря на непродолжительное время существования объединения (группа распалась в 1930-е годы), искусство космизма продолжило свое развитие на протяжении всего XX века и сегодня представлено в различных ответвлениях космизма, а также в лице прямых последователей художников «Амаравеллы». Так одним учеников Б. А. Смирнова-Русецкого в 1980-е годы стал художник Алексей Анатольевич Быстров. Ему принадлежит заслуга разработки ряда техник интуитивного искусства, которые сегодня художник использует в рамках

своей преподавательской деятельности в основанной им студии «Интуитивной живописи».

Одна из художественных техник Алексея Быстрова получила название «разливы». Цель этой техники заключается в создании нефигуративной полихромной композиции без опоры на какие-либо внешние или внутренние формы. Композиция создается без заранее продуманной идеи или образа. Для техники «разливов» характерна установка на максимальное абстрагирование от внешних объектов и сосредоточение на самом процессе творчества, который приобретает характер динамической медитации. Говоря о специфике своего подхода, художник отмечал: «Мы понимаем, что есть мир, которого мы не знаем. И средства для его восприятия можно развить и можно тренировать, превращаясь из человека смотрящего в видящего» [2, с. 29].

Подход Алексея Быстрова находит свои истоки в его интересе к восточной духовной традиции, к которой также обращались и художники «Амаравеллы». В 1990–2000 годы художник предпринял ряд путешествий в Индию, привнеся в дальнейшем в свою творческую концепцию элементы восточных духовно-философских систем.

В 1990-е годы Алексей Быстров создает художественный цикл под названием «Сад», который был выполнен в особой технике интуитивного искусства, получившей название «слепой метод». Специфика работы в данной методике заключается в том, что художник создает картину с закрытыми глазами при помощи цветных пигментов, полностью отказавшись, таким образом, от визуального восприятия. Цель данной методики заключается в том, чтобы посредством ограничения одних органов чувств, задействовать другие перцептивные уровни и развить у художника его более тонкие «органы» восприятия. При этом Алексей Быстров подчеркивает, что «в ходе дальнейшей практики внутренний диалог личности с ее интуицией укрепляется и переносится на другие сферы деятельности человека» [6, с. 15].

Таким образом, среди рассмотренных выше художественных подходов мы можем выделить общие черты, характеризующие концепцию «искусства как практики».

Для достижения поставленных целей, художникам потребовался особый визуальный язык, который позволил бы избежать «плена» природы, но в то же время не был бы полностью абстрагирован от предметного мира. Их поиски привели к подходу, при котором основным средством выразительности оказывалась беспредметность, но в то же время предметный мир не редуцировался — важную роль в их творческой практике приобрела связь с природным миром. Процесс развития сознания человека через творчество у художников подразумевал тесное взаимодействие с окружающей средой.

В контексте творческих практик рассмотренных художников также получает развитие идея демократизации искусства, доступности творчества любому человеку, независимо от наличия у человека художественного образования. Сам творческий опыт, таким образом, приобретал онтологическое измерение. Если творчество как таковое имманентно человеку, является его сущностной характе-

ристической, то каждый человек по определению является созданием творческим. Поэтому одной из задач, которую ставили перед собой художники, стала разработка методик, которые позволили бы активизировать и развить те способности, которыми человек уже потенциально обладает.

Еще одной особенностью рассмотренных творческих подходов стал ярко выраженный «правополушарный подход» к искусству. В разрабатываемых художниками методиках определяющую роль играет интуитивизм, который проявился в акценте на самом творческом процессе, в отходе от преобладания рационального и формального элементов в искусстве. Художники стремились привнести в творчество элемент гармонизации, актуализировать в искусстве аксиологический уровень.

В своей теории, и практике художники затронули ряд вопросов, свидетельствующих об актуальности рассмотренных подходов к искусству. Художники работали над созданием творческих методов, с помощью которых можно было бы воздействовать на глубинные структуры сознания человека (воображение, интуиция, неосознанные чувства и др.). Они стремились выявить конструктивные механизмы искусства, осознавая необходимость присутствия аксиологического элемента в творчестве. Подходы художников оказываются актуальны и в контексте тех вызовов, которые бросает современность (взаимодействие с высокими технологиями, проблема дегуманизации, экологические вызовы). И, безусловно, рассмотренные методы имеют эвристический потенциал в ракурсе проблематики развития творческого мышления, позволяющего приобрести человеку устойчивость и способность гибко реагировать на постоянно меняющиеся условия среды при сохранении ценностных ориентиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. Б. О духовном в искусстве В. В. Кандинского. URL: <https://rusavangard.ru/online/history/o-dukhovnom-v-iskusstve-v-v-kandinskogo/> (дата обращения: 20.01.2025)
2. Быстров А. А. Искусство — как духовная практика // Философско-эзотерический клуб «Ваша светлость». 2010. № 1 (15–16). С. 28–33.
3. Грибова З. П. Путь длиною в век. Самара: Агни, 2003. 504 с.
4. Кандинский В. О духовном в искусстве. Ступени. Текст художника. Точка и линия на плоскости. М.: Издательство АСТ, 2019. 368 с.
5. Матюшин М. В. Творческий путь художника. М.: Музей Органической Культуры, 2011. 408 с.
6. Плохова М. Красота как критерий эволюции. Живопись. Практика сотворчества с мирозданием // Философско-эзотерический клуб «Ваша светлость». 2006. № 1. С. 13–16.
7. Смирнов-Русецкий Б. А. Идущий. М.: Галерея «Веллум», 2008. 254 с.
8. Фаликов Б. З. Величина качества. Оккультизм, религии Востока и искусство XX века. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. 256 с.
9. Another World: The Transcendental Painting Group / ed. by Duncan M., Shields S. A. — NY: Crocker Art Museum, 2021. 239 p.

Хацкевич Татьяна Маратовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной филологии и лингводидактики,
Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского,
ta-ta89@mail.ru

КРЕМУЛЯТОР: ОБРАЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ И ОСОБЕННОСТИ РОМАНА

Образ главного героя в романе «Кремулятор» Александра Филипенко привлек внимание читателей своей неоднозначностью. Фоном для изображаемого сюжета становится один из самых сложных исторических периодов государства. Автор произведения исследует формирование личности в условиях постоянной травмогенной ситуации, кроме того, изучает воздействие насилия на развитие человека. Вопросы предательства и верности, вины и соучастия в преступных действиях являются основными в романе.

Ключевые слова: Александр Филипенко, «Кремулятор», форма допросов, русская эмиграция, соучастник, предатель.

KHATSKEVICH T. M. CREMULATOR: THE IMAGE OF THE MAIN CHARACTER AND PECULIARITIES OF THE NOVEL

The image of the main character in the novel «Cremulator» by Alexander Filipenko draws readers' attention as it's a controversial hero. The background for the plot is the most challenging period in Russian history. The author of the novel analyses the development of the personality in the traumatic situation, moreover A. Filipenko examines the impact of violence on the people's behavior. The issue of betrayal and loyalty, fault and the accomplice in crime are under study and are considered to be the crucial in the novel.

Keywords: Alexander Filipenko, "Cremulator", the narration in the interrogation form, Russian emigration, the accomplice in crime, the traitor.

Александр Филипенко (1984) белорусский писатель, поступил в Европейский гуманитарный университет в Минске, однако в 2004 году учебное заведение было закрыто, поэтому продолжил обучение в Санкт-Петербургском государственном университете, получив филологическое образование, окончил магистратуру факультета свободных искусств и защитил диплом Бард-колледжа (штат Нью-Йорк). Творческая карьера Александра Филипенко началась во время учебы в магистратуре, проба пера связана со спортивной журналистикой. Позже А. Филипенко освоил работу сценаристом и ведущим на телевидении, а также писал статьи-колонки в журналах «Сноб» и GQ [1]. В 2014 году вышел дебютный роман «Бывший сын» — лауреат «Русской премии», второе произведение «Замыслы» получило премию журнала «Знамя», позже автор награжден еще рядом премий, в том числе, премией «Ясная поляна». Произведения А. Филипенко переведены на десятки языков, спектакли по его произведениям ста-

вятся на европейских сценах. В 2024 году в Берлине прошла премьера спектакля «Кремулятор» по одноименному роману, написанному в 2022 году.

Прототипом для сюжета произведения стала история жизни директора Московского крематория, Петра Ильича Нестеренко. Крематорий работает в две смены: обычная дневная и незаконная ночная смена, созданная для уничтожения всех неугодных государству. По иронии судьбы Петр Ильич однажды сам становится таким же неугодным, как и те, от кого он помогал избавиться. Нестеренко, являясь белым офицером, вынужден во время Гражданской войны выехать из России, на протяжении всего периода гражданских столкновений, он служит то белым, то красным в зависимости от выгодной ему позиции. В тридцатые годы Петр Ильич возвращается на Родину, где впоследствии занимает должность руководителя крематория. Жизнь управляющего складывается удачно, он доволен работой, приносящей достаток, пользуется возможностью заводить выгодные знакомства. Ситуация оборачивается против Нестеренко в военные годы, его подозревают в шпионаже, тем более, что в его биографии обнаружен заграничный след.

Повествование ведется от первого лица, Петра Ильича Нестеренко, именно поэтому читателю он не представлен, рассказчик сначала описывает место действия и происходящую ситуацию. Структура романа выстроена в форме допросов, шесть допросов составляют первую часть произведения, затем следует вторая часть, включающая в себя приговор, а третья часть содержит только информацию о реабилитации Петра Нестеренко. На первый взгляд повествование кажется линейным, так как один допрос следует за другим, однако это не совсем так, персонаж возвращается к воспоминаниям, в тексте романа появляются вставные истории, осуществляющие смену модальности. Так, например, исследователь Михаил Николаевич Кулаковский обращает внимание на словообразовательную вариативность вставной конструкции, в результате происходит изменение основной информации текста: «Обновленное квазиправосудие требует от него пускай и формальных, однако допросов, возможно и выбитых, но все же свидетельств (валяй и лже)», то есть отмечается новое прочтение контекста, чему способствует образование лексемы «лжесвидетельства» [4, с. 97].

Еще одним интересным приемом в романе является смешение внутренней речи героя произведения и описания описанием допросов, Нестеренко продумывает план своего рассказа и действий, чтобы показать себя следователю с более выгодной стороны. Хронотоп позволяет А. Филипенко создать накаленную атмосферу, а повествование от первого лица добавляет психологической глубины, погружает во внутренний мир героя. Диалоги со следователем (Перепелицей Павлом Андреевичем) полны динамики и держат читателя в напряжении, запугивание со стороны следователя сталкивается с иронией и чувством юмора Петра Нестеренко, это обезоруживает и злит Перепелицу. Александр Филипенко тщательно выстраивает образ персонажа, с одной стороны, автор не включает в повествование описание внешности Петра Нестеренко (только в середине романа размещена фотография из личного дела Петра Ильича Нестеренко). С другой стороны, он предлагает читателю детальное описание ситуации, это

наводит читателя на мысль о том, что любой человек мог бы оказаться на месте персонажа, повторить его трагическую судьбу. Для смены модальности автор обращается в тексте к использованию курсива, представляющему собой подведение итогов или вывод, к которому приходит Нестеренко. Помимо этого, встречаются вставки документов, относящихся к делу Петра Ильича. В интервью Александр Филипенко утверждает, что он повторил маршрут персонажа, изучил документы в архивах Европы и России, когда они еще не были засекречены. Однако сложно судить о достоверности данных документов, кроме того, любовная линия с Верой не находит какого-либо подтверждения.

Роман состоит из трех частей, первая называется «Следствие», это одна из самых объемных частей романа. В этой части читателю предложено описание 23 июня 1941 года, на фоне героического противостояния Брестской крепости фашистам изображаются обыски и изъятия по всей стране, что выглядит бесчеловечно в первые дни войны. Смещаясь с общественного на личный уровень, Саша Филипенко погружает читателя в первое воспоминание главного героя: «Смерть есть мое первое детское воспоминание» [5, с. 9], тема смерти появляется с первых страниц романа. Первый допрос Петра Ильича совпадает с наступающим пятьдесят пятым днем рождения героя, Нестеренко обвиняется в шпионаже, следователь хочет знать, на какую разведку работает заключенный. Страж закона обязан получить доказательства вины Нестеренко, однако в предлагаемых условиях это сложно сделать, так как под Москвой стоят немцы, все документы сжигаются для собственной безопасности. Вторая часть называется «Приговор», в ней раскрывается секрет Нестеренко о возлюбленной и оглашается обвинительный приговор, третья часть «Пустая. Жизнь» состоит из решения о реабилитации.

Анализируя мысленную речь персонажа в камере, невозможно не отметить расчетливость Нестеренко, его гибкость, умение быстро подстраиваться к меняющимся обстоятельствам, однако в данном случае эти качества носят отрицательный характер: «Верно ли прожита твоя жизнь, старик, если, истоптав пятьдесят пять лет, ты вдруг оказываешься в чреве казенной гусеницы, что через всю страну, то сжимаясь, то дергаясь вперед, тащит тебя к месту нового допроса? Правильно ли отыграна твоя пьеса, соколик, коли в столь приличном возрасте ты путешествуешь поездом, в котором шипит не шампанское, а подышающий человек?» [5, с. 13], жизнь воспринимается как игра в театре. Одновременно с этими характеристиками показана любовная линия, Петр Ильич постоянно мысленно обращается к своей возлюбленной, на первый взгляд это чувство кажется искренним и светлым, но к концу повествования становится понятно, что это не так.

Характер П. И. Нестеренко особым образом проявляется в предательстве: персонаж постоянно примыкает то к одной группе сил, то к другой, он работал и на красных, и на белых, позже он объясняет, что важна только его собственная жизнь: «— Так ты из белых, что ли, будешь? — Из серых... — Это как? — А долго объяснять, уважаемый...» [5, с. 13], на протяжении всей своей жизни Нестеренко принимал выгодные для него решения, жертвовал при этом даже самыми

близкими людьми. С одной стороны, такое поведение естественно, пример «здорового эгоизма», с другой — очевидна беспринципность Петра Ильича, он готов погубить жизнь окружающих его людей, обойти закон, потому что для происходящей в стране ситуации такое поведение считается нормальным.

Нестеренко с принятием говорит о буднях тюремной жизни, уклад которой не менялся столетия, описание звучит хладнокровно, будто подобный порядок является обыденностью, например, в заключении необходимо осваивать «новый язык», традиционно в тюрьму попадают ученые, неугодные властям тех лет, часто сажают «случайных» людей из-за доносов. Сущность Нестеренко очень ярко проявляется в его мыслях о том, что: «Мой враг не белый и не красный, враг мой не черный, не серый и не желтый — враг мой всегда только один: мой враг — любой человек» [5, с. 77], эти слова дегуманизируют персонажа, именно эта фраза приводит читателя к осознанию, что Петр Ильич обесценивает верность, чистоту, доблесть и благородство, он думает только о себе и его высшая ценность он сам. Данный момент является ключевым, становится понятно, что все слова Петра Ильича, в том числе о любви, являются ложью.

Александр Филипенко исследует институт государства, его устройство, его силу порабощения граждан, они становятся винтиками системы. Автор разоблачает несовершенства, отталкивающие проявления системы посредством поэтапного погружения в воспоминания героя, его столкновения с системой, несмотря на то, что Нестеренко является военным, то есть частью государственной системы. В своем рассказе о конвоировании из одного места в другое Нестеренко сообщает, что сопровождающие всегда пьяны, роются в его вещах, обсуждают антисоветские темы, все эти детали дают дополнительную характеристику системы. Петр Ильич раскрывает коррупционные схемы, он неблагоразумно высказывает точку зрения, что «всякий диктаторский режим, гражданин начальник, непременно держится на коррупции» [5, с. 27]: родственники приговоренных к расстрелу могут забрать их тела для похорон, что категорически запрещено в случае «государственных врагов»; в крематорий продаются экскурсии, можно поучаствовать в процессе сжигания. Человеческая жизнь не ценится, люди расстреливаются сотнями, более того, их прах используется для того, чтобы посыпать дорожки на улице, когда скользко. Часто читатель наблюдает за тем, как тот, кто являлся частью системы, перемалывается ей самой, она не щадит никого, независимо от того, полезен ли ей был этот «винтик» или нет. Несмотря на то, что персонажа сложно назвать положительным, автор включает в его речь нетривиальные фразы, даже запретные, нехарактерные для того времени, отбрасывающие мнение самого писателя. Например, он подчеркивает существование антисемитизма в стране, Нестеренко вспоминает о договоре Германии и СССР до Отечественной войны и отношении к Польше, иронизирует, что крематорий в Москве помогала возводить немецкая фирма: «Вряд ли фашисты устоят перед таким соблазном насолить жидам...» [5, с. 63], Петр Ильич подчеркивает, что в любом противостоянии власть никогда не поддерживает народ, не выступает вместе с народом, она всегда отстаивает свои права и интересы, жертвует народом для достижения своих целей.

Следователь направляет Петра Ильича во время допросов еще к одной щекотливой теме, а именно вопросу религии, при советской власти церковь подвергалась гонениям. Следователь Перепелица задает Нестеренко откровенный вопрос, верит ли Нестеренко в Бога. В ответе на вопрос Петр Ильич так же изворачивается, как и во всех остальных случаях, говорит, что он с рождения советский человек, доказывает свою позицию воспоминанием, как во время военных действий, отхожее место они расположили в полевой церкви [5, с. 57]. Однако одновременно с этим рассказчик мысленно возвращается к истории из детства, когда, провалившись в охотничью яму, он молил Бога спасти его, с тех пор он благодарил Бога за каждый прожитый день. Персонаж апеллирует к трудам богослова, философа Павла Александровича Флоренского, реакция следователя, назвавшего философа врагом народа в ответ, подтверждает, что религия нелегитимна в этом государстве.

Следует отметить, что в романе совершенно отсутствует романтизация войны, более того, сам герой иронизирует, что он обещал возлюбленной и отцу быть бесстрашным, однако оказавшись на поле боя, обезумел от страха. Правдивый рассказ о войне, о собственных чувствах и страхах так же носит протестный характер по отношению к государству, так отсутствие романтизации войны приводит к нежеланию участвовать в ней, непониманию причин жертвовать собственной жизнью, смене ценностей в целом.

Нетипично показано отношение арестанта к следователю, обычно заключенные не погружаются в личность дознавателя. Однако Петр Ильич, пристально рассматривая своего следователя (Перепелицу Павла Андреевича), подмечает его усердие в грязных делах, а именно, в «штамповке расстрельных статей» [5, с. 16], более того, он предположил, что молодой следователь занимает чье-то место после «последней волны чисток». Необходимо сказать, что главный герой прекрасно понимает финансовый интерес следователя: это и звание старшего следователя в юном возрасте, и неучастие в боевых действиях, то есть «отсидка в тылу», и новая квартира в хорошем районе. Нестеренко, благодаря собственной «встроенности» в государственную машину, распознает все уловки Перепелицы: длительные допросы, мгновенный переход с одной темы на другую, искажение слов арестанта, попытка убедить заключенного признаться в содеянном, даже если человек не совершал преступления. В своем повествовании Нестеренко показывает себя как более хитрого и умного человека, чем следователь, Петр Ильич вспоминает много интересных фактов об Индии, о традициях разных стран и другое, он язвителен, остроумен, не всегда собеседник понимает колкости, иронию и даже сарказм заключенного. Иногда Павел Андреевич все-таки подмечал неуважение в словах Нестеренко, делал замечания и прибегал к физическим наказаниям, что конечно не является законным способом ведения допросов, более того, показывает слабость, неспособность противостоять арестанту.

На допросах Нестеренко откровенно, в деталях рассказывает о других людях и их действиях, при этом он очень осторожно и вдумчиво повествует о своих приключениях, что можно связать с нежеланием выдать факты, компрометирующие его, или свидетельствовать против себя. Вопрос «сдавать или не сдавать»

коллегу не ставится перед совестью, это воспринимается как само собой разумеющееся, это не сложно для Нестеренко, данный факт является важным штрихом к портрету персонажа. Заключенный не вкладывает особый смысл в термин «дружба», для него окружающие всего лишь случайные люди, которые по воле случая оказались рядом, с ними необходимо взаимодействовать, когда это удобно, но не дружить.

Пугающе выглядят безэмоциональные рассуждения Нестеренко об убийстве людей, расстрел рассматривается как доказательство преданности московскому правительству, большой поток расстрелянных, по мнению Петра Ильича, рождается издержками производства, люди дегуманизируются, воспринимаются как винтики в большом механизме, некоторые необходимо заменять. «Я твердо убежден, что люди предназначены для разных целей — одни рождены быть расстрелянными, другие рождены убивать» [5, с. 24] смерть рассматривается как игра, Нестеренко верит в то, что сможет избежать смерти, притвориться расстрелянным, чтобы затем бежать. Тема жизни и смерти исследуется А. Филипенко с самого начала романа, она сопряжена, в том числе, и с насилием, описанным рассказчиком, и с воспоминаниями из детства. Каждый день в детстве Нестеренко вынужден ходить мимо кладбища, его пугает могила тезки, высеченным его собственным именем, он дает себе обещание никогда не умирать. В жизни ребенка постоянно присутствует воспоминание о крови, у него проблема со здоровьем — плохие сосуды. Постоянное соседство со смертью будто уверило Нестеренко в том, что она всегда будет ходить рядом, но никогда не коснется его самого: сидя в заключении, Петр Ильич уверяет сокамерников, что чекисты их не расстреляют, так как иначе немцы, войдя в Москву, используют трупы в пропагандистских целях. Возможно, именно из-за постоянного соприкосновения со смертью в течение всей жизни, в том числе на войне, Нестеренко спокойно работает в крематории, не испытывает угрызений совести за «вторую смену», размышляет о жизнях сжигаемых им людей и не испытывает при этом сочувствия, скорее принимает сложившийся порядок как данность. Мотив насилия поддерживается образом следователя, позволяющего себе физическое насилие, оскорбления, а также представленной оппозицией Свой/Чужой и предатель\верный друг. Однако Нестеренко уточняет эту оппозицию своим вариантом — имеющий власть/человек без власти, для власть имущего человеческая жизнь ничего не стоит, фраза «мы властны лишь над теми, кого пережили» [5, с. 85] показывает, что ситуация верховенства может быстро поменяться: сегодня ты занимаешь должность, а завтра на тебя написали донос, и ты ожидаешь расстрела. Государственная система, представителем которой является следователь, представляется главным источником насилия, беспристрастным как к Своим, так и Чужим.

На протяжении всего романа, всех допросов Нестеренко мысленно обращается к любимой, несмотря на его людоедские мысли и позицию, читателем это проявление чувств воспринимается трогательно, кажется чем-то чистым и возвышенным, а затем ближе к финалу ужасает читателя. Оставшись в окружении в Гатчине, Нестеренко пишет письмо возлюбленной Вере, просит приехать ее

к нему, а в итоге сам бежит из окруженного города в Харьков. Этот поступок показывает, что Нестеренко делает осознанный выбор, он понимает, что совершает предательство, но эгоистично бросает Веру на произвол судьбы. Случайно встретив Веру после гатчинских событий, Нестеренко посмел подойти к ней и требовать от нее общения, чтобы она вновь была с ним. Тема любви любопытно раскрывается в данном произведении, Вера не говорит о любви в отличие от Нестеренко, она живет в предлагаемых обстоятельствах, выбирает удобные для себя на тот конкретный момент пути, именно поэтому, в Париже она бросается к Петру Ильичу, жизнь которого хотя бы минимально устроена. Однако, понимая, что успешной актрисой за границей она не станет, Вера решила бежать обратно в СССР, при этом, очевидно на примере опыта возвращения Нестеренко, такая поездка требует тщательной подготовки, а значит, живя с «любимым», она постоянно только играла роль любящей женщины. По ходу развития сюжета читатель узнает, что Вера донесла на Нестеренко, «влюбленные» достойны друг друга.

Во время второго допроса рассказчик погружает читателя в свое детство, Нестеренко будто оправдывается, что таким, каков он есть, его сделал отец. Петр Ильич вспоминает себя «любящим открытым и трепетным» [5, с. 47] ребенком, очень увлеченным природой, страдающим животным на охоте. Он вспоминает сцену с охоты, когда гладил подбитого зайца, а отец приказал добить его, несомненно, это был поворотный момент для ребенка, отец с тех пор решил воспитать в сыне мужчину. Отец заставлял ребенка прыгать через овраги, забираться на деревья, заниматься с гантелями, драться с деревенскими парнями, которые были намного сильнее, итогом этой физической подготовки стала отправка сына в юнкерское училище. Отец обучает жестокости сына на своем примере и подкрепляет идеи словами: «Ты не должен щадить себя! Ни себя, ни окружающих. Если только однажды пожалеешь себя — все, считай, ты щенок, а не человек!» [5, с. 48]. Отцу удалось перевоспитать мальчика, перебарывая себя, ребенок ввязывался в кулачные бои и, одновременно с этим, убивал в себе доброту, нежность и открытость. Отправившись на войну и получив ранение, Нестеренко считал, что он доказал храбрость отцу, однако его встретил гнев, отец считал: чувствуешь себя хорошо — возвращайся на фронт. Удивительно отношение Нестеренко к войне, с одной стороны, он осознает, что война — ужасное событие в жизни народа, она кровава и бессмысленна, с другой стороны, создается впечатление, что он смотрит на войну отстраненно, будто не ее участник, а только наблюдатель: «Госпиталь — это был такой склад обрубков. Лишние и бесполезные люди», «...не следует переоценивать значимость солдатской жизни. Так, единица» [5, с. 61], читатель не чувствует сострадание со стороны рассказчика. И. Банах считает, что: «Тематической доминантой его [Александра Филипенко] творчества является изображение коллективной травмы, жертвой которой может стать любой человек вне зависимости от возраста или гендера» [2, с. 136], очевидно, что такой жертвой становится Нестеренко. Исследователь называет такой тип персонажей образом «травмированной маскулинности», как правило, они изображены на травмогенном фоне, в данном случае в период репрессий

и войны, часто характеристиками этих персонажей становится переход из положения жертвы в палача и обратно. Ирина Банах считает, что травмированной маскулинности присуща уязвимость, у Нестеренко, например, дворянское происхождение, кроме того он принимает участие в белогвардейском движении, а самым опасным для персонажа становится эмиграция, так как этот факт приводит к подозрению в шпионаже. Петр Ильич существует в постоянном состоянии повышенной уязвимости, психологическом напряжении и страхе смерти. Однако этот страх имеет и положительный аспект, он заставляет персонажа детально выстраивать планы и модель поведения в обществе, чтобы выжить. Главный герой романа проявлял невероятную тягу к жизни на допросах, в период военных действий и в Париже, складывается ощущение, что это желание жить будто «натренировано». Первым опытом встречи с жестокостью и насилием становятся взаимоотношения с отцом еще в детском периоде, именно таким образом Нестеренко прошел своего рода «закалку» и смог пережить период репрессий. Однако насилие не проходит бесследно, у героя романа будто атрофируются чувства, фокус внимания смещается на себя самого, он начинает ощущать себя, как находящегося «над ситуациями». Соприкосновение со смертью произошло на войне, Нестеренко преследуют образы солдат, просящие его захоронить их, затем персонаж будто ищет «сотрудничества» со смертью, он селится в Париже у крематория и наблюдает за происходящим, в Москве он руководит крематорием. Персонаж соотносит себя с Аидом, мифологизирует смерть, думает о своей избранности. Петр Ильич осведомлен в обрядах погребения, изучает философскую литературу, размышляет о переходе из одного мира в другой. Нестеренко, интересуясь вопросом жизни и смерти, проживает мысленно смерть, готовит себя к ее принятию, веря, что это его спасет. Травмированность, отсутствие возможности распоряжаться своей жизнью и выбором в детстве, отсутствие власти и возможности что-то поменять, лицемерие окончательно разрушают личность героя произведения, вся его жизнь подчинена главной функции — выживанию, даже жена и ребенок в его жизни появляются в качестве прикрытия.

Нетривиально авторское решение в финале романа, после расстрела Нестеренко дух его остается на месте действия и беседует с возлюбленной Верой. Вера задает Петру Ильичу вопрос о том, что он собирается делать, персонаж отвечает, что он будет жить, говорит, что «человек попросту не умеет жить», что «чтобы жить вполне благополучно, надо знать, как жить, надо учиться жизни, и я выучусь» [5, с. 208], пока Нестеренко выживал и бежал от смерти, жизнь проходила мимо, он так и не достиг своей мечты — летать.

Нестеренко показан автором обыкновенным человеком, который старается выживать в неспокойных условиях того периода, однако выглядит при этом нелицеприятно, так как персонаж постоянно работает то на одно правительство, то на другое, собирает информацию об эмигрантах, передает их разговоры спецслужбам, у него нет людей, которым он доверяет, и тех, кого считает друзьями. Петр Ильич ведет двойную жизнь, как и многие в тот исторический период, смена масок становится постоянной мерой предосторожности в его жизни, как и предательство белых, «своих», любимой и своей мечты, то есть себя само-

го. Травмированность главного героя показана не только на уровне общества, но и на личностном уровне, несомненно, два этих уровня напрямую связаны друг с другом, травма маскулинности полученная в детстве влияет на взросление и становление личности, непроработанная историческая травма не позволяет обществу развиваться. Нестеренко Петр Ильич — человек-функция, добросовестно выполняющий свои обязанности, постепенно раскрывает свою сущность, он гордится своим положением, становится человеком, с которым выгодно общаться, чувствует свою значимость; человек-флюгер, пытающийся противостоять смерти, обмануть ее, но обманывается сам, потеряв драгоценное время жизни. Перед директором крематория всегда стоял выбор, он был уверен, что делал правильный выбор, он не был убийцей, но соучастником, скрывающим следы преступлений, являлся всегда. Искусство компромиссов, которым превосходно овладел Петр Ильич, заведомо проигрышный вариант для сохранения жизни: «Кремулятор — это устройство, которое размалывает кости креммированных до состояния праха. Аллегория вполне понятна: самый жестокий кремулятор — это история. История, для которой маленький человек всегда ничтожен, история, которая ходит кругами, отправляя все новых людей по одним и тем же географическим и политическим дорогам, история, которая обожает неожиданные повороты судеб отдельных личностей и целых стран» [3], роль жертвы и палача в такие турбулентные периоды истории взаимозаменяемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабичева Т., Саша Филипенко // 24 СМІ. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://24smi.org/celebrity/314213-sasha-filipenko.html> (дата обращения: 10.11.24).
2. Банах И., «Травмированная маскулинность» в романе Саши Филипенко «Кремулятор» / Ирина Банах // CONVERSATORIA LITTERARIA. 2023. — Т. 17. № 17. С. 135–147.
3. Васильева Е. Что такое кремулятор и зачем читать роман Саши Филипенко о главе первого крематория в СССР // «Фонтанка.ру». — [Электронный ресурс]. — URL: <http://books.vremya.ru/main/8031-cto-takoe-kremuljator-i-zachem-chitat-roman-sashi-filipenko-o-glave-pervogo-krematorija-v-sssr.html> (дата обращения: 10.11.24).
4. Кулаковский М. Н. Потенциальное информативное развертывание художественного текста в рамках вставных конструкций / М. Н. Кулаковский // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1(36). С. 94–101.
5. Филипенко С. Кремулятор: роман. — М.: Время, 2023. — 212 с.

Вихрова Ксения Александровна,
старший преподаватель кафедры гуманитарных и инженерных дисциплин
Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной
академии им. А. Л. Штиглица,
r2654256@gmail.com

**«У НАС ЭТО НЕВОЗМОЖНО»:
ИССЛЕДОВАНИЕ НАЦИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ
В РОМАНЕ «СИМУЛЯКРЫ» Ф. К. ДИКА**

В статье проводится анализ научно-фантастического романа «Симулякры» американского писателя Филипа К. Дика в контексте изображения нацистской идеологии. В результате делается вывод, что автор в романе конструирует антиутопический мир, где демократические институты превращены в фикцию, а власть основана на симуляции. Критика нацистской идеологии проявляется в изображении тоталитарных механизмов, этнической дискриминации и квазирелигиозного фанатизма. Анализ произведения демонстрирует, как Дик превращает политику в поэтику, исследуя природу социального контроля.

Ключевые слова: Дик, научная фантастика, нацистская идеология, роман-катастрофа, политика.

VIKHROVA K. A.

"IT CAN'T HAPPEN HERE":

A STUDY OF NAZI IDEOLOGY IN PHILIP DICK'S "THE SIMULACRA"

The article analyzes the science fiction novel "The Simulacra" by American writer Philip K. Dick in the context of depicting Nazi ideology. As a result, it is concluded that the author constructs a dystopian world where democratic institutions are turned into a fiction and power is based on simulation. Criticism of Nazi ideology is manifested in the portrayal of totalitarian mechanisms, ethnic discrimination and quasi-religious fanaticism. The analysis of the work demonstrates how Dick turns politics into poetics by exploring the nature of social control.

Keywords: Dick, science fiction, Nazi ideology, disaster novel, politics.

Филип Киндред Дик (Philip Kindred Dick, 1928–1982) — выдающийся американский писатель второй половины XX века, чьё творчество оказало значительное влияние на развитие жанра научной фантастики. Его литературное наследие включает более 40 романов и около 120 рассказов, многие из которых стали классикой благодаря глубокой философской рефлексии и экспериментам с нарративной структурой. В произведениях Дика затрагиваются фундаментальные проблемы человеческого восприятия реальности, свободы воли, природы сознания и социополитических трансформаций.

Несмотря на значительное количество литературных наград, которые Дик получил при жизни, подлинное признание его творчество обрело уже посмертно, во многом благодаря экранизациям. Среди наиболее известных киноадапта-

ций — фильм Ридли Скотта «Бегущий по лезвию», экранизация романа «Помутнение» Ричарда Линклейтера, а также сериал «Человек в высоком замке». Эти произведения способствовали популяризации концепций, разработанных Диком, и привлекли внимание широкой аудитории к его литературному наследию.

Дик обладал сложным и нестандартным мировоззрением, что зачастую находило отражение в его текстах. Он критически относился к социальным институтам, технологиям и авторитарным системам. Его политические взгляды отличались неоднозначностью: с одной стороны, он был обеспокоен угрозой государственного контроля, что коррелировало с либертарианскими идеями, с другой — проявлял интерес к концепциям социальной справедливости и равенства, характерным для социалистической мысли. Дик отвергал коммунистическую идеологию, критиковал американский экспансионизм.

Одним из примечательных, хотя и сравнительно малоисследованных произведений Дика является роман «Симулякры» («The Simulacra», 1964). Он был опубликован в период наивысшей продуктивности писателя, однако в отличие от «Трёх стигматов Палмера Элдрича» («The Three Stigmata of Palmer Eldritch»), вышедших в том же году, не получил широкой популярности. Некоторые литературные критики объясняют это сложностью повествовательной структуры [2, с. 538], присущей многим работам Дика, а также несоответствием читательских ожиданий, поскольку роман представляет собой расширенную версию ранней новеллы «Такого вы ещё не видели» («Novelty Act»), опубликованной в журнале «Fantastic».

Действие романа «Симулякры» [1] разворачивается во второй половине XXI века в постапокалиптическом мире, где США и Европа слились в единое государственное образование. Социальная структура разделена на две касты: гехтов, имеющих доступ к государственной тайне («Geheimnis» — секрет), и бефтов («Befehlsträger» — исполняющий приказы), лишённых этой привилегии. В романе используется множество немецких заимствований, а геополитическая ситуация метафорически сравнивается с «хвостом, виляющим собакой», где Европа символически представляется в роли управляемого субъекта.

Политическая система романа является пародийной конструкцией: Демократическая и Республиканская партии США слились в Демократическо-Республиканскую партию, а фактическая власть сосредоточена в руках бессменной Первой леди Николь Тибодо, чей образ, по мнению исследователей, вдохновлён Жаклин Кеннеди [3]. Для поддержания иллюзии демократического правления регулярно избираются президенты-симулякры дер Альте («der Alte»), которые на самом деле являются андроидами. За Тибодо стоит таинственный Совет, а немногие посвящённые знают её главный секрет: настоящая Николь давно мертва, а её роль исполняют нанятые актрисы. Устойчивость системы обеспечивается технологическими разработками, в частности аппаратом Лессингера, который позволяет предвидеть возможные варианты будущего.

Тема симулякров — центральный элемент романа. Сам Дик вдохновился симулякром Авраама Линкольна, который он увидел в Диснейленде во время семейной поездки. Впоследствии подобные конструкции исторических фигур

неоднократно появлялись в его произведениях, в том числе в романах «Сдвиг времени по-марсиански» («Martian Time-Slip», 1962) и «Мы вас построим» («We Can Build You», 1972). В «Симулякрах» эта идея находит дальнейшее развитие: симулякры становятся не просто техническими артефактами, а инструментами политической манипуляции.

В романе представлена многослойная картина социума, где технологии, политика и социальные структуры находятся в сложном взаимодействии. В романе Николь Тибодо пытается использовать машину времени, чтобы извлечь из глубин времени Германа Геринга и убедить его не убивать евреев, хотя в её собственной стране функционирует парарелигиозная неонацистская организация «Сыны Иова» под руководством Бертольда Гольца. Позже выясняется, что глава этой организации одновременно руководит тайным Советом, а его деятельность направлена на подрыв государственности изнутри. Этот сюжетный элемент подчёркивает цикличность истории и уязвимость демократических институтов.

Характерно, что вопрос о возможности фашистского (или нацистского) будущего для США неоднократно поднимался в литературе, и роман Дика нередко сравнивают с «У нас это невозможно» («It Can't Happen Here», 1935) Синклера Льюиса и «Заговором против Америки» («The Plot Against America», 2004) Филипа Рота. Эти произведения представляют собой аллегорические размышления о природе политической власти и её трансформациях, и их можно интерпретировать как политические аллегории, отсылки к событиям того времени, когда они создавались, хотя сами писатели могут комментировать это очень по-разному. Так, Филип Рот многократно подчёркивал, что он не собирался давать характеристику президентству Джорджа Буша-мл., во время которого был написан роман. С другой стороны, примечательно, что популярность этого романа резко возросла во время первого срока другого президента-республиканца — Дональда Трампа [4].

Дик неоднократно подчёркивает парадоксальность тоталитарных режимов. Несмотря не только на кажущуюся демократичность выборов, но даже возможность выбрать тематику выступлений президентов, в реальности рядовые граждане в романе лишены фактической власти. В СШЕА установлена система жесткого контроля, в которой «нежелательные» элементы общества (например, люди, подвергшиеся мутациям после ядерной катастрофы Третьей мировой войны) отправляются в изолированные зоны. Персонажи романа ведут дискуссии о природе тоталитаризма, приходя к выводу, что современный режим — это лишь симуляция демократии.

Отдельная сюжетная линия связана с «горбатиками» («chuppers»), которые, по некоторым сведениям, являются возвращенными к жизни неандертальцами, а по другим — мутировавшими людьми. Последнюю версию поддерживает то обстоятельство, что сын одного из центральных персонажей — гениального, но сумасшедшего пианиста-психокинетика Ричарда Конгросьяна — «горбатики». Свое название «горбатики» получили из-за характерной внешности. Хотя они умственно не уступают остальному населению СШЕА, способны к творчеству

и продуктивному труду и даже создают самобытную (суб)культуру, они вынуждены жить в изоляции.

Организация «Сыны Иова» выступает за полное уничтожение «горбати-ков», что отсылает к историческим аналогиям с нацистской Германией. Именно поэтому с Адольфом Гитлером в романе сравнивают не дер Альте и Николь, а Бертольда Гольца, декларирующего необходимость очистить национальную этническую среду. Президент Израиля на приеме у Николь прямо говорит, что «население мечтает о новом Гитлере», что подкрепляет опасения. С другой стороны, в этом же разговоре отмечается, что Третий рейх даже с новейшим вооружением (которое собирается дать ему Николь) просуществовал бы лишь лет пять, поскольку был обречен по собственной внутренней природе. В нацистской партии не было механизма воспроизведения преемника фюрера. Характерно, что на первый взгляд, режим дер Альте и Николь обладает впечатляющей устойчивостью, однако, как уже было отмечено, это фикция, симуляция.

Литературный критик Умберто Росси характеризует «Симулякры» как «роман-катастрофу американской демократии, превратившейся в фикцию» [5, с. 39]. В произведении Дика демократия показана как иллюзия, где свобода, равенство и прозрачность власти заменены манипуляцией и цинизмом. Это приводит к тому, что утопические мечты о будущем трансформируются в антиутопию, где истинная власть принадлежит скрытым элитам, а социальные институты функционируют исключительно для поддержания видимости легитимности.

Таким образом, анализ романа «Симулякры» позволяет утверждать, что Дик преобразует политику в поэтику, создавая многослойное повествование, в котором общественные процессы приобретают символическое измерение. Его произведение является не только исследованием философских вопросов восприятия и сознания, но и политическим высказыванием, предостерегающим от деградации демократических институтов в эпоху технологической эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дик Ф. Симулякры / пер. с англ. Н. Романецкого. М.: Эксмо, 2022. 352 с.
2. Сутин Л. Филип К. Дик. Жизнь и Всевышние вторжения / пер. с англ. Е. Беренштейна. М.: Эксмо, 2020. 608 с.
3. Harris J. W. The Simulacra by Philip K. Dick. [Электронный ресурс]. URL: <https://classicsofsciencefiction.com/2024/01/05/the-simulacra-by-philip-k-dick/> (дата обращения: 31.01.2025).
4. Klein E. Philip Roth, Donald Trump, and The Plot Against America. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vox.com/2018/5/28/17393268/philip-roth-trump-death-plot-america-book-fiction> (дата обращения: 31.01.2025).
5. Rossi U. The Great National Disaster: The Destruction of Imperial America in Philip K. Dick's «The Simulacra» // RSA Journal. 2002. № 13. Pp. 39–68.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ БЫТИЯ

УДК 159

Бардиер Галина Леонидовна,
доктор психологических наук, профессор кафедры культурологии
Невского института языка и культуры,
профессор кафедры психотравматологии
Русской христианской академии имени Ф. М. Достоевского,
Россия, Санкт-Петербург,
galinabardier@yandex.ru

Куцук Алла Ивановна,
сертифицированный психолог-консультант,
директор, АНО Центр экологического просвещения «ЛАДИНА-ГЕРА»),
Россия, Санкт-Петербург,
allivan@mail.ru

НЕКОНСУЛЬТАТИВНАЯ ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ БЕСЕДА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ПРОВЕДЕНИЯ В РАБОТЕ С ЖЕНЩИНАМИ

В статье рассматриваются целевые, функциональные и формальные характеристики беседы, используемой как инструмент психологического консультирования и его практико-ориентированных ответвлений. Предлагается термин «неконсультативная доверительная беседа». Приводятся примеры проведения таких бесед из практики работы автономной некоммерческой организации Центра экологического просвещения «ЛАДИНА-ГЕРА».

Ключевые слова: консультативная психологическая беседа, целевая беседа, неконсультативная доверительная беседа, психологическое консультирование, коучинг, доверительные отношения, гендерная психология.

BARDIER G. L., KUTSUK A. I.
NON-CONSULTATIVE CONFIDENTIAL CONVERSATION
AND THE POSSIBILITIES OF ITS IMPLEMENTATION
IN WORKING WITH WOMEN

The article considers the target, functional and formal characteristics of the conversation used as a tool for psychological counseling and its practice-oriented branches. The term “non-consultative confidential conversation” is proposed. Examples of such conversations are given from the practice of the autonomous non-profit organization, the Center for Environmental Education “LADINA-GERA”.

Keywords: consultative psychological conversation, targeted conversation, non-consultative confidential conversation, psychological counseling, coaching, trusting relationships, gender psychology.

Психологическое консультирование, которое является актуальным и все более и более в настоящее время востребованным получателями психологической помощи, как известно, протекает в форме психологической беседы и требует выстраивания определенных доверительных отношений между специалистом, выступающим в роли психолога-консультанта, и человеком, который выступает в роли получателя психологической помощи [1, 2, 5, 9,10,11].

Беседа, если она происходит в рамках психологического консультирования, должна, соответственно, иметь психологический характер.

Однако беседа может быть и не психологической. Люди просто беседуют друг с другом в обычных житейских ситуациях. Значит можно говорить о житейских беседах. При приеме на должность менеджер по персоналу проводит с кандидатами со-беседование [6]. Беседа является также и психологическим методом исследования [8].

Во всех перечисленных случаях беседа выполняет разные функции и, соответственно, носит разный характер.

Даже в рамках психологического консультирования и «ответившихся» от него форм психологической помощи беседа может тоже выполнять разные функции, обретать разные формы, ставить перед собой разные цели.

И выбор целевой установки, функциональных возможностей и конкретной формы ведения беседы происходит в зависимости от:

- запроса получателя психологической помощи (клиента консультанта)
- ситуативной мотивации любого человека, просто желающего пообщаться
- психологических особенностей самих собеседников и ситуации, в которой протекает их беседа.

Например, психологическая беседа может быть либо лично-, либо проблемно-ориентированной, если она протекает в контексте психологического консультирования.

Функции такой беседы — установление контакта с обратившимся человеком (клиентом), формирование доверительных отношений, собственно консультативная работа, помогающая человеку снять психологическое напряжение, найти решение в трудной жизненной ситуации, обнаружить свой «спящий ресурс» и оценить свои возможности, сформировать и сформулировать свои приоритеты и поставить перед собой реальные цели...

Клиентами консультирующего психолога могут быть самые разные люди — взрослые и дети, мужчины и женщины, пенсионеры и работающие, молодые люди и люди постарше. Всех этих людей объединяет наличие запроса на психологическую помощь.

Если же беседа протекает в контексте такого ответвления от традиционного психологического консультирования, которое получило название коучинга [7, 12], то помогающий специалист в качестве своей основной профессиональной

задачи видит «сопровождение» обратившегося человека (клиента) на его пути к достижению изначально им сформулированной цели. То есть, можно сказать, что коучу помогать человеку сформулировать цель не надо, а надо помочь ему оперативно дойти до этой цели, поскольку сама цель ему заранее известна. Обычно клиентами коуча бывают люди, ориентированные на карьеру, на достижения, на социальный успех, на освоение каких-то новых знаний, умений, навыков, приобретение новых компетенций и т. п. [7, 12].

В сеансах коучинга функции установления контакта и формирования доверительных отношений сохраняются, а работа с возможной проблемой клиента или анализ его личностных трудностей как бы пропускаются — основное внимание уделяется выработке адекватных и конструктивных стратегий продвижения к цели и, соответственно, психологическому сопровождению этого продвижения.

Иные цели носит беседа, если человек просто хочет реализовать свою социальную потребность быть выслушанным, кому-то довериться, получить какую-то новую информацию, ощутить поддержку, отреагировать свои эмоции. И не более того.

В последнее время запрос на такого рода «доверительные» беседы возрастает. В особенности в таких беседах нуждаются одинокие люди, пенсионеры, женщины-домохозяйки, просто эмоциональные женщины. Гендерная психология [3, 4], востребованность которой в настоящее время тоже только возрастает, акцентирует более выраженную по сравнению с мужчинами потребность женщин в общении.

Поскольку такие беседы по своей сути не носят психологический консультативный характер, проводить их может любой заинтересованный человек, владеющий техниками активного слушания, позитивно настроенный, толерантный, умеющий соблюдать этические, эстетические и социально-экологические границы.

Если проводить такие неконсультативные доверительные беседы берет на себя ответственность специалист, то востребованность этих бесед будет только повышаться в больницах, санаториях, домах престарелых, закрытых учреждениях.

Таким образом, если исключить житейскую и методически ориентированную на исследование беседу, то наше внимание продолжают привлекать ориентированная на достижение цели «целенаправленная» беседа, психологическая консультативная беседа и неконсультативная «доверительная» беседа (Табл. 1).

Табл. 1. Виды беседы, проводимой в рамках психологического консультирования и его практико-ориентированных ответвлений.

особенности	«целевая» беседа	консультативная психологическая беседа	«доверительная» беседа
Кто проводит	специалист по коучингу (тренер)	специалист по психологическому консультированию	специалист из любой области, владеющий техниками активного слушания, позитивно настроенный и соблюдающий этические, эстетические и социально-экологические границы
Кто обращается	клиенты, ориентированные на карьеру, достижения, социальный успех (преимущественно работающая молодежь, бизнес)	клиенты, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации (кризис, психическая травма, неразрешимые проблемы и др.)	люди, испытывающие дефицит общения (преимущественно женщины среднего возраста, домохозяйки, пенсионеры, пациенты медицинских учреждений, люди, находящиеся в закрытых организациях и др.)
Цели и задачи	сопровождение клиента на пути достижения им поставленной им же цели	психологическая помощь клиенту по его запросу	удовлетворение социальной потребности клиента в общении
Формы проведения	личные встречи, вебинары, дистанционное обучение	консультативные сессии	личные встречи, экскурсии, мероприятия познавательного, эстетического и культурного характера
Методы оценки результата	раскрытие ресурсов и достижение цели	снятие напряжения и разрешение трудной ситуации	удовлетворение потребности в общении, получение эмоциональной поддержки, опыт доверительных отношений

Поскольку о психологической беседе как инструменте работы консультан-
рующего психолога и о беседе, характерной для занятий с коучем написано до-
вольно много, остановимся на авторском опыте проведения неконсультативных

доверительных бесед с женщинами, посещающими Центр экологического просвещения [13].

Такие беседы у нас в центре проходят как на индивидуальном уровне, так и в группах, как в специально отведенном помещении, так и во время выездных мероприятий.

Беседы могут проходить на фоне музыки. Или в окружении картин, или за чайным столом.

Важным моментом для слушателей является выбор темы ведущим. При этом выборе мы стараемся отдавать предпочтение роли женщины в семье и в обществе, освещая важность этой темы в свете традиций и социальных вызовов современности.

В настоящее время, на наш взгляд, образованность и культура поведения прекрасной половины человечества являются защитой от негатива нашей повседневности.

Беседа — древний способ общения людей.

В процессе беседы человек имеет возможность поделиться своими мыслями и получить на них отклик. А обратная связь возникает всегда: это и отзывы в СМС сообщениях, и действенная реакция слушательниц.

Вот пример. Когда во время одного из выездных мероприятий проходил творческий форум на основе выставки художника Маргариты Чигиной, сопровождавшийся комментариями ведущего беседу, в ходе встречи было предложено участницам выбрать на память понравившиеся распечатки произведений художницы, одна из женщин, выбрав понравившуюся картину, сказала, «...а я возьму вот эту... И помирюсь сегодня же со своим мужем». И лица остальных присутствовавших на этой встрече женщин расцвели улыбками! Думается, что многое осталось за радостным прищуром их глаз. Тепло и доверие объединило аудиторию.

Примечательными особенностями общения с женщинами являются не продолжительные преамбулы перед посещением выставок художественных произведений, а именно доверительное общение.

Запомнился такой случай. Группа собралась в фойе Академии Художеств на Выставку «Дорогами Палестины» и во вступлении ведущим было сказано, что «человек, осознанно воспринимая шедевры живописи, невольно проникается уважением к окружающему миру природы, к таланту художника, запечатлевшего это совершенство. И как результат — рождается желание сохранить этот неповторимый мир.»

Далее началась экскурсия и по ее окончании одна из экскурсанток написала: «Я была не согласна с тезисом о гармонии социальной экологии и искусства, но посмотрев полотна великих Мастеров, изменила свою точку зрения.» Обратная связь в этих строках, бесспорно, прослеживается и является подтверждением, на наш взгляд, функциональной многогранности таких доверительных бесед.

Еще пример. Творческая мастерская «Охранительность — основная сущность женщины», Женщины вручную расписывают специально заказанные

и полученные с завода фарфоровые тарелочки, изображая на них свои пожелания близким людям. После занятия тарелочки отправляются на завод для обжига. Превращаясь в такие эксклюзивные подарки, тарелочки становятся украшением дома участниц занятия.

Характеризуя формальную сторону неконсультативно доверительных бесед, покажем на конкретном примере их основные особенности.

- Центр приглашает женщин на беседу
- Создается гостеприимная обстановка (чай, музыка, интерьер)
- Все начинается с процедуры знакомства (спрашивают только имя)
- Объявляется тема беседы, например, «Женщина и окружающий мир»
- Ведущий рассказывает про социальную экологию, психологию женщины как хозяйки дома, члена семьи, матери, супруги
- Показывается веер проблем и возможностей, которые появляются у женщины в связи с разумным потреблением, уважительным отношением к себе и окружающим, пониманием красоты как неотъемлемой сущностной характеристики каждой женщины
- Иницируется обсуждение, ведущий отвечает на вопросы, приводит нужные примеры
- Женщины проникаются доверием, проявляют открытость и доброжелательность, делятся своими жизненными ситуациями, эмоционально и содержательно поддерживают друг друга.
- Завершается беседа чаепитием, во время которого появляется возможность получения обратной связи о проведенной беседе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алёшина Ю. Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. 2-е издание. М.: Независимая фирма «Класс», 2007. 208 с.
2. Гулина М. А. Терапевтическая и консультативная психология. 2-е издание. СПб.: Речь, 2001. 352 с.
3. Женщина и визуальные знаки. М.: Идея-пресс, 2000. 280 с.
4. Котлярова Э. В. Гендерная психология: метод, рекомендации к курсу. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2007. 38 с.
5. Кочюнас Р. Психологическое консультирование и групповая психотерапия. М.: Академический Проект, 2005. 464 с.
6. Магура М. И. Поиск и отбор персонала: Практическое пособие для руководителей и специалистов кадровых служб М.: Бизнес-школа «Интел-синтез», 1997. 79 с.
7. Майлз Д. Эффективный коучинг. М.: Издательство «Добрая Книга», 2006. 479 с.
8. Метод беседы в психологии: Учебное пособие для студентов факультетов психологии высших учебных заведений по специальностям 52100 и 020400 — «Психология». М.: Смысл, 1999. 222 с.
9. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М.: Независимая фирма «Класс», 1999. 144 с.
10. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. СПб.: Питер, 2001. 464 с.

11. Немов Р. С. Психологическое консультирование. М.: Гуманитарный изд. центр «ВЛАДОС», 2008. 528 с.
12. Рыбкин. И. Н. Коучинг социального успеха. — М., Институт общегуманитарных исследований, 2007 г.-490 с.
13. Справочный ресурс «Чекко». АНО «ЛАДИНА-ГЕРА». URL: <https://checko.ru/company/ano-ladina-gera-1187800001344> (дата обращения: 21.01.2025).

Бардиер Галина Леонидовна,
доктор психологических наук, профессор кафедры культурологии
Невского института языка и культуры,
профессор кафедры психотравматологии
Русской христианской академии имени Ф. М. Достоевского,
Россия, Санкт-Петербург,
galinabardier@yandex.ru

Ивонин Андрей Валентинович, аспирант,
Северо- Западный университет, Россия,
Санкт- Петербург,
av.ivonin@bk.ru

КРИТЕРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ УСПЕШНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА

В статье предлагается основанная на данных литературы по менеджменту авторская критериальная модель успешности специалиста любого профиля. С использованием данных нестандартизованного интервью, проведенного авторами, и данных, полученных с помощью метода анализа документов с последующим применением метода контент-анализа и критериальной модели проводится анализ профессиональной деятельности адвоката.

Ключевые слова: успешность, критериальная модель, эффективность, продуктивность, результативность, адвокатская деятельность.

BARDIER G. L., IVONIN A. V. *CRITERIAL APPROACH TO ASSESSING THE SUCCESS* *OF A LAWYER'S PROFESSIONAL ACTIVITIES*

The article proposes the author's criterial model of success of a specialist of any profile, based on the data of the literature on management. Using the data of a non-standardized interview conducted by the authors and the data obtained using the method of document analysis with the subsequent application of the method of content analysis and the criterial model, an analysis of the professional activities of a lawyer is carried out.

Keywords: success, criteria model, efficiency, productivity, effectiveness, advocacy.

Оценка успешности деятельности специалиста — это задача, инструменты решения которой волнуют как теоретиков, так и практиков [3, 4, 8, 9, 10, 12]. Однако прежде, чем приступить к формированию методического инструментария такой оценки необходимо определиться, во-первых, с понятием успешности, во-вторых, с профилем профессиональной деятельности специалиста, успешность которого собираемся оценивать.

По поводу понимания сути и психологического содержания понятия успешности рационально обратиться к специальной литературе. Следуя за Ю. А. Кара-

чаровой, которая выполнила большое диссертационное исследование факторов профессиональной успешности участкового врача-терапевта [5], и изучила различные подходы к определению «профессиональная успешность» [3], отметим, что авторы выделяют такие содержательные единицы этого понятия, как результативность, эффективность, инициативность [8], производительность, качество, скорость [9, 10, 12], дисциплинарные взыскания и продвижение по службе, самооценка субъекта труда [9, 10]. Практически все авторы подчеркивают, что в качестве критериев оценки успешности необходимо выделять внешние (качественные и количественные) и внутренние (комфортность, удовлетворенность, мотивация и т. п.) критерии. Нам представляется, что если внутренние критерии можно соотнести с психологической триадой «аффективные — когнитивные — конативные» характеристики субъекта деятельности [2], то для формирования совокупности внешних критериев целесообразно обратиться к литературе по основам менеджмента.

В классическом учебнике по основам менеджмента М. Мескона с соавторами [6] в качестве критериев оценки деятельности субъекта труда предлагаются три базовых показателя: продуктивность, результативность и эффективность. Опираясь на пояснения авторов, данные этим критериям, мы выстраиваем следующую критериальную модель, включающие следующие количественные параметры:

- *продуктивность* — количество проведенных мероприятий (профессиональных активностей) за определенное время,
- *результативность* — всевозможные показатели обратной связи (количественная характеристика, связанная с профессиональными функциями специалиста)
- *эффективность* — показатель соотношения результативности и продуктивности, например, если даже продуктивность низкая, а результативность высокая, то и эффективность в этом случае будет высокая (не суетятся, дело делают, «глубоко копают», профессионалы), если наоборот, продуктивность высокая, а результативность низкая, то эффективность будет низкая (в «мишень не попадают», клиенты сбегает, в своих действиях промахиваются, дела проигрывают...).

Если обозначить продуктивность буквой Р, результативность — буквой R, эффективность — буквой Е, а успешность в ее внешнем проявлении соотнести с эффективностью, то можно воспользоваться формулой — $E=R:P$.

Для количественного заполнения этой формулы нами был составлен экспресс-опросник, вопросы которого представлены ниже. Опросник также можно использовать в качестве гайда интервью, если оценку успешности специалиста проводит, например, его руководитель, коллега, инспектор отдела кадров, клиент. Примерные вопросы (или гайд-интервью) для оценки успешности (эффективности) профессиональной деятельности адвоката:

1. Обозначьте, пожалуйста свои

- пол _____
- возраст _____

- образование _____
- сферу профессиональной деятельности _____
- наличие и характер опыта участия в судебной деятельности, в частности, опыт общения с адвокатами _____

2. Назовите, пожалуйста, как минимум, три критерия, по которым лично Вы стали бы оценивать успешность того или иного адвоката?

- критерий 1 _____
- критерий 2 _____
- критерий 3 _____

3. Как, по-Вашему мнению, можно на количественном (и качественном?) уровне определить продуктивность адвокатской деятельности?

4. Как по-Вашему, мнению, можно на количественном (и качественном?) уровне определить результативность адвокатской деятельности?

5. Как по-Вашему мнению, можно на количественном (и качественном?) уровне определить эффективность адвокатской деятельности?

После проведения нескольких пилотажных интервью мы выяснили, что применительно к оценке успешности адвокатской профессиональной деятельности можно учитывать следующие показатели:

- *продуктивность* адвокатской деятельности — это количество доверителей, дел, выступлений в суде, экспертиз, консультаций, публикаций ...

- *результативность* работы адвоката может отражать количество выигранных дел, отзывы доверителей, коллег, упоминания в разного рода отчетах, публикациях, в СМИ и т. п.

- *эффективность* работы отражается через отношение количества выигранных дел к количеству принятых к производству дел, соотношение количества положительных отзывов от доверителей к количеству доверителей, с которыми работает адвокат, соотношение упоминаний в СМИ и количества тех из них, которые позитивны.

С целью уточнения перечня показателей успешности профессиональной деятельности адвоката по критериям продуктивности и результативности нами в соответствии с выделенными критериями был проведен контент-анализ статей 1, 2 и 7 Федерального закона об адвокатской деятельности и адвокатуре [11]. Результаты проведенного анализа представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Показатели успешности профессиональной деятельности адвоката по критериям продуктивности и результативности (включены в ФЗ об адвокатской деятельности и адвокатуре)

продуктивность	Юридическая помощь физическим и юридическим лицам (доверителям), Научная, преподавательская, творческая деятельность, Консультации и справки по правовым вопросам как в устной, так и в письменной форме, Составление заявлений, жалоб, ходатайств и другие документов правового характера, Представляет интересы доверителя в конституционном судопроизводстве, в органах государственной власти, органах местного самоуправления, общественных объединениях и иных организациях, судах и правоохранительных органах иностранных государств, международных судебных органах, негосударственных органах иностранных государств, Участует в качестве представителя доверителя в гражданском и административном судопроизводстве, в разбирательстве дел в третейском суде, международном коммерческом арбитраже (суде) и иных органах разрешения конфликтов; в исполнительном производстве, а также при исполнении уголовного наказания; Участует в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях Выступает в качестве представителя доверителя в налоговых правоотношениях.
результативность	Независимость, Совмещение адвокатской деятельности с работой в качестве руководителя адвокатского образования, с работой на выборных должностях в адвокатской палате субъекта Российской Федерации (далее также — адвокатская палата), Федеральной палате адвокатов Российской Федерации (далее также — Федеральная палата адвокатов), общероссийских и международных общественных объединениях адвокатов. Честно, разумно и добросовестно отстаивает права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; Исполняет требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника или представителя в уголовном, гражданском, административном судопроизводстве или иных установленных законом случаях по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда,

	Оказывает юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации; Постоянно совершенствует свои знания самостоятельно и повышает свой профессиональный уровень в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и адвокатскими палатами субъектов Российской Федерации; Соблюдает кодекс профессиональной этики адвоката и исполняет решения органов адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции; Ежемесячно отчисляет средства на общие нужды адвокатской палаты в порядке и в размерах, которые определяются собранием (конференцией) адвокатов адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации (далее — собрание (конференция) адвокатов), а также отчислять средства на содержание соответствующего адвокатского кабинета, соответствующей коллегии адвокатов или соответствующего адвокатского бюро в порядке и в размерах, которые установлены адвокатским образованием Неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей.
--	---

Планируя перспективные направления продолжения исследований с применением критериальной модели оценки успешности профессиональной деятельности адвоката, мы определили следующие перспективные задачи:

- проведение комплексного исследования с применением метода интервью в разных целевых аудиториях (коллеги, доверители, работодатели, специалисты помогающих профессий, обыватели),
- формирование и анализ результатов исследования экспериментальной и контрольной выборки (например, по стажу работы в качестве адвоката)
- сравнительный анализ успешности адвоката с успешностью специалиста в другом виде профессиональной деятельности (например, с успешностью консультирующего психолога)

ЛИТЕРАТУРА

1. Васяев А. А. Путь адвоката: От первых шагов в профессии до последнего слова. М.: ЛЕНАНД, 2020. 256 с.
2. Ивонин А. В. Психологические критерии профессиональной самооценки успешного адвоката // Сборник материалов XXIII Свято-Троицких ежегодных международных академических чтений в Санкт-Петербурге, 24–27 мая 2023 г. СПб.: Изд-во РХГА, 2023. С. 326–336.

3. Карачарова Ю. А. Профессиональная успешность человека и критерии её оценки [Текст] // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 6. С. 62–68.
4. Карачарова Ю. А. Теоретико-методологические основы изучения профессиональной успешности человека // Вестник Тверского государственного университета. Педагогика и психология. 2009. № 10, С. 108–113.
5. Карачарова Ю. А. Психологические профессиональной успешности участкового врача-терапевта. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. психол. наук. Тверь: Тверской государственный университет, 2010. 30 с.
6. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 1997. 704 с.
7. Профессиональная этика и служебный этикет для юриста: учебное пособие для специалистов. под общ. ред. Ю. А. Чернавина. М.: Проспект, 2020. 328 с.
8. Родина О. Н. О понятии «успешность трудовой деятельности» // Вестник Московского университета. 1996. № 3. С. 60–67.
9. Толочек В. А. Профессиональная успешность субъекта: психологические и социальные аспекты // Методы исследования психологических структур и их динамики. 2007. № 4. С. 69–81.
10. Толочек В. А. Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 3. С. 27–61.
11. Федеральный закон от 31.05.2002 N 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024)
12. Шелепова Е С. К проблеме профессионально важных качеств субъекта трудовой деятельности // Вестник ТвГУ. Серия: Педагогика и психология. 2008. № 2. С. 35–42.

ВИЗУАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЖИЗНЕННОЙ СРЕДОЙ

В статье обсуждается проблема источников становления визуальной культуры личности как интегративного психологического образования. Дается характеристика визуального компонента жизненной среды, особенностей процесса визуализации и влияния визуальной среды на развитие личности, визуальных источников психотравмы.

Ключевые слова: визуальная культура личности, визуализация, визуальность жизненной среды, психологическая реконструкция, визуальные источники психотравмы.

VINOGRADOV P. N.

VISUAL CULTURE OF A MODERN PERSON IN THE CONTEXT OF INTERACTION WITH THE LIVING ENVIRONMENT

The article discusses the problem of the sources of the formation of visual culture of personality as an integrative psychological education. The characteristics of the visual component of the living environment, the peculiarities of the visualization process and the influence of the visual environment on the personality, development of visual sources of psychotrauma are given.

Keywords: visual culture of personality, visualization, visibility of the living environment, psychological reconstruction, visual sources of psychotrauma.

Современная жизненная среда человека описывается современными исследователями аббревиатурой VUCA — нестабильностью, неопределенностью, сложностью и неоднозначностью. Они обозначаются, как современные вызовы человеку, на которые он должен найти ответ в виде ориентиров своей жизни и личностного развития. Весь этот набор характеристик должен найти понимание и объяснение в деятельности современного научного сообщества. Отрыв от предметной действительности и все более интенсифицирующаяся активность человека в виртуальной, знаковой, визуальной среде находит отражение в исследованиях современных исследователей.

В работах философов М. Мерло-Понти [7], П. Вирильо [3], В. М. Розина [8] и др. мы находим глубокий анализ процессов замещения в сознании современного человека опоры с фундаментальной материальности и предметности мира «прошлого», на динамичность, визуальность, образность и символичность мира «современного». Образ замещает предмет и благодаря новым средством обмена информацией становится ведущим фактором становления психики. Этот процесс находит свое отражение и в работах отечественных психологов С. Л. Рубин-

штейна [9], Л. С. Выготского [4], В. П. Зинченко [6]. Так, Владимир Петрович Зинченко и Е. Б. Моргунов в своей книге Человек развивающийся констатируют следующее положение: «Современная наука, техника требуют от человека все большей и большей визуальной культуры. Эти требования скоро станут такими же, как требования к культуре речи. Визуальная культура становится существенной составной частью профессионального облика многих видов человеческой деятельности» [6, с. 245] Интересно, что если в работах философского и социологического направлений категория «визуальная культура» трактуется как обозначение совокупности визуальных явлений окружающей действительности, визуальной среды, то теперь возникает возможность возвратиться в исторически исходную позицию, в которой древние греки говорят как о способе взаимодействия человека с окружающей средой, а, следовательно, и о личностной составляющей визуальной культуры. В нашем исследовании «Визуальная культура личности: генезис, структура и функции» дается следующее определение этого явления: « Визуальная культура личности — это интегративное психическое образование, включающее совокупность средств **взаимодействия** человека с окружающей визуальной средой, опосредованная сложившимися сенсорно-перцептивными и смысловыми структурами человека и обеспечивающая адаптацию, присвоение (смысловое постижение) и регуляцию преобразования визуального информационного потока» [2]. Следует сделать особый акцент на аспекте взаимодействия человека как субъекта и носителя визуальной культуры, с одной стороны и визуальную среду, имеющую разную степень организованности — с другой. Активность человека, стремящегося постигать тонкости визуальной культуры, связана с различающимися уровнями и режимами включения в контакт с объектами и явлениями визуальной действительности. Обратившийся к решению проблемы психологического воздействия Г. А. Ковалев [5] положил в отечественной психологии основу для исследования и понимания степени взаимопроникновения двух человеческих субъектов и механизмов, сопровождающих этот процесс. По степени энергичности и направленности воздействия он определяет императивную, манипулятивную и развивающую стратегию. По этой классификации самой продуктивной является развивающая стратегия, строящаяся на идее синергетической общенаучной стратегии и на механизмах диалогического взаимодействия. Основаниями же для выбора стратегии воздействия является как структура и свойства объекта воздействия, так и средовые условия, в которых происходит этот процесс. И здесь важную роль играют особенности как процесса, так и результата визуальной репрезентации предметной действительности. Свойства визуального образа, порождаемого процессом зрительного восприятия и его последующей интерпретацией, являются динамичными, субъективными, почти эфемерными. Научное познание пытается укрепить его силой логики и символическим или оформленным в предметах воплощением, художественное познание создает свои системы оценки, скорее всего соответствующих «вкусовому» принципу. Канадский ученый Алан Пайвио [12] закрепил эту дуалистичность в идее двойного кодирования. Визуальная репрезентация обеспечивается взаимодействием имаженов

и логогенов, в котором и реализуется попытка уловить сущность визуального в вербализации и предметизации. Здесь и осуществляется тонкая игра смыслов, проявляющаяся в порождении, принятии и отчуждении.

Отметив особенности процесса порождения и функционирования визуального образа, следует остановиться и на анализе условий, в которых происходят рассматриваемые нами процессы, т. е. попытаться оценить влияние степени организованности визуальной среды.

Наиболее известной концепцией, связывающей процессы развития с типологией жизненной среды, является экологический подход к развитию У. Бронфенбреннера [11] предлагает рассматривать среду жизнедеятельности как стратифицированную структуру, включающую: микросистему, мезосистему, экосистему и макросистему. Мы видим, что микросистема — семья ребенка; мезосистема — детсад, школа, двор, квартал проживания; экосистема — взрослые социальные организации; макросистема — культурные обычаи страны, ценности, обычаи и ресурсы буквально пропитаны визуальной информацией — образами, символами, визуальными концептами. По мере взросления человека он попадает во все более насыщенные системы, где каждый субъект имеет свои цели, задачи и средства генерирования и трансляции визуальных образов, а потому все более насыщенной становится формирование собственной системы управления визуальной действительностью, которую мы и отождествляем с понятием «визуальная культура личности. С одной стороны, у общества есть возможность канализировать потоки визуальной информации, но, с другой — его развитие возможно на основе ее разнообразия и возможности свободного выбора. Данную дилемму приходится решать в процессе управления, но конечным избирательным потребителем становится сам человек. В конечном итоге он и есть субъект права, свободы и ответственности.

Ценный вклад в понимание процессов организации визуальной среды вносят работы отечественного Г. С. Батищева [1]. Его идеи интересным образом перекликаются с концепцией стратегий психологического воздействия Г. А. Ковалева. Так императивная стратегия связывается с жесткой организацией целей, содержания, средств и психологических характеристик носителей определенной культуры. Здесь существует жесткая система визуальных эталонов и жестко определенных средств трансляции визуальной информации. Визуальная среда, направленная на реализацию идеи «развитие ради развития», связана возможностью концентрации социальных ресурсов вокруг реализации возможностей отдельных субъектов. В их распоряжении находится возможность выбора целей, визуального содержания и средств их реализации и свободой их порождения и использования. Они становятся генераторами креативных визуальных сред, двигателями прогресса, что следовало бы позитивно оценивать. Вместе с тем в этой истории больше просматривается использование общественного ресурса на индивидуальное развитие и как только появляется дефицит такого ресурса, то начинает усиливаться конкуренция, которая в одних жизненных ситуациях приводит к прогрессу, но может способствовать сильной непродуктивной стратификации и ее последствиям. Оптимальной стратегией овладения правилами

порождения и функционирования визуальных сред, по мнению Г. С. Батищева и Г. А. Ковалева, следует признать стратегию творческого диалога, базирующегося на общенаучной концепции взаимодействия открытых саморегулирующихся и саморазвивающихся систем. Здесь признается равноправие участников, взаимодействующих в порождении и использовании различных визуальных сред и согласование целей, средств и результатов, порождающих жизненную визуальную среду субъектов. Конечно, система теряет при это скорость в развитии, но существенно сберегает общественный ресурс, поддерживает его рациональное использование и существенно уменьшает конфликтность среды и не защищенность ее участников. В развитии и психологическом обосновании последнего подхода следует отметить исследования Е. В. Рягузовой. В своей работе «Визуальная репрезентация как способ конструирования реконструирования психологической ситуации» [10] она представляет результаты психологического анализа и теоретической рефлексии понятия «психологическая ситуация». С одной стороны, это понятие позволяет продуктивно представить поле функционирования визуальной культуры личности, с другой — структурно и хронологически локализовать акт ее порождения. Автор показывает то как проявляются такие характеристик психологической ситуации как целостность, открытость, динамичность, неустойчивость и нелинейность, рассматривая ее как «клеточку» — элементарную структурную единицу визуальной среды и, как бы, проецирует на нее все свойства визуальной макросистемы. Особую ценность приобретает для нас констатация связанности визуальных форм и их смысловой нагруженности, взаимопереход которых подтверждают теорию двойного кодирования и поясняя механизмы существования визуальной действительности. Автор подчеркивает важность интерпретативного подхода при оценке визуально представленных ситуаций и возникающей множественности их толкования.

Такая возможность множественной интерпретации позволяет полицентрично рассматривать и оценивать различные психологические ситуации и конструировать, и реконструировать их. В своей работе Елена Владимировна обращает наше внимание и на микropsихологические факторы тонкой подстройки в процессе визуальной репрезентации, которые связывает с исследованиями К. Левина и которые, как нам кажется, играют важную роль в порождении визуальных моделей действительности, в становлении визуальной культуры современного человека.

Основная идея данной статьи заключается в рассмотрении визуальной культуры личности, как важного интегративного образования, детерминируемого как психологическими особенностями личности субъекта восприятия, особенностями процесса и продукта визуального восприятия, так и особенностями организации визуальной среды жизнедеятельности и реализации профессиональной активности человека. Полезность рассматриваемых идей в контексте психотерапевтического и реабилитационного процесса может определяться как многообразием визуально представленных источников получения психологической травмы, так и отбора средств психологического воздействия, начиная с переоценки смыслового содержания различных символов- источников трав-

мы, заканчивая реконструированием и переконструированием травмирующей ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батищев Г. С. Три типа педагогики. Избранные произведения. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения, 2015. С. 543–553.
2. Виноградов П. Н. Визуальная культура личности: генезис, структура и функции. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2010. № 136. С. 26–38.
3. Вирильо П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. 141 с.
4. Выготский Л. С., Лурия А. Р. Этюды по истории поведения. М.: Педагогика-пресс, 1993. 224 с.
5. Ковалев Г. А. Психологическое воздействие: теория, методология, практика. Автореферат докторской диссертации. М.: Академия педагогических наук СССР, 1991. 472 с.
6. Зинченко В. П., Моргунов Е. Б. Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М.: Тривола, 1995. 304 с.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М: Ювента, Наука, 1999. 608 с.
8. Розин В. М. Визуальная культура и восприятие. М.: Этиториал УРСС, 1996. 304 с.
9. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Академия педагогических наук СССР, 1989. 720 с.
10. Рягузова Е. В. Визуальная репрезентация как способ конструирования реконструирования психологической ситуации. Известия Саратовского университета. 2008. № 7. С. 73–78.
11. Bronfenbrenner Urie. The Ecology of Human Development EXPERIMENTS BY NATURE AND DESIGN. HARVARD UNIVERSITY PRESS. 329 p.
12. Paivio Allan. Intelligence, dual coding theory, and the brain // Intelligence. 2014. № 11. Pp. 141–158.

Фан Вэнькай
магистрант 1 курса по направлению «Психология»,
институт психологии РГПУ им. А. И. Герцена
807452515@qq.com

Васильева Светлана Викторовна
Кандидат психологических наук, доцент,
кафедра общей и социальной психологии РГПУ им. А. И. Герцена
vivatvsv@mail.ru

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ГРУППЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЛЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ

В последние годы все большее количество китайских студентов приезжают учиться в российские вузы. Адаптация к новой культурной и образовательной среде не всегда проходит успешно. В исследовании (приняли участие 136 студентов из Китая, приводилось в ноябре 2023 года) были выявлены основные трудности иностранных студентов и уровень их эмоционального благополучия (около 10% опрошенных оказались в «группе риска»). В феврале-марте 2024 года в формате двухчасовых семинаров прошли занятия в группе психологической поддержки (на китайском языке). Встречи проводились с целью предоставления студентам стратегий и инструментов, позволяющих лучше адаптироваться к новой среде, справляться с учебными нагрузками и жизненными трудностями.

Ключевые слова: адаптация иностранных студентов, китайские студенты, группа психологической поддержки, психологический семинар.

WENKAI FANG, VASILIEVA S. V. EXPERIENCE OF CONDUCTING A PSYCHOLOGICAL SUPPORT GROUP FOR INTERNATIONAL STUDENTS

In recent years, an increasing number of Chinese students have been coming to study at Russian universities. Adaptation to the new cultural and educational environment is not always successful. The research (136 students from China took part in the research, conducted in November 2023) revealed the main difficulties of foreign students and the level of emotional well-being (about 10% of respondents were in the “risk group”). Psychological support group sessions (in Chinese) were held in February-March 2024 in the format of two-hour workshops. The meetings were held to provide students with strategies and tools to better adapt to the new environment, cope with academic pressures and life challenges.

Keywords: Adaptation of international students, Chinese students, Psychological support group, Psychological seminar.

В условиях глобализации количество иностранных студентов в российских вузах растет с каждым годом. Студенты– образовательные мигранты, особенно не имеющие опыта проживания за рубежом, сталкиваются с многочисленными трудностями на начальных этапах обучения. Например, для студентов из Китая характерны проблемы восприятия новых культурных норм и обычаев, труд-

ности в общении с российскими студентами и преподавателями, проявляются и организационные барьеры, такие как недостаток информации о системе обучения и проживания [1, 4]. На сегодняшний день в некоторых российских вузах отсутствуют комплексные программы психологической поддержки иностранных студентов, что подтверждает важность создания групп поддержки, которые могли бы быть включены в перечень адаптационных мероприятий, и помочь студентам справиться с трудностями, возникающими в процессе обучения.

Мы проводили группы психологической поддержки в форме психологических семинаров. На семинарах иностранные студенты имеют возможность поделиться своими переживаниями и трудностями адаптации к новой культурной среде, получить поддержку от сверстников, сталкивающихся с аналогичными проблемами, и улучшить свое эмоциональное самочувствие. Такие мероприятия можно проводить, используя различные подходы, например: элементы тренинга навыков преодоления стресса, который предполагает обучение дыхательным упражнениям, техникам релаксации и базовым техникам медитации для снижения тревоги [3]; технологии тайм-менеджмента, направленные на эффективное управление временем и постановку реалистичных целей, что, согласно ряду исследований, может помочь предотвратить эмоциональное выгорание и сохранить мотивацию к обучению [4].

Также особенно важно, чтобы семинары проводились на родном языке иностранных студентов. Исследования доказали, что возможность выразить свои мысли и чувства на знакомом языке помогает повысить чувство безопасности и комфорта и ускорить процесс эмоциональной адаптации [2].

Мы пригласили к участию в исследовании 136 китайских первокурсников, которые обучаются в РГПУ, и приехали в Россию осенью 2023 года.

По результатам предварительного анкетирования, мы сделали вывод о том, что большинство студентов из Китая обозначают свое состояние как состояние субъективного благополучия и отрицают наличие негативных эмоциональных переживаний. Но около 10% студентов попадают в группу риска по показателям эмоционального благополучия, они нуждаются в психологической помощи и поддержке.

Поэтому в феврале и марте 2024 года мы пригласили китайских первокурсников на встречи группы психологической поддержки. Группа психологической поддержки проводилась в формате двухчасовых семинаров на китайском языке. Изначально психологический семинар планировалось провести за одну встречу. На предложение принять участие в семинаре откликнулись 19 студентов из Китая, участвовали в первой встрече 12 студентов. Но, исходя из запросов участников семинара, через неделю после первой встречи была проведена вторая встреча.

На первом психологическом семинаре мы использовали китайскую версию шкалы PSTR (Psychological Stress Test Result, Результат психологического стресс-теста) для диагностики уровня стресса у китайских студентов первого курса и предложили им рассказать о стрессовых событиях, с которыми они столкнулись в новой среде. Мы проводили психологические упражнения (медитацию

и дыхательную релаксацию), чтобы снизить уровень стресса, повысить эмоциональную устойчивость и помочь студентам найти свои собственные ресурсы поддержки.

На втором семинаре мы сосредоточились на конкретных негативных переживаниях студентов, таких как гнев, тревога и депрессия. Для каждого состояния мы выбрали специальные упражнения, включающие ролевые игры, элементы арт-терапии (например, лист гнева) и техники релаксации для успокоения и преодоления негативных эмоций. Кроме того, мы обсудили важность тайм-менеджмента. Участники обменялись мнениями о наиболее эффективных стратегиях планирования дел, и каждый из них смог проанализировать, как лучше распоряжаться своим временем с учетом своих личных особенностей и текущих целей.

В целом серия семинаров получила положительный отклик у новых китайских студентов. Многие участники выразили благодарность за возможность обсудить свои трудности в доверительной обстановке и получили ценные практические инструменты для преодоления стресса.

Хотя мы и получили положительные результаты, в процессе работы группы возникли некоторые трудности и ограничения. Во-первых, можно отметить ограниченный круг участников: хотя изначально было приглашено 19 студентов, на первом семинаре присутствовали только 12 студентов. Во-вторых, китайские студенты могут испытывать влияние предрассудков и стигмы, связанных с прохождением психотерапии. Некоторые китайские студенты могут чувствовать себя неловко или беспокоиться, обсуждая свои эмоциональные проблемы, особенно потому, что в культурном контексте китайских студентов обращение к психологу считается признаком слабости. В-третьих, краткосрочный характер семинаров (два двухчасовых занятия) не всегда обеспечивает устойчивые результаты.

По результатам, полученным в 2023–2024 учебном году, можно сделать вывод о том, что есть необходимость продолжать и развивать программу групп поддержки такого типа, расширяя ее содержание и вовлекая в нее большее количество людей. Во-первых, тематика семинаров может быть расширена. Необходимо включать такие темы, как взаимная поддержка в академической среде, развитие навыков общения на иностранном языке и культурной грамотности. Во-вторых, следует активнее привлекать психологов, обладающих навыками межкультурного общения, и организовывать взаимодействие в рамках семинаров между студентами старших и младших курсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоношилина И. Г., Расрас М. А. Особенности психологической адаптации иностранных студентов к образовательному процессу в России // Экономика и социум. 2020. № 12–2. С. 617–621.
2. Дмитриенко Н. А., Коваленко Н. С., Васильева С. Л., Абрамова А. А. Социокультурная адаптации иностранных студентов в образовательной среде университетов Томска // Педагогическое образование в России. 2020. № 4. С. 100–105.

3. Сайлиев Р. Ш., Айлиев А. Д. Культурный шок: адаптация студентов и решение проблем // Инновационная наука. 2022. № 10–2. С. 65–69.
4. Шевченко А. В., Соболева И. В. Адаптация иностранных студентов: проблемы и возможные пути их решения // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2012. № 16. С. 150–159.

РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ВETERАНОВ БОВЕЫХ ДЕЙСТВИЙ

Автор — ветеран боевых действий. Статья написана про самоощущение. Сейчас у ветеранов боевых действий наблюдается переизбыток чувств и физический дискомфорт. Компенсация происходит на социальном, интеллектуальном уровне. Автор рассматривает проблему с акцентом на нейробиологию человека и причины его поведения. Психологи сосредоточены на проблемах стресса и ПТСР, а процесс боевой травматизации с момента прохождения цикла острого стресса до наступления посттравматических последствий не определен. Автор считает важным своевременно останавливать развитие серьезной психической травмы и увеличивать реабилитационный потенциал у ветеранов боевых действий. Упомянуты обязательности посещения ветераном и его семьей консультаций у психологов.

Ключевые слова: ветеран боевых действий, боевая психическая травма, реабилитация, реабилитационный потенциал, травматический процесс, посттравматическое стрессовое расстройство.

GVOZDEV D. N.

PROBLEMS OF REHABILITATION POTENTIAL OF COMBAT VETERANS.

The author is a combat veteran. The article is written about self-awareness. Currently, combat veterans experience an excess of feelings and physical discomfort. Compensation occurs at the social and intellectual level. The author examines the problem with an emphasis on human neurobiology and the causes of human behavior. Psychologists focus on the problems of stress and PTSD, and the process of combat traumatization from the moment of passing the acute stress cycle to the onset of post-traumatic consequences is not defined. The author believes it is important to promptly stop the development of serious mental trauma and increase the rehabilitation potential of combat veterans. The mandatory visits of the veteran and his family to psychologists are mentioned.

Keywords: Combat veterans, military psychological trauma, rehabilitation, rehabilitation potential, neurosis, post-traumatic stress disorder.

Учитывая недостаточные, по моему мнению, знания в области психологии, необходимые для её применения в научной области, оставаясь в своей области консультирования, осознаю недостаточность общего понимания феноменологии психических расстройств и коморбидных состояний у ветеранов боевых действий вследствие участия в боестолкновениях.

Знания о возможностях психологической коррекции поведения вследствие боевой психической травмы у ветеранов первой чеченской кампании отличаются от травмы ветеранов войны в Афганистане. Таких знаний не хватает для работы с участниками специальной военной операции. Технологически война ста-

ла другой. В ней большое значение придаётся информированию и пропаганде. Психотравматизация на фоне военных действий начинает приобретать коллективный характер, т. к. в неё втягивается большая часть гражданского населения.

Общество так же применяет попытки героизировать всех, кто принимает участие в специальной военной операции. В этих интенциях прослеживается надежда избежать распространение военной проблематики на все сферы жизнедеятельности детского и взрослого населения страны. Например, фотография на рекламном баннере в военной форме с наградами направлена на убеждение общества, что о ветеране помнят и им гордятся, а сам участник военных действий тоже получает положительные эмоции. Однако мирное население может испытывать чувство беспокойства по поводу происходящего. В случае с ветеранами, такие баннеры настораживают и снижают чувство личной безопасности.

Наша организация «Объединение ветеранов боевых действий «ВETERАНЫ» являлась одним из инициаторов установки таких баннеров. Мы предлагали разместить фото в центре ветерана боевых действий с семьей, в гражданской одежде, улыбающегося на фоне берега озера или ярких цветов. В верхнем углу добавить его небольшое фото в военной форме. Надпись была предложена следующего содержания: «Герои среди нас», а по желанию – фамилия имя, дата рождения, отрывок стихов, песни. К сожалению, проект в таком виде принят не был, и на баннере оказался снимок солдата в военной форме с ракурса в анфас.

После появления на улицах городов таких баннеров к нам обратился ветеран боевых действий, участник СВО вопросом: «Почему на баннере изображен именно этот солдат?», а не его достойный по, своим заслугам перед Отчеством, друг. Подобный эпизод произошел с супругой мобилизованного, проходившего реабилитацию военной психической травмы. Ветеран находился в длительной стрессовой нагрузке и возвратился на реабилитацию после лечения тяжёлого ранения. Каждый день он консультировался у психотерапевта, принимал седативные препараты. По утрам его супруга наблюдала у него психологические срывы. Она стала наблюдать за супругом, чтобы разобраться в причине тяжелых эпизодов в психическом состоянии мужа. Жена заметила, что ветеран подходил к окну и видел информационный баннер с фотографией героя боевых действий. На фоне данной визуализации возникала реакция по типу панической атаки.

Мы не должны забывать, что при возвращении с боевых действий ветераны ещё находятся в стрессе, и каждая информационная технология для формирования сознания населения может становиться триггером. Психика ветерана способна мгновенно возвращаться к воспоминанию всех запахов, цвета, звуков войны, и они эти напоминания перестают отражать действительность мирной жизни и осознаются как опасные. Ощущения и восприятия меняются, долгосрочная память определяет паттерны мышления, воображение продуцирует картинки военных действий. Окружающая действительность обуславливает усиление воспроизведения травматического опыта в рецепторной сфере. Такие эпизоды становятся потенциально опасными для самого ветерана и его близких.

Задача гражданского общества — научиться принимать своих героев и учиться своими действиями увеличивать их реабилитационный потенциал

с момента протекания фазы острого стресса — до возможного длительного влияния боевой психической травмы на факторы мирной жизни ветерана.

О чём я хочу рассказать уважаемому сообществу психологов, на примере своей травмы, я бы хотел рассказать о своей работе и жизни.

Я был демобилизован летом 1996 года, встретили меня друзья, совершенно, по моему мнению, не понимающие что такое «плечо товарища», я увидел, что здесь, в гражданской жизни никому нет дела до тех, кто погиб там, меня в машине везли к родителям, я плакал и кричал в открытое окно.

После демобилизации прошёл год, и я уже находился под следствием по статье кража, хранение и передача оружия и боеприпасов, проходя мимо Православного Храма, решил войти в открытые двери. После этого я стал менять свою жизнь.

Я намеренно пишу «в открытые двери», потому что это были первые открытые двери для меня и тысяч таких же. Это важно, открытые двери. государственных учреждений, культурных учреждений, учреждений образования. Ощущения окружающего стали менять в лучшую сторону.

У ветеранов боевых действий, вернувшихся менее чем полгода или год в случае активного ведения боевых действий, в первую очередь изменяется перцептивное ощущение окружающего мира и его явлений, впоследствии изменяющиеся ощущения меняют энтероцептивные — внутренние ощущения организма, при нахождении в длительном стрессе появляются кажущиеся, фантомные боли в разных локациях физического тела, депрессивные состояния, прокрастинация, панические атаки.

Одним из примеров изменения перцептивного процесса является процесс восприятия слуха. Ветеран боевых действий слушает собеседника, услышанное он воспринимает сначала на сенсорном уровне /слышит/ а затем на перцептивном уровне, понимает сказанное и в связи с психической травмой определяет совершенной другой смысл. Очень часто, такое происходит на приёмах в государственных учреждениях, где ветеран слышит, что для подтверждения его участия в боевых действиях, ему необходимо предоставить документ, но на перцептивном уровне он слышит отказ и недоверие.

Продолжительность, интенсивность /количественная характеристика/ участия в боевых действиях один из важных факторов изменений психических познавательных процессов.

Качество участия в боевых действиях, под термином качество я подразумеваю выполняемые задачи, например, у участника штурмовых мероприятий оно изменит концепцию психологии в гражданской жизни и в первую очередь его реакция на стресс будет «БЕЙ», «БЕГИ», «ЗАМРИ». Выше я напомнил о возможных изменениях ощущений ветерана после возвращения с боевых действий, то есть, из-под воздействия острого стресса. Уточню, что защитная реакция на стресс у штурмовика скорее будет «БЕЙ» или «БЕГИ», в связи с полученной практикой выживания на войне. Разница ответной реакции «БЕЙ» или «БЕГИ» будет характеризована скорее личными качествами индивидуума, тренировками мышечной памяти. В данном случае «БЕГИ» не значит убегать, скорее, пропустить этот стресс, ситуацию и бежать дальше. Более конкретно в ситуации ветеран может попро-

сту свалить, уронить, толкнуть человека или предмет мешающий, по его мнению, продвижению вперед, то есть выполнению задачи. Это может быть даже медленнодвигающийся без видимых причин автомобиль, впереди его автомобиля.

Качество участия в боевых действиях и влияние на психический процесс ощущений у ветерана и как следствие его ответная реакция на стресс у участника (например) группы эвакуации раненых, «ЗАМРИ». Вследствие тяжёлых картин войны с высокой интенсивностью, когда человек видит тяжёлые сочетанные травмы, рваные раны, убитых, старые трупы, вынужден часто прятаться от артобстрелов, скрытно вытаскивать с позиций раненых, быстро реагировать на меняющуюся ситуацию. Задача эвакуации остаться в живых и вынести раненого до места, эту задачу удаётся выполнять при максимальной скрытности и скорости. Научения скрытности, оставленное практикой войны, остаются основными паттернами и в гражданской жизни. Ветераны, участники эвакуационной группы (пример), скорее будут неактивны дома, более подвержены алкоголизации, очень часто воспоминания вызывают у них слёзы и тяжёлое настроение, они будут лучше назначать встречи в лесу, в немноглюдных местах и избегать многлюдных мероприятий, чем делать это в городе, на открытой местности, в замкнутом пространстве.

Впоследствии реакции после устранения или избегания угрозы, организм испытывает некоторое истощение, а затем выплеск эмоций и сонливость.

Реакция «ЗАМРИ» у ветерана боевых действий может возникать и при неприятных известиях, просмотре новостей, полученной сторонней тяжёлой информации, при воспоминаниях вследствие работы познавательных процессов и воздействии органов чувств.

Проект war-veterans.ru опубликовал в социальных сетях анонимный опрос в котором приняло участие около 30 человек.

Опрос направлен на выявление трудностей восприятия при возвращении с боевых действий.

«При возвращении домой меня нервировало»

66.7% — много вопросов ко мне «как там было»;

8.33% — жалость ко мне без причин;

8.33% — Предложения не смотреть при мне фильмы про войну;

8.33 — Со мной не соглашались и спорили;

4.17% — Просьба рассказать, плохо мне или нет;

4,17% — мне не верили и лезли с помощью.

Опрос показал, что больше всего вызывал стресс у ветеранов, вернувшихся с войны вопрос «как там было», то есть желание окружающих что бы ветеран вспомнил и рассказал истории, ощущения, высказал мнения. Исходя из чего, а также используя свой опыт и практику, считаю обязательным оградить ветеранов боевых действий от тяжёлых воспоминаний, картинками из его прошлого, подменяя их картинками его счастливого будущего.

В противном случае, отрицательные изменения в психическом состоянии приведут к изменениям психологического здоровья и полноценного проживания каждого этапа онтогенеза человека.

Уверен, что в ближайшем будущем психологи достигнут единого мнения в профилактике лечения военной психологической травмы, нозология травмы будет изучена в соответствии с новыми поведенческими практиками и навыками, технологиями и процессами развития всех сторон человеческой психики. Уже сегодня, как отклик на проблему, создаются общественные объединения психологов, проводятся обучающие семинары, организуется коррекционная и психолого-реабилитационная работа с семьями мобилизованных и вернувшимися с боевых действий ветеранами. Наш проект сегодня активно участвует в работе по изучению военной психологической травмы совместно с ИКЦ «Психометрика» и научным руководителем центра, доктором психологии, профессором Оксаной Владимировной Защиринской.

Позволю себе процитировать профессора, доктора психологических наук, член-корреспондента РАО Александра Григорьевича Караяни:

«Таким образом, формирующийся хронотоп войны показывает, что в ходе СВО создаются специфические, крайне неблагоприятные психологические и социальные условия, и для успешных действий в этих ситуациях требуется кардинальная перестройка нервной системы, психики, поведения людей для выживания в условиях повседневной смертельной опасности, новизны неопределённости и противоречивости событий. И такая перестройка, прежде всего у участников боевых действий, идёт непрерывно. Под потребности боя перестраивается мозг — возникают тысячи новых нейронных связей, новые нейронные контуры, регулирующие боевое поведение. Угасают нейронные связи мирного времени. Активизируется симпатический отдел вегетативной нервной системы. Меняется гормональный состав крови. Здесь образуется своеобразный стрессовый коктейль, обеспечивающий поведение, нацеленное на выживание.

Формируются боевые рефлексы на основе врождённой схемы «Бей! Беги! Замри!». Новые привычки вписываются в режим военной жизни. Включаются и тренируются те группы мышц, которые необходимы для тяжёлой боевой работы.

Кардинально меняется система ценностей, набор социальных ролей и возникает новая идентичность человека — идентичность «бойца — члена боевого коллектива».

И следующий важный тезис профессора.

«Однако СВО, как и всякое военное или социальное событие, имеет своё начало и конец. Рано или поздно, выполнив возложенные на неё задачи, она завершится. И перед государством, обществом, профессиональными организациями встанет задача громадной важности — обеспечить продолжение жизни, формирование нового послевоенного общества, нового уровня жизни».

В заключении я сделаю акцент на словах другого психолога:

«Современные боевые действия в текущем масштабном конфликте по своему характеру разительно отличаются от прошлых войн и конфликтов. Также значительно отличается и набор факторов, воздействующих на психику людей, участвующих в боевых действиях. Да и сам человек уже другой. Немаловажно то, с каким набором антропологических характеристик люди оказываются на войне. Как они думают о себе, как воспринимают и представляют себя. Время, прошедшее с начала СВО, сделало эти отличия и изменения яркими, выпуклыми».

Василий Ланговой — врач-психиатр, психотерапевт с 20-летним стажем. Участник СВО 2022–2023 годов, начальник медицинской службы добровольческого батальона Барс-14.

И ещё один, очень важный тезис Василия Лангового:

«Новая нозология боевой травмы, о которой я размышляю, должна не записывать все наблюдаемые явления в концепцию ПТСР, а гармонично классифицировать весь наблюдаемый спектр феноменов и объяснять причинно-следственные связи развития и исходов боевой травмы».

Возможно, создание новой нозологии военной психологической травмы должно стать главной целью всего психологического сообщества, для чего нам необходимы семинары с участием ветеранов боевых действий готовых рассказывать о своих чувственных изменениях после возвращения с боевых действий.

Наш проект сегодня активно участвует в работе по изучению военной психологической травмы совместно с ИКЦ «Психометрика» и научным руководителем центра Оксаной Владимировной Заширинской.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караяни А. Г. Поколение СВО — психологический актив созидания будущего России. URL: <https://psy.su/feed/12504/> (дата обращения: 05.01.2025).
2. Боевая травма сегодня — «семинар с Василием Ланговым». Психологическая студия Гаввердовской Катерины. URL: <https://gavverdovskaya.studio/projects/combat-injury-today/> (дата обращения: 05.01.2025).
3. Заширинская О. В. Практикум по психотравматологии. URL: <https://psychomir.ru/psikhologi/zaschirinskaya-oksana-vladimirovna> (дата обращения: 05.01.2025). Лебедев А. В., Жигалов Ю. А. Психические процессы и состояния Методическое пособие для студентов всех специальностей. СПб.: СПбГАХПТ, 1999. 124 с.
4. Шапарь В. Б. Психология войн и конфликтов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. 320 с.

Грауберг Ольга Сергеевна,
магистрант кафедры психотравматологии,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского,
Россия, Санкт-Петербург,
go84@yandex.ru

ПРОЦЕСС ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА И ЕГО НЕЙРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье с психологической точки зрения проводится анализ процесса художественного творчества. Представлены по этому вопросу позиции разных авторов. Уделяется особое внимание соотношению сознательных и бессознательных компонентов и нейробиологическим основам художественного творчества.

Ключевые слова: художественное творчество, механизмы творческого акта, сознательное и бессознательное, нейронные сети, нейронные связи.

GRAUBERG O. S.

THE PROCESS OF ARTISTIC CREATIVITY AND ITS NEUROBIOLOGICAL ASPECTS

The article analyzes the process of artistic creativity from a psychological point of view. The positions of different authors on this issue are presented. Particular attention is paid to the relationship between conscious and unconscious components and the neurobiological foundations of artistic creativity.

Keywords: artistic creativity, mechanisms of the creative act, conscious and unconscious, neural networks, neural connections.

Традиционно исследования творческой художественной деятельности проводятся преимущественно с помощью психологических методов. Но в последнее время возрос научный интерес к изучению психофизиологии творчества. Отмечается, что, что художественное творчество — это важнейшее свойство и достижение мозга, возвышающее человека, дающее ему смысл и продуктивность деятельности, душевную удовлетворенность, целеустремленность и долголетие [1].

Формулировка изучаемого понятия уходит в века, так как художественно-изобразительную деятельность ученые исследуют с ранних форм ее появления, начиная с наскальных рисунков древнего человека в пещере Альтамира, которые являют собой пример расцвета пещерного искусства эпохи палеолита, развившегося в Европе между 35 000 и 11 000 годами до н. э.

Наиболее полное определение термина художественное творчество, как отмечает Т. Д. Зинкевич-Евстигнеева, дано К. Сандаловой: «художественное творчество — это процесс создания произведений искусства, в ходе которого автор разрабатывает концепцию, планирует и реализует свою идею, используя различ-

ные формы и средства выразительности для передачи эмоций, мыслей и сюжетов» [6].

Систематическое изучение психофизиологии творческой деятельности началось в 1970-х гг. Интерес к изучению человеческого, в том числе творческого, сознания переживает в последние десятилетия подлинный ренессанс. Господство бихевиоризма в психологии 1920–1950-х годов закономерно привело европейских ученых к ощущению недостаточности методов исследования, базирующихся только на рассмотрении поведенческих составляющих человеческой психики.

Тенденция, возникшая на рубеже XIX–XX веков, направленная на раскрытие закономерностей формирования ощущений и восприятия, как важнейших факторов высшей нервной деятельности человека, становится ведущей. На сегодняшний день литературные источники относят творческую деятельность к отдельному феномену функционирования психики человека [2].

В рамках данной проблемы особое место занимает непосредственное изучение и раскрытие внутренних механизмов творческого акта, в том числе с точки зрения реконструкции психического состояния художника. Причем, сам этот исключительно сложный процесс, малопригодный для логической системы анализа, может быть представлен с нескольких точек зрения.

В частности, большой интерес вызывает соотношение бессознательного и сознательного в процессе обретения художником состояния «вдохновения», о котором писал К. Г. Юнг, описывая его как поток мыслительной деятельности, не обязательно имеющей направление [8]. Зачастую художник может быть движим самим процессом и не погружаться в результат творчества. В рамках психоаналитической традиции в психологии предполагается, что во время творческого акта автор полотна пользуется возможностями метода свободных ассоциаций и погружения в создание логически-закрепленных смысловых цепочек, наделенных смыслами в полотне, что приводит к удовлетворению его потребностей в эстетической деятельности.

Вместе с тем, живопись напрямую связана с внешним миром. И во многом основа изучения феномена художественности кроется в характере взаимодействия творца с публикой. Через получение одобрения и социального подкрепления автор закрывает потребность в признании. В его мозговой деятельности происходят изменения, вырабатывается дофамин — нейромедиатор и гормон счастья. Отличительной особенностью творческой деятельности в виду ее пролонгированности, получение дофамина происходит на более сложном и качественно высоком уровне относительно более простых форм деятельности [10]. Также актуальны для исследования методы накопления и обработки «творческой информации», что влияет на отделы долговременной памяти и сигнальную систему мозга.

Рисование улучшает связи нейронной сети оперативного покоя, особенно между лобной, задней и височной областями [9]. Лобная доля головного мозга отвечает за планирование, движение и эмоции. Теменная доля, помимо движений, также контролирует восприятие и ориентацию в пространстве. Обработка визуальных данных происходит в затылочной доле. За память в основном от-

вечает область височных долей. В процессе рисования активно задействуется мозжечок, который контролирует дополнительные движения [7]. Изобразительное искусство требует максимальной концентрации, внимания, что важно для профилактики хронических заболеваний. Кроме того, занятия рисованием способствуют развитию саморефлексии и самоосознания, а также могут помочь нормализовать частоту сердцебиения и кровяное давление.

Современные исследования психофизиологии творческого акта делают попытку ответить на вопрос о закономерностях функционирования творческого сознания художника. Фундаментальные исследования в этом направлении, предпринятые Д. Леви, привели его к достаточно обоснованным выводам о том, что мысленные построения, характеризующие эстетическое переживание, требуют тесного взаимодействия между двумя полушариями головного мозга, поэтому логично предполагать у людей искусства повышенную способность к межполушарной интеграции функций. И, возможно, чем больше талант, тем более билатерально распределены способности [5].

Для предмета исследования эти выводы имеют большое значение, так как могут объяснить источник формирования представлений о внеличном, неподконтрольном разуму состоянии, переживаемом в момент осуществления художником творческого акта. Сам характер организации человеческого восприятия и функционирования сознания создает предпосылки для возникновения ощущения вторжения «чуждой воли». В то же время сознание художника представляет собой совершенно особый нейрофизиологический механизм.

Целый ряд данных об изменении восприятия объектов под воздействием высоких температур, спазмов головного мозга позволили сделать вывод о том, что художник от рождения способен постоянно видеть мир так, как обычный человек видит мир только под воздействием психоактивных веществ. Многие исследователи с некоторыми оговорками соглашались с этими выводами, поскольку признают, что художник действительно лучше вычленяет нужную ему информацию из определенных зрительных проекций мозга, чем это делает обычный наблюдатель [5].

Основную трудность проблематики творчества четко сформулировал В. П. Иванов в своей работе «Человеческая деятельность: познание — искусство». В его понимании теоретическая расшифровка истоков художественной деятельности и творчества в целом была и остается «невероятно трудным делом», поскольку сталкивается с «потенцией непредвиденного», и далее, несмотря на желание художника прийти к замыслу всегда имеется фактор неожиданности полученного результата [3, с. 209]. В таких ситуациях в силу вступают разные мотивы: меняется отношение художника к выполняемой работе, его физическое или психоэмоциональное состояние, возникают неточные движения при рисовании, появляется линия, которая меняет рисунок.

Итоговое изображение определяется не только техникой выполнения или внутренним состоянием автора, но и тем, как художник отражает окружающий мир. Перед живописцем, как правило, в виду художественного видения открывается два слоя реальности. Один — внешняя «канва» мира — человек и его

окружение, взятые в своей предметности, внешней данности. Другой слой — глубинное содержание того же самого мира, внешнего, объективного, или внутреннего субъективного мира человека, та самая «сущность предмета», которая не раскрывается сама по себе. Задача психологии художественного творчества — в раскрытии причин различного отношения художника к действительности [4].

Живопись и рисунок затрагивают в процессе их реализации различные аспекты мозговой деятельности, включая когнитивные, познавательные функции, эмоциональный спектр и выстраивание нейронных связей. С точки зрения нейробиологии, художественное творчество активизирует различные области мозга, связанные с восприятием, вниманием, памятью, мышлением и эмоциями одновременно или попеременно, однако возможно и комплексное воздействие, влияющее на процесс мышления. Во время творчества человек активно использует визуальное восприятие, внимание к деталям, пространственное мышление и моторные навыки. Эти процессы требуют координации между различными областями мозга, что способствует их развитию и укреплению нейронных связей.

Художественное творчество оказывает положительное комплексное и локальное влияние на психоэмоциональное состояние человека. Создание произведений искусства позволяет выразить самые разные чувства и эмоции через образы и символы, что способствует снижению стресса, улучшению настроения и повышению самооценки.

Процесс создания объектов искусства становится резистентным фактором и способствует развитию познавательных функций, устойчивости реакций, укреплению нейронных сетей и улучшению общего состояния, т. е. обеспечивает психическое и психологическое здоровье человека. Однако для более глубокого понимания нейробиологических аспектов художественного творчества требуются дальнейшие исследования в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейлс Д., Орланд Т. Искусство и страх. Гид по выживанию для современного художника. СПб.: Питер, 2011. 224 с.
2. Ганим Барбара. Исцеление через искусство. Минск.: Попурри, 2005. 332 с.
3. Гимадиева З. М. Особенности эмпатийных тенденций и синдром эмоционального выгорания у педагогов-трудоголиков // Современные инновации. 2018. № 1. С. 87–89.
4. Диагностика профессионального выгорания. Москва, 2002. С. 357–360.
5. Защирина О. В. Преодоление травматического стресса: Рабочая тетрадь. СПб.: Питер, 2024. 160 с.
6. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д. Практикум по креативной терапии. М.: Сфера, 2001. 400 с.
7. Искусствотерапия. под ред. К. Мартинсоне. СПб: Речь, 2014. 351 с.
8. Кокоренко В. Л. Арт-технологии в подготовке специалистов помогающих профессий. СПб.: Речь, 2005. 99 с.
9. Психология творческих способностей: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. С. 180–181.
10. Сандалова К. Лечебная сила искусства: о творчестве как о лекарстве // Виноград. Журнал для родителей. 2017. No2(76). С. 64–69.

Игнатенко Марина Степановна,
кандидат психологических наук, доцент Института психологии
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
mariignstos@mail.ru

Кравцова Мария Андреевна,
магистрант Института психологии
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена,
missmariakravtsova@yandex.ru

ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАК РЕСУРС СТАНОВЛЕНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

В статье рассматривается проблема выявления зависимости между личностными характеристиками молодых ученых (магистрантов и аспирантов) и результативностью выбранного профессионального пути. Представлен теоретический анализ исследований особенностей личности, ценностных и жизненных ориентаций, уровней самоактуализации и содержания Я-концепции, как составляющих личностных характеристик молодых ученых. Определены личностные ресурсы профессиональной деятельности как неспецифические индивидуальные психологические переменные, определяющие результативность становления личности в научной деятельности. Выявлены личностные характеристики, являющиеся ресурсом становления и развития молодых ученых как субъектов профессиональной деятельности.

Ключевые слова: молодые ученые, личностные характеристики, личностный ресурс, субъект профессиональной деятельности.

IGNATENKO M. S., KRAVTSOVA M. A.
PERSONAL CHARACTERISTICS AS A RESOURCE
FOR THE FORMATION OF YOUNG SCIENTISTS

The article examines the problem of identifying the relationship between the personal characteristics of young scientists (undergraduates and postgraduates) and the effectiveness of the chosen professional path. The paper presents a theoretical analysis of studies of personality traits, value and life orientations, levels of self-actualization and the content of the Self-concept as components of the personal characteristics of young scientists. Personal resources of professional activity are defined as non-specific individual psychological variables that determine the effectiveness of personality development in scientific activity. Personal characteristics have been identified, which are a resource for the formation and development of young scientists as subjects of professional activity.

Keywords: young scientists, personal characteristics, personal resource, subject of professional activity.

Сегодняшний рынок труда и система образования Российской Федерации требуют подготовленных современных специалистов, способных творчески мыслить, находить нестандартные пути решения проблемных вопросов в профессиональной деятельности и жизненных ситуациях. Основным приоритетом

современного Российского вузовского образования следует считать подготовку специалистов к реализации инновационных проектов, прорывных технологий. Студенты, получающие высшее образование, имеют возможность принимать участие в научно-образовательной и научно-исследовательской деятельности с первого года обучения, что позволяет им постепенно осваивать все этапы «Школы молодого исследователя» [10].

В связи с этим, важным становится изучение личностных характеристик, как ресурса становления молодых ученых, способствующего раскрытию их творческого научного потенциала и, тем самым, предопределяющего высокую результативность научных достижений на выбранном ими, порою, тернистом, профессиональном, жизненном пути служения науке во имя процветания Отечества.

В трудах отечественных авторов: С. Л. Рубинштейна, Б. Г. Ананьева, Л. С. Выготского, Д. Ф. Лазурского, Д. А. Леонтьева и др. под структурой личности понимается совокупность жизненных направленностей, характера, Я-концепции, уровней самоактуализации, мотивационной сферы, опыта. Как известно, личностные особенности могут определять характер стремлений в профессиональной самореализации. Посему выбор личностных характеристик, как ресурса становления молодых ученых, сконцентрирован на изучении личностных особенностей, ценностных и жизненных ориентаций, уровнях самоактуализации и Я-концепции.

Психологические ресурсы традиционно исследуются в рамках гуманистического подхода, который сосредоточен на конструктивных аспектах личности. Ключевым направлением таких исследований является изучение механизмов, с помощью которых люди справляются с трудностями, а также качества и характеристики, способствующие преодолению стресса [4]. В этом контексте активно рассматриваются аспекты копинг-поведения, что позволяет выявить личностные черты, которые могут как поддерживать, так и мешать индивиду справляться с экстремальными ситуациями [6].

Как отмечает Л. И. Анцыферова, личность, обладая своим уникальным жизненным миром и индивидуальной историей, действует как медиатор событий, проходя их через психическую переработку и выбирая соответствующую стратегию совладания [1]. Д. А. Леонтьев вводит понятие «личностного потенциала», которое описывает базовые индивидуальные характеристики, составляющие ядро личности. Этот потенциал, по мнению Леонтьева, является интегральной мерой уровня личностной зрелости, а самодетерминация личности является центральным феноменом, демонстрирующим личностный потенциал [7]. Личностный потенциал иллюстрирует, в какой степени индивид может преодолевать заданные обстоятельства и работать над собой и своей жизненной ситуацией.

Исследования в области психологии труда показывают, что особенности личности и личностные качества являются важными факторами, определяющими профессиональное развитие и индивидуальные различия, влияющие на пригодность специалиста в профессии [6]. Эти качества также связаны с формиро-

ванием таких характеристик, как работоспособность, удовлетворенность трудом и профессиональная ответственность. Установлено, что особенности личности влияют на процессы саморегуляции в профессиональной деятельности.

Интерес к изучению индивидуально-психологических особенностей в контексте труда обусловлен задачами профессионального роста, полноценной самореализации и предотвращения профессионального выгорания. Изучение личностных свойств позволяет глубже понять их проявление в профессиональной деятельности и влияние на процесс и результаты работы.

Личностные особенности молодых ученых были рассмотрены в рамках изучения научных трудов Д. Ф. Лазурского, М. Я. Басова, Г. Селье, Т. И. Виноградовой, М. С. Игнатенко, С. А. Котовой, В. В. Семикина, Т. А. Флениной и др. Научную работу выбирают люди, которых Д. Ф. Лазурский в работе «Классификация личностей» охарактеризовал следующим образом: «Ученые. Значительное развитие спокойного, ясного, последовательного мышления, способствующего научным занятиям и научным интересам» [5, С. 46].

В 2023–2024 г. на базе института психологии РГПУ им. А. И. Герцена было продолжено эмпирическое исследование личностных характеристик молодых ученых. Личностные особенности, ценностные и жизненные ориентации, уровни самоактуализации и содержание Я-концепции были рассмотрены в качестве ресурсов, способствующих становлению личности молодого ученого. Анализ личностных особенностей показал, что доминантными характеристиками являются последовательность и логичность мышления, систематическая и планомерная наблюдательность, креативность мышления, стремление преобразовать окружающий мир к лучшему и настойчивость. Именно совокупность данных личностных особенностей и является ресурсом становления ученого на научном поприще.

Согласно теоретическому анализу, проведенному в рамках первого этапа исследования, жизненные и ценностные ориентации молодых учёных представляются основным механизмом, который влияет на принятие личностью решения вступить на «научное поприще» [3, 9]. Субъектность может проявляться в ориентациях личности, её жизнедеятельности. Субъектность связана с осознанными действиями, которые личность совершает под воздействием приобретенного опыта, сформированных целей и ценностях [3]. Анализ результатов эмпирического исследования показал, что личность молодых ученых характеризует субъектная ориентация: внешняя направленность взглядов, трансситуационный локус контроля, трансситуационная изменчивость, трансситуационная подвижность. Теоретический анализ ценностных ориентаций позволил установить, что данные ориентации ученых определяются в рамках значимости для них научной сферы и профессионального становления [9]. Для ученого важно оставаться беспристрастным в своей деятельности, выделяя в работе причинно-следственные связи. Беспристрастность и причинность рассматриваются как ценности молодых ученых. Согласно анализу результатов эмпирического исследования, ценностные ориентации ученых характеризуются с двух доминантных сторон: стремлением достичь конкретного результата и своей «духовностью».

Ценностные ориентации молодых учёных сподвигают их изучать окружающую реальность не только активно, но и самоотверженно, причем стремление обрести материальный достаток не является центрообразующим. Таким образом, духовные ценности молодых ученых преобладают над материальными.

Теоретический анализ Я-концепции позволил прийти к выводу, что представление личности молодого ученого о самом себе, о своей профессиональной деятельности сопряжено с процессами самосознания и самотрансцендентности [1]. Самосознание является фактором, влияющим на саморазвитие личности молодых ученых в контексте профессиональной деятельности [8]. Самотрансцендентность, как особый «механизм», синонимичный самоконтролю, позволяет молодым ученым изучать окружающий и свой внутренний мир. В основе самотрансцендентности лежит акт самодистанцирования, который влияет на совершение личностью определенного выбора. Самодистанцирование позволяет молодым ученым принимать осознанные и творческие решения жизненных задач. На принятие подобных решений способна личность, объективно оценивающая себя, склонная к процессу самоактуализации. Согласно нашим исследованиям, личность молодого ученого характеризует нормальный уровень самоактуализации, который позволяет непредвзято давать оценку своим поступкам и результатам деятельности.

Таким образом, проанализированные личностные характеристики являются психологическим ресурсом становления молодых ученых на научном поприще, ведь их совокупность предопределяет результативность профессиональной деятельности. Трудные жизненные ситуации, возникающие на жизненном пути молодых ученых, преодолеваются ими посредством стремления и понимания ценности научного поиска, настойчивости, самоотверженности, активности, обособленности, обладания идеологическими убеждениями и рационализма в анализе собственных личностных составляющих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных ситуациях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита. М., 1994. С. 3–16.
2. Виноградова Т. И. Беглость, гибкость и оригинальность как основные компоненты в структуре креативности // Научно-исследовательские публикации. 2014. № 4. С. 104–107.
3. Коржова Е. Ю. Психологическая диагностика здоровья личности: субъектные и духовные аспекты // Журнал прикладной психологии. 2005. № 6. С. 11–27.
4. Котова С. А. Психофизиологические механизмы обеспечения эффективности обучения студентов. СПб.: ВВМ, 2011. 321 с.
5. Лазурский А. Ф. Классификация личностей; под ред. М. Я. Басова и В. Н. Мясищева; вступительная статья М. Я. Басова. М.: Юрайт, 2024. 290 с.
6. Лаврик А. В. Личностные ресурсы как интегральная характеристика личности // Гуманизация образования. 2014. № 1. С. 44–47.
7. Леонтьев Д. А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации. М.: Смысл, 2002. С. 56–65.
8. Мерлин В. С. Психология индивидуальности: избранные психологические труды. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та, 2009. 542 с.

9. Мусек Я. Система ценностей посткоммунистической Европы в переходный период // Иностранная психология. 1997. № 8. С. 17–22.

10. Семикин В. В., Фленина Т. А., Семенова М. М. Анализ результатов исследования личностных качеств и факторов становления молодого исследователя. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. С. 61–69.

Ильина Алла Сергеевна,
медицинский (клинический) психолог, аспирант кафедры культурологии
Северо-Западного Университета;
malovalla@yandex.ru

Комова Олеся Владимировна,
к. п. н., доцент кафедры культурологии Северо-Западного Университета.
Komolesya@mail.ru

ТИКИ У ДЕТЕЙ И АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ ПРИ ДАННОЙ СИМПТОМАТИКЕ

Данная статья посвящена проблеме детских тиков, встречающихся у 4–7 процентов детей в разной степени тяжести. А также способам помощи семье и ребенку с тиками, возможностью с помощью именно психологических методов работы улучшать состояние ребенка, и в некоторых случаях даже полностью избавляться от тиков.

Ключевые слова: тик, тики, синдром Туретта, психология ребенка, терапия обращения привычек, когнитивно-поведенческая психотерапия, медицинская психология, детские неврозы, альтернатива медикаментозному лечению, детско-родительские отношения.

ILINA A. S., KOMOVA O. V.
TICS IN CHILDREN AND ASPECTS
OF PSYCHOLOGICAL INTERVENTION FOR THIS SYMPTOM

This article addresses the issue of childhood tics, which occur in 4–7 percent of children with varying degrees of severity. It also explores ways to help families and children cope with tics, the potential of psychological methods to improve a child's condition, and in some cases, even completely eliminate tics.

Keywords: tic, tics, Tourette's syndrome, child psychology, habit reversal training, cognitive behavioral therapy, medical psychology, childhood neuroses, alternative to medication, parent-child relationship.

Еще в 2008 году, д. м. н., профессор Л. С. Чутко из «Центра поведенческой неврологии Института мозга человека» РАН, С.-Петербург, в своей статье обозначил, что тиками страдают 4–7% детей. В 90% случаев тики начинаются в возрасте от 3 до 15 лет. У мальчиков тики встречаются в 2–4 раза чаще, чем у девочек. Процент мальчиков с тиками — 13%, а девочек 11%.

Специалисты-неврологи (США) считают, что основной возраст начала тиков у детей — 5–7 лет, и обычно тики достигают пика тяжести в позднем детстве или раннем подростковом возрасте [4]. Синдром Туретта диагностируется у 4–10 детей из 1000 школьного возраста, а переходящие тики у 8–40 детей из 1000. Также, в статье отмечено, что от 26% до 60% детей с Синдромом Туретта соответствуют критериям синдрома дефицита внимания и гиперактив-

ности, а от 33% до 50% соответствуют критериям обсессивно-компульсивного расстройства (ОКР). Статистика, приведенная Carinna M. Scotti-Degnan, PhD and Hannah A. Ford, PhD, показывает насколько важно с раннего детства обеспечивать детям наилучшее развитие, заботу и дать любовь — как комплексное понятие.

Тиками называются быстрые, непроизвольные, стереотипно повторяющиеся движения определенных мышечных групп или разнообразные автоматизированные привычные элементарные движения. Чаще это явление связано с реакциями мышц лица: моргание, шмыганье носом, наморщивание, нахмуривание лба, облизывание губ, растягивание рта, чмоканье, «grimасы». Движения могут быть и более сложные — подергивание головой, подергивания шеи, движения плечами, конечностями, частями туловища, а также приседания, пританцовывание, втягивание живота, покашливание, тяжелые вздохи, «хмыканье», прерывистая, напоминающая заикание речь, «хрюкающие» звуки, попискивания (так называемые респираторные тики, иначе — фокальные тикозные движения), которые возникают в результате фиксации какого-либо защитного действия, имевшего сначала целесообразный защитный характер («смаргивание соринки», кашель при простуде и т. п.).

Тикозные расстройства по международной классификации болезней отнесены в раздел психических заболеваний и связаны с нарушением обмена в блоке регуляции и контроля произвольных действий. В МКБ-10 тики выделены как отдельная диагностическая группа — F 95. Эта группа имеет разделение на следующие диагностические категории: F 95.0 — транзиторные тики; F 95.1- хронические моторные тики или вокализмы; F 95.2 — синдром Жилиа де ля Туретта; F 95.8 — другие тики; F 95.9 — тики неуточненные.

Пусковым механизмом в возникновении тиков могут стать острая или хроническая психическая травма, неправильное воспитание ребенка. Вначале характерные движения могут возникать по определенному поводу, связанному с негативными эмоциональными реакциями (отрицание, тревога, страх и пр.). Например, подергивания шей, как будто из-за от тугого, неудобного воротничка, галстука; или движения туловищем в связи со стягивающей резинкой трусов. Дети могут облизывать губы при их сухости или нахмуривать лоб при длинных, закрывающих глаза волосах. У детей подобные действия закрепляются очень быстро по типу патологической условной связи и в дальнейшем повторяются уже без внешнего раздражителя, самостоятельно, и носят неконтролируемый характер. Часто ребенок может даже не замечать наличие у него такого рода движений, в том числе звуковых (покашливание, и т. д.). Иногда тики — это следствие определенных заболеваний. Например, моргание возникает в результате перенесенного конъюнктивита. Позже эти движения могут закрепиться, и остаться надолго, несмотря на то, что болезнь уже прошла и объективного дискомфорта больше нет. Не исключено, что тики могут развиваться у детей и по механизму подражания: например, ребенок повторяет какие-то привычные действия взрослых или движения животных, что постепенно приобретает фиксированный характер.

В Городском отделении неврозов у детей и подростков объединения «Детская психиатрия» и в НИИ экспериментальной медицины РАМН специалисты пришли к выводу, что преобладают три основные формы тиков:

- неврозоподобные тики резидуально-органического происхождения, основным критерием диагностики которых служит обнаружение на электроэнцефалограммах пациентов грубых изменений биоэлектрической активности головного мозга: ирритативных, очаговых, пароксизмальных, эпилептиформных;
- невротические тики (как один из симптомов невроза);
- невропатические тики, появляющиеся на фоне невропатии, так называемой «врожденной детской нервности», на фоне негрубых резидуально-органических изменений центральной и периферической нервной системы.

Рассмотрим проблему терапии привычек (HRT) и комплексном поведенческом вмешательстве при тиках (CBIT). Эти способы психологической работы направлены на уменьшение симптома, снижение частоты возникновения, проявления тиков. Исторически сложилось так, что медикаменты считались препаратами первой линии лечения тиков, при этом чаще всего использовались антипсихотики. Врачи отмечают, что лекарства могут быть результативны, но при этом могут давать серьезные побочные эффекты, особенно препараты антипсихотики. Поэтому важно развивать психотерапевтическую помощь таким больным. Поведенческая терапия предлагает серьезную альтернативу медикаментозному лечению. КПТ исходит из того, что, хотя тики являются неврологическими реакциями организма, внутренние и внешние триггеры могут влиять на частоту тиков. Поведенческая терапия направлена непосредственно на осознание и блокировку внутренних (т. е. предупредительные позывы) и внешних (например, избегание задач) триггеров, чтобы обеспечить облегчение симптомов.

Тренинг HRT, первоначально разработанный для терапии привычек (например, кусания ногтей и тряски головой), включает тренировку осознанности, практики конкурирующего реагирования (CR), процедуры социальной поддержки и обучение обобщению. В первоначальных исследованиях с применением этой техники наблюдалось снижение количества негативных привычек на 90%. Последующая работа американских ученых, включающая рандомизированные контролируемые исследования, дала высокие результаты применения HRT по сравнению с большинством других поведенческих терапий с устойчивым улучшением [1, 4].

Расширенная терапия по изменению (обращению) привычек получила название комплексное поведенческое вмешательство (CBIT). К основным компонентам CBIT относят следующие:

1. Обучение пациента осознанию своих тиков, а также позывов к ним;
2. Обучение пациента конкурирующему поведению, когда он чувствует позыв к тiku;
3. Внесение изменений в повседневную деятельность человека таким образом, чтобы снизить проявление и частоту тиков;
4. Обучение релаксации.

По данным Carinna M. [4] в рандомизированном контролируемом исследовании СВІТ по сравнению с поддерживающей терапией для детей с тиками 52% участников, получавших СВІТ, сохранили улучшение в течение 6 месяцев наблюдения. В исследовании с участием взрослых участников более 38% пациентов, получавших СВІТ, ответили на лечение с одинаковым сохранением результатов лечения. Сходные результаты впоследствии были получены в дополнительных рандомизированных контролируемых исследованиях. Эти данные показывают, что СВІТ столь же эффективен, как и антипсихотические препараты, в уменьшении тиков, с умеренной и сильной выраженностью эффекта и не дает побочных эффектов.

Исследование, проведенное в Швеции [8] в 2015–2020 годах с применением НРТ и СВІТ на 74 пациентов и их родителей, а также через 3,6 и 12 месяцев после него, показало, что тяжесть тиков и связанные с ними нарушения снизились после лечения. По окончании лечения 57% участников были классифицированы как отвечающие на лечение согласно CGI-I (глобальная клиническая шкала «общего клинического впечатления»). Тяжесть тиков и нарушения, связанные с тиками, улучшились в ходе последующего наблюдения, при этом 75% пациентов ответили на лечение через 12 месяцев наблюдения.

Поведенческая терапия также является эффективным, хотя и длительным методом лечения молодых людей с синдромом Туретта (хроническое тиковое расстройство) в специализированных клинических условиях. Ее результаты подтверждаются рандомизированным контролируемым исследованием [5, 7].

Профилактика и лечение тиков актуальная для России проблема. Работа в данном направлении должна включать в себя не только работу непосредственно с детьми, но и с родителями или опекунами. Необходима целенаправленная просветительская работа с родителями, развитие эмоционального интеллекта, обучение конструктивным способам диалога как с собственным ребенком, так и с другими взрослыми и детьми, использованию конструктивных копинг-механизмов (механизмов совладания со стрессом), а также внимательному отношению к своему собственному поведению. Только работа специалиста, основанная на комплексном подходе, поможет ребенку и даже взрослому человеку избавиться от нежелательных моторных реакций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Интернет-портал Ассоциация синдрома Туретта в США. URL: <https://tourette.org/> (дата обращения: 15.12.2024).
2. Русский медицинский журнал. URL: https://www.rmj.ru/articles/obshchie-statii/Sovremennyy_podhod_k_dagnostike_i_lecheniyu_tikoznyh_rasstroystv_u_detey/#ixzz8ZXEIvov3 (дата обращения: 10.01.2024).
3. M. Flancbaum, Nation's First Center of Excellence for Tourette Syndrome). An Intoduction to comprehensive Behavior Intervention for tics (CBIT), ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/360937529_Comprehensive_behavioural_intervention_for_tics_a_neurophysiological_intervention (дата обращения 10.12. 2024).
4. Marinna M. Scotti-Degnan, PhD; and Hannah A. Ford, PhD, Comprehensive Behavioral Intervention for Tics, A practical review for clinicians. Журнал «Практическая не-

врология», СИИА. URL: <https://practicalneurology.com/articles/2020-mar-apr/comprehensive-behavioral-intervention-for-tics/pdf> (дата обращения: 15.12.2024).

5. Per Andrén, Vera Wachtmeister, Julia Franzé, Caroline Speiner, Lorena Fernández de la Cruz, Erik Andersson, Elles de Schipper, Daniel Rautio, Maria SilverbergMörse, Eva Serlachius, David MataixCols. Effectiveness of Behaviour Therapy for Children and Adolescents with Tourette Syndrome and Chronic Tic Disorder in a Naturalistic Setting. Accepted: 12 November 2020 / Published online: 14 December 2020. PubMed. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/33315190/> (дата обращения: 20.12.2024).

6. ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/347136759_Effectiveness_of_Behaviour_Therapy_for_Children_and_Adolescents_with_Tourette_Syndrome_and_Chronic_Tic_Disorder_in_a_Naturalistic_Setting (дата обращения: 15.12.2024).

7. ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/371545787_The_CBITTMS_Trial_study_protocol_for_a_two-phase_randomized_controlled_trial_testing_neuromodulation_to_augment_behavior_therapy_for_youth_with_chronic_tics. (дата обращения: 15.12.2024).

8. The CBIT +TMS trial: study protocol for a two-phase randomized controlled trial testing neuromodulation to augment behavior therapy for youth with chronic tics, C. Conelea, D. J. Green, S. Jacob, 2023.;

Конабеева Виталина Анатольевна,
аспирант, кафедра психотравматологии,
Русская христианская академия имени Ф. М. Достоевского,
Россия, Санкт-Петербург,
xvitalinka@gmail.com

Бардиер Галина Леонидовна,
доктор психологических наук, профессор кафедры культурологии
Невского института языка и культуры,
профессор кафедры психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
Санкт-Петербург,
galinabardier@yandex.ru

ДЕСТРУКТИВНАЯ СЕМЬЯ КАК ФАКТОР САМОПОВРЕЖДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

В статье обсуждается влияние деструктивной семьи на формирование самоповреждающего поведения у подростков. Особое внимание уделяется различным аспектам семейной динамики и психологии семьи. Приводится классификация деструктивных семей и общие психологические характеристики семей этого типа. Отмечается, что деструктивная семья в большинстве случаев склоняет подростков к самоповреждающему поведению, хотя сами они это редко осознают.

Ключевые слова: деструктивная семья, абьюз, газлайтинг и neglect, подростковая психология, самоповреждающее поведение, консультативная практика.

KONABEEVA V. A., BARDIER G. L.
DESTRUCTIVE FAMILY AS A FACTOR
IN SELF-HARMFUL BEHAVIOR OF ADOLESCENTS

The article discusses the influence of a destructive family on the formation of self-harming behavior in adolescents. Particular attention is paid to various aspects of family dynamics and family psychology. A classification of destructive families and general psychological characteristics of families of this type are given. It is noted that a destructive family in most cases inclines adolescents to self-harming behavior, although they themselves are rarely aware of it.

Keywords: destructive family, abuse, gaslighting and neglect, adolescent psychology, self-harming behavior, counseling practice.

В психологии под терминологическим обозначением семей «деструктивные семьи» традиционно понимают такие семьи, в которых нарушены (или даже разрушены) взаимоотношения между членами семьи. Эти нарушения сказываются на всей семейной системе и влияют на каждого члена такой семьи. По факту деструктивные семьи становятся дисфункциональными. При этом причины

таких нарушений в семье могут быть как внутренними, так и внешними, как объективными, так и субъективными, как очевидными, так и глубоко скрываемыми.

Обостряющиеся социальные и психологические проблемы в современном обществе способствуют повышению роста дисфункциональных семей.

Чаще всего под дисфункциональными семьями подразумевают семьи, находящиеся под влиянием внешних факторов, например, семьи с зависимыми людьми: алкоголиками, наркоманами, игроманами. К числу внешних факторов можно также с известной долей условности отнести разводы, отчужденное родительство, неполноту семейной системы в результате смерти или даже изначального отсутствия одного из ее членов. Но на самом деле функционирование семейной системы в значительной мере может быть нарушено и внутренними характеристиками семьи, например, неконструктивными стратегиями построения детско-родительских отношений, супружеским взаимонепониманием, частыми конфликтами, авторитарным поведением одного из членов семьи, попытками занять позицию члена семьи и оказывать всестороннее влияние кого-то из родственников.

В таких деструктивно-дисфункциональных семьях нередко игнорируются потребности подростка, принижается его значимость, в процессе воспитания применяются абьюз, газлайтинг и неглект.

Все это приводит к формированию у подростка травматического опыта, что не может не сказываться на формировании его самооценки, его мировоззрения, его отношения к миру и окружающим. В работе психолога-консультанта часто встречаются случаи, когда подростки, став уже взрослыми, часто воспроизводят деструктивный способ взаимодействия в своих собственных семьях, используя знакомые паттерны поведения, которые присутствовали в его родительской семье.

Обобщая данные литературы, можно обозначить целый ряд специфических психологических характеристик деструктивной семьи. Перечислим некоторые из них.

- Изолированность отдельных членов. Члены семьи эмоционально разделены, имеют мало привязанностей друг к другу, предпочитают проводить время отдельно, имеют несвязанные друг с другом интересы. Отмечается, что именно в таких семьях у детей-подростков чаще всего наблюдается самоповреждающее поведение [1].
- Жёсткие внешние и внутренние границы. В семейной системе наблюдается застой, каждая личность демонстрирует независимость и отчуждённость от других членов семьи.
- Атмосфера эмоционального напряжения и конфликтности. Чувство недовольства, конфликты и высокие эмоциональные нагрузки пронизывают общую атмосферу семьи. Эта особенность семьи также является значимым фактором, способствующим обращению подростка к самоповреждениям [5].
- Дефицит любви и заботы. Эмоциональное отстранение родителей сопровождается игнорированием потребностей ребёнка в общении и близости.

- Социальная изоляция. Часто такие семьи избегают общения с внешним миром, не принимают участия в общественных событиях и отношениях с другими семьями.

- Завышенные требования и ожидания, перфекционизм. Ребёнок обязан соответствовать требованиям и чаяниям родителя в плане поведения, учёбы или жизненных ориентиров.

Сложные межличностные отношения в семье могут способствовать формированию у подростка чувства безысходности и беспомощности, качеств, которые становятся катализаторами деструктивных механизмов поведения [3]. Но надо оговориться, что, несмотря на давление, которое создает токсичная обстановка дома, наличие крепкой связи с другими взрослыми может помочь подросткам наладить здоровые способы управления эмоциями и справляться с трудными жизненными ситуациями. Это подчеркивает важность формирования комплексных схем поддержки, которые направлены на подростков, находящихся в рискованных условиях.

Отдельно нужно отметить, что подростковый период является критическим для индивидуального развития. В большинстве случаев, именно в этот период формируются навыки преодоления стресса и эмоционального дискомфорта, а также принимаются решения о реагировании на негативные жизненные обстоятельства. Проживание в деструктивной семье значительно усложняет этот процесс, способствуя формированию неэффективных копинг-стратегий, которые могут принимать форму самоповреждения и других деструктивных действий.

В отличие от широкого понятия самодеструктивного, аутодеструктивного, аутоагрессивного, саморазрушительного поведения (*self-destructive behaviour*) для обозначения преднамеренного ущерба, причиняемого человеком собственному телу используются понятия *self-injury* (SI) — «самоущерб», *self-harm* (SH) — «самовред», *self-inflicted violence* (SIV) — «причиненное себе насилие», *self-mutilation* (SM) — «членовредительство», «самоистязание», «самоуродование», *self-injurious behavior* (SIB) — «самоповреждающее поведение». [11, 12, 13, 15, 16].

При исследовании разных групп подростков было выявлено, что самоповреждающее поведение не направлено на суицид как таковой. Это скорее попытка освободиться или уменьшить непереносимые эмоции или ощущения невозможности действовать или чувствовать.

Ошибочно полагать, что подростки, применяя самоповреждающие действия, хотят тем самым привлечь внимание. Наоборот они часто склонны скрывать свое поведение от взрослых, объясняя следы от ран и шрамов по-иному. Исходя из этого, найти точную статистику по самоповреждению практически невозможно.

Расширенное определение самоповреждающего поведения включает причинение вреда телу посредством нарушений пищевого поведения (анорексия и булимия), татуировок, пирсинга и ряда навязчивых действий: онихотилломании (разрушение ногтей и околоногтевых валиков), онихофагии (обкусывание ног-

тей и околоногтевых валиков), онихохейлофагии (обкусывание ногтей, околоногтевых валиков и губ), аутодепиляции — трихотилломании (выдергивание волос, синдром Аллопо) с возможной дальнейшей трихофагией (поедание волос), дерматотилломании (щипание кожи), вывихов суставов пальцев, а также других форм несмертельного повреждения, к которым относят: кусание рук и других частей тела (чаще — губ, языка); царапание кожи; расчесывание ран, язв, швов, родимых пятен; самопорезы; перфорация частей тела с помещением в отверстие инородных предметов; удары кулаком и головой о предметы и самоизбиение (чаще — кулаком, проводом); уколы (булавками, гвоздями, проволокой, пером ручки и др.); самоожоги (чаще — сигаретой); неполное самоудушение (без желания усиления полового возбуждения или достижения сексуального удовлетворения); употребление алкоголя, лекарственными средствами и наркотиками (с отравлением и передозировкой без суицидального намерения); глотание коррозионных химикалий, батареек, булавок [6].

В ряде исследований, посвященных изучению факторов самоповреждающего поведения подростков, был выделен, на первый взгляд, парадоксальный факт: у многих людей, имевших в анамнезе самоворезание, не было в детстве насилия, ранней потери родителя, иных объективных причин. Не было, по их словам, и непереносимого чувства одиночества, эмоциональной боли, что считается первичными социальными факторами. Группу риска скорее составили подростки с различными формами психических и поведенческих расстройств, таких как депрессия, фобии. Также в эту группу вошли подростки, не обладающие навыками саморегуляции, совладанием с собственными импульсивностью и агрессией, выросшие в семьях, где прямое выражение гнева было табуировано. Но ведь все эти качества у человека формируются только в процессе его социализации. А первым и продолжающим свое влияние всю дальнейшую жизнь институтом социализации, как известно, является именно семья. Вероятнее всего подростки, которые вошли в указанную группу, воспитывались в деструктивной семье, то есть, в семье с нарушенными (разрушенными) семейными взаимоотношениями.

Становится понятно, почему самоповреждающее поведение для подростков может выполнять функции, фактически замещающие или восполняющие отсутствующие в семье взаимоотношения любви, доверия, заботы, поддержки. Подростки из таких семей часто ощущают себя изолированными и не понимаемыми, что порождает необходимость искать способы облегчения эмоциональной боли, в том числе через самоповреждение [4].

В таких случаях наиболее эффективным представляется обучение родителей навыкам неагрессивного поведения и эмоциональной поддержки, что будет только способствовать созданию безопасной и поддерживающей семейной среды.

Обобщая данные литературы, приведем некоторые функции самоповреждающего поведения подростков и убедимся в том, что при нормальных, доверительных и дружелюбных семейных отношениях эти функции теряют смысл.

1. Желание прекратить не только эмоциональную боль, но и волнения, тревоги, фобии;

2. Желание почувствовать себя живым, заглушить чувство пустоты или нечувствительности (ангедонии); физическая боль помогает облегчить эти чувства или избавиться от них. «Человек может быть отделен от себя или от жизни, воспринимать себя оцепенелым и бесчувственным. Он может тогда испытывать потребность чувствовать себя реальным снова, и он решается создать ощущение, чтобы пробудиться» [10].

3. Уменьшение ненависти к себе и наказание за наличие сильных чувств

4. Преднамеренное повреждение половых органов — может быть выбрано как способ их «наказания» при инцестуозных фиксациях в сфере фантазий, или в ответ сексуальное, физическое или эмоциональное злоупотребление в детстве со стороны людей, к которым подросток хорошо относится.

5. Самоповреждение может стать своеобразной копинг-стратегией, которая запускает поведенческую матрицу с выбросом бета-эндорфинов от «облегчения и обретения спокойствия», что приводит к психической зависимости.

В консультативной практике лучшим выбором метода терапии при самоповреждающем поведении считается когнитивно-поведенческая терапия, в сочетании с EMDR.

Однако такая терапия значительно затрудняется или становится невозможной в случае неспособности подростков с влечением к самодеструкции принять успех. Ощущение прогресса может вызвать у них негативную реакцию и заставить применять такие способы защиты как отвержение, уклонение, проявление сверхэмоциональности. Это говорит о том, что специалисты в области психологии и психотерапии должны учитывать весь спектр факторов, влияющих на поведение подростков, чтобы разработать более эффективные стратегии вмешательства [1].

Как правило, такие подростки стараются превратить психотерапию в еще один источник боли, фрустрации, разочарования и неудачи.

Как итог, можно заключить: самоповреждающее поведение в подростковом возрасте — многофакторное явление, в основе формирования которого имеет сложное сочетанное воздействие как негативных внешних, так и индивидуальных личностных факторов, влияние которых становится возможным, если ребенок воспитывается в деструктивной и/или дисфункциональной семье.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Деструктивные семьи, как правило, создают неустойчивую эмоциональную атмосферу, где подростки сталкиваются с конфликтами, недоверием и отсутствием поддержки. Высокий уровень семейной конфликтности и эмоциональной необщительности со стороны родителей способны предрасполагать к развитию симптомов депрессии, тревожности и, как следствие, к самоповреждающему поведению.

2. Поддержка со стороны значимых взрослых, таких как родственники и учителя, может существенно смягчить негативные последствия, вызванные деструктивной семейной средой.

3. Не все подростки, выросшие в деструктивных семьях, развивают самоповреждающее поведение, что указывает на наличие других влияющих факторов, таких как личностные особенности и внешние социальные взаимодействия. Но семья, как первый и основной институт социализации может препятствовать (или способствовать) развитию у подростка личностных особенностей. Благополучная семья также может контролировать и корректировать внешние социальные воздействия.

4. Программы, нацеленные на улучшение семейных отношений и развитие навыков эмоционального регулирования, могут быть весьма эффективными. Существуют стратегии, ориентированные на применение позитивной родительской практики и разрешение конфликтов через открытые диалоги в семье.

5. Обучение родителей навыкам неагрессивного поведения и эмоциональной поддержки является важным элементом, способствующим созданию безопасной и поддерживающей семейной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андроникова О. О. Основные характеристики подростков с самоповреждающим victimным поведением // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 149–154.
2. Плутина М. И., Абакарова Э. Г., Лукьянов А. С. Личностные особенности предрасположенности субъекта к деструктивным формам поведения // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. № S3. С. 24–35.
3. Ребенок В. В. Деструктивные семьи, типы взаимоотношений в них и их влияние на формирование личности и межличностное общение во взрослом возрасте // Северо-Кавказский психологический вестник. 2021. № 4. С. 17–33.
4. Дерябина В. Е., Труевцев Д. В. Самоповреждающее поведение в контексте склонности к расстройствам личности. Выпускная квалификационная работа специалиста по направлению подготовки: 37.05.01 — Клиническая психология. — Барнаул: [б. и.], 2017.
5. Чуева Е. Н. Самоповреждающее поведение детей и подростков // Вестник Краунс. 2017. № 1. С. 71–77.
6. Зайченко А. А. Самоповреждающее поведение // Психология телесности: теоретические и практические исследования: сборник статей II международной научно-практической конференции. — Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского. — 2009. С. 191–195.
7. Суботич М. И., Холмогорова А. Б. Когнитивные и поведенческие факторы хронификации суицидального поведения // Журнал им. Н. В. Склифосовского «Неотложная медицинская помощь». 2023. № 3. С. 397–405.
8. Хасанова И. И., Котова С. С. Взаимосвязь интернет-зависимости с совладающим и отклоняющимся поведением учащейся молодежи // Образование и наука. 2017. № 4. С. 146–168.
9. Шульмин М. П. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЛИЧНОСТЬЮ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ // Сибирский психологический журнал. 2018. № 70. С. 17–133.
10. Khan A., McCormack H. C., Bolger E. A., et al. Childhood maltreatment, depression, and suicidal ideation: critical importance of parental and peer emotional abuse during developmental sensitive periods in males and females. *Front Psychiatry*. 2015; 6.
11. What kinds of people self-injure? URL: <http://www.selfharm.net/who.html> (дата обращения: 20.01.2025).

12. Self-injury at the BBC. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/health/medical_notes/4067129.stm (дата обращения: 10.01.2025).
13. Self-injury. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Self-injury> (дата обращения: 10.01.2025).
14. Spandler, H. Who's Hurting Who? Young people, self-harm and suicide. — Manchester: 42nd Street, 1996. 155 p.
15. Teenage self-harm widespread. URL: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/health/2884119.stm>. (дата обращения: 10.01.2025).
16. Whitlock, J.L., Eckenrode J. E., Silverman D. The epidemiology of self-injurious behavior in a college population // Pediatrics. 2006. N. 117. Pp. 6.

Коновалова Елена Вадимовна
психолог-консультант, магистрант, кафедра психотравматологии,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского,
Санкт-Петербург,
89262116267@mail.ru

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЕГИИ БУДУЩЕГО КАК ВЫХОД ИЗ ПСИХОТРАВМЫ

Мотивационная психология играет ключевую роль в процессе восстановления и самореализации человека после психотравматизации на фоне различных жизненных событий. Механизмы мотивации отвечают за использование стратегий преодоления кризиса, помогают находить новые смыслы и успешно адаптироваться при наличии травмы. На основе актуальных исследований и теорий в статье рассматриваются цели и мотивы, которые могут стать катализатором положительных изменений в жизни.

Ключевые слова: психотравма, мотивация, совладание с травматическим опытом, поведенческие стратегии, мотивационная психология, техники самопомощи.

KONOVALOVA E. V.
BUILDING A STRATEGY FOR THE FUTURE
AS A WAY OUT OF PSYCHOLOGICAL TRAUMA

Motivational psychology plays a key role in the process of recovery and self-realization of a person after psychotraumatisation against the background of various life events. Motivation mechanisms are responsible for the use of crisis management strategies, help to find new meanings and successfully adapt in the presence of trauma. Based on current research and theories, the article examines the goals and motives that can become a catalyst for positive changes in life.

Keywords: psychotrauma, motivation, coping with traumatic experiences, behavioral strategies, motivational psychology, self-help techniques.

Преодоление психотравмы является многофакторным процессом, который подразумевает, в частности, поиск новых смыслов и выход из кризиса за счет активизации мотивационной и ценностно-смысловой сфер [4].

Для эффективной работы с запросом о помощи, сформулированным клиентом, в терапии необходимо понимать специфику травмы и состояние мотивационной сферы этого клиента.

В данном случае следует иметь в виду травмы, которые требуют дополнительной мотивации для преодоления их последствий, например, по классификации О. В. Заширинской [2], это могут быть травмы межличностных отношений и травмы социогенного характера.

Применение теоретических знаний на практике позволяет осуществить глубокий психологический анализ и разработать индивидуальный план работы с психотравматизантами. В связи с этим целесообразно изначально рассмотреть

основные теоретические положения мотивационной психологии, а затем обсудить возможности применения этих положений в практике оказания психологической консультативной помощи клиенту с психотравмой.

К основным теоретическим положениям мотивационной психологии следует отнести понимание мотивации как стимула некоторой единой системы побуждений (внутренние и внешние реакции), вызывающих активность индивида и определяющих её направленность. Применительно к работе консультанта с травмированным клиентом можно отметить, что, как правило, психотравма меняет привычный ход действий, зачастую при активации травматических переживаний многие решения и поступки личности определяются психологическими защитами и копинг-стратегиями.

При дифференциации двух основных типов мотивации — внутренней и внешней (внешнюю мотивацию правильнее считать стимуляцией) следует отметить следующее: внутренняя мотивация исходит из собственных интересов, удовольствия и удовлетворения, получаемых от самой деятельности, в то время как внешняя мотивация, в свою очередь, опирается на сторонние стимулы, такие как награды, оценки, признание, мнение извне. С достижением долгосрочных целей связана устойчивая внутренняя мотивация, именно над ней рекомендуется работать при наличии травмы.

Центральным элементом мотивационной психологии является установление и достижение целей.

Согласно теории Э. Локка и Г. Лэтэм [1], четко сформулированные, вызывающие и реалистичные цели могут значительно повысить мотивацию. Усиление мотивации зависит от ряда условий, в числе которых наличие обратной связи, уровень сложности задач и уровень приверженности, вызов, четкость.

В теории Э. Деци и Р. Райана [1] постулируется, что достижение цели невозможно без внутренней опоры, которая основана на принципах самоопределения (самодетерминации, автономии). Эта теория раскрывает значение выбора благодаря трем основным психологическим потребностям: компетентности, автономности и взаимосвязи. Их удовлетворение стимулирует внутреннюю мотивацию и способствует психологическому благополучию, что особенно важно при восстановлении после травматизации.

Как известно, А. Маслоу [1] выделил пять уровней потребностей человека: физиологические, безопасности, социальные, уважение и самореализация, которые формируют мотивацию поведения. Автор этой теории утверждал, что пока нижестоящие потребности не удовлетворены полностью, человек не может стремиться к более высоким.

Р. Миллером и С. Роллником [1] разработана технология мотивационного интервью. Это директивная, клиент-центрированная консультационная техника для вызова изменений в поведении путем помощи людям в осознании смешанных чувств и противоречий относительно изменений. При консультативной работе с травмированным клиентом мотивационное интервью может помочь осознать возможности его личностного роста, однако эта технология требует грамотного применения, чтобы не стать причиной ретравматизации.

Исследования в области позитивной психологии, в особенности работы М. Селигмана [5], также оказали значительное влияние на мотивационную психологию. Работа с положительными эмоциями, вовлечение, отношения, смысл и достижения, которые способствуют поиску ресурса, смысла и мотивации могут быть особенно полезны в процессе терапии с психотравматизантом.

Терапия травмы предполагает длительный и объемный процесс из-за множества внутриличностных конфликтов, расщепления психических процессов и работы с симптоматическим комплексом.

Применение принципов мотивационной психологии для построения стратегии будущего после переживания травмы включает в себя несколько ключевых этапов.

На первом этапе важно фокусировать работу по самопознанию, идентифицировать личные ценности, интересы и стремления клиента и поставить осуществимые цели.

Этап планирования подразумевает разработку шаг за шагом стратегии достижения этих целей, учитывая ресурсы и возможные препятствия, уровень мотивации и другие факторы.

Рассмотрим более подробно этапы преодоления последствий психической травмы с помощью мотивационной теории [3].

1. Этап осознания и признания травмы — предполагает осознание факта наличия проблемы, оказывающей значительное влияние на повседневную жизнь. Под осознанностью в данном случае подразумевается честный диалог с собой (и с участием психолога), который исключает игнорирование психотравмы или попытки ее исключения с помощью психологических защит.

2. Определение значимых ценностей и приоритетов, которые актуальны на данный момент и могут стать мотивами для исцеления от травмы. От наличия целеполагания, которое в процессе терапии изменяется, подразумевает трансформацию, зависит эффективность и долгосрочность альянса психолог-клиент.

3. Разработка плана действий. После того как цели определены, следующим шагом становится разработка конкретного плана действий, например, по методу SMART (конкретные, измеримые, достижимые, реалистичные, ограниченные во времени цели). Важно, чтобы каждая маленькая задача приближала клиента к итоговой цели и была выполнима в текущий момент.

4. Поиск поддержки со стороны семьи, друзей или специалистов значительно облегчает процесс переосмысливания и адаптации, однако при психотравме следует учитывать то, что близкие могут быть причиной травматизации, и в таком случае требуется в первую очередь изолировать клиента от источника дистресса.

5. Внедрение плана и адаптация за счет формирования устойчивой внутренней мотивации с учетом возможной коррективы в процессе. На этом этапе следует закрепить важность начатого пути и не закончить его при наступлении первых успехов или трудностей.

6. Рефлексия и оценка прогресса через самоактуализацию и сверку с реальностью на пути достижения результатов. Терапия на данном этапе может за-

вершиться или требовать пересмотра запроса, обычно это происходит в течение 6–12 месяцев, когда клиент наблюдает видимые изменения и нуждается в дополнительной поддержке для закрепления результата.

Травматизация затрагивает мотивационную сферу и требует комплексного подхода по ее восстановлению, в этом могут помочь психологические методики. Помимо упомянутой выше методики SMART можно использовать еще целый ряд методик. Приведем в качестве примеров некоторые из них.

1. Методика «Шаг за шагом» подразумевает деление больших и кажущихся недостижимыми задач на меньшие, более управляемые шаги. Методика позволяет сохранять мотивацию и получать удовлетворение от достижения небольших целей и отслеживать прогресс.

2. Техника визуализации успешного достижения целей может служить мощным инструментом для повышения мотивации. Создание в ходе психологической работы четкого и яркого образа желаемого будущего помогает клиенту за счет формирования новых нейронных связей фокусироваться на положительных сторонах процесса.

3. Дневник благодарности и достижений. Многими психологами подмечается значимость регулярного ведения дневника, где фиксируются положительные моменты дня и достигнутые успехи. Это способствует формированию новой картины мира для психотравматизанта.

4. Метод формирования конструктивных копинг-стратегий (или стратегий совладания) — как обучение эффективным стратегиям преодоления стресса — способствует развитию устойчивости к травматическому стрессу и облегчает процесс восстановления при психической травме [5].

Применение когнитивно-поведенческих упражнений по типу методики целей по SMART или техники визуализации, методики «Шаг за шагом» доступно только в том случае, если клиент с психотравмой находится в стабильном состоянии, у него отсутствуют ярко выраженные аффективные реакции, нет органических поражений мозга, и он является высоко функциональным членом общества.

В ряде случаев рекомендуется внедрять мотивационные элементы постепенно, например, спустя полгода еженедельной терапии, когда личность выходит из режима «выживания». То есть, действия по заданной психическими защитами схеме становится возможным, когда основные острые симптомы снижаются и клиент становится восприимчив к такой работе. В состоянии травматического стресса в большинстве своем психотравматизанты не способны вести дневник благодарностей, поэтому рекомендуется использовать техники ДПДГ (десенсибилизация и переработка движением глаз) и активизировать сферу образов, метафор, использовать техники арт-терапии, чтобы снизить острое переживание, уровень фрустрации, дистресса [2].

По ходу выздоровления усиление мотивации, формирование стратегий будущего закономерно становятся актуальными для клиента, так как появляются новые смыслы, основанные на собственных желаниях и ценностях, а не на необходимости совладания с травмой или поиска смысла на продолжение жизни.

Согласно теории стратегического планирования и повышения уровня мотивации необходимо достаточно большое количество осознанных стимулов, которые базируются на внутренних ориентирах в течение длительного времени для достижения целей.

Техники формирования стратегий будущего при работе с травмой на начальных этапах и в течение терапевтической работы могут вызывать сопротивление у клиента. В таких случаях необходимо включить в процесс консультирования обсуждение причин отторжения идей о будущем. И лишь затем согласно выявленным причинам выстраивать план дальнейшей терапии. Для некоторых клиентов, напротив, мотивационная теория может стать важным опорным инструментом выхода из травмы или быть полезной на ранних этапах работы.

Путь преодоления последствий травмы представляет собой длительный, многогранный процесс, в котором важную роль играет поддержание устойчивой мотивации. В свою очередь, изменения требуют внимания и этапности, понимания значимости каждого из этапов.

Трансформации проходят более бережно и эффективно если грамотно используются психотерапевтические инструменты и на практике применяются знания о теориях мотивации и целеполагания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева Т. О. Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы. М.: Смысл, 2002. 278 с.
2. Защирина О. В. Психические травмы в межличностных отношениях: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. 172 с.
3. Лабзова И. Ю. Теория самоопределения и её применение в зарубежной образовательной практике // Человек и образование. 2017. № 52. С. 152–156.
4. Морогин В. Г. Процесс мотивации в норме и при психической патологии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 2. С. 98–115.
5. Селигман М. Ученая оптимистичность: Как изменить свой разум и свою жизнь. М.: Альпина Паблицер, 2015. 338 с.
6. Суловицкая Ю. Ю. Понятие о мотивации в психологии // Science & Reality. 2023. № 13. С. 36–40.

Константиновская Ольга Вадимовна,
психолог-консультант, магистрант, кафедра психотравматологии
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
Россия, Москва
Lola.konst@gmail.com

ДИСБАЛАНС ЧУВСТВЕННОГО И РАЦИОНАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ КАК ТРЕНД СОВРЕМЕННОСТИ

В статье рассматриваются современные психологические и социокультурные феномены, приводящие к дисбалансу чувственного и рационального познания. Выделены основные факторы, способствующие дисбалансу, и его негативные последствия. Актуализирована необходимость внедрения в практику новых методик, способствующих сбалансированной интеграции чувственного и рационального, на примере техники интуитивного рисования Леонтьевой Л. Г. «Графика жизни».

Ключевые слова: дисбаланс, чувственное познание, рациональное познание, эхо-камеры, постправда, искусственный интеллект, эмоциональный интеллект, интуитивное рисование.

KONSTANTINOVSKAYA O. V. IMBALANCE OF SENSORY AND RATIONAL COGNITION AS A TREND OF OUR TIME

The article discusses modern psychological and socio-cultural phenomena that lead to an imbalance of sensual and rational cognition. The main factors contributing to imbalance and its negative consequences are highlighted. The need to introduce new methods into practice that contribute to the balanced integration of the sensual and the rational is actualized, on the example of the technique of intuitive drawing by Leontyeva L. G. "Graphics of Life".

Keywords: imbalance, sensory cognition, rational cognition, echo chambers, post-truth, artificial intelligence, emotional intelligence, intuitive drawing.

Способность человека к познанию мира и самого себя традиционно интересует мыслителей, философов, ученых на протяжении тысячелетий. Такой интерес оправдан: познание, как процесс восприятия, осмысления и интерпретации информации, играет ключевую роль в развитии человечества.

Познание принято считать высшей формой адаптации. Совершенствуясь в познании, человек создал науку, технический прогресс, философию, искусство, религию. Возможно, в некотором роде неутолимая жажда познания — это попытка обеспечить себе бессмертие. «Человек бессмертен благодаря познанию. Познание, мышление — это корень его жизни, его бессмертия.» — писал Гегель [5].

Актуальная проблематика дискурса рационального и чувственного познания мультидисциплинарна и охватывает множество тем, связанных с когнитивными науками, такими как философия, нейробиология, социология, политология, психология.

В последние десятилетия наблюдается рост интереса к тому, как рациональное и чувственное познание взаимодействуют и влияют друг на друга в контексте современного общества. Сегодня мы можем наблюдать социокультурные и психологические феномены, которые приводят к дисбалансу рационального и чувственного познания, что в свою очередь значительно сказывается на качестве жизни и развитии, как отдельно взятого индивидуума, так и общества в целом.

Пытаясь постичь природу познания, уже в древности выделяли два способа: рациональный и чувственный.

Чувственное познание основано на восприятии через органы чувств (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание). Оно включает в себя: наблюдение (получение информации о внешнем мире через глаза, уши и другие органы чувств), ощущение (непосредственное восприятие стимулов, таких как температура, звук или цвет) и эмоции.

Рациональное познание основывается на логике и анализе. Оно включает в себя: абстракцию (выделение ключевых особенностей объектов из множества имеющихся данных),

сравнение и обобщение (сопоставление различных объектов или идей для выявления общих закономерностей) и логические выводы (применение логики для формирования выводов и гипотез).

Тема чувственного и рационального познания имеет долгую историю в философии и психологии.

Платон в книге «Государство» делит все доступное познанию на две категории: чувственно воспринимаемое и познаваемое умом. Аристотель говорил то же: «Сущее либо воспринимается чувствами, либо постигается умом» [1]. Кант развивал эту мысль: «Существуют два основных ствола человеческого познания, вырастающие, быть может, из одного общего, но неизвестного нам корня, а именно чувственность и рассудок: посредством чувственности предметы нам даются, рассудком же они мыслятся» [6].

В 19 веке с возникновением и дальнейшим развитием психологии как науки, рациональное и чувственное познание попали в её поле исследования.

Вильгельм Вундт и Уильям Джеймс одни из первых внесли существенный вклад в понимание процессов восприятия и мышления. Вундт, основываясь на методах экспериментального наблюдения и анализа, разработал метод интроспекции, позволяющий исследовать внутренние психические процессы, а также стал автором концепции «психологии как науки о сознании», что, в свою очередь, стало основой дальнейших исследований в области психологии [4]. Джеймс, основатель функционализма, в книге «Принципы психологии» (1890) определял мышление и восприятие как динамичные процессы, которые зависят от контекста [19]. Эти идеи в дальнейшем получили развитие и практическое применение, например, в гештальт-терапии и терапии принятия и ответственности (АСТ).

Важным результатом трудов Джеймса стала разработка концепции «потока сознания», которая основывается на представлении о непрерывности мыслительных процессов. Не менее значимы его исследования о роли эмоций в вос-

приятии и принятии решений. Сегодня эта тема по-прежнему актуальна и исследования активно продолжаются.

Современные исследования, в том числе в области нейробиологии, подтверждают, что эмоции играют центральную роль в принятии решений, даже, когда человек старается действовать рационально [7]. Эмоциональные реакции могут предшествовать рациональным размышлениям и влиять на выбор, что подчеркивает роль чувственного познания в рациональных процессах. Это имеет особое значение в таких областях человеческой деятельности, как маркетинг, политика, здравоохранение.

Сегодня известно, что эмоции могут изменять восприятие информации: положительные эмоции улучшают креативность и открытость новым идеям, негативные повышают внимательность к деталям и критическое мышление.

Л. С. Выготский отмечал важную роль социально-культурного контекста развития восприятия. Ребёнок воспринимает мир через общение со взрослыми, которые направляют его внимание, давая свои трактовки, объясняя свойства окружающей действительности, вербально и невербально передавая свое отношение к ней. Эта «зона ближайшего развития» критически важна для развития высших психических функций, включая восприятие. Также Выготский видел в языке основной инструмент, с помощью которого человек осуществляет опосредованное восприятие и мышление. Речь и другие знаковые системы участвуют в организации и структурировании восприятия [3]. Эти идеи нашли дальнейшее развитие в теории реляционных фреймов, на которую во многом опирается терапия принятия и ответственности (АСТ). В АСТ подчеркивается роль языка и речевого процесса в формировании восприятия и опыта, а также в регуляции эмоций и поведения.

А. Н. Леонтьев — ведущий представитель деятельностного подхода в психологии — выдвинул теорию о том, что сознание и познание формируются в ходе практической деятельности человека. Познание происходит в процессе решения практических задач. Также оно зависит от эмоционального контекста. Например, он отмечал, что позитивные эмоции повышают мотивацию и интерес к деятельности, в то время как негативные, напротив, затрудняют процесс выполнения задачи. В своих исследованиях Леонтьев обращал внимание на сложную взаимосвязь между деятельностью, эмоциональным опытом и процессами познания [8, 9].

С. Л. Рубинштейн исследовал, как чувственное и рациональное познания влияют на формирование личности и её развитие. Он отмечал, что процесс личностного роста происходит за счет как чувственного, так и рационального познания, что предполагает необходимость их диалектического единства и равновесия для формирования гармоничной личности, полноценно реализующей свой потенциал [15, 16]. Работы Рубинштейна в значительной степени способствовали более глубокому пониманию роли эмоционального опыта в процессе познания и развития личности.

Значительный вклад в развитие темы рационального и чувственного познания играют кросс-культурные исследования, которые начались в 20–30-е годы

XX-го века и активно продолжают. Начиная с 80-х годов они охватывают широкий спектр тем, включая восприятие, эмоциональную регуляцию, когнитивные стили.

Появление новых методов исследования и статистических подходов углубляет понимание степени и значимости культурных различий в процессе познания. Тот факт, что познание не является универсальным и может заметно отличаться в зависимости от культурного контекста, значительно расширяет представления о том, как взаимодействуют рациональное и чувственное.

Следует также отметить вклад нейрopsихологии в исследование рационального и чувственного познания. Это быстроразвивающееся междисциплинарное научное направление, возникшее на стыке психологии и нейронауки, предоставляет необходимые данные и методы, которые позволяют лучше понимать специфику функционирования нервной системы и мозга в процессах познания, их влияние на восприятие, мышление, эмоциональные реакции и поведение.

Сегодня развитие нейробиологии и нейрopsихологии помогает углублять понимание того, как взаимодействуют эмоции и рациональные процессы познания.

Все больше данных подтверждают, что два вида мышления — чувственное и рациональное — не противостоят друг другу, а работают вместе для формирования решений. Тем актуальнее становится необходимость преодоления дисбаланса рационального и чувственного познания, который наблюдается сегодня в современном обществе.

Рассмотрим основные причины и последствия этого дисбаланса.

РАЗВИТИЕ ТЕХНОЛОГИЙ

В условиях быстрого развития технологий и большого количества информации, требующей анализа, классификации и обработки, существует тенденция к тому, что рациональное познание выходит на первый план.

Однако одновременный рост стресса, выгорания, психических расстройств говорит о том, что преобладание рационального над чувственным может иметь негативные последствия для психики и общего благополучия человека. Активное использование технологий в повседневности порождает вопросы о том, как эти технологии влияют на наши чувства, восприятие, психическое здоровье.

Регулярное и последовательное игнорирование чувственного аспекта приводит к отчужденности, нарушает контакт человека с самим собой, затрудняет его способность понимать свои желания и потребности, что может приводить к ощущению неполноценности и несамоценности, к проблемам в межличностных отношениях, к отсутствию удовлетворяющей самореализации, негативно сказываться на физическом здоровье.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Интернет и социальные сети предлагают большое количество информации: картинки чужой жизни, новости, сплетни, тренды отвлекают от полноценного чувственного проживания человеком собственного личного опыта.

Виртуальное общение превалирует, иногда почти полностью заменяя реальное, что может приводить к дефициту эмоциональной связи и сбалансированного социального взаимодействия.

КУЛЬТУРА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ

В современном обществе существует культ эффективности, быстрых, качественных результатов, что может побуждать человека достигать внешних целей в ущерб внутренним эмоциональным потребностям.

Чувства, интуиция, творческое мышление часто отодвигаются или вовсе игнорируются ради гонки за социальными достижениями и необходимости «вовремя выполнить план». Это может приводить к потере ценностного компонента, утрате осознанной глубинной мотивации, кризису идентичности.

У человека возникает ощущение, что он «живет не свою жизнь», результаты перестают приносить удовлетворение, накапливается разочарование вне зависимости от отсутствия или наличия социально признанного успеха.

Так культура, ориентированная на успех и эффективность, приводит к упрощению человеческих эмоций и стремлению к рациональному.

ПРИОРИТЕТЫ В ОБРАЗОВАНИИ

Современные образовательные системы обычно ориентированы на развитие рационального познания, логического мышления, аналитических способностей, в то время как чувственное восприятие по большей части игнорируется, что может приводить к недостатку эмоционального интеллекта. Это вызывает дискуссии о необходимости интеграции чувственного познания в образовательные программы, внедрения обучающих практик, которые способствуют развитию не только аналитических, но и эмоциональных навыков.

В то же время в научной среде актуализируется вопрос о том, что система образования недостаточно уделяет внимания развитию критического мышления и навыков рационального анализа информации. Акцент делается на запоминании большого количества информации, на усвоении фактов, а не на способности оценивать их, делать самостоятельные выводы и интегрировать в практику.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ (ИИ)

Развитие ИИ, особенно в областях, где риск ошибки имеет жизненно важное значение (например, медицина, финансы, юриспруденция, управление), вызывает дискуссии о важности человеческих чувств и эмоций в принятии решений.

С одной стороны, ИИ может обрабатывать огромные объемы данных и выявлять закономерности, недоступные человеческому разуму. Он может быть объективным и непредвзятым, избегая влияния эмоций на процесс принятия решений. Это способно приводить к более эффективным и точным результатам.

С другой стороны, чувственное познание: человеческие ощущения, эмоции, чувства, интуиция играют критически важную роль в контексте эмпатии, морали и этики. ИИ способен имитировать их, но на сегодняшний день не обладает

истинным пониманием человеческого опыта. Поэтому, есть опасения, что полная замена человека ИИ может привести к негативным последствиям.

Например, ИИ, выполняющий обязанности врача, неспособный достаточно точно и глубоко эмпатично понять эмоциональное состояние пациента, рискует пропустить важные сигналы и вследствие этого предложить неподходящее лечение.

То же можно отнести и психологии. Многие ведущие психологи отмечали, что личность психолога-практика — его главный терапевтический инструмент. Абрахам Маслоу писал: «Личность терапевта является важнейшим инструментом в процессе исцеления. Без глубокого понимания и самоосознания терапевта, процесс терапии может быть неэффективным.» [13].

Карл Роджерс также подчеркивал: «Терапевт должен быть готов открыться своим клиентам, проявлять искренность и эмпатию. Это не просто техника, это способ быть.» [14].

Возникает вопрос: есть ли у ИИ, владеющего огромной, недоступной человеку информационной базой, способ «быть»? Насколько его консультирование может быть действительно исцеляющим и достаточно безопасным?

Таким образом, дискуссия о внедрении ИИ сводится к поиску баланса: как использовать мощь ИИ для повышения эффективности деятельности при одновременном сохранении в процессах принятия решений человеческого фактора, включая эмоциональный интеллект и интуицию.

На сегодняшний день перспективным решением видится не замена, а эффективное сотрудничество человека и ИИ.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ЭХО-КАМЕРЫ

Эхо-камеры — это концепция, описывающая социальные среды, в которых информация, мнения и убеждения, подтверждающие существующие взгляды участников, получают преобладание, в то время как альтернативные точки зрения игнорируются или отвергаются.

Эхо-камеры способны оказывать негативное влияние на познание, заметно ограничивая спектр восприятия существующей информации. Эти социальные среды могут возникать как в онлайн-пространствах, так и в оффлайн-взаимодействиях.

Рассмотрим, какие причины способствуют возникновению эхо-камер и каковы последствия их влияния.

В реальной жизни люди часто собираются в группы по интересам, убеждениям или ценностям (например, религиозные общины, клубы разной тематической и социальной направленности — политические, спортивные и т. д.). В таких группах участники обычно обмениваются мнениями и информацией, которая подтверждает их взгляды, что приводит к усилению этих убеждений.

В рамках семьи или дружеского круга люди также часто придерживаются общих взглядов, и альтернативные мнения остаются вне фокуса внимания.

В небольших городах или населенных пунктах люди могут быть подвержены влиянию местных традиций и норм, которые ограничивают доступ к альтерна-

тивной информации и мнениям. СМИ также участвуют в создании эхо-камер, когда они ориентируются на определенную аудиторию и предлагают контент, который соответствует её ожиданиям и убеждениям.

Но особенно рельефно эффект эхо-камер распространён в интернет-пространстве, где он имеет ряд особенностей, что делает его еще более влиятельным и заметным по сравнению с офлайн-взаимодействиями.

Большую роль в формировании эхо-камер играют алгоритмы и персонализация контента. Социальные сети используют алгоритмы, которые анализируют поведение пользователей, их интересы и взаимодействия, предлагая им больше того контента, который соответствует их взглядам и предпочтениям. Способствует возникновению эхо-камер также лёгкость создания и распространения контента, которая доступна в интернете каждому пользователю. Это позволяет быстро популяризировать недостоверные идеи и мнения, дезинформацию и фейковые новости.

Анонимность, которую предоставляют многие социальные сети, стимулирует более агрессивное поведение и выражение мнений. Это создаёт токсичную среду, где пользователи чувствуют себя безнаказанно и не ограничивают себя в высказывании взглядов, подчас в недоброжелательной, грубой, оскорбительной форме, что может усугублять поляризацию. Заметную роль в создании эффекта эхо-камер играют знаменитости и лидеры мнений, которые способны оказывать значительное воздействие на мнения своих подписчиков. Поклонники нередко принимают их идеи, не подвергая критическому осмыслению и анализу.

Можно отметить, что эхо-камеры способствуют формированию когнитивных искажений, таких как предвзятость подтверждения (confirmation bias), при котором индивиды склонны искать, интерпретировать и запоминать информацию, согласующуюся с их собственными уже существующими убеждениями [18]. Это приводит к ограничению когнитивного разнообразия и снижению способности к критическому мышлению, что в свою очередь препятствует адекватной оценке альтернативных источников информации.

Кроме того, эхо-камеры усиливают социальную идентичность и групповые нормы, что приводит к феномену группового (или точнее — «огруппленного») мышления.

Термин «групповое мышление» (groupthink) был введен американским психологом Ирвингом Джанисом (Irving Janis) в 1972 году [20]. Джанис использовал этот термин для описания процесса, при котором стремление к согласованию и единству внутри группы приводит к ухудшению качества принятия решений. Под влиянием группового мышления участники испытывают давление, что побуждает их к конформизму и снижает готовность к формированию собственного мнения и открытой дискуссии. Это создает иллюзию единства и согласия, но в то же время затрудняет конструктивное обсуждение сложных и противоречивых вопросов, что в свою очередь препятствует социо-культурному развитию.

Исследования Джаниса показали, что групповое мышление может иметь серьезные последствия в различных контекстах, включая политику, бизнес и другие сферы, где принимаются коллективные решения.

Также необходимо отметить, что изоляция от разнообразия мнений способствует развитию дихотомического или чёрно-белого мышления (black-and-whitethinking), при котором мир воспринимается в крайних категориях, что ограничивает возможности для более тонкого понимания сложных социальных и политических реалий [18]. Это ведёт к поляризации мнений, радикализации и усиливает предвзятость, когда люди становятся менее восприимчивыми к компромиссам и более склонными к агрессивным взглядам по отношению к тем, кто не разделяет их убеждений.

Эхо-камеры также служат благоприятной средой для формирования такого когнитивного искажения, как «негативный фильтр» («negativefiltering») [18].

«Негативный фильтр» — это такой психологический феномен, при котором человек фокусируется исключительно на негативной информации и игнорирует или минимизирует позитивные аспекты ситуации. Это приводит к тому, что негативные события, мысли или чувства воспринимаются и трактуются как более значимые и важные, чем положительные.

Негативный фильтр оказывает значительное влияние на эмоционально-волевую сферу, снижая общий уровень эмоционального благополучия и препятствуя формированию адаптивных копинг-стратегий.

В итоге, познание в эхо-камере становится «зауженным», предвзятым и неполным. Снижается способность к когнитивной и психологической гибкости, ограничивая возможности человека к адаптации и принятию обоснованных решений.

Объективная информированность замещается укреплением существующих убеждений — независимо от их оправданности и доказательной ценности.

Эхо-камеры негативно влияют и на чувственное познание. В первую очередь это происходит за счет эмоциональной манипуляции. В эхо-камерах часто используются эмоционально заряженные сообщения для усиления вовлеченности пользователей. Это приводит к более яркому эмоциональному отклику, к формированию стереотипов, основанных на страхе или ненависти, к распространению тревоги и недовольства, что негативно сказывается на психоэмоциональном состоянии пользователей и их восприятию окружающего мира.

Также внутри эхо-камер, участники развивают чувство принадлежности к определенной группе. А усиленная эмоциональная привязанность к группе может приводить к снижению эмпатии к представителям других сообществ и усилению конфликтов.

ПОСТПРАВДА

Говоря об актуальной проблематике эмоционального и чувственного познания, невозможно обойти вниманием такой феномен, как постправда.

Термин «постправда», названный в конце 2016 г. компанией OxfordDictionaries «словом года», характеризует постмодернистскую реальность, в которой фэйки и дезинформация активно участвуют в конструировании общественного дискурса.

Феномен постправды характеризуется ситуацией, где объективные факты и рациональные аргументы перестают играть доминирующую роль в форми-

ровании общественного мнения и принятии решений. Вместо этого, на первый план выходят эмоции, личные убеждения и вера в то, что кажется правдой, независимо от фактической её достоверности.

Это происходит под влиянием нескольких факторов: распространения дезинформации и пропаганды, поляризации общества, вышеупомянутых эхо-камер (усиления доверия к источникам информации, подтверждающим уже имеющиеся взгляды), а также из-за развития технологий, позволяющих легко и быстро распространять ложные утверждения.

Влияние постправды на познание весьма существенно. Она подрывает доверие к экспертам и институтам, основывающихся на объективных данных. Люди всё больше полагаются на эмоциональную реакцию, игнорируя доказательства, противоречащие их убеждениям. Это приводит к искажению восприятия реальности, затрудняет поиск компромиссов и делает невозможным продуктивный диалог на основе фактов.

В итоге, процесс познания становится более субъективным, основанным скорее на эмоциях и убеждениях, чем на объективной информации и логическом анализе.

Постправда, таким образом, препятствует формированию целостного и адекватного образа мира, замедляя рациональное познание и негативно манипулируя чувственным познанием.

В ходе анализа взаимодействия чувственного и рационального познания становится очевидным, что оба этих аспекта играют критически значимую роль в формировании человеческого опыта, коммуникации и принятии решений.

Исторически философы и психологи подчеркивали важность как чувственного восприятия, так и рационального анализа, отмечая их диалектическое единство.

Современные исследования подтверждают, что эмоции влияют на рациональные процессы, а рациональные размышления, в свою очередь, могут изменять эмоциональное восприятие.

В условиях интенсивного технологического прогресса и цифровизации наблюдается тенденция к преобладанию рационального познания, что может приводить к негативным последствиям для психического здоровья и общего благополучия человека. В условиях когнитивных и информационных войн современные феномены, такие как эхо-камеры и постправда, усугубляют этот дисбаланс, формируя когнитивные искажения, манипулируя эмоциями и препятствуя критическому мышлению.

На фоне этого, тем не менее, можно отметить возрастающее внимание общества к ментальному здоровью, осознанности, навыкам осуществлять селективное внимание к информационным стимулам.

Растет осведомленность о важности эмоционального благополучия, и в этом значимую роль играет психология и психоздрукция.

Развиваются новые психотерапевтические подходы, направленные на развитие эмоционального интеллекта и работу с чувствами. Создаются новые экспериментальные методики, в том числе творческие, которые помогают раз-

вивать чувственное познание, посредством вовлечения в спонтанный художественный процесс менять психоэмоциональное состояние и раскрывать прежде недоступные внутренние ресурсы.

Пример таких методик — авторская методика художника-скульптора Л. Г. Леонтьевой «Графика жизни» [10, 11].

Суть и основной эффект методики «Графика жизни» заключается в том, что во время практических занятий рисованием, которые проводит Л. Г. Леонтьева, люди, ранее убежденные в том, что не умеют рисовать, не только создают удивительные по своему художественному качеству работы, но и получают заряд уверенности и оптимизма, который в дальнейшем помогает им открывать скрытые способности и эффективнее решать сложные жизненные задачи.

Автор называет свой метод «интуитивным рисованием», объясняя, что метод работает с похожими поточными состояниями, которые исследовал и описал в своих работах американский психолог Михай Чиксентмихайи [17].

Лидия Геннадьевна описывает суть своего метода так: «Метод «Графика жизни» — это авторский метод раскрытия потенциалов человека через его художественное творчество... Цель занятий — научить людей управлять своим творческим мышлением (или позволить ему управлять нами) с тем, чтобы получать удовольствие от самой жизни, а не от ожидания «хорошего и правильного» результата той или иной деятельности. Задача, которую я ставлю перед собой и моими «учениками» — снизить критику, выйти за рамки стереотипов, научиться создавать...» [12].

И когда люди позволяют себе снять внутренние ограничения перед тем, как начать работать карандашом или пером, они словно выходят на новый уровень творческой свободы в восприятии перспективы собственной жизни.

У большинства участников проекта «Графика жизни» получалось не только почувствовать себя более расслабленными и вдохновленными непосредственно в процессе и сразу после занятий, но и спустя какое-то время решить проблемы в отношениях с близкими, продвинуться в профессиональной деятельности, открыть в себе неожиданные таланты.

В группе педагогов-психологов, учителей и воспитателей ДООУ было целенаправленно проведено экспресс-исследование эффективности применения одного из арт-инструментов, которые используются на занятиях Л. Г. Леонтьевой [2]. Участникам исследования предлагалось написать несколько раз в особой технике (слева направо, справа налево, ведущей и не ведущей рукой, «вверх ногами», зеркально) фразу «Я верю детям и дети доверяют мне».

Обратная связь от участников эксперимента, полученная после обсуждения его результатов [2]:

- настроение позитивное,
- упражнение отличное (будем повторять его с детьми),
- возникшие трудности дают полную картину детских ошибок при освоении письма,
- хочется и самим придумать что-то подобное — оригинальное, интересное, развивающее, открывающее новые ресурсы и реформаторства, и творчества, и собственного личного благополучия»,

— гармонично включаются оба полушария.

Действительно, результаты практической деятельности Л. Г. Леонтьевой впечатляют, но все же эмпирические наблюдения требуют более глубоких исследований и теоретического обоснования.

Методики, подобные описанной, открывают широкие перспективы для дальнейшего изучения рационального и чувственного познания и практической ценности их диалектического единства.

Учитывая вызовы современности с её новыми социокультурными и психологическими феноменами, особенно важно стремиться к сбалансированной интеграции чувственного и рационального познания во всех сферах жизнедеятельности, что будет способствовать достижению личностного благополучия, позволит обеспечить более гармоничное развитие личности и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах. М.: Мысль, 1976–1983.
2. Бардиер Г. Л. Методология, концептуальная модель и арт-инструментарий актуализации ресурсов личностного благополучия // Актуальные вопросы благополучия личности: психологический, социальный и профессиональный контексты. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 2023. С. 57–63.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. Москва: Педагогика, 1982.
4. Вундт В. Основы физиологической психологии, вып. 1–2, 1880–1881; Этика, том 1–2, 1887–1888.
5. Гегель Г. В. Ф. Наука логики в 3-х томах. М.: Мысль, 1970.
6. Кант И. Критика чистого разума. Собр. соч.: в 6 т. Т3. М., 1964. 799 с.
7. Красавцева Ю. В. Предвосхищаемые и результирующие эмоции в регуляции принятия решений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 2. С. 18–33.
8. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М.: Мысль, 1959. 288 с.
9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Мысль, 1975. 335 с.
10. Леонтьева Л. Г. Авторская методика «графика жизни», ее содержание, цели и возможности // XIII Сретенская научно-практическая конференция «Психея и Пневма» 13–14 февраля 2020 г. Сборник докладов. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2020. с 62–65.
11. Леонтьева Л. Г. «Графика жизни» как коммуникативная практика. // Материалы Международной научной сессии «XVII Невские чтения» 21–27 апреля 2021 г. СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2021. 412 с.
12. Леонтьева Л. Г. Авторская методика интуитивного рисования «Ничто и Нечто» // материалы международной научной сессии «XVIII Невские чтения». СПб.: ИД «Петрополис», 2022.
13. Маслоу А. Мотивация и личность. М.: Прогресс, 1997.
14. Роджерс К. Клиент-центрированная терапия. М.: Психология, 1994.
15. Рубинштейн А. В. Основы общей психологии. М.: Издательство Академии наук СССР, 1946.
16. Рубинштейн А. В. Человек и его деятельность. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958.
17. Чиксентмихайи Михай. Поток: Психология оптимального переживания. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. 411 с.

18. Beck A. T. Cognitive therapy and the emotional disorders. New York, NY: International Universities Press, 1976.
19. James W. The Principles of Psychology, Henry Holt and Company, New York, 1890.
20. Janis I. L. Victims of Groupthink: A Psychological Study of Policy Decisions and Fiascoes. Boston: Houghton Mifflin, 1972.

Костромина Светлана Валерьевна,
магистрант кафедры психотравматологии,
Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского,
Россия, Екатеринбург,
svetlana_spa@mail.ru

САМОПОВРЕЖДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ: КОНЦЕПЦИИ И МОДЕЛИ

Статья носит концептуально-теоретический характер. Рассматриваются представленные в литературе определения, модели и функции, механизмы и классификации видов самоповреждающего поведения. Обсуждается возможная связь самоповреждающего поведения с личностными особенностями и условиями социального бытия человека.

Ключевые слова: самоповреждающее поведение, личностные особенности, условия социального бытия, эмоциональное напряжение, социальная неприемлемость.

KOSTROMINA S. V.

SELF-INJURIOUS BEHAVIOR: CONCEPTS AND MODELS

The article is conceptual and theoretical. The definitions, models and functions, mechanisms and classifications of types of self-injurious behavior presented in the literature are considered. The possible connection of self-injurious behavior with personal characteristics and conditions of social existence of a person is discussed.

Keywords: self-injurious behavior, personal characteristics, conditions of social existence, emotional tension, social unacceptability.

Традиционно самоповреждающее поведение понимается как обширный спектр действий аутоагрессивного характера, в основе которых лежит осознанное и преднамеренное нанесение человеком физического ущерба своему телу [1, 3, 4, 5, 14, 15, 18, 19]. Отмечается, что в наибольшей степени такое поведение распространено в подростковой среде.

Самоповреждающее поведение рассматривают и описывают авторы, придерживающиеся различных методологических подходов.

Приверженцы психодинамического подхода предлагают рассматривать самоповреждающее поведение как способ устранения внутреннего напряжения и попытку таким образом снять внутренний конфликт, как бы «наказать себя». То есть, авторы психодинамических подходов фокусируются на глубинных механизмах внутриличностных и межличностных конфликтов. Авторы, разделяющие методологию когнитивно-поведенческого подхода, обращают особое внимание на копинг-стратегии, позволяющие человеку через самоповреждающее поведение снимать стресс и таким образом лучше социально адаптироваться, справляться с трудностями, которые встречаются на их жизненном пути. В рамках биосоциальных подходов рассматриваются особенности функционирования нервной системы человека, опять-таки компенсирующие те его эмоциональные переживания, которые способствуют формированию социальной неприемлемости условий его бытия. Аналогично и приверженцы модели эмоциональной дисрегуляции объясняют самоповреждение как способ справиться с интенсивными негативными эмоциями [5].

Для систематизации различных научных концепций К. Саэмото предложил структурированное представление моделей и функций самоповреждающего поведения и представил результаты своего обобщения в виде таблицы, в содержание которой включил в качестве моделей влияния на самоповреждающее поведение факторов социального окружения следующие модели: влечения, аффективной регуляции и пограничную модель [9].

Таким образом, в результате анализа основных методологических позиций авторов, описывающих модели самоповреждающего поведения, можно сделать вывод, что фактически все авторы сходятся на интерпретации самоповреждающего поведения как на реакции человека на неблагоприятное влияние окружающей его социальной среды. Нанося себе вред, человек таким образом переносит фокус страданий с психической на физическую реальность.

С точки зрения состава самоповреждающих действий, авторы включают в понятие самоповреждающего поведения суицидальное поведение, несуйцидальное самоповреждение и «косвенное» самоповреждение, такое, например, как различного рода аддикции или как расстройства пищевого поведения. Рассматриваются и другие деструктивные формы поведения [1, 3, 15]. В числе факторов, толкающих человека к нанесению себе вреда авторы выделяют социальную изоляцию и связанное с ней хроническое эмоциональное напряжение [2, 4, 6, 12, 13].

Проявления самоповреждающего поведения могут быть также вызваны депрессивными состояниями, биполярным расстройством, повышенной тревожностью, зафиксированными на уровне психиатрии расстройствами личности.

Таким образом, самоповреждение можно рассматривать как результат сложного комплекса биологических, психологических, психиатрических и социальных факторов.

К несуйцидальным формам самоповреждений авторы относят порезы, ожоги, удары. К суицидальным формам относятся суицидальные попытки и завершённые завершённые суициды. Обе формы самоповреждений имеют общие черты — считается, что пик самоповреждающих отклонений приходится на подростковый и юношеский возраст. Общим являются и наличие дистресса, который подростки и пытаются компенсировать самоповреждающим поведением [2, 4, 11, 12, 13, 14, 16, 19].

Но, несмотря на общие черты, различия между этими формами поведения также есть. Эти различия включают используемые подростками способы самоповреждений, разные исходные намерения и уровень медицинской летальности. Суицидальные акты, как правило, подразумевают высокую степень риска для жизни, тогда как несуйцидальное самоповреждение носит менее летальный характер и направлено, скорее, на эмоциональную регуляцию.

Выделяют следующие признаки несуйцидального самоповреждающего поведения: преднамеренность, повторяемость, социальная неприемлемость, то есть, фактическое нарушение социально-одобряемых норм поведения. Перед актом самоповреждения подростки испытывают тревогу или внутреннее напряжение, а после акта обычно наступает временное облегчение, хотя иногда после акта может оставаться некоторое чувство беспокойства [9].

По мнению Н. А. Польской, самоповреждающее поведение может рассматриваться как самостоятельный симптом или как следствие других расстройств. Самоповреждающее поведение может регулироваться и патологическими, и непатологическими механизмами [8].

В последнее время внимание психологов все в большей степени стал привлекать подход, в рамках которого самоповреждающееся поведение рассматривается как часть социальных и культурных обрядов. Одно дело, если это идентификационных процесс, связанные с полом, возрастом и окружающим социумом (например, обряды инициализации), другое дело, если самоповреждающее поведение становится модным трендом и даже некоей нормой той или иной молодежной субкультуры...

В связи с этим становится актуальным более подробное рассмотрение вопроса о критериях классификации самоповреждений, детерминированных культурной или субкультурной нормой.

Одной из наиболее известных научных классификаций, связанных с культурной нормой, является классификация, разработанная американским психиатром Армандо Фаваззой и его коллегами. Их классификация подразделяет самоповреждения на те, которые совершаются в ходе этнических ритуалов инициализации и те, которые совершаются под влиянием модных тенденций, например, моды на украшение своего тела (татуировки, пирсинг и т. п.) [18].

Эти же авторы рассматривают самоповреждения как элемент девиантного поведения. В этом случае классификация предусматривает [18]:

- радикальные повреждения тканей тела (ампутация, кастрация и др.),
- стереотипные ритмичные акты (удары головой, другими частями тела, выдавливание глазного яблока, вырывание волос, расчесывание кожи),
- поверхностные самоповреждения (порезы на коже, вырезание на коже слов, узоров или других символов, препятствие заживлению ран, обкусывание ногтей и др.); при этом поверхностные самоповреждения могут носить компульсивно-эпизодический и систематический характер.

Важным аспектом классификации проявлений самоповреждающего поведения является различие его форм в зависимости от их социальной оценки. Так, например, психологи-консультанты отмечают, что подростки склонны наносить самоповреждения в относительно прикрытых одеждой местах тела (бедро, плечи), но при этом склонны фотографировать эти самоповреждения и выкладывать фотографии в социальную сеть. Это модно.

И действительно, в определенном смысле в рамках той или иной молодежной субкультуры самоповреждающие действия могут быть восприняты как социально приемлемые, обусловленные соответствующими субкультурными нормами и традициями.

Польская Н. А., описывая на основе материалов, полученных с помощью проведения эмпирических исследований предикторы и механизмы самоповреждающего поведения, предлагает подразделять формы самоповреждения на импульсивные, стереотипные и волевые. Если, как отмечает автор, импульсивные самоповреждения возникают внезапно, под влиянием острых стрессовых ситу-

аций, и носят кратковременный характер, то стереотипные самоповреждения носят регулярный и долговременный характер. Вольные же самоповреждения отличаются целенаправленностью и индивидуальностью. Частота и продолжительность таких действий варьируются в зависимости от интенсивности внутренних переживаний [9].

Нам представляется, что именно вольные самоповреждения должны быть на особом контроле у психологов и иных специалистов помогающих профессий, работающих с подростками, поскольку эта форма самоповреждений, как отмечает Н. А. Польская [9], выполняет целый ряд функций, в числе которых:

- сигнальная функция: подросток своими действиями хочет сообщить взрослым о том, что у него есть серьезные психологические или социальные проблемы;
- функция сенсорной стимуляции: болезненные телесные ощущения компенсируют боль душевную, в особенности это часто происходит при наличии у подростка посттравматического стрессового расстройства;
- функция выбора способа решения психологических и социальных задач: так подросток пытается восстановить контроль над своим состоянием в условиях кризиса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аведисова А. С. Несуицидальное самоповреждающее поведение в общемедицинской практике: методические рекомендации. М.: Департамент здравоохранения Москвы, 2019. 24 с.
2. Баранова Т. С. Нарушение идентичности как фактор суицидального поведения подростков // Современная психология. 2020. № 2. С. 15–21.
3. Бохан Н. А., Евсеев В. Д., Мандель А. И., Пешковская А. Г. Обзор исследований несуицидальных форм самоповреждений по шкалам и опросникам NSSI // Суицидология. 2020. № 1(38). С. 70–83.
4. Гостев А. А. Самоповреждающее поведение у подростков: факторы и механизмы // Вопросы психологии. 2018. № 3. С. 22–30.
5. Давидовский С. В., Игумнов С. А. Современные концепции и особенности проявления самоповреждающего поведения // Суицидология. 2020. № 11 (3). С. 33–43.
6. Ениколопов С. Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1. С. 60–72.
7. Исследование личностных предикторов самоповреждающего поведения в форме телесных модификаций // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. № 2. С. 188–196.
8. Польская Н. А. Предикторы и механизмы самоповреждающего поведения (по материалам исследований) // Психологический журнал. 2009. № 1. С. 96–105.
9. Польская Н. А. Роль социальных факторов в развитии самоповреждающего поведения // Клиническая и специальная психология. 2012. № 2. С. 40–52.
10. Польская Н. А. Структура и функции самоповреждающего поведения // Психологический журнал. 2014. № 2. С. 45–56.
11. Польская Н. А., Якубовская Д. К. Влияние социальных сетей на самоповреждающее поведение у подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2019. № 3. С. 156–174.
12. Тарасова А. Е. Причины самоповреждающего поведения подростков и молодежи

жи // Коллекция гуманитарных исследований. 2019. № 1. С. 21–33.

13. Ткаченко Н. В., Заика В. Г. Самоповреждающее поведение у девочек-подростков с ожирением // Психиатрия — проза и поэзия: материалы российской научной конференции. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет, 2021. С. 200–202.

14. Ткаченко Т. В. Самоповреждающее поведение у подростков: психологический анализ // Вестник психологии. 2020. № 1. С. 23–30.

15. Чистопольская К. А., Ениколопов С. Н., Магурдумова Л. Г. Медико-психологические и социально-психологические концепции суицидального поведения // Суицидология. 2013. № 3. С. 26–36.

16. Чуева Е. Н. Самоповреждающее поведение детей и подростков // Вестник Краунц. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 71–77.

17. Brent D. A. Suicide and self-injury in adolescence: Epidemiology, risk factors, and prevention // The Lancet. 2015. Vol. 379, Issue 9822. P. 2323–2331.

18. Favazza A. R., DeRosear L. Self-mutilation and eating disorders // Suicide and Life-Threatening Behavior. 1989. Vol. 19, no. 4. Pp. 352–361.

19. Pompili M. Exploring the phenomenology of self-injury in youth: A systematic review // Suicide and Life-Threatening Behavior. 2014. Vol. 44, Issue 4. Pp. 420–434.

РИСОВАНИЕ «НАОЩУПЬ» КАК ИНСТРУМЕНТ АКТИВИЗАЦИИ ЧУВСТВЕННОГО ПОЗНАНИЯ

В статье обсуждается проблема дисбаланса рационального и чувственного познания, предлагается авторская методика активизации чувственного познания, приводятся примеры применения методики.

Ключевые слова: рациональное познание, чувственное познание, интуитивное рисование, рисование «наощупь».

LEONTYEVA L. G. DRAWING "BY TOUCH" AS A TOOL FOR ACTIVATION OF SENSIVE KNOWLEDGE

The article discusses the problem of imbalance between rational and sensory cognition, proposes the author's method for activating sensory cognition, and provides examples of the application of the method.

Keywords: rational cognition, sensory cognition, intuitive drawing, drawing "by touch".

В современном мире активно развиваются разнообразные технологии искусственного интеллекта. Огромное количество новой информации люди получают с помощью Интернета. Это удобно, нужно просто набрать на клавиатуре компьютера или телефона свой запрос и сразу получить ответ. Не нужно проводить не дополнительного изучения, исследования того, что интересует — технология простая «кнопка — готовый ответ». Все происходит очень быстро. Мир стал сверхскоростным. У людей не хватает времени, нужно спешить, везде успевать, оперативно достигать желаемого... Для таких людей появился даже термин «overachiever» — «достигатор», а для такого общества — «общество достижения» [9].

«Достигаторство — термин, используемый в ситуации, когда достижение личных целей становится для человека ценнее отношений с друзьями, родными и даже принципов жизни. Это время, когда он пытается что-то доказать кому-то, обычно родителям: «Я могу, я заслуживаю вашего признания». В такие моменты жизнь превращается в погоню за новыми успехами и высокими результатами, которая приводит к дисбалансу в различных сферах» [7].

Выделяют семь признаков достигаторства [7].

1. Личность определяется достижением целей, только успехи могут сделать человека «хорошим», а неудачи делают его «плохим».

2. Получение удовольствия от отдыха становится сложным из-за чувства вины или стыда; вместо того чтобы расслабиться, человеку постоянно хочется делать что-то полезное, преодолеть это становится трудно, даже невозможно. При этом достижения могут приносить человеку как лишь мгновенное удовлетворение, так и порой его полное отсутствие.

3. Достигаторство подразумевает стремление к идеальному результату во всех сферах деятельности.

4. Отсутствие четкой цели означает, что нет ясного представления о том, что произойдет после достижения успеха: за каждым достижением всегда следует новая цель, не позволяющая насладиться моментом.

5. Повышения, новые цели и достижения вызывают у человека тревогу; он не в состоянии сосредоточиться на радости от предстоящих побед, а беспокоится о возможной неудаче.

6. У человека-достигатора отсутствует способность оставаться в настоящем моменте и удовлетворять текущие потребности, для него понятие «здесь и сейчас» остается неосознанным.

7. Достигаторство — это игнорирование собственных потребностей и готовность жертвовать сном, отдыхом, питанием, временем с близкими или приятными занятиями в пользу деятельности, ориентированной на достижения

Иными словами, достигатор — это человек, ориентированный на достижение успеха наиболее оперативным образом. Такой человек действительно умеет быстро осваивать новую информацию, но спешка не дает ему возможности глубоко эту информацию осмыслить, «прочувствовать»: нашел, и дальше побежал, нет времени для изучения глубины, для рассуждений, а тем более, для полноты ощущения происходящего.

Достигатор становится похожим на машину, запрограммированную на результат, теряя при этом ощущение самого жизненного процесса. Ему становится некогда обратить внимание на взаимоотношения с людьми — ни на работе, ни дома, в семье, с друзьями. В народе даже появился на эту тему анекдот про Вовочку, который только в школе узнал, что его зовут Вова, а не Отстань!

Достигаторы — это люди, ориентированные на рациональное познание, в то время как еще с древности в философии обсуждается проблема диалектики рационального и чувственного познания. Очень доходчиво об этом написал И.Кант: «Существуют два основных ствола человеческого познания, вырастающие, быть может, из одного общего, но неизвестного нам корня, а именно чувственность и рассудок: посредством чувственности предметы нам даются, рассудком же они мыслятся» [3].

Дисбаланс рационального и чувственного познания как тренд современности подробно анализирует О. В. Константиновская, статья которой опубликована в данном сборнике [4].

У современных достигаторов рациональный подход начинает довлеть над чувственным. Постепенно чувственный подход становится у них невостребованным. Результат — потеря интереса к происходящему, усталость, суетливость, раздражительность.

В связи с этим острая актуальность начинает приобретать возврат к чувственному познанию. Именно такую задачу мы ставим перед собой, практикуя авторскую технологию «Графика жизни» [5]. Технология представляет собой пакет авторских методик, основанных на механизмах «потокowego рисования», то есть, рисования в «состоянии потока» [8]. С психологической точки зрения такое рисование можно определить, как интуитивное рисование, пример которого описан в нашей статье о методике «Ничто и Нечто» [6].

Возвращающая к чувственному познанию наша авторская методика «Рисование наощупь» основана на обращении к тактильным ощущениям, а именно, к осязанию, которое является формой чувственного познания и, как известно, вообще является наиболее ранней формой человеческого познания [1].

Методика «рисование наощупь» предполагает выполнение на первый взгляд очень сложного упражнения: человеку предлагают закрыть глаза, достать из мешочка неведомый предмет (обычно это небольшая детская игрушка) и зарисовать этот предмет, ориентируясь только на его ощупывание.

Инструкция к упражнению такая: «Зарисовывайте этот неведомый предмет, исследуя его только с помощью пальцев рук, не пытайтесь угадать, что это за предмет, то есть, не выстраивайте мысленно его перцептивный образ. Рисуйте так, как подсказывают Вам Ваши пальцы. Не торопитесь, постарайтесь находиться «здесь и сейчас», сосредоточьтесь на происходящем, не думайте сейчас о результате».

Чаще всего во время выполнения этого упражнения люди все-таки проявляют свое достигаторство и пытаются догадаться, что находится у них в руках, то есть все-таки выстраивают зрительный, а не тактильный образ неведомого предмета.

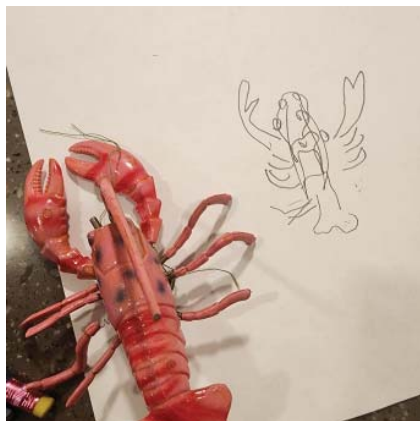
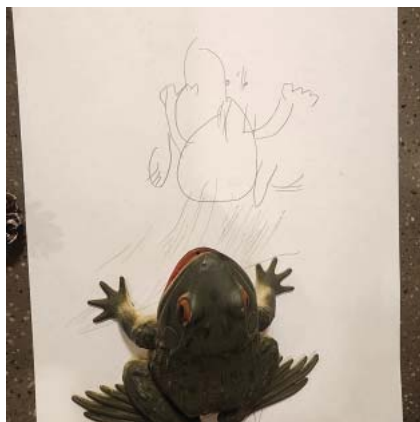
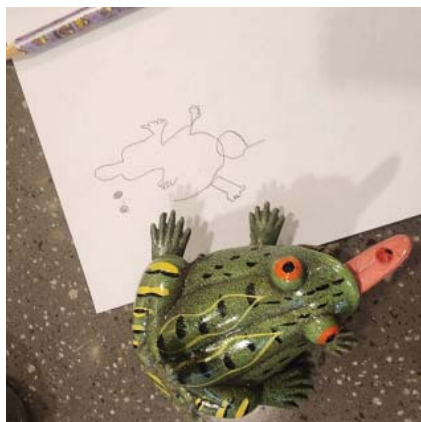
В таких случаях нарисовать «угаданный» предмет им сложно, раздражает то, что глаза остаются закрытыми. Люди-достигаторы начинают нервничать, суетиться, хотят поскорее закончить это «неприятное» упражнение, но у них плохо получается, что злит их еще больше. Некоторые называют это упражнение «пыткой», «насилием». Свой рисунок они выполняют, как «отписку»... и с уверенностью ждут этого же от остальных участников группы (упражнение выполняется во время занятий, в группе).

Однако к их большому удивлению обнаруживается, что в группе есть «странные» люди, которые никуда не торопятся, с удовольствием ощупывают доставшийся им предмет, медленно зарисовывают его... и у них что-то весьма похожее получается! И что самое поразительное, это то, что такие люди выполняют упражнение именно с удовольствием. Они не только более точно зарисовывают свой предмет, но еще и делают это с радостью: улыбаются, смущенно хихикают, вздыхают, выражают желание продолжить, достав из мешочка следующий предмет. И рисунки у них получаются более завершенными, контурными, похожими. Этим своим состоянием они постепенно «заряжают» достигаторов.

И действительно, по мере того, как достигаторы перестают спешить, нервничать, расстраиваться из-за неудачного результата, их рисунки становятся все четче, точнее, интереснее. И это происходит по мере того, как они перестают

фиксироваться на достижении успешного результата, а фокусируются на самом процессе. Они начинают «доверять» своим пальцам, их лица просветляются, видно становится, что и они способны от такого упражнения получать удовольствие.

Несколько примеров рисунков, выполненных на наших занятиях разными первоначально рационально настроенными людьми приводятся ниже (Рис. 1).

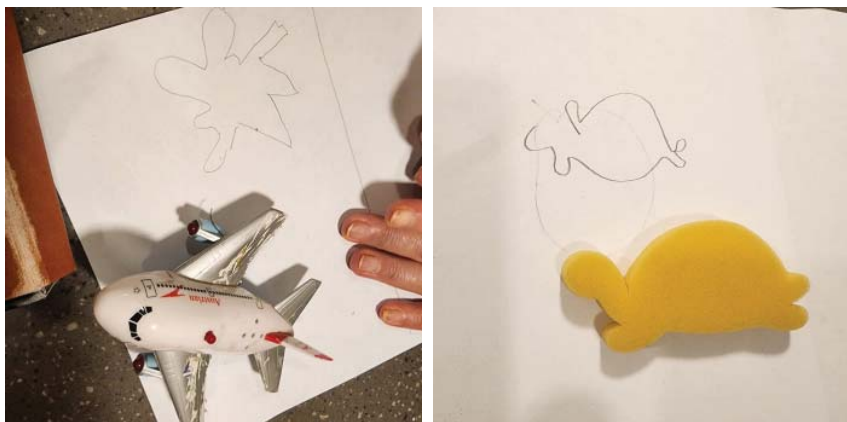

Рис. 1. Изображения «неведомых» предметов, выполненные наощупь (с закрытыми глазами).

Как видно по представленным рисункам, люди сумели создать и воплотить тактильный образ предмета, который не могли видеть. Рисунки получились похожими, чувственное познание активизировалось. И это позволило людям упокоиться, снять напряжение, «остановиться и вчувствоваться».

Важно отметить, что достигнутый на таких занятиях эффект носит пролонгированный характер. Участники группы спустя некоторое время рассказали о том, что формулу «остановиться и вчувствоваться» они стали к своему удовольствию успешно применять и вне занятия: дома, с друзьями, на работе. Очень такая формула оказалась востребованной в семейных отношениях, в частности, в отношениях с детьми (например, при выполнении с ними школьных домашних заданий, в поездках, на прогулках, во время посещения разного рода кружков и секций и т. д.). Кто-то признался, что домашняя уборка стала «в радость». В целом — вся жизнь наполнилась красками. В корне изменилось отношение к тому, «что мы любим, что делаем, к чему стремимся».

А это по своей сути и есть триумфальное возвращение к балансу рационального и чувственного познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б. Г., Веккер Л. М., Ломов Б. Ф., Ярмоленко А. В. Осознание в процессах познания и труда. М.: АПН РСФСР, 1959, С. 263.
2. Бардиер Г. Л., Леонтьева Л. Г. Методология, концептуальная модель и арт-инструментарий актуализации ресурсов личностного благополучия // Актуальные вопросы благополучия личности: психологический, социальный и профессиональный контексты. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ханты-Мансийск, 2023. С. 57–63.

3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1964. 799 с.
4. Константиновская О. В. Дисбаланс чувственного и рационального познания как тренд современности // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Бог. Человек. Мир». 2024.
5. Леонтьева Л. Г. «Графика жизни» как коммуникативная практика. // Материалы Международной научной сессии «XVII Невские чтения». СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2021.
6. Леонтьева Л. Г. «Авторская методика интуитивного рисования «Ничто и Нечто» // материалы международной научной сессии «XVIII Невские чтения». СПб.: ИД «Петрополис», 2022.
7. Суворова В. Что такое достигаторство и чем оно может быть опасно? URL: <https://edprodpo.com/blog/psychology/cto-takoe-dostigatorstvo/> (дата обращения 26.01.2025).
8. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М.; «Альпина нон-фикшн», 2011. 411 с.
9. McClelland D. C. The achieving society. Princeton (N.J.): Van Nostrand, 1961. 512 p.

Лидуhen Юлия Александровна,
магистрант,
Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского
gulia2298@yandex.ru

Котова Светлана Аркадьевна,
кандидат психологических наук, доцент,
Русская христианская гуманитарная академия имени Ф. М. Достоевского
sa-kotova@yandex.ru

РАБОТА С ДОШКОЛЬНИКАМИ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ДИСБАЛАНСА ПОСЛЕ ТЯЖЕЛЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЙ

В статье обсуждается проблема эмоциональных нарушений у детей старшего дошкольного возраста. Дан анализ практических подходов к развитию эмоциональной сферы ребенка. Представлен опыт разработки поддерживающей программы для детей старшего дошкольного возраста, помогающей преодолеть трудности эмоционального реагирования в сложных жизненных ситуациях. Описаны психолого-педагогические условия необходимые для развития социально-коммуникативных навыков и эмоциональной сферы детей «группы риска».

Ключевые слова: дети дошкольного возраста, детская психотравматизация, поведение ребенка, трудности эмоционального реагирования.

LIDUHEN YU. A., KOTOVA S. A.
*WORKING WITH PRESCHOOLERS TO OVERCOME EMOTIONAL IMBALANCE
AFTER DIFFICULT LIFE SITUATIONS*

The article discusses the problem of emotional disorders in older preschool children. The analysis of practical approaches to the development of the child's emotional sphere is given. The article presents the experience of developing a supportive program for older preschool children that helps them overcome the difficulties of emotional response in difficult life situations. The psychological and pedagogical conditions necessary for the development of social and communicative skills and the emotional sphere of children of the "risk group" are described.

Keywords: preschool children, child psychotraumatization, child behavior, difficulties of emotional response.

Реальности современного мира очень быстро повышают запрос на психологический комфорт не только у взрослого населения, но и у детей [1, 3, 5, 10, 12]. Детям, психологическая поддержка и помощь намного нужнее, чем взрослым. У взрослых в ходе жизненного опыта формируется широкий диапазон защитных механизмов, позволяющих адаптироваться к различным параметрам окружающего мира, а у детей эти механизмы только формируются. Нейрофизиологии отмечают высокую гибкость развивающейся ЦНС, что позволяет вырабатывать

ребенку адаптационные психологические механизмы приспособления к окружающим условиям в течении всего дошкольного и подросткового возраста [10, 13]. При этом ученые указывают, что ситуация депривации в ранние периоды развития существенно затормаживает и искажает становление адаптационных механизмов. Так, Й. Лангмейер и З. Матейчек в фундаментальной работе «Психическая депривация в детском возрасте» подробно рассмотрели особенности развития дошкольника в условиях депривации, описали при каких жизненных обстоятельствах и как развивается депривация, какова роль потери родителей в развитии депривации [6].

В ходе ранее проведенного исследования оказалось, что в современных условиях дети в полных семьях менее адаптированы к современным условиям жизни, чем дети из неполных семей [8, 12]. Депривация приводит к развитию поведенческих девиаций: у дошкольников наблюдается демонстративное поведение, тревожность, застенчивость, повышенная эмоциональная реакция на действия и высказывания окружающих, селфхарм, заниженная или завышенная самооценка, а также отказ от каких-то действий на просьбы взрослого (негативизм).

Современные исследования на российских выборках детей показывают противоречивую картину проявления тревожности у дошкольников. В ряде исследований с использованием проективного теста Р. Тэммла, М. Дорки, В. Амена выявлено преобладание среднего уровня тревожности, процент детей с высокой тревожностью в исследованиях довольно высок и имеет значительный разброс — результат колеблется от 35% до 52% [2]. В исследовании Н. Ю. Крутицкой у старших дошкольников 5–7 лет из Санкт-Петербурга был выявлен средний уровень тревожности, а высокой тревожностью отличались дошкольники из поселкового детского сада Ленинградской области [5]. Как показал анализ структурных характеристик семьи, высокой тревожностью характеризуются дети из неполных семей. Данные нашего исследования, проведенного в 2024 г. с детьми дошкольного возраста на базе образовательной организации № 1454 г. Москвы подтвердили эти результаты [7, 8]. По данным целого ряда за рубежных и отечественных исследователей причиной тревожности дошкольника являются следующие факторы: нарушения детско-родительских отношений, наличие внутрисемейного конфликта, связанного с противоречивыми требованиями со стороны взрослых, наложение нескольких стрессовых факторов [1, 2, 3, 9, 11, 12].

Высокий показатель риска развития тревожности и страхов у дошкольников выявил необходимость разработки и внедрения в практику психологической службы дошкольных учреждений специальных групповых профилактических и поддерживающих ребенка программ. Поэтому для оказания психологической помощи детям была разработана программа для детей с повышенной тревожностью по развитию эмоционального интеллекта, сенсорной интеграции и развитию коммуникативных навыков.

В нашей отечественной школе проблемы работы с эмоциональными нарушениями у дошкольников рассматривали О. В. Хухлаева и О. Е. Хухлаева, И. М. Первушина, Н. Л. Кряжева Н. Л., Е. А. Сергиенко, С. А. Котова и др. Были опубликованы программы для работы с детьми дошкольного возраста по разви-

тию эмоциональных реакций и эмоционального интеллекта. Но существующие программы носят развивающий и сугубо профилактический характер.

Анализ научной литературы (Б. Н. Алмазова, Л. А. Грищенко, Р. В. Овчаровой, А. Б. Фоминой и др.) [8, 9] показал, что в профилактике развития отклоняющегося поведения необходимо делать упор не на фрагментарную блокировку отрицательных тенденций в поведении старших дошкольников, а сформированную и последовательную методическую систему работы по психолого-педагогической поддержке детей дошкольного возраста с отклоняющимся поведением. Поэтому предлагаемая программа относится к типу поддерживающей и ориентирована на старших дошкольников, имеющих выраженную тревожность (уровень вторичной профилактики). Также программа создает возможности для более глубокой проработки индивидуальных реакций детей.

Основные задачи программы:

- 1) Проработка тревожных реакций, повышение психоэмоциональной устойчивости детей;
- 2) Содействие инициативе личности дошкольника в различных видах социально-коммуникативной и познавательно-творческой деятельности;
- 3) Создание условий для свободы эмоционального проявления, самостоятельности и чувства значимости.

Программа реализуется совместно педагогом-психологом и воспитателем дошкольной организации. Мотивационное направление работы направлено на положительное изменение внутренних потребностей, интересов и поведения старших дошкольников, связанных с активацией проявлений социально-одобряемого поведения и позитивных личностных качеств в различных видах социально-коммуникативной деятельности в группе и предполагает использование следующих методов работы педагога:

- 1) Формирование интереса к социально-значимым ценностям и труду:

— обучающие дискуссии по темам: «что важнее — собственное мнение или окружающих?», «прав тот, кто сильнее?», «что я могу сделать для окружающих?», «для чего необходимо учиться и трудиться» (о мотивации и организации рациональной познавательной и трудовой деятельности, об отвлекающих факторах выполнения этих видов деятельности), «сочувствие - проявление силы или слабости?»;

— этические беседы: «мои потребности и ценности», «люди без которых мне одиноко», «хочу ли я стать взрослым?», «лень — это...»;

- 2) Содействие инициативе личности дошкольника в различных видах социально-коммуникативной и познавательно-творческой деятельности:

— час чтения, организованный систематически по тематике преодоления тревожности и страха;

— поддержка тревожного ребенка в участии в конкурсах «лучший дежурный месяца», «мир моих увлечений», «лучший изобретатель» и др.;

— детский театр, включающий групповые творческие постановки по написанным старшими дошкольниками сценариям к праздникам, фрагментам из прочитанных произведений, сказок, коммуникативных ситуаций и пр.);

Педагог-психолог проводит в течение года обучающие мини-тренинги: «как научиться управлять собой?» (способы саморегуляции и релаксации), «как справиться с обидой?», «познавая себя» (формирование Я-концепции, осознание положительных и отрицательных сторон своей личности), «Как стать успешным учеником?», «Я понимаю тебя...» (коммуникативная рефлексия состояния Другого). На тренинговых занятиях широко используются арт-терапевтические упражнения по сказкотерапии, куклотерапии, драматерапии, рисованию, коллажированию [4].

В рамках программы проводится и работа с родителями в формате интерактивных тематических родительских собраний «Дети разводов», «Страхи и тревоги дошкольников», «Эмоциональное развитие дошкольника в семье» и индивидуальных консультаций по гармонизации и восстановлению позитивных детско-родительских отношений.

Таким образом целенаправленно и комплексно организованная в течение года партнерская работа воспитателя и педагога-психолога с подключением родителей поможет дошкольнику с риском развития стабилизировать психоэмоциональное состояние, преодолеть эмоциональный дисбаланс и подготовиться к предстоящим нагрузкам школьного обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астапов В. М. Тревожность у детей. М.: ПЕР СЭ, 2019. 160 с.
2. Илларионова И. В. Исследование проявлений тревожности у детей дошкольного возраста в аспекте детско-родительских отношений // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2011. № 3–2. 2011. С. 100–107.
3. Котова С. А., Колесников П. Д. Проблемы социального развития детей в дошкольном возрасте и особенности их реакции на фрустрацию // Психология образования в поликультурном пространстве. 2011. № 13. С. 67–76.
4. Котова С. А. Использование театрализации в ресоциализации детей и подростков с эмоциональными нарушениями // Психотерапия. 2016. № 3. С. 39–44.
5. Крутицкая Н. Ю., Василенко В. Е. Сравнительный анализ эмоционального развития сельских и городских старших дошкольников, посещающих ГДОУ // Научные исследования выпускников факультета психологии СПбГУ. 2013. № 1. С. 127–132.
6. Лангмейер Й., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. Прага: медицинское изд-во Авиценум, 1984. 334 с.
7. Лидухен Ю. А. Помощь детям, пережившим развод родителей в дошкольном детстве // Сборник XVI Всероссийского форума «Педиатрия Санкт-Петербурга: опыт, инновации, достижения» XVI Всероссийской научно-практической конференции «Здоровье и образ жизни учащихся в современных условиях: взгляд врача и педагога». СПб., 2024. С. 105–109.
8. Лидухен Ю. А., Котова С. А. Детство в ситуации развода родителей // Россия — историко-культурные константы и перспективы развития детства: сборник научных трудов Международной конференции «Ребенок в современном мире. Россия — пространство детства: перспективы и вызовы». СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. С. 482–486.
9. Мазурова Н. В., Трофимова Ю. А. Взаимосвязь тревожности детей дошкольного возраста и стиля семейного воспитания // Вопросы современной педиатрии. 2013. № 3. С. 82–88.

10. Семенова О. А., Мачинская Р. И. Возрастные преобразования познавательных функций у детей в возрасте от 5 до 7 лет: нейропсихологический анализ // Культурно-историческая психология: международный научный журнал. 2012. № 2. С. 20–28.
11. Торошина Е. В. Особенности проявления тревожного поведения детей старшего дошкольного возраста // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». 2019. URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018014794> (дата обращения: 13.12.2024).
12. Фаустова И. В. Влияние нарушения детско-родительских отношений на проявление эмоционального неблагополучия в дошкольном возрасте // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22235> (дата обращения: 13.12.2024).
13. Яковенко Е. А., Чутко Л. С., Сурушкина С. Ю., Анисимова Т. И. Нейрофизиологические особенности детей дошкольного возраста с тревожными расстройствами // Сборник тезисов и материалов XXIV конгресса с международным участием «Давиденковские чтения». СПб.: 2022. 396 с.

Паширова Екатерина Сергеевна,
магистрант, кафедра психотравматологии,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского»,
Санкт-Петербург,
pashirova00@mail.ru

Котова Светлана Аркадьевна,
кандидат психологических наук, доцент кафедры психотравматологии,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского,
Санкт-Петербург,
sa-kotova@yandex.ru

СОВАЛАДАНИЕ С ЭМОЦИОНАЛЬНЫМИ НАГРУЗКАМИ У ПСИХОЛОГОВ- КОНСУЛЬТАНТОВ

Рассмотрена проблема повышения качества психологической помощи населению. В статье представлены различные теоретические и практические аспекты изучения последствий опыта преодоления эмоционального присоединения к лицам с психотравмой у психологов-консультантов. Психологи также представляют собой группу риска, поскольку все чаще сталкиваются с психотравматизантами, которые неизбежно оказывают влияние на процесс консультирования, что может сказываться на состоянии специалиста. Представлены результаты комплексного изучения данного феномена. Авторы описывают последствия эмоционального присоединения к лицам с психотравмой для психологов-консультантов.

Ключевые слова: психическая травма, перенос психотравматизации, психолог-консультант, эмоциональное выгорание.

PASHIROVA E. S., KOTOVA S. A.
THE CONSEQUENCES OF THE EXPERIENCE
OF OVERCOMING EMOTIONAL ATTACHMENT TO PERSONS
WITH PSYCHOTRAUMA FROM COUNSELING PSYCHOLOGISTS

The problem of improving the quality of psychological assistance to the population is considered. The article presents various theoretical and practical aspects of studying the consequences of the experience of overcoming emotional attachment to people with psychotrauma from counseling psychologists. Psychologists are also a risk group, as they are increasingly confronted with psychotraumatizers who inevitably affect the counseling process, which can affect the specialist's condition. The results of a comprehensive study of this phenomenon are presented. The authors describe the consequences of emotional attachment to people with mental trauma for counseling psychologists.

Keywords: mental trauma, psychological trauma transfer, counselor psychologist, emotional burnout.

В последние годы на государственном уровне признана необходимость оказания качественной психологической помощи населению. Был разработан и принят законопроект «О психологической помощи населению в Российской

Федерации». Целью федерального закона является обеспечение социальной защищенности и психологического благополучия населения РФ посредством доступа граждан к квалифицированной психологической помощи. Психологи-консультанты становятся все более востребованными в российском обществе для решения психологических проблем и улучшения качества жизни, но эффективность их работы напрямую зависит от уровня профессионального здоровья специалиста.

Работа психолога-консультанта реализуется в социально-напряженной среде, психолог работает с психотравмируемым клиентом, испытывающим как минимум жизненные трудности, как максимум — психическое заболевание или расстройство. Постоянное взаимодействие с такого рода клиентами неизбежно приводит к существенным эмоциональным нагрузкам и необходимостью постоянной профилактики эмоционального заражения проблемами клиента. Изучению данной проблематики посвящено достаточно много работ как за рубежом ученых, так и российских (К. Маслач, С. Джексон, А. Пайнс, Д. Динкмейер, Н. Е. Водопьянова, С. В. Кривцова, Е. А. Мухаматулина, Н. Б. Москвина, М. Ф. Секач, Е. А. Семенова и др.). Тем не менее, аспект влияния именно фактора психотравматизации клиента на консультанта изучен недостаточно. Но именно психотравма оказывает наиболее сильное воздействие на эмоциональную сферу человека.

С целью исследования опыта психологов-консультантов по переработке последствий работы с крайне напряженными эмоциональными состояниями клиентов с психической травмой был разработан диагностический комплекс, в который вошли следующие методики:

1. Опросник профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой)
2. «Шкала учета реакций после нагрузок» (PTSS-10; «Posttraumatic symptom scale 10 item»)
3. Опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (WCQ).

Диагностический комплекс был подобран из потребностей изучения основных факторов, которые приводят к выгоранию или снижению эффективности работы на короткий срок и в долгосрочной перспективе.

Преодоление последствий опыта эмоционального присоединения к лицам с психотравмой у психологов-консультантов часто подразумевает совладание с фрустрацией, субъективными ограничениями, личностными особенностями, неосознаваемыми эмоциональными реакциями, повышением риска выгорания. Чем выше степень эмоционального присоединения к лицам с психотравмой, тем сильнее данный аспект будет влиять на профессиональную практику и личную сферу жизни психолога-консультанта. Всего было опрошено 60 специалистов, средний возраст опрашиваемых около 35–40 лет. Исследование проводилось среди начинающих специалистов, чья практика составляет до 5 лет консультирования (55% респондентов), и более опытных коллег со стажем более 10 лет (45%) на базе информационно-консультационного центра «Психометрика» г. Санкт-Петербурга в 2023–2024 гг.

Рассмотрим результаты по первой методике — опросник «профессионального выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой). По результатам сбора данных были получены следующие результаты, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1.
Результаты опросника «Профессиональное выгорание», в баллах.

Показатель	Стаж 5–7 лет	Стаж более 10	Нормативный показатель
Психоэмоциональное истощение	32	29	31–40 высокий уровень
Деперсонализация (личностное отдаление)	23	10	6–11 низкое значение
Редукция личных достижений (профессиональная мотивация)	40	28	29–38 высокое значение
Психическое выгорание	95	67	76–101 высокое значение

Результаты опросника профессионального выгорания показывают высокий уровень проявления выгорания у значительного числа респондентов, в частности по таким параметрам как «психоэмоциональное истощение» (42%) и «редукция профессиональной мотивации на достижения» (45,5%). Особенно ярко эти признаки проявились в группе начинающих консультантов со стажем до 5 лет. Можно предположить, что сказывается неопытность в применении техник самоконтроля и профилактики. Тем не менее, у консультантов со стажем показатели по вышеуказанным параметрам находятся на границе с уровнем их высокой выраженности.

В диагностический комплекс исследования была включена «Шкала учета реакций после нагрузок» (PTSS-10; «Posttraumatic symptom scale 10 item»), авторы В. Шюффель, Б. Шад, Т. Шанк (модификация О. В. Защириной). Данная шкала позволяет диагностировать выраженность психопсихологической симптоматики. В рамках проводимого исследования важно было рассмотреть ключевые характеристики посттравматического стрессового расстройства, и имеют ли они место быть у психологов, в частности, показателями являются систематическое повторное проживание травмы посредством непроизвольных воспоминаний («flashback»), ночные кошмары, апатия, дереализация, деперсонализация, безразличие себе, людям и миру, избегание действий и ситуаций, которые потенциально могут быть ретравматизирующими, возвращающими к травме. Полученные в исследовании результаты (среднее значение выборки — 20 балла) свидетельствуют о наличии признаков психотравматизации средней степени выраженности. В данном случае показатель не высокий, однако авторы шкалы при таких результатах уже рекомендуют обратиться к специалисту за диагностикой и психологической консультацией.

Важно отметить, что в ходе анализа результатов по подгруппам испытуемых выявились значимые различия. Те, чей стаж был не более 5–7 лет в среднем дали 25 баллов и их психотравматизация оказалась выражена статистически значимо выше, чем у тех, кто имел больший стаж практики (средний результат — 15 баллов). Таким образом, данные по этой методике отражают трудности вхождения в профессиональную деятельность.

Исходя из задач исследования было важным изучить реакции психологов на стресс и определить доминантные копинговые стратегии с помощью классического опросника «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (WCQ). Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Профиль совладающего поведения психологов-консультантов, в баллах.

Показатель	Стаж 5–7 лет	Стаж более 10	Нормативная оценка
Конфронтационный копинг	16	14	13–18 — высокая выраженность копинга
Дистанцирование	17	15	13–18 — высокая выраженность копинга
Самоконтроль	19	23	13–18 — высокая выраженность копинга
Поиск социальной поддержки	18	13	13–18 — высокая выраженность копинга
Принятие ответственности	10	15	13–18 — высокая выраженность копинга
Бегство-избегание	12	12	7–12 — средний уровень адаптационный потенциал личности в пограничном состоянии.
Планирование решения проблемы	15	15	13–18 — высокая выраженность копинга
Положительная переоценка	26	24	13–18 — высокая выраженность копинга
Средний показатель	17, 75	17, 5	высокая выраженность копинга

Из данных, представленных на таблице 2 видно, что среди психологов-консультантов отмечается высокий уровень проявления копинга. Респонденты выбирают такие пути поиска рационального выхода из проблемы, как планирование решения проблемы, самоконтроль и положительная переоценка ситуации. При этом также выявились существенные различия в показателях консультантов, имеющих разный стаж работы. Начинающие специалисты чаще

стремятся к поиску дополнительной социальной поддержки, менее используют самоконтроль, недостаточно принимают на себя ответственность по сравнению с более опытными коллегами.

Результаты исследования показали, что психологи-консультанты действительно испытывают существенные эмоциональные нагрузки. В целом психологи-консультанты демонстрируют высокую способность совладания с эмоциональным выгоранием. Но анализ общего массива данных показывает противоречивость ответов и свидетельствует о наличии стремления специалистов к минимизации оценки процессов деформации и нахождения в контексте социально одобряемых ответов. Но выявленный в исследовании высокий уровень проявления копинга по целому ряду параметров убедительно говорит о необходимости поиска дополнительных условий профилактики и коррекции профессиональной деформации психологов-консультантов. По полученным результатам также видно, что понимание профессиональных рисков и вызовов помогает опытным специалистам на них центрироваться и прорабатывать за счет повышения самоконтроля и техник преобразования. Конечно, начинающие консультанты находятся в существенной зоне риска и нуждаются в профессиональной поддержке и сопровождении. Они часто подвержены эмоциональному истощению в следствии заражения травматической ситуацией клиента. Необходимо создавать дополнительные условия поддержки и сопровождения молодых специалистов. Исследование позволило выявить мишени профилактической работы: развитие навыков самоконтроля и принятия позиции ответственности, повышение значимости личных достижений и овладение техниками самопомощи и творческого преобразования ситуации.

Исходя из полученных в ходе исследования данных, также видно, что особенности реагирования и выработки позитивного опыта преодоления эмоционального присоединения могут быть обусловлены не только стажем работы, но и другими факторами: личностными особенностями, общим состоянием психосоматического здоровья, степенью выгорания и т. д. Результаты исследования показали необходимость продолжения исследований в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. СПб.: Питер, 2004. 154 с.
2. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. «Психическое выгорание» и качество жизни. СПб.: АСТ, 2020. 258 с.
3. Защирина О. В. Психические травмы в межличностных отношениях: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. 172 с.
4. Лобанов А. П. Усталость от сострадания специалистов помогающих профессий // Адукацыя і выхаванне. 2019. № 6. С. 30–35.
5. Паширова Е. С. Последствия опыта преодоления эмоционального присоединения к лицам с психотравмой у психологов-консультантов // Ценности как сердце культуры. Сборник материалов XXIV Свято-Троицких ежегодных

международных академических чтения в Санкт-Петербурге, 22 мая — 1 июня 2024 года. СПб.: Изд-во РХГА им. Ф. М. Достоевского, 2024. С. 274–282.

6. Степанова Л. В. К вопросу об «усталости от сострадания» и эмоционального выгорания: или почему нужна помощь помогающим? М.: Диалог, 2021. 18 с.

7. Фигли Р. Ч. Усталость от сострадания: хроническое отсутствие заботы о себе у психотерапевтов // Журнал клинической психологии, 2013. С. 1433–1441.

8. Форманюк Т. В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации. СПб.: Речь, 2018. 467 с.

9. Хензел Дж. М., Руис К., Финни К., Дьюа К. Метаанализ факторов риска вторичного травматического стресса в терапевтической работе с жертвами травм // Журнал травматического стресса, 2015. № 28. С. 83–91.

10. Чессик С. Перенос и контрперенос // Журнал практической психологии и психоанализа, 2019. № 4. С. 11–13.

ПСИХОТРАВМАТИЗАЦИЯ КАК ПРЕДИКТОР АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У МУЖЧИН

Статья посвящена теоретическому анализу роли психической травматизации в развитии алкогольной зависимости у мужчин. Психическая травма рассматривается как прогностический фактор алкоголизма. Изучение данного вопроса позволяет понять сущность взаимосвязи этих явлений с целью разработки коррекционных мероприятий, направленных на оказание психологической помощи обратившимся.

Ключевые слова: психическая травма, алкогольная зависимость, аддиктивное поведение, психотравмирующие события, алкоголизм, психическая травматизация.

RYBAK M. U.

PSYCHOTRAUMATIZATION AS A PREDICTOR OF ALCOHOL ADDICTION FOR MEN

The article is devoted to the theoretical analysis of the role of mental trauma in the development of alcohol dependence in men. Mental trauma is considered as a prognostic factor of alcoholism. The study of this issue allows us to understand the essence of the relationship between these phenomena in order to develop corrective measures aimed at providing psychological assistance to those who seek help. Keywords: mental trauma, alcohol dependence, addictive behavior, psychotraumatic events, alcoholism, mental trauma.

Keywords: mental trauma, alcohol addiction, addictive behavior, psychotraumatic events, alcoholism.

Важность проблемы злоупотребления алкоголем в наши дни не вызывает сомнений. Одной из характерных черт алкогольной зависимости в России является её высокая распространённость.

В настоящее время Всероссийская Организация Здоровья (Далее — ВОЗ) убрала понятие «алкоголизм» из реестра болезней в международном классификаторе и заменила на «синдром зависимости». В МКБ-10 алкогольной зависимости присвоен код F 10.2. Алкоголизм причисляют к «психическим расстройствам личности». Потребление этилового спирта и специфическое поведение больного человека — это маркеры алкогольной зависимости. Потребление спиртных напитков постоянно растёт. ВОЗ прогнозирует, что к 2050 году на земном шаре будет зафиксировано 0,5 млрд больных [1].

Под термином алкогольная зависимость чаще всего подразумевают заболевание, образующееся вследствие систематического или повышающегося употребления алкогольных напитков. У больного развивается патологическая влечение к алкоголю, которое может перейти в физическую и психологическую зависи-

мость. Алкоголь влияет на организм, происходят изменения в обмене веществ, развиваются психозы, а на поздних стадиях может развиваться деменция.

Хронический алкоголизм (алкоголизм, алкогольная болезнь, зависимость от алкоголя) — прогрессирующее заболевание, возникающее в результате длительного систематического злоупотребления спиртными напитками или их суррогатами, характеризующееся тремя основными проявлениями:

1. изменённая выносливость (толерантность) к алкоголю;
2. патологическое влечение (пристрастие) к алкогольной интоксикации (опьянению);

3. абстинентный синдром — симптомокомплекс психических соматовегетативных, неврологических нарушений, возникающих после резкого падения содержания этанола в крови или прекращения его потребления [2].

Значимыми психогенными воздействиями сопровождается вся жизнь человека. В современном мире всё больше возрастает потребность людей в облегчении последствий стресса, а также влияния психической травматизации. Возможно, обращение к алкоголю и представляет собой одну из неконструктивных стратегий удовлетворения потребности в облегчении влияния последствий стрессов и психотравм.

По мнению З. Фрейда психической травмой может быть «любое событие, которое вызывает мучительное чувство ужаса, страха, стыда, душевной боли» [9]. Такие события, как правило, касаются значимых сторон жизни человека. Также это может быть стрессовая ситуация, которая выходит за рамки обычного человеческого опыта. Психотравму можно соотнести с информационным ударом, разрушающим механизмы оздоровления и развития психики.

Психотравмирующие эпизоды, возникающие в течение всей жизни человека, существенно повышают риск злоупотребления алкоголем и возникновения алкогольной зависимости. Это объясняется тем, что индивид желает снизить важность воспоминаний о тяжёлых событиях и избавиться от связанных с ним переживаний. В этом случае дефицит когнитивных функций, а именно когнитивной гибкости, может приводить к включению неадаптивного поведения.

В ситуациях стресса, у лиц с алкогольной зависимостью отмечается повышенная тревожность, избыточная напряжённость, необоснованные страхи и волнения. Сфера мотивации данных больных непостоянная, безынициативная. Они не проявляют живого интереса к окружающему миру, не стараются менять свою жизнь к лучшему, и обычно не бывают удовлетворены той действительностью, в которой находятся.

Поскольку обращение к алкоголизации — это неконструктивная стратегия реагирования на стресс и травму, лица, зависимые от алкоголя, остро нуждаются в психологической помощи, которая, в свою очередь, требует разработки современных коррекционных мероприятий, которые должны быть направлены на улучшение адаптивности, гибкости, снижение высокого уровня тревожности, а также восстановлению социальных контактов.

В семьях с наличием аддиктивных расстройств хотя бы у одного члена семьи, в данном случае алкоголизма, психотравматизации подвергаются все члены

[4]. В таких семьях часто наблюдается жестокость и насилие, такие семьи представляют собой отдельную категорию семей с высоким уровнем агрессии. У членов таких семей часто развиваются различные признаки посттравматического стрессового расстройства, которое может перейти и в хроническую форму. Впоследствии попытки справиться с травматическими переживаниями могут выливаться в дезадаптивные формы поведения, в различные аддикции, порождать психические и соматические расстройства.

М. Ю Нечин [6] провел исследование с целью изучения у подростков, проходящих реабилитацию в наркологическом диспансере, наличия событий травматического характера и выраженности механизмов диссоциации психики. Изучались подростки:

- а) с коротким периодом злоупотребления алкоголя;
- б) с богатой психотравматическими событиями преморбидной «почвой»;
- в) с тенденцией к раннему формированию алкоголизма.

Факт выявления у ряда подростков психотравматического «наследия» является доводом в пользу психотравматического происхождения явлений диссоциации у больных алкоголизмом. Можно сделать предположение, что эти подростки в скором будущем пополнят ряды больных алкогольной зависимостью. Эти данные дают возможность говорить о том, что употребление алкоголя помогает защититься человеку от тягостных травматических переживаний, преодолеть связанный с ними дискомфорт.

Немецкий профессор Франц Рупперт утверждает, что зависимость, как одна из форм стратегии выживания, помогает избегать конфронтирования с неприятными состояниями, вызванными наплывом отщеплённых чувств, порождённых травмой [8].

В течение жизни человек испытывает как жажду независимости, так и желание близости с другими людьми, и случается так, что дети чувствуют неудовлетворённость своей потребности в близости с родителями. В этом случае связь ребёнка с матерью может стать симбиотической травмой. Это и становится впоследствии причиной зависимого поведения, различных фобий и депрессии.

Работы научного сообщества демонстрируют, что для лиц с алкогольной зависимостью важность в становлении алкоголизма носят переживания психотравматических событий в детстве больного. Действительно, эти события могут быть критическими и объективно напряжёнными, в том числе это могут быть как внешние субъективно-значимые ситуации (потеря родителей и близких людей, воспитание ребёнка в спец. учреждении, сексуальное, психологическое или физическое насилие), так и внешне незначительные ситуации — неспособность ближайшего окружения обеспечить ребёнку атмосферу доверия, защищённости, взаимопонимания, но влияющие на его психологическое и эмоциональное здоровье.

Известно, что главным средством приспособления человека с психической травмой к реальности является диссоциация. Понятие «диссоциация» ведёт происхождение от латинского — «dissociatio» и обозначает разъединение, разделение.

В ситуации алкогольной зависимости, диссоциация может быть связана с попыткой создания видимости контроля над своими действиями и эмоциями. Страдающий человек расщепляет свою личность на две части: одна часть признает проблему и желает избавиться от неё, другая часть продолжает зависимое поведение. Диссоциация предоставляет возможность человеку создавать некую видимость контроля. Так он может продолжать обманывать себя и других людей.

Увеличение количества людей, страдающих от алкоголизма, требует более раннего определения целевых групп для проведения коррекционных мероприятий.

Злоупотребление алкоголем регистрируется в мужских популяциях в 2–3 раза чаще по сравнению с женскими популяциями. Обычно мужчины начинают употреблять алкоголь в более раннем возрасте в отличие от женщин. И форма употребления в социальном контексте зачастую тяжёлая.

Традиционно, у мужчин в условиях острого и хронического стресса отмечается более частое развитие симптомов аддиктивного поведения (алкоголизм, наркомания, поведенческие зависимости), а также более высокий риск проявления антисоциальных личностных расстройств и агрессивных форм поведения. Подобные расстройства личности нередко включают в себя повышенную вовлеченность аутоагрессивных копинг-стратегий преодоления стресса, включая суицидальное поведение [13].

Мужчинам свойственно оберегать свою личность и взгляды на жизнь от влияния окружающей действительности.

Главный способ, которым мужчины осуществляют защиту, — противостояние и враждебность. Бессознательный ментальный снимок враждебного внешнего мира порождает в них сопротивление и озлобленность. При этом выявлено, что мужчины чаще всего используют три копинг-стратегии: планирование решения проблемы, принятие ответственности и конфронтационный копинг [7]. Таким образом, мужчины для модификации действительности и для разрешения проблем используют спонтанные целеполагающие усилия, которые включают системный подход к проблеме; они понимают свою собственную роль в сложившейся ситуации. При этом могут демонстрировать напористость для изменения ситуации, агрессивность и готовность к риску.

При этом господствующие в обществе гендерные стереотипы и шаблоны маскулинности не дают возможность мужчинам просить помощь в трудных жизненных ситуациях. Возникает столкновение между острой необходимостью просьбы о помощи и общепринятыми ролевыми представлениями. В свою очередь, признание необходимости помощи способствует фрустрации. По тем же причинам обращение за помощью мужчины может спровоцировать его субъективную потерю статуса и автономии, может привести к зависимости и идентификационному срыву со всеми возможными последствиями (аддиктивное поведение, аутоагрессивные тенденции, соматические расстройства) [5].

Можно сделать вывод, что мужчины используют в трудных ситуациях менее гибкие и более саморазрушительные копинг-стратегии, а своеобразные особен-

ности полоролевых установок в отношении реакции на психотравмирующие события жизни не дают им возможности обращаться за помощью, что приводит к еще большей уязвимости мужчин перед лицом стресса.

Замечено, что мужчины, зависимые от алкоголя, в основном указывают на определённые факты травматического опыта в детстве (злоупотребление алкоголем или наркотиками родителей, физическое и эмоциональное насилие) [11].

Холодные взаимоотношения в семье взаимосвязаны с затруднением описания своего эмоционального состояния и трактовки эмоциональных изменений. Это приводит к отсутствию у мужчин в дальнейшем необходимой социальной уверенности. Начинает проявляться эмоциональная неуверенность в себе, и, как результат, формируется зависимое поведение.

Результаты зарубежных исследований в качестве ведущего фактора употребления алкоголя (особенно для мужского пола) определяют социальный мотив соответствия [10].

Психоаналитик Л. Вюрсмер полагал, что в основе формирования зависимости лежат нарушения семейных отношений. Автор описал основные факторы нарушения эмоционального общения и соответственно разновидности семей, где проявляются данные нарушения общения матери и ребёнка [14].

Например, семьи «с травматизацией детей». Дети, пережившие насилие, могут впоследствии ассоциировать себя как с агрессором, так и с жертвой. Тяжёлые чувства вины, душевной боли, стыда, различных страхов и бессилия, возникающие после насилия, могут привести к злоупотреблению алкоголем и наркотиками в подростковом возрасте.

Или «навязчивая» семья. Авторитарные, властные родители постоянно контролируют поведение ребёнка, что может вызывать у него злость, стыд и сопротивление. Часто они имеют амбициозные, далёкие от реальности планы на своё чадо. В такой ситуации появляется маска сомнительной идентичности, двойственные роли, которые дети используют в качестве защиты. Неверные идентификации и несоответствия своему настоящему «Я», может компенсировать употребление алкоголя и наркотиков.

«Лживая» семья. Вследствие непрерывной лжи основной эмоцией у детей становится чувство стыда. Развивается деперсонализация, теряется чувство реальности происходящего. Усиливается отстранённость, исчезает доверие и понимание. Это может явиться одним из факторов начала употребления ПАВ

«Непоследовательная, ненадёжная» семья. Это семьи с таким сценарием, где сегодня определённые действия приветствуются, а завтра эти же действия уже критикуются. В результате повреждается устойчивость сверх-Я. Это и может впоследствии разрушить естественную социализацию ребёнка и привести к злоупотреблению алкоголем.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что исследование роли психотравматизации в нарушении психического здоровья — одна из наиболее значимых проблем психологии. Многие психические и психосоматические заболевания часто возникают после серьёзных травматических событий, пережитых

человеком. Анализируя исследования, представленные выше, можно сделать заключение о взаимосвязи психотравматизации и алкогольной зависимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы возрастной наркологии: материалы науч.-практ. Конф. Челябинск: ГОУ ДПО УГМАДО, 2007. 149 с.
2. Гофман А. Г. Клиническая наркология. М.: Клиническая наркология, 2017. 376 с.
3. Защиринская О. В. Преодоление травматического стресса. Рабочая тетрадь. СПб.: Питер, 2024. С. 60–61.
4. Игнатъев П. Д., Защиринская О. В. Алкогольная зависимость как причина семейной психотравматизации // Педиатрия Санкт-Петербурга: опыт, инновации, достижения. Здоровье и образ жизни учащихся в современных условиях: взгляд врача и педагога. Сборник материалов XIV Всероссийского форума и XIV Всероссийской научно-практической конференции. СПб. 2022. С. 145–151.
5. Коган Б. М., Дроздов А. З., Дмитриева Т. Б. Механизмы развития соматических и психопатологических стрессовых расстройств (половые и гендерные аспекты) // Системная психология и социология. 2010. № 1. С. 106–120.
6. Нечин М. Ю. Детская психическая травма у подростков с ранним началом алкогольной зависимости // Тюменский медицинский журнал. 2016. № 3. С. 16–21.
7. Сунцова Я. С. Особенности психологических защит и копинг-стратегий мужчин и женщин // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2014. № 3. С. 50–60.
8. Франц Рупперт. Симбиоз и автономность. Расстановки при травме. Симбиотическая травма и любовь по ту сторону семейных переплетений. М.: ИКСР, 2015. С. 154–158.
9. Фрейд З., Брейер Й. Исследования истерии. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=275268&r=1> (дата обращения: 04.05.2024).
10. Cooper M. L. Motivations for alcohol use among adolescents: Development and validation of a four-factor model // Psychological Assessment. 1994. Vol. 6(2). — P. 117–128.
11. Felliti V.J., Anda R. F., Nordenberg D., Williamson D. F. et al. Relationship of childhood abuse and household dysfunction to many of the leading causes of death in adults // The Cost of Child Maltreatment: Who Pays? We All Do / Eds K. Franey, R. Geffner, R. Falconer. San Diego, CA: Family Violence and Sexual Assault Institute, 2001. P. 53–69.
12. Goel N., Tracy Bale L. Examining the intersection of sex and stress in modeling neuropsychiatric disorders. J Neuroendocrinol. 2009 March; 21(4): P. 415–420.
13. Moller-Leimkuhler A. M. The gender gap in suicide and premature death or: why are men so vulnerable? Eur Arch Psychiatry Clin Neurosci. 2003 Feb;253(1): P. 1–8.
14. Wursmer L. Flucht vor dem Gewissen. Berlin, Heidelberg: Springer Verlag, 1993, 358 p.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ДОВЕРИЯ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ (К ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ)

В статье приводятся данные исследования общественного мнения о доверии граждан к политической сфере в целом и политическим институтам — в частности. Автор выявляет главные проблемы и тенденции в общественном мнении относительно политической сферы. На основании опроса и его результатов делается вывод об осведомленности населения о происходящих в стране политических процессах и явлениях. Результаты работы подтверждают необходимость проведения мониторинга общественного мнения с целью получения достоверной, своевременной и достаточной информации о процессах, происходящих в различных сферах жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: общественное мнение, доверие, политическая сфера, политические институты, власть, население.

CHERNIKOV A. L.

RESEARCH OF PUBLIC OPINION IN THE FORMATION OF TRUST IN THE POLITICAL SPHERE (POLITICAL INSTITUTIONS)

The article presents the data of the public opinion survey on citizens' trust in the political sphere in general and political institutions in particular. The author identifies the main problems and trends in public opinion regarding the political sphere. Based on the survey and its results, a conclusion is made about the population's awareness of the political processes and phenomena taking place in the country. The results of the work confirm the need to monitor public opinion in order to obtain reliable, timely and sufficient information about the processes taking place in various spheres of society.

Keywords: public opinion, trust, political sphere, political institutions, power, population.

Актуальность исследования социальных и психологических элементов доверия в политической сфере определяется тем, что доверие является главным фактором успеха органов власти [1].

На современном этапе жизни общества, когда информационные технологии развиваются стремительными темпами, люди стали более информированными и на этой основе — более требовательными как непосредственно по отношению к политическим институтам, так и к средствам массовой коммуникации (СМИ), которые формируют общественное мнение и отношение к этим институтам [3].

Обладая информацией о текущих политических проблемах — как в своей стране, так и в мировом сообществе, люди относятся более критично к политикам и их обещаниям.

Представители власти, в свою очередь, благодаря социальным сетям и другим средствам коммуникации, имеют возможность получать больше информации о мнении населения, анализировать ее. Именно поэтому политические лидеры должны учитывать психологические особенности своего электората и выстраивать свою работу на принципах открытости, честности и способности вызывать доверие [2, 4].

Работа над формированием доверия избирателей требует учета социальных стандартов и ценностей, а также использования различных психологических приемов для создания положительного имиджа лидера.

Доверие как феномен политической жизни стало объектом исследования только во второй половине XX века. Вопрос остается малоизученным, открывается перспективная область исследования, позволяющая решать концептуальные вопросы политической практики доверия. Значимость данного феномена как социальной проблемы и как механизма заключается в том, что оно обеспечивает социальный порядок [5, 6].

В теоретическом контексте различные авторы определяют феномен доверия как один из главных компонентов взаимодействия власти и общества. Механизм доверия, проявляющийся через эмоциональные связи между людьми и институтами, представляет собой фундамент общественного устройства. Когда личность или группа отождествляет себя с определенными представителями власти или политическими организациями, возникает особая форма устойчивых взаимоотношений, основанная на поддержке и признании. При этом теоретическое осмысление различных уровней доверия играет важную роль в понимании этого сложного социального явления, обеспечивающего стабильность общественного порядка [2].

Исследователь Э. Гидденс выделил личностное и институциональное доверие как основные категории. Первый тип доверия направлен на конкретных людей и формирует личные обязательства. Второй тип доверия связан с социальными институтами и абстрактными системами, порождая безличные обязательства. Такой подход позволяет рассматривать доверие как многоуровневый феномен, проявляющийся как в межличностных отношениях, так и в институциональных взаимодействиях [3].

Повышение эффективности государственного управления на всех уровнях власти является в настоящее время приоритетной задачей, от решения которой зависит развитие Российской Федерации в целом и региональных сообществ в частности. Необходимость анализа и оценки эффективности государственного управления, как на федеральном, так и на региональном уровне актуализирует проблему поиска и использования новых методологических подходов для комплексного изучения особенностей экономического положения и социального самочувствия населения отдельных субъектов РФ [1].

Мониторинг общественного мнения позволяет получить достоверную, своевременную и достаточную информацию о процессах, происходящих в различных сферах жизнедеятельности общества. Мера включения оценок и суждений общественности в практические решения органов власти и управления являет-

ся показателем открытости общества, уровня развития в нем важнейших прав и свобод, наконец, одним из критериев демократичности политического устройства государства

Нами было проведено пилотажное исследование с целью определения выраженности отдельных компонентов политического доверия у населения Санкт-Петербурга.

Метод исследования — опрос. Для проведения исследования был составлен авторский опросник, включавший закрытые вопросы: респондентам были предложены варианты ответов, при этом у них была возможность выбрать и записать вариант собственный вариант ответа.

В исследовании приняли участие 72 человека, из них 50 человек — это пользователи Интернета (группа А), откликнувшиеся на приглашение к участию в исследовании. Состав этой группы: самозанятые, руководители, секретари, слесарь-сантехник, юристы, фармацевты, индивидуальные предприниматели, программисты, библиотекари и др.

Вторую группу (группа Г) составили сотрудники организации, занимающиеся поставкой и монтажом лифтового оборудования, строительством, бухгалтерией. Также в эту группу вошли студенты, домохозяйки и пенсионеры. Респонденты второй группы отвечали на вопросы очно, большинство из них знакомы между собой.

Различие между группами определялось количеством респондентов (50 человек в первой группе и 22 человека во второй) и величиной социальной дистанции — в первой группе она шире, во второй — уже. Распределение отвечающих по полу и возрасту было примерно одинаковым. Среди опрошенных преобладают женщины. Наибольший процент опрошенных — это респонденты в возрастной категории 30–55 лет, данный возраст считается наиболее осознанным для понимания доверия к политическим институтам.

Задачи исследования:

- выявление основных проблем и тенденций в общественном мнении относительно политической сферы;
- оценка уровня информированности населения о политических процессах и событиях;
- определение степени влияния различных источников информации (СМИ, социальные сети, эксперты) на формирование общественного мнения;
- анализ отношения населения к различным политическим институтам и деятелям;
- изучение ожиданий и требований населения к органам власти в контексте политических процессов;
- разработка рекомендаций и предложений по улучшению взаимодействия органов власти с населением и формированию доверия к политической сфере.

Результаты исследования. На вопрос о том, в какой сфере более других важно проявление доверия, респонденты обеих групп ответили, что в межличностных отношениях: в группе А так ответили 54%, в группе Г — 59%. опрошенных.

Этот результат говорит о том, что люди склонны доверять, и хотят доверять, но лишь в той сфере, где они лично могут проявлять и регулировать доверие к тому или иному субъекту.

На вопрос о том, какой источник информации о политических институтах является наиболее надежным, большинство респондентов ответили, что это официальные сайты и документы. Исходя из полученных ответов, можно также сказать, что люди перепроверяют официальную информацию по независимым СМИ.

Также респондент отвечали на вопросы, касающиеся наиболее достоверной информации, которая позволяет формировать доверие к власти и политическим институтам. По мнению ответивших, наиболее правильным будет изучение отчетов о работе органов государственной власти.

Что касается основных факторов, влияющих на доверие в политической сфере, то здесь, как отмечается в литературе, важным является эффективность принимаемых решений со стороны органов власти [3]. Наши респонденты в обеих группах подтвердили это положение и отметили важность участия граждан в политическом процессе и прозрачность в работе органов власти.

В ходе опроса интересным фактом стали ответы на вопрос «Что вам больше всего нравится в деятельности политических институтов?». Респонденты группы А ответили, что решение социальных проблемы (32%), а в группе Г этот ответ выбрали больше респондентов — 39,1%. Но при этом большое число респондентов ответили, что в деятельности органов власти не нравится ничего (группа А — 26%, группа Г — 47,8%). Данный показатель является существенным, так как свидетельствует о том, что существуют проблемы в реализации мероприятий по решению важных вопросов, волнующих население, а также у населения есть трудности с взаимодействием и доверием к власти.

Стоит отметить, что уровень доверия к политическим партиям в стране в группе А выше, чем в группе Г (46% и 26%). Мы это объясняем тем, что в первой группе среди отвечающих было больше людей, занятых активной трудовой деятельностью, а в группе Г оказалось достаточно студентов, домохозяек и пенсионеров. Работающие люди, вероятно, более независимы, поскольку имеют стабильный заработок, социальный статус и защищенность в контексте своей профессии.

Например, респонденты, занимающие должность фармацевта или библиотекаря, как правило, работают в более стабильных и высокооплачиваемых профессиях, что может способствовать их большему доверию к политическим институтам. У них есть уверенность в своем будущем в отличие от студентов, пенсионеров и домохозяек, что может отражаться на восприятии ими политической ситуации. Также с точки зрения образования и информированности респонденты группы «А» возможно имеют более высокий уровень образования или профессиональную подготовку. Данный фактор способствует лучшему пониманию политических процессов и, соответственно, большему доверию к ним.

Далее стоит рассмотреть ответы на вопрос о том, какую позицию в плане возможного взаимодействия с политическими институтами занимают респон-

денты обеих групп. Распределение ответов на этот вопрос в двух группах тоже отличается. Так, респонденты группы А (40%) готовы участвовать в выборах и обращениях, а респонденты группы Г (8,7%), наоборот, не готовы принимать участие, но хотят наблюдать и оценивать, не проявляя никаких действий. Мы полагаем, что такая позиция может быть обусловлена разными факторами. Так как группу А образуют самозанятые, руководители отделов, фармацевты, индивидуальные предприниматели, программисты, библиотекари и так далее, то данные профессии часто связаны с более высоким уровнем образования и стабильным доходом. То есть люди этой группы могут чувствовать себя более уверенно в своих возможностях влиять на политические процессы. Данный факт побуждает их к активному участию. В сравнении с ними респонденты группа Г (пенсионеры, студенты, домохозяйки) могут испытывать финансовую нестабильность или недостаток времени для участия в политических действиях.

Например, чаще всего пенсионеры чувствуют некую изолированность от политических процессов, а студенты сосредоточены на учебе и не могут пока влиять на политику. Также представители группы А чаще всего имеют опыт взаимодействия с государственными структурами, что формирует у них доверие и желание участвовать в политике. Соответственно положительный опыт формирует позитивные ожидания от действий органов власти. Они ждут конкретных изменений, которые повлияют на их профессиональную жизнь и карьеру. А вот представители группы Г могут быть более пессимистичны в отношении того, что политические изменения действительно произойдут, и поэтому предпочитают просто наблюдать за процессами.

Таким образом, можно сказать, что проведение исследований общественного мнения служит информационно-аналитической базой для формирования обоснованной социальной политики и оценки её достижений. Исследования позволяют определять оценки населением политической и экономической ситуации в стране и регионе, восприятие людьми актуальных проблем современной политической жизни, отношение людей к политическим институтам, партиям, к политическим лидерам. Опираясь на мнения опрошенных, можно сказать, что правильные и честные действия представителей власти способны со временем создать прочный фундамент доверительных отношений.

Этот процесс невозможен без получения и систематизации информации, ведь только на основе конкретных знаний формируется определенное отношение к объекту или субъекту. В целом, доверие к органам власти — это сложный механизм сопоставления ожидаемых и фактических решений властных структур. В структуре доверия четко прослеживаются два главных момента: прагматическая составляющая, отражающая практический потенциал реализации обещанных мер, и эмоциональный компонент, характеризующий субъективное восприятие благонамеренности принимаемых решений.

Формирование доверительных отношений между властью и обществом происходит постепенно через многоступенчатый процесс взаимодействия и требует продолжительных усилий со стороны как государства, так и общественных движений и партий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глебов Н. А. Проблема доверия населения к органам власти в России // Исследования молодых ученых: материалы XVI Междунар. науч. конф. Казань: Молодой ученый, 2021. С. 59–62.
2. Казаков О. В. Разработка методического подхода к исследованиям в общественно-политической сфере на основе анализа диалогов с голосовым помощником // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 2. С. 169–179.
3. Киселев В. О. Трансформация представлений о доверии как социальном конструкте в общественно-политических науках // Грамота. 2015. № 3. С. 98–102.
4. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Измерение политического доверия в условиях современной демократии // Управленческое консультирование. 2021. № 10. С. 22–34
5. Патцельт В. Переживает ли политическая наука кризис? // Политическая наука, 2018. № 1. С. 68–92.
6. Рубан В. А., Литвиненко М. О. Развитие системы оценки эффективности государственного управления в Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2018. № 3. С. 61–66.

УДК 159.99

Киреев Сергей Иванович,

магистр психологии, старший преподаватель кафедры психологии, Русская
христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского,
настоятель храма Воскресения Христова с. Городня
ilia.k2022@mail.ru

АДАПТАЦИЯ И ВАЖНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты адаптации военнослужащих к условиям военной службы, актуальность изучения которых связана с высокой социальной значимостью военного дела. Исследуются ключевые факторы, влияющие на адаптацию, основные этапы адаптации, ее типы и особенности. Особое внимание уделено роли психологического сопровождения, его задачам и методам, таким как диагностика, консультирование, профилактика и реабилитация. Рассмотрены примеры успешных отечественных и зарубежных программ адаптации военнослужащих и эффективность использования когнитивно-поведенческой терапии. Отмечена значимость психологического сопровождения в повышении устойчивости к стрессу и успешной интеграции военнослужащих в профессиональную среду. Сделан вывод о необходимости разработки эффективных программ психологической поддержки для повышения адаптационного потенциала военнослужащих.

Ключевые слова: адаптация, психологическое сопровождение, военнослужащие, дезадаптация, стресс, психическая устойчивость.

KIREEV S. I.

ADAPTATION AND THE IMPORTANCE OF PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR MILITARY PERSONNEL

The article examines the theoretical and applied aspects of the adaptation of military personnel to the conditions of military service, the relevance of which is associated with the high social importance of military affairs. The key factors influencing adaptation, the main stages of adaptation, its types and features are investigated. Special attention is paid to the role of psychological support, its goals and methods, such as diagnosis, counseling, prevention and rehabilitation. Examples of successful domestic and foreign adaptation programs for military personnel and the effectiveness of cognitive behavioral therapy are considered. The importance of psychological support in increasing stress tolerance and successful integration of military personnel into the professional environment was noted. It is concluded that it is necessary to develop effective psychological support programs to increase the adaptive potential of military personnel.

Keywords: adaptation, psychological support, military personnel, maladaptation, stress, mental stability.

Геополитические тенденции последних лет спровоцировали повышение интереса к изучению различных аспектов психических состояний и явлений воен-

нослужащих, а также повышение необходимости выявления учеными способов оптимизации данных феноменов с целью повышения эффективности работы вооруженных сил. Одним из подобных феноменов является процесс адаптации. Проблема адаптации является крайне актуальной: социологические исследования демонстрируют нарушения адаптационного характера у 60% призывников. [5, с. 437] Учитывая высокую социальную значимость военного дела для сохранения целостности государства и защиты его населения, адаптация военнослужащих к специфическим условиям их профессиональной деятельности является одной из основных целей, на достижение которой должны быть направлены силы военных психологов. Одним из возможных способов достижения данной цели является применение различных форм и методов психологического сопровождения.

Исходя из вышесказанного, целью данного параграфа является определение понятия адаптации, исследование различных типов адаптации и адаптационных процессов, а также определение важности психологического сопровождения в повышении адаптации военнослужащих.

Как уже было определено ранее, психологическое сопровождение является вариантом профессиональной психологической деятельности, направленной на создание оптимальных социально-психологических условий для успешного выполнения деятельности сопровождаемым [11, с. 55]. В данной работе наш интерес направлен именно на сопровождение служебной деятельности военнослужащими, выступающими в роли сопровождаемых.

Известно, что основной, глобальной целью состава вооруженных сил является выполнение поставленных повседневных и боевых задач в процессе службы, [5, с. 55] однако своевременные и результативные действия военнослужащих в ответ на поставленную командирами задачу возможно только в случае высокой степени их адаптированности к особенностям военной действительности [10, с. 121]. Учитывая данный факт, целью психологического сопровождения, помимо прочих, является разработка и оптимизация психологических программ, нацеленных на успешную адаптацию военнослужащих, а также профилактика социально-психологической дезадаптации [10, с. 121]. Соответственно, основными задачами психологического сопровождения военнослужащих в процессе их адаптации являются: [11, с. 57]

1. Оценка степени адаптации солдат к реалиям военной службы, а также к выполнению повседневных и боевых задач;
2. Мониторинг военнослужащих с целью выявления дезадаптированных субъектов;
3. Оказание психологической помощи военнослужащим с признаками дезадаптации;
4. Психологическая профилактика дезадаптации среди военнослужащих.

По мнению Татьяченко Н. П., можно выделить два типа факторов, влияющих на процесс адаптации военнослужащих: объективные и субъективные. Объективными факторами называются те факторы, которые существуют объективно, вне личности солдата: условия боя, характеристики используемого оружия, пе-

ремены в ходе боя, уровень его опасности для жизни военнослужащего, характеристики командиров, динамика внутри коллектива и прочее. Субъективные же факторы — это субъектные, личностные и индивидуальные характеристики военнослужащего, оказывающие положительное или отрицательное воздействие на процесс его адаптации [13, с. 171].

Безусловно, на большую часть объективных факторов психолог повлиять не в силах, однако специалист, проводя работу с командованием, может способствовать уменьшению количества негативных объективных адаптационных факторов, объясняя важность справедливого командования, недопустимости оскорблений и унижения военнослужащих со стороны вышестоящего руководства, а также профессионального распределения с учетом индивидуальных особенностей солдат для их успешной адаптации [13, с. 171]. Так, психологическое просвещение — одна из форм психологического сопровождения, является важнейшей формой психологического сопровождения, способствующей успешной адаптации военнослужащих.

Субъективные факторы, способствующие адаптации военнослужащего, такие как умение управлять собственным поведением и реакциями, способность к саморегуляции [13, с. 171], способность принимать и осваивать уставные нормы, а также степень резильентности, или жизнестойкости [4, с. 235], могут быть развиты как в процессе индивидуальной работы с психологом, так и в процессе следования психологической программе, разработанной с учетом необходимости комплексного воздействия на вышеперечисленные личностные характеристики и навыки. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что психологическое сопровождение играет ключевую роль в процессе успешной адаптации военнослужащих, а также в профилактике их дезадаптации.

Процесс адаптации тесно связан с понятием стресса. Адаптация, то есть приспособление организма, происходит в ответ на объективно возникающие неблагоприятные условия среды (стрессоры), которым он не соответствует в данный момент времени и которые вызывают у него стрессовую реакцию. [1, с. 35] Различают три основных уровня адаптации в зависимости от характера стресса: [1, с. 35]

1. Филогенетический

Адаптация к изменяющимся условиям среды;

2. Социокультурный

Адаптация к социальным, экономическим и культурным изменениям;

3. Онтогенетический

К данному уровню относят адаптацию к задачам онтогенетического развития; к нормативным и ненормативным жизненным происшествиям; к хроническому стрессу; к повседневным гомеостатическим нарушениям (повседневным трудностям).

В ответ на стрессовую ситуацию, нарушающую гомеостаз человека, возникает реакция первичной оценки, то есть восприятия объективных факторов ситуации. Далее происходит вторичная оценка, в процессе которой человек посредством самовосприятия оценивает свои возможности преодолеть возникшие

трудности [1, с. 31]. На основе первичной и вторичной оценки человеком избирается стратегия, нацеленная на совладание с ситуацией — копинг-стратегия [1, с. 36]. Успешная адаптация возможна только в том случае, если выбранная человеком копинг-стратегия является функционально адекватной для возникшей ситуации не только в краткосрочной, но и в долгосрочной перспективе. [1, с. 40]. Соответственно, для успешной и быстрой адаптации человека уровень его стресса не должен превышать его возможности; также важными факторами является уверенность человека в собственных возможностях совладания с ситуацией, а также широкий репертуар копинг-стратегий, которые используются адекватно обстоятельствам. На все вышеперечисленные факторы психолог может оказывать влияние посредством использования форм и методов психологического сопровождения, эффективность которых была многократно доказана в научных работах зарубежных и отечественных исследователей. Так, известно, что методы когнитивно-поведенческой психотерапии повышают уровень надежды человека, а также степень его веры в позитивный исход ситуации, что благоприятно воздействует на способность к эмоциональной регуляции, снижает тревогу и количество катастрофизирующих руминаций, что способствует его адаптации [21, с. 14]. Когнитивно-поведенческая терапия также показывает высокую эффективность в укреплении психологической устойчивости. Согласно данному подходу, психологические дисфункции, вызванные стрессом, такие как тревога, злоупотребление алкоголем и наркотическими веществами, депрессивные состояния, являются результатом дисфункционального мышления: при столкновении с различными стрессорами человек может вести себя дезадаптивно и/или испытывать негативные эмоциональные состояния по причине наличия иррациональных когнитивных схем. То есть, согласно когнитивно-поведенческому подходу, не сам стрессор ведет к стрессовой реакции, но дезадаптивные когниции [17, с. 2]. Исходя из данной теории, реорганизация когнитивной деятельности посредством психологической работы увеличит психологическую устойчивость человека к стрессу, как и степень его адаптивности [17, с. 3].

Важнейшим этапом при работе с адаптацией является психологическая диагностика. По мнению Г. П. Юркевич, одним из наиболее распространенных методов диагностики адаптационных способностей является анкетирование, позволяющее выявить внутри-личностные факторы адаптации: степень осознания человеком своего статуса, социальной значимости профессиональной деятельности, принятия социальных ролей [15, с. 139]. Метод наблюдения позволяет оценить степень адаптивности личности в ситуации выполнения ответственных поручений с высокой степенью важности [15, с. 140]. Личностный опросник Г. Айзенка является эффективным в прогностической оценке адаптационных способностей посредством выявления личностных черт, оказывающих воздействия на адаптационный процесс [15, с. 140]. Стоит также отметить методику «Прогноз» для оценки нервно-психологической устойчивости, разработанная в ЛВМА им. С. М. Кирова [8, с. 96].

Для помощи личности в адаптации к новым условиям психологом могут быть использованы индивидуальные и групповые формы психологического вме-

шательства. Индивидуальное консультирование позволяет психологу оценить личность человека и выявить качества, препятствующие успешной адаптации, после чего психолог может помочь в поиске внутренних ресурсов, необходимых для совладания, определить новые способы решения проблемной ситуации, что повысит адаптационный потенциал личности [11, с. 29]. Групповая работа с адаптацией будет особенно полезна в сфере военного дела, поскольку помимо вышеперечисленных преимуществ индивидуального консультирования групповые формы психологического взаимодействия оказывают сплочающее и объединяющее воздействие на участников группы, а также способствуют формированию доверительных отношений. В качестве групповых форм работы психологом могут быть использованы тренинги, а также групповое консультирование [12, с. 30].

Психологическая диагностика военнослужащих, направленная на осведомление военных о собственных психологических особенностях, а также на раннее выявление признаков дезадаптированности; психологические интервенции в форме индивидуального и группового консультирования, а также проведение тренингов: все перечисленные психологические мероприятия являются необходимыми мерами для психологической профилактики дезадаптированности в вооруженных силах [10, с. 123]. Необходимо также отметить важность психологического просвещения новобранцев об адаптации к новой деятельности и роли, а также о способах совладания. Психологическое просвещение может проходить в форме лекций и тренингов. Помимо просветительской работы с новобранцами важнейшим элементом психопрофилактики является просвещение командного состава о явлении адаптации новобранцев, особенностях их поведения в период адаптации, о методах формирования мотивации на службу, а также о возможных формах оказания психологической помощи дезадаптированным новобранцам до момента вмешательства психолога и проведения им мероприятий, нацеленных на психологическую реабилитацию [10, с. 123].

Психологическая реабилитация — это комплекс мер, направленных на восстановление психического благополучия человека и его реадаптацию посредством организации его взаимодействия с ближайшим социальным окружением и специалистами психологического и/или медицинского профиля [13, с. 47]. На процесс психологической реабилитации оказывают влияние субъектные факторы, проявляющиеся в социально-психологических особенностях личности пострадавшего; институциональные факторы, проявляющиеся в отношениях пострадавшего с обществом, ближайшим окружением, психологами и медиками; объектные факторы, проявляющиеся в методах психологического воздействия, оказываемого специалистом на пострадавшего [3, с. 48]. Для успешной реадаптации личности психологическая реабилитация должна быть системной, комплексной и интегративной, то есть сочетать в себе различные подходы к реабилитации [3, с. 48].

Поскольку перед человеком может возникнуть необходимость адаптироваться в различных сферах жизни, разберем виды адаптации исходя из жизненных сфер, в которых возникает потребность в данной адаптации:

1. Социокультурная адаптация

Социокультурная адаптация определяется как процесс трансформации человека с целью соответствия правилам и нормам новой для него социокультурной реальности. [14, с. 119] Удовлетворенность собственной жизнью и включенность в социокультурную среду являются неотъемлемой частью социокультурной адаптации и составляют ее внутреннюю и внешнюю стороны соответственно. Отличительной особенностью социокультурной адаптации является ее аксиологический характер: в основе данной адаптации лежит ценностный и смысловой разрыв между адаптантом и средой, а процесс устранения данного разрыва может быть весьма труден для человека. [14, с. 119] Так, при вхождении в другую культуру у человека может возникнуть «культурный шок» — своеобразный психологический дискомфорт, возникающий от восприятия и осознания данного разрыва. Социокультурная адаптация может возникать при переездах и миграциях, и ее позитивным результатом является интеграция в общество и формирование позитивной идентичности. [14, с. 120]

2. Профессиональная адаптация

Профессиональная адаптация понимается исследователями как процесс вхождения человека в новую профессиональную реальность с новыми для него правилами и условиями, интериоризация профессиональных ценностей, принятие основ данной профессиональной деятельности (целей, задач, методов, социальной значимости), а также формирование собственных мотивов и целей в профессии. [15, с. 29] Профессиональная адаптация является одной из вариаций социальной адаптации и подразумевает приспособление адаптанта к распорядкам коллектива и установление социальных отношений внутри него, удовлетворенность которыми является критерием успешной профессиональной адаптации наряду с успешным выполнением рабочей деятельности [9, с. 29].

3. Адаптация в учебных заведениях

Адаптацию в учебных заведениях можно определить как приспособление студента к новой форме образовательной деятельности. Например, поступление студента в высшее учебное заведение сопровождается возникновением большого количества различных стрессоров, таких как новые формы и методы обучения, смена режима труда и отдыха, питания и сна, а также константное когнитивное и эмотивное напряжения. Пик адаптации, как правило, приходится на 1–2 курсы обучения. Исход адаптации студента во многом зависит от согласования уровня его притязаний и возможностей с требованиями, выдвигаемыми новой реальностью [2, с. 81].

Адаптация военнослужащих, аналогично вышеупомянутым видам адаптации, является процессом приспособления военнослужащего к условиям прохождения военной службы, однако, адаптация военнослужащих имеет несколько отличительных особенностей. Адаптация военнослужащих, согласно Нероновой О. В., разделяется на первичную и вторичную адаптацию. Первичной является вхождение новобранца в коллективы учебных подразделений, а вторичной — в боевых [7, с. 58]. Для успешной адаптации необходимо формирование гармоничных отношений на трех социальных уровнях: на уровне

«подчиненный-начальник»; на уровне «сослуживец-сослуживец»; на уровне «новобранец-воинский коллектив» [7, с. 58]. Неронова О. В. выделяет три этапа адаптации военнослужащих: [7, с. 58]

1. Ориентировочная

Данный этап характеризуется процессом оценки новобранцем личностных характеристик командного состава и отдельных сослуживцев и формированием определенных форм взаимодействия с ними. На ориентировочном этапе новобранцы отличаются исполнительностью, усердием и старательностью в выполнении указаний начальства.

2. Критическая

Для критической стадии характерно возникновение конфликтов военнослужащих, как с начальством, так и с другими сослуживцами или даже группами сослуживцев.

3. Завершающая

На завершающем этапе военнослужащий полностью интегрирован в среду, имеет устойчивые модели поведения и сформированное отношение к процессу военной службы.

Военнослужащий является успешно адаптированным, если он успешно выполняет служебную деятельность, не имея длительных межличностных и внутриличностных конфликтов, а также чувствует себя самодостаточным и проявляет творческие способности в процессе несения службы [7, с. 58].

На сегодняшний день в Российской Федерации не существует единой государственной психологической программы, нацеленной на адаптацию и реадaptацию военнослужащих. Среди подобных программ меньшего масштаба можно выделить программу «#МЫ ВМЕСТЕ с Героями», созданную общероссийским проектом помощи во время кризисных ситуаций «#МЫ ВМЕСТЕ». Программа нацелена на социальную реадaptацию ветеранов СВО и оказание помощи как ветеранам, так и членам их семей [6].

В Соединенных Штатах Америки существует несколько программ, нацеленных на адаптацию и укрепление психической устойчивости. К примеру, программа «ComprehensiveSoldier&FamilyFitness», разработанная для адаптации военнослужащих к эмоциональным, физическим и психологическим нагрузкам, [22] и программа «OperationalStressControlandReadiness (OSCAR)», нацеленная на развитие психической устойчивости и совладанию со стрессом в период службы. [20, с. 1].

Современные психологические исследования адаптации разнообразны и фокусируются на различных аспектах данного феномена. За последние 10 лет наибольшее количество работ по проблеме адаптации были написаны в связи с возникновением глобальных социальных и геополитических проблем, требующих приспособления человека к новым обстоятельствам. Большое внимание уделяется исследованиям социокультурной адаптации, в особенности мигрантов, что объясняется актуальностью данного вопроса: в 2013 году международной организацией миграции задокументировано 214 миллионов случаев миграции, что на 40% превышает количество случаев миграции, задокументиро-

ванных за 2000 год. Данный вопрос глубоко изучен в работе Бена Куо [18, с. 16]. Немалое количество работ было написано по проблеме адаптации к COVID-19 и к новой реальности, наступившей после распространения болезни: локдаун, социальная изоляция, экономический кризис, переход на дистанционные формы работы/обучения и так далее. К примеру, психический дистресс и адаптация к COVID-19 в США были исследованы Майклом Дэли и Эриком Робертсоном в 2020 году [16, с. 603]. Также исследователей интересует проблема адаптации человека к климатическим изменениям, поскольку данные изменения являются серьезной экзистенциальной, физической и психологической угрозой для него. Одно из исследований данной темы было проведено Робертой Маиелла и ее коллегами, в ходе которого была исследована взаимосвязь психического дистанцирования и экологического активизма [19, с. 1].

Резюмируя вышесказанное, в данном параграфе был проведен подробный обзор теоретических основ адаптации, включающий существующие подходы к определению адаптации, обзор типов адаптации и факторов, влияющих на адаптацию человека; было дано определение психологического сопровождения и идентифицированы цели и задачи психологического сопровождения при работе с адаптацией; была определена важность психологического сопровождения для успешной адаптации, а также для преодоления стресса и укрепления психической устойчивости; были подробно описаны формы психологического сопровождения, используемые при работе с адаптацией, включая психологическую диагностику, консультирование, психологическую профилактику и реабилитацию; были рассмотрены особенности адаптационного процесса в зависимости от жизненных сфер, в которых происходит адаптация; были приведены примеры успешных отечественных и зарубежных программ адаптации военнослужащих; произведен обзор актуальных исследований в области психологии адаптации за последние 10 лет. Исходя из проведенного обширного анализа теории адаптации, можно с уверенностью сказать, что разработка эффективной программы психологического сопровождения является наиболее актуальной проблемой и единственно верным решением для устранения существующих в вооруженных силах проблем с адаптацией военнослужащих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абабков В. А., Пере, М. Адаптация к стрессу: основы теории, диагностики, терапии. СПб.: Речь, 2004. 166 с.
2. Александрович П. И. Психологическая адаптация студентов к обучению в высшем учебном заведении // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2015. № 5. С. 80–84.
3. Булгаков А. В. Психологическая реабилитация: возвращение к реальности. М.: Московский государственный областной университет, 2018. 148 с.
4. Васюк А. Г. Социально-психологическое сопровождение процесса адаптации военнослужащих // Самарский научный вестник. 2021. № 2. С. 234–237.
5. Мухаметжанов А. М., Смагулов Н. К., Жаутикова С. Б., Умер Ф. У., Жиенбаева К. М. Актуальные вопросы адаптации военнослужащих срочной службы к военной профессиональной деятельности // Фундаментальные исследования. 2013. № 7–2. С. 436–439.

6. Мы вместе с Героями. Адаптация военнослужащих. URL: <https://xn--b1agazb5ah1e.xn--p1ai/adaptation#поруп:infoblock12> (Дата обращения: 10.01.2025).
7. Неронова О. Э. Специфика адаптации военнослужащих к службе в армии // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. № 3–2. С. 58–59.
8. Овчаренко А. Г. Диагностика адаптационного потенциала личности // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». № XIII. 2020. С. 95–97.
9. Петрова А. С., Шелепова М. А. Профессиональная адаптация молодых специалистов ОВД: понятие и пути совершенствования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 3. С. 29–33.
10. Позднякова Н. А. Профилактика дезадаптированности военнослужащих по контракту // Педагогическое образование в России. 2015. № 11. С. 120–124.
11. Самойлина Т. Г. Психологическое сопровождение военнослужащих срочной службы войск специального назначения // Северо-Кавказский психологический вестник. 2011. № 4. С. 55–59.
12. Соловьева Е. В. Адаптация студентов-первокурсников в новой образовательной среде как предмет психологического консультирования // Russian Journal of Education and Psychology. 2019. № 6. С. 24–31.
13. Татьянченко Н. П. Адаптация военнослужащих по призыву к условиям службы // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 7. С. 170–171.
14. Тужба Э. Н. Адаптация личности в условиях новой социальной среды: теория исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11. С. 117–121.
15. Юркевич Г. П. Методы исследования социально-психологической адаптации личности // Система ценностей современного общества. 2009. № 5–2. С. 138–141.
16. Daly Michael, and Eric Robinson. “Psychological distress and adaptation to the COVID-19 crisis in the United States.” *Journal of psychiatric research* vol. 136 (2021). Pp. 603–609.
17. Helmreich Isabella et al. “Psychological interventions for resilience enhancement in adults.” *The Cochrane Database of Systematic Reviews* vol. 2017,2 CD012527. 2 Feb. 2017.
18. Kuo Ben. (2014). Coping, acculturation, and psychological adaptation among migrants: a theoretical and empirical review and synthesis of the literature. *Health Psychology and Behavioral Medicine: an Open Access Journal*. 2. 16–33. 10.1080/21642850.2013.843459.
19. Maiella, R., La Malva, P., Marchetti, D., Pomarico, E., Di Crosta, A., Palumbo, R., Cetara, L., Di Domenico, A., & Verrocchio, M. C. (2020). The Psychological Distance and Climate Change: A Systematic Review on the Mitigation and Adaptation Behaviors. *Frontiers in psychology*, vol 11: 1–14
20. Nash, William. (2006). Operational Stress Control and Readiness (OSCAR): The United States Marine Corps Initiative to Deliver Mental Health Services to Operating Forces. 11.
21. Sahranavard, Sara et al. “The effectiveness of stress-management-based cognitive-behavioral treatments on anxiety sensitivity, positive and negative affect and hope.” *BioMedicine* vol. 8,4 (2018): 23.
22. Welcome to comprehensive soldier & family fitness. URL: <https://web.archive.org/web/20131111225903/http://csf2.army.mil/> (Дата обращения: 10.01.2025).

ОСОБЕННОСТИ САООТНОШЕНИЯ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ У ЛЮДЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ДОМА

В статье представлены результаты пилотажного исследования специфики отношения к себе и межличностных отношений у бездомных людей. Исследование показало, что самоотношение бездомных характеризуется высоким уровнем самообвинения и внутренней конфликтности и низким уровнем отраженного самоотношения, но высоким уровнем самопривязанности. В сфере отношений с окружающими людьми у бездомных выявлен низкий уровень доминирования, а также общая внутренняя дисгармония, трудности и дезадаптивное поведение по каждому из диагностируемых типов межличностных отношений.

Ключевые слова: бездомность, бездомные, самоотношение, межличностные отношения, самообвинение, внутренняя конфликтность, самопривязанность, социальная дезадаптация, психологическое исследование, пилотажное исследование.

SATYKOVA T. I.

FEATURES OF SELF-ATTITUDE AND INTERPERSONAL RELATIONS IN PEOPLE LEFT HOMELESS

The article presents the results of a pilot study of the specifics of self-attitude and interpersonal relationships among homeless people. The study showed that the self-attitude of homeless people is characterized by a high level of self-blame and internal conflict and a low level of reflected self-attitude, but a high level of self-attachment. In the sphere of relationships with people around them, homeless people have a low level of dominance, as well as general internal disharmony, difficulties and maladaptive behavior for each of the diagnosed types of interpersonal relationships.

Keywords: Homelessness, homeless people, self-attitude, interpersonal relationships, self-blame, internal conflict, self-attachment, social maladjustment, psychological research, pilot study.

Введение. Бездомные — это люди, не имеющие определенного места жительства и постоянного жилья. В число бездомных попадают преимущественно бывшие заключенные, которым не удается найти работу и жилье, выпускники детских домов, люди с социальными девиациями (в первую очередь, алкоголики), жертвы мошенников, работающих с недвижимостью, и беженцы. Лишь совсем немногие из бездомных оказываются в такой ситуации по собственному выбору (в частности, из-за бродяжничества) [1; 6].

Проблема бездомности фактически гораздо масштабнее, чем просто отсутствие крыши над головой. У людей, оказавшихся на улице, зачастую нет не только жилья, но и необходимых документов, постоянной работы и, как следствие, средств к существованию. Государственные пенсии и пособия им, как правило,

не выплачиваются из-за отсутствия документов. Большинство работодателей не хотят брать их на работу, а если и берут, то на низкооплачиваемые подработки, которые не соответствуют ни их навыкам, ни их желаниям, и даже за эти подработки им могут не заплатить [1].

Бездомные систематически находятся в неблагоприятных условиях, будучи вынужденными ночевать в подъездах, сараях, на теплотрассах и т. п. и нигде не чувствуя себя в безопасности. Как правило, они не могут постирать одежду и переодеться, что сказывается на их внешнем виде и запахе и вызывает неприязнь окружающих. Многие из них вынуждены искать еду в мусорных баках, а утешение — в алкоголе и наркотиках. Жизнь в таких условиях зачастую приводит к проблемам с соматическим и психическим здоровьем [1, 2, 4].

Почти все бездомные воспринимают свое положение как критическое и хотят его изменить. Они стремятся улучшить свою жизнь, но их попытки обычно заканчиваются провалом. Это происходит в значительной мере из-за того, что общество стигматизирует и отвергает их, не давая им возможности изменить свою жизнь [1; 2; 4; 5].

Перечисленные особенности жизнедеятельности и социального положения бездомных не могут не отразиться на их отношении к себе и другим. Однако на сегодняшний день специфика самоотношения и межличностных отношений бездомных изучены недостаточно.

Материалы и методы. Пилотажное исследование особенностей самоотношения и межличностных отношений у людей, оставшихся без дома, было проведено на базе центра помощи для бездомных автономной некоммерческой организации «Центр развития социальных проектов Тюменской области «Милосердие» в городе Тюмень в 2024 году.

В исследовании приняли участие 18 бездомных мужчин и женщин в возрасте от 42 до 70 лет — подопечных центра помощи АНО ЦРСПТО «Милосердие». В контрольную группу вошли 18 человек, имеющих постоянное место жительства, сопоставимых по возрасту и полу.

Психологическая диагностика испытуемых проводилась по методике исследования самоотношения «МИС» Пантеева [3] и по методике диагностики межличностных отношений Лири в адаптации Собчик («ДМО») [5].

Основной метод математической обработки — статистическое сравнение выборок по непараметрическому U-критерию Манна-Уитни.

Результаты и их обсуждение. Результаты статистического сравнения контрольной и экспериментальной групп по параметрам самоотношения представлены в таблице 1, обнаруженные статистически значимые различия — на рисунках 1–4.

Таблица 1. Параметры самоотношения бездомных в сравнении с контрольной группой

	U Манна-Уитни	Уровень стат. значимости	Среднее в группе бездомных	Среднее в контрольной группе
Внутренняя честность	126,5	0,25	6,6	5,9
Самоуверенность	138	0,44	5,8	6,3
Саморуководство	155	0,82	7,0	6,6
Отраженное самоотношение	79	0,01**	4,2	6,0
Самоценность	129	0,29	5,8	6,7
Самопринятие	106,5	0,07	7,3	6,3
Самопривязанность	85,5	0,01**	6,9	5,3
Внутренняя конфликтность	9	0,000***	7,8	4,0
Самообвинение	27	0,000***	8,5	4,6

Условные обозначения: ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$

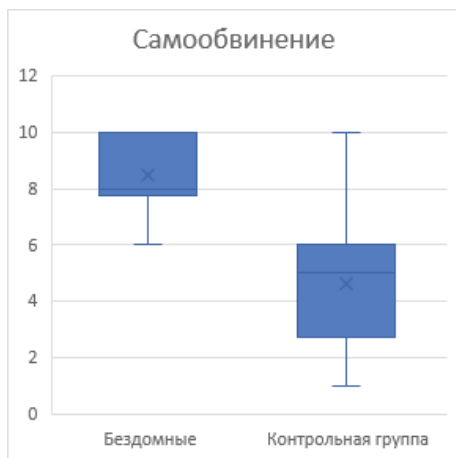

Рис. 1. Уровень самообвинения в контрольной и экспериментальной группах испытуемых

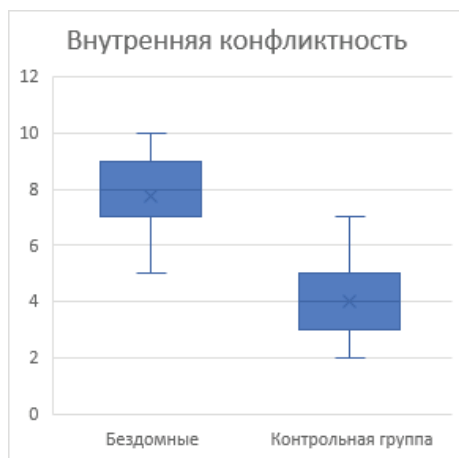

Рис. 2. Уровень внутренней конфликтности в контрольной и экспериментальной группах испытуемых

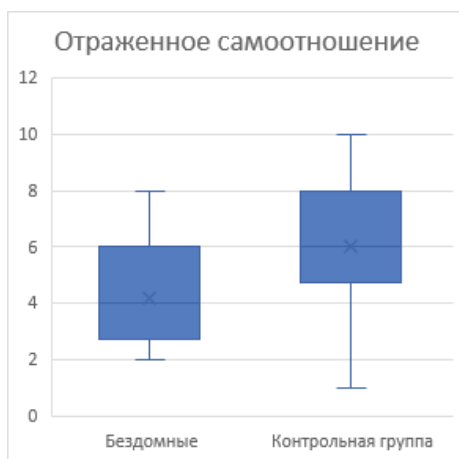

Рис. 3. Уровень отраженного самоотношения в контрольной и экспериментальной группах испытуемых

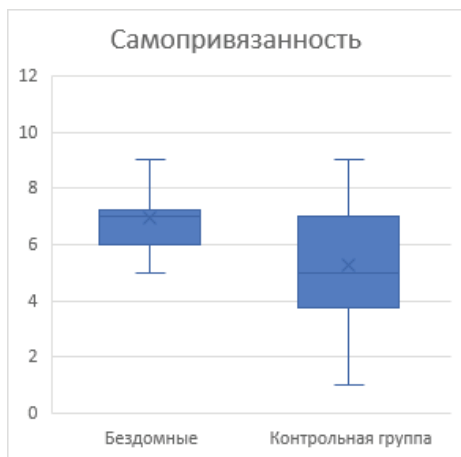

Рис. 4. Уровень самопривязанности в контрольной и экспериментальной группах испытуемых

Как видно из таблицы и диаграмм, согласно результатам проведенного эмпирического исследования, самоотношение лиц, оставшихся без дома, характеризуется следующими четырьмя особенностями:

1. Высокий уровень внутренней конфликтности ($p \leq 0,001$).
2. Высокий уровень самообвинения ($p \leq 0,001$).
3. Низкий уровень отраженного самоотношения ($p \leq 0,01$).
4. Высокий уровень самопривязанности ($p \leq 0,01$).

Полученные данные свидетельствуют о том, что наиболее ярко выраженными особенностями самоотношения бездомных людей является высокая степень выраженности самообвинения и внутренней конфликтности. Отношение бездомных к себе окрашено отрицательными эмоциями, самооценка занижена. Они систематически переживают чувство вины, укоряя себя как за собственные недостатки, так и за произошедшие неудачи. На общем негативном эмоциональном фоне по отношению к себе они постоянно сомневаются, спорят и не соглашаются с самим собой.

Со стороны других людей бездомные так же ожидают к себе не положительного отношения, а антипатии, неодобрения, неуважения и непонимания, что, по-видимому, приводит к самостигматизации бездомных.

Вместе с тем, наряду с перечисленными негативными аспектами самоотношения, у бездомных обнаруживается повышенный в сравнении с контрольной группой уровень самопривязанности. Эта особенность самоотношения проявляется как нежелание меняться, ригидность Я-концепции, привязанность к ней на фоне общего положительного отношения к себе. По-видимому, повышенный уровень самопривязанности у людей, оставшихся без дома, формируется в качестве защитного механизма самосознания личности.

Таким образом, в целом самоотношение бездомных людей является противоречивым, включающим преимущественно негативные, но также и позитивные компоненты, предположительно компенсаторные по своему происхождению.

Результаты статистического сравнения контрольной и экспериментальной групп по параметрам межличностных отношений представлены в таблице 2, выявленные статистически значимые различия — на рисунках 5 и 6.

Таблица 2. Параметры межличностных отношений бездомных в сравнении с контрольной группой

	U Манна-Уитни	Уровень стат. значимости	Среднее в группе бездомных	Среднее в контрольной группе
Властный	101	0,05*	7,3	4,7
Независимый	72	0,004**	7,8	4,6
Агрессивный	22	0,000***	9,9	5,2
Недоверчивый	26,5	0,000***	9,0	3,6
Покорный	9	0,000***	11,6	5,1
Зависимый	28,5	0,000***	9,8	3,7
Сотрудничающий	54	0,001***	10,5	6,6
Великодушный	40	0,000***	11,2	5,9
Оценка реального я (доминирование)	89,5	0,02*	-3,9	1,8
Оценка реального я (дружелюбие)	122,5	0,21	3,5	2,4
Оценка идеального я (доминирование)	159,5	0,94	5,6	5,5
Оценка идеального я (дружелюбие)	135	0,39	5,6	8,2

Условные обозначения: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$

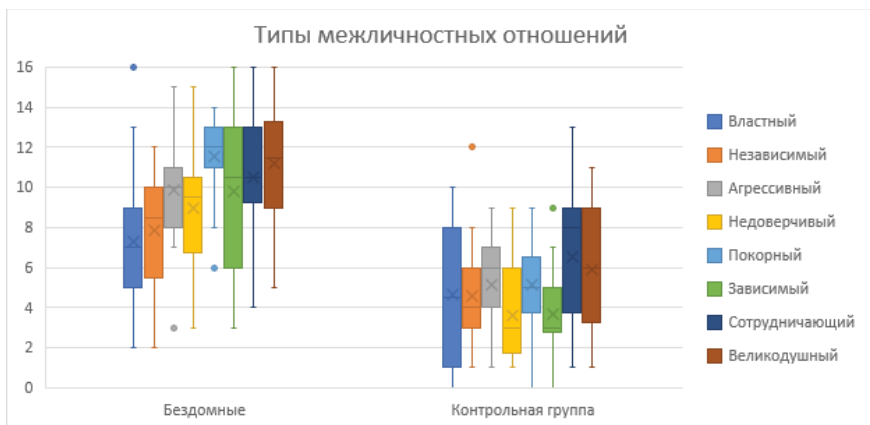

Рис. 5. Типы межличностных отношений в контрольной и экспериментальной группах испытуемых

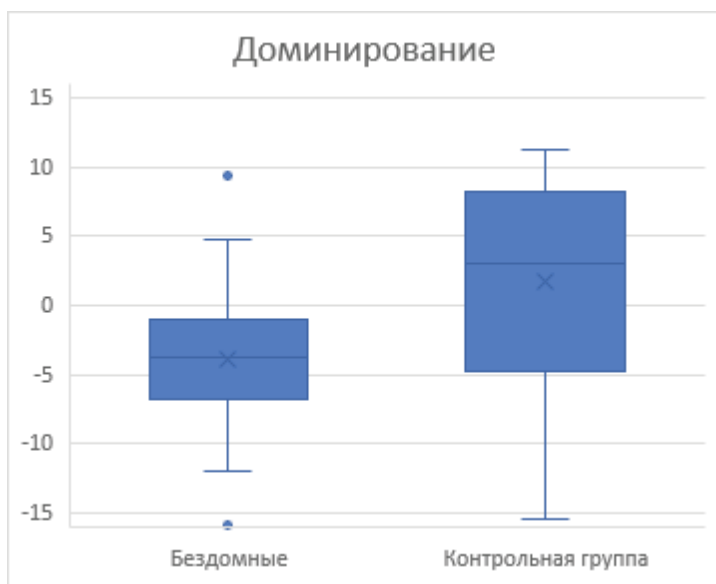

Рис. 6. Уровень доминирования в межличностных отношениях при оценке реального «Я» в контрольной и экспериментальной группах испытуемых

Как видно из таблицы и диаграмм, по результатам статистического сравнения выборок были обнаружены следующие особенности межличностных отношений бездомных людей:

1. Низкий уровень доминирования ($p \leq 0,05$).
2. Высокая степень выраженности черт каждого из типов межличностных отношений, диагностируемых по тесту Лири (властный тип — $p \leq 0,05$; независимый тип — $p \leq 0,01$; остальные типы — агрессивный, недоверчивый, покорный, зависимый, сотрудничающий, великодушный — $p \leq 0,001$).

Низкий уровень общего доминирования во взаимоотношениях с окружающими, обнаруженный у бездомных, свидетельствует об их склонности к подчинению, к отказу от ответственности и от позиции лидерства. При этом такая склонность характерна только для их «реального Я» и не характерна для «идеального Я». Следовательно, выявленная склонность к подчинению в межличностных отношениях не является для них добровольной и желательной. Вероятно, она формируется в процессе социально-психологической адаптации бездомных к негативному отношению социума к ним на фоне их собственного, преимущественно отрицательного, отношения к себе. Это предположение согласуется с предварительными результатами корреляционного анализа, согласно которым уровень доминирования у бездомных положительно связан с самоуверенностью.

Высокие баллы почти по каждому из диагностируемых типов межличностных отношений, включая противоположные, свидетельствуют об акцентуации соответствующих свойств личности у бездомных, об их внутренней дисгармонии и о сложностях в сфере межличностных отношений. Если в контрольной группе средние показатели по типам межличностных отношений соответствуют преимущественно умеренной степени выраженности каждого из них (4–7 баллов) и адаптивному поведению, то в группе бездомных — высокой степени выраженности типов межличностных отношений (7–12 баллов) и экстремальному поведению.

Согласно полученным данным, к числу наиболее резко выраженных отличий группы бездомных от контрольной группы ($p \leq 0,001$) относится высокая степень выраженности черт агрессивного и недоверчивого (подозрительного), а также покорного (подчиняемого) и зависимого типов межличностных отношений. Следовательно, во взаимоотношениях с окружающими бездомные чаще, чем обычные люди, проявляют раздражительность, вспыльчивость, недовольство, склонность во всем обвинять других, подозрительность, замкнутость, и в то же время неуверенность, тревожность, пассивность, зависимость от мнения окружающих, склонность подчиняться более сильному, конформность, искреннюю уверенность в том, что другие всегда правы.

Подозрительное и враждебное отношение к другим людям у бездомных может быть связано с пережитым опытом взаимодействия с обществом и окружающими людьми. Помимо того, что практически все бездомные пережили опыт стигматизации, общественного порицания и отвержения, многие из них в прошлом становились жертвами буллинга и насилия.

В свою очередь, покорность и зависимость у бездомных могут быть обусловлены негативными аспектами самоотношения, в результате которых бездомные оценивают себя ниже других людей, считая других более достойными, более компетентными и т. д., что способствует отказу бездомных от притязаний на равенство с другими в системе социальных связей.

Вместе с тем, согласно результатам проведенного исследования, в межличностных отношениях для бездомных гораздо больше, чем для обычных людей, свойственен альтруизм (великодушный тип межличностных отношений,

$p \leq 0,001$). Следовательно, в сравнении с обычными людьми они обладают значительно более выраженной склонностью сострадать и помогать другим, эмоционально вовлекаться в их проблемы, быть жертвенными и принимать на себя ответственность за других. В ряде случаев великодушные бездомных может быть поверхностным. Но также можно предположить, что сострадание и помощь другим людям у бездомных представляет собой своего рода психологическую компенсацию дефицита сострадания и помощи со стороны социума и окружающих людей, пережитого ими самими.

Таким образом, в целом межличностные отношения у людей, оставшихся без дома, как и их самоотношение, являются дисгармоничными, деформированными и отражают их общее психологическое неблагополучие.

Выводы. Результаты проведенного пилотажного исследования особенностей самоотношения и межличностных отношений у людей, оставшихся без дома, позволяют заключить, что:

1. Самоотношение бездомных характеризуется высоким уровнем самообвинения и внутренней конфликтности и низким уровнем отраженного самоотношения, но высоким уровнем самопривязанности. Таким образом, в целом самоотношение бездомных является противоречивым, включающим преимущественно негативные, но также и позитивные компоненты (вероятно, компенсаторные).

2. В сфере отношений с окружающими людьми у бездомных обнаруживается низкий уровень доминирования, а также общая внутренняя дисгармония, трудности и дезадаптивное поведение по каждому из диагностируемых типов межличностных отношений. В целом межличностные отношения бездомных являются дисгармоничными, деформированными и отражают их общее психологическое неблагополучие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Г. В. Процесс маргинализации личности бездомных людей: результаты интервью и предварительные выводы // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 3. С. 97–103.
2. Витко Ю.С., Лебедева А. А. Практики работы с бездомными: перспективы возвращения «невидимой» личности // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 4. С. 146–169. DOI: 10.17759/sps.2021120409
3. Клевцов А.А., Клевцова А. А., Рыбалко В. О. Энциклопедия психодиагностики. [Электронный ресурс]. — URL: <https://psylab.info/>
4. Ключева Н. Ю. Психология бездомного и бездомности // Сибирский психологический журнал. 2011. № 41. С. 15–19.
5. Собчик Л. Н. Психология индивидуальности: теория и практика психодиагностики. — СПб.: Речь, 2008. — 621 с.

6. Федосеева Т. Е., Иванова И. А. Исследование мотивационно-потребностной сферы бездомных как фактора их социально-психологической адаптации // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 67–2. С. 342–345.

7. Швецова М. Н., Лазаренко К. А. Просоциальное поведение женщин без определенного места жительства // Проблемы современного образования. 2020. № 2. С. 30–37.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ КАТЕГОРИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПСИХОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье раскрывается понятие ответственности в профессиональной деятельности с точки зрения рассмотрения отечественных источников. Подробно описывается само понятие ответственности, взгляды на него различных наук, сравнение позиций авторов и конкретно их определения понятия ответственности. В статье также изучается история изучения феномена ответственности в психологии. Рассматривается формирование чувства ответственности как личностного свойства в онтогенезе. Кроме того, в работе рассматривается история изучения ответственности в контексте психологического сопровождения и обеспечения профессиональной деятельности и проводится сравнительный анализ подходов к исследованию личностных характеристик сотрудников на примере ответственности. Описываются значимые взаимосвязи между проявлениями ответственности в различных профессиях и сферах деятельности, таких как: руководители низшего, среднего и высшего звеньев, сотрудники уголовно-исполнительной службы России, сотрудники МЧС России и психологи. Основной проблемой является недостаточная изученность данного феномена в целом и в определенных профессиях, а также нехватка методов и конкретных регламентирующих аспектов для определения ответственности в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: ответственность, профессиональная деятельность, сотрудники организаций, специфика ответственности в различных профессиях, корреляция профессиональной ответственности и разных факторов.

IVANOVA K. I.

PSYCHOLOGY OF RESPONSIBILITY IN PROFESSIONAL ACTIVITIES

The article reveals the concept of responsibility in professional activity from the point of view of considering domestic sources. The concept of responsibility itself is described in detail, the views of various sciences on it, a comparison of the positions of the authors and specifically their definitions of the concept of responsibility. The article also examines the history of the study of the phenomenon of responsibility in psychology. The formation of a sense of responsibility as a personal property in ontogenesis is considered. In addition, the work examines the history of the study of responsibility in the context of psychological support and professional activity and provides a comparative analysis of approaches to the study of personal characteristics of employees using the example of responsibility. The significant interrelations between the manifestations of responsibility in various professions and fields of activity are described, such as: managers of lower, middle and higher levels, employees of the criminal executive service of Russia, employees of the Ministry of Emergency Situations of Russia and psychologists. The main problem is the lack of knowledge of this phenomenon in general and in certain professions, as well as the lack of methods and specific regulatory aspects for determining responsibility in professional activities.

Keywords: responsibility, professional activities, corporate employees, the specifics of responsibility in various professions, correlation of professional responsibility and various factors.

В данной статье рассматривается одна из актуальных проблем в психологии, а именно, проблема ответственности в профессиональной деятельности. Ответственность в понимании деятельности, а именно, профессиональной представляет собой универсальное профессионально важное качество, которое необходимо в абсолютно любой области деятельности [1 с. 7]. Однако, понятие ответственности изучено с разных сторон и, в целом, единого общего определения не имеет, поскольку используется в разных научных областях. Также ответственность, как свойство личности, в разных науках и разных профессиях и должностных положениях рассматривается по-разному. В современном обществе все также присутствует необходимость понимания структуры чувства ответственности, как свойства личности человека, рассмотрение и понимание его функционирования, связи с другими чувствами, свойствами и характеристиками для формирования понимания корреляции ответственности и характеристик профессиональной деятельности, в том числе, с возможным дальнейшим использованием при подборе сотрудников в те или иные организации. Специалистам в организационной психологии важно понимать проявление ответственности у представителей различных профессий, ее развитие у них и повышение ее уровня. Профессиональная ответственность отражает особенности поведения конкретной личности в трудовой деятельности, ее отношение к своим профессиональным обязанностям, а также соблюдение принятых организацией норм и правил [1, с. 6]. Сама по себе ответственность также лежит в основе социальной активности личности, в том числе и рассматриваемой в данной работе, профессиональной активности, ответственность дает возможность определить горизонты целей и планирования, реализацию всей жизненной программы личности [1, с.6].

Рассматривая исторический, культурный, философский и многие другие контексты определения представленного понятия, важно отметить, что, например, Ожегов С. И. [8, с. 599] пишет о том, что: ответственность можно брать на себя, ответственность может лежать на ком-либо, можно нести ответственность за кого-то, снимать с себя или другого ответственность и привлекать к ней. Мы имеем пять вариантов взаимодействия с ответственностью, данных в словаре и расширенных кратким уточнением, которые раскрывают вариации действий с данным понятием. Важный момент, о котором необходимо сказать, рассматривая субъектную позицию: субъект всегда активен в этой ситуации, независимо от того, навязали ему эту ответственность извне или он взял ее на себя по своему желанию, активность субъекта, берущего ответственность, всегда осознанна. В социологии ответственность можно рассмотреть, как взаимоотношение личности, группы и общества, это, в той или иной степени, адаптация к правилам и нормам, представленным в группе, обществе [10, с. 2]. В педагогике ответственность — субъективное качество личности, которое также является основополагающим и может отражать социальную направленность [7, с. 98]. В юриспруденции, как данное понятие рассматривается и в Конституции Российской Федерации, ответственность воспринимается как обязанность кого-либо, например, субъект ответственности здесь — тот, кто нарушил нормы и правила, принятые в обществе.

Таким образом, ответственность, во-первых, связана с нравственной составляющей личности, с обязательствами перед кем-то, чем-то и самим собой, это также качество личности, ответственность точно связана с кем-то, также она является тем, о чем можно говорить.

Важным также является рассмотрение отношений между людьми в ситуации проявления ответственности, а именно субъект-субъектных отношений. Независимо от стадий деятельности, исследователя, описавшего ответственность, областей психологии и прочего неизменным остается тот факт, который обозначает обязательные объективную и субъективную стороны. То есть, имеющаяся ответственность, например, моральная, так или иначе, связана с обществом, следовательно, это совокупность требований, которые должны быть объективными, предъявляемых обществом к конкретным людям и выражающих необходимость общества. Психологическое содержание здесь весьма субъективно, поскольку ответственность должна быть своеобразным состоянием сознания. Рассмотрим субъектно-деятельностный подход, в котором, как писал Быков С. В. [1, с. 28] «параметр «ответственность» включается в критерий субъектности»; субъект — тот, кого можно рассмотреть на максимальном именно для него уровне автономности, целостности и активности.

Ответственность невозможно сделать безличной, она просто не может быть такой по причине того, что она всегда тесно связана с субъектом, как пишет в своей работе Кашапова Г. И. Однако если есть субъект, то должен быть и объект, за который субъект как раз и несет ответственность, что ему нужно сделать, что он взял на себя сам или на него это возложили. Из имеющейся взаимосвязи существует две важных перспективы рассмотрения, связанных с тем, что у ответственности есть временная перспектива, включающая в себя ретроспективный аспект — то действие, за которое нужно взять ответственность, которое уже было совершено, и перспективный аспект — действие, которое еще только будет совершено, но за него надо будет взять ответственность. Если рассматривать любые социальные отношения, то это всегда субъект-субъектные отношения. Причина, по которой происходит именно так, достаточно проста: если есть субъект ответственности, тот, который ее несет, должен быть и тот, перед кем эту ответственность нести, следовательно, тоже субъект. Безусловно, такое субъект-субъектное отношение всегда является предметным и реализуется оно через объекты ответственности. Главным в ответственности является вышеупомянутое отношение субъекта и объекта, «его предпосылки и динамика» К. Муздыбаев [1, с. 10].

При проведении возрастно-психологического анализа развития ответственности, как личностного свойства, в онтогенезе, необходимо обозначить, что для того, чтобы личность стала субъектом ответственности, необходимо наличие многократного выбора поступков этой личностью, которые в большей или меньшей степени способствуют ее развитию. Именно возможность выбора определенной линии поведения — самая главная предпосылка формирования и развития ответственности.

В статье проведен анализ двух упоминаемых работ, а именно Быкова С. В. и Муздыбаева К. Быков С. В. рассматривает ответственность таким образом:

во-первых, ответственность может быть принята личностью с адекватным уровнем ответственности только в том случае, когда эта личность в состоянии реально что-то изменить и оказать влияние на имеющиеся обстоятельства. Это здравая оценка ситуации и готовность по-настоящему действовать и чего-то достигать только в том случае, если это вообще возможно. Также идеи С. В. Быкова выражают еще один важный аспект, который можно объяснить так, что представленная личность может достичь успеха и самоэффективности только тогда, когда ее ответственность станет ее интегральным и устойчивым качеством личности, которое признает все сферы ее жизни, которые, как и было сказано в самом начале данного абзаца, проявляются в степени адекватности каждой ситуации, осознания необходимости действия в этой ситуации и самого действия [1, с. 30]. Учитывая ранее описанную идею о наличии предпосылки формирования и развития ответственности личностью, выражающуюся в выборе конкретной линии поведения, надо отметить, что с этим объяснением связана еще и достаточно значимая проблема для личности, проблема выбора своего «Я», то есть выбор между «быть» и «казаться», но выбор в сторону второго состояния приводит к отказу от ответственности, что очень сильно отдаляет человека от субъектной позиции, рассматриваемой ранее. Таким образом, ответственность — «личностный интеграл способа самовыражения, типа активности «Я», движущих сил ее активности и одновременно позиции, которую она занимает и осуществляет в жизни». [1, с. 34] Точнее говоря, начало психологического эквивалента ответственности сходно с утверждением ребенка «Я сам», которое далее проявляется уже и во взрослой жизни в виде «Я знаю, что я делаю; я делаю так, как считаю нужным именно я сам» и т. д. Следовательно, по рассуждениям Быкова С. В. и их анализу, можно сделать вывод, что ответственность — совокупность желания, инициативы, долга, необходимости и обязанности, ответственность здесь он также рассматривает, как еще и полезность обществу, в котором личность находится, ее общественной необходимости и достоинстве, которое на этом понимании базируется [1, с. 34].

Что касается идей, рассматриваемых К. Муздыбаевым, он определяет понятие ответственности, в первую очередь, как социальную ответственность [6, с. 3]. Сначала стоит сказать о признаках ответственности, которые автор выделяет, так как данная информация должна улучшить понимание ответственности и дальнейшее определение ответственности в профессиональной деятельности, о чем речь пойдет во второй главе. Признаками ответственности, рассматриваемой, как социальная, можно назвать пунктуальность, точность и готовность отвечать за любые последствия своих действий. Безусловно, все описанные аспекты должны подразумевать справедливость, принципиальность и честность, но и без развитости у конкретного человека различных эмоциональных черт, эмпатии, способности к сопереживанию и многие другие, влияющие на коммуникацию и понимание других людей в обществе. Однако, невозможно исполнение какой-либо обязанности и проявление ответственности без волевых компонентов в виде смелости, настойчивости, усердия, терпения, выдержки, стойкости и, конечно, силы воли. Сама социальная ответственность выступает здесь в роли

свойства личности, ровно также, как например настойчивость, скромность, смелость и т. д., то есть просто как обычное свойство характера личности. Напомню еще раз для уточнения деталей также, что психическое свойство — это свойство особой высокоорганизованной материи, способность индивида отвечать определенной психической деятельностью на определенные объективные воздействия из внешней среды. Возвращаясь к обязанностям, связанным с ответственностью, важно сказать о том, что они подлежат безусловному выполнению, следовательно, присутствует необходимость волевого компонента, а также и сами обязанности, которые обязательно нужно исполнить, отличаются в зависимости от различных ролевых функций, которые они выполняют в социуме, например, они могут быть как семейные, так и общественные, служебные, гражданские и многие другие. Необходимо обратить внимание на то, что выявление ответственности и за кого-то и за что-то в этом случае помогают виды обязанности, следовательно, они дают возможность увидеть ее общественную сущность, социальность, а главное, степень включенности личности в систему общественных отношений. Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что ответственность возможна только в социуме по причине того, что невозможно взять ответственность и отвечать перед кем-то за выбор определенной направленности своего поведения, если данного субъекта нет, также, как и объекта, именно поэтому ответственность является аспектом, проявляющимся и возможным только в социуме.

Следовательно, ответственность — осуществляемый контроль, в разных его формах, над деятельностью человека относительно соблюдения и выполнения им принятых в обществе норм и правил. Также ответственность еще можно рассмотреть, как умение человека, осознавая масштаб, план и временные рамки тех или иных действий, оценить последствия, а именно их объем и силу, и определить наилучшие, наиболее благоприятные способы решения этих задач и уменьшение последующего страдания. Еще одна идея, высказанная Муздыбаевым К. заключается в том, что ответственность неразделима с социумом. Получается также, что одним из критериев социальной ответственности являются роли и социальные отношения, которое их и обуславливают.

После проведенного анализа работы Кашаповой Г. И. можно выделить следующие уровни ответственности, определенные в ее работе: во-первых, ответственность как исполнение какого-либо долга, в том числе и морального, во-вторых, ответственность как готовность брать на себя роль автора за те или иные деяния, то есть у человека развита ответственность и за себя, и за ситуацию, в которую он включен посредством внешних факторов. Второй уровень: ответственность, выражающаяся в стремлении взять на себя решение какой-то сложной задачи или трудной проблемы, сам факт проявления инициативы или, другими словами, инициативность, этот уровень становится, своего рода, способностью человека привлекать в свое пространство людей и ситуации, в которые ранее он не был включен, и теперь в них он будет нести ответственность за кого-то или за что-то.

Далее необходимо обратить внимание на локус контроля, так как в социальной ответственности больше значение имеет тот факт, что в качестве объ-

екта этой ответственности выступают общественные нормы, по этой причине субъектом контроля становится сам индивид, субъект, а также его социальное окружение и общество в целом. Здесь локус контроля личности рассматривается с точки зрения склонности человека видеть источник управления своей жизнью либо в самом себе, либо в окружающей его среде. То есть в данном случае обсуждаются два типа локуса контроля: интернальный и экстернальный. При интернальном типе локуса контроля человек берет на себя всю ответственность за события, происходящие в его жизни, обосновывая их своим поведением, характером, темпераментом, типом восприятия, способностями и тд., во втором же случае, при экстернальном типе восприятия, человек возлагает ответственность на все вокруг: на других людей, в том числе и посторонних, судьбе, случайностям, погоде, природе, но никак не на самого себя.

Однако, присутствует корреляция между ответственностью и интернальностью, таким образом, получается, что интернальность является действительно важной составляющей ответственность как качество личности. Следовательно, имеющийся локус контроля показывает тот аспект ответственности, который является ее внутренней локализацией и даже в какой-то степени может характеризовать развитие уровня ответственности. Очень важно отметить, что более высокий уровень развития ответственности выражается в интернальном локусе контроля, который выражается в принятии ответственности на самого себя, а менее высокий уровень ответственности проявляется в экстернальном уровне ответственности, при котором ответственность выражена в переложении ее на кого-либо, что-либо другое и внешнее, но никак не на самого себя.

Необходимость изучения темы профессиональной ответственности заключается в широком спектре причин, например, существует заметная недостаточность представленность теоретико-методологических основ (принципы, способы, методы и правила) изучения специфики профессиональной ответственности, как указывают в своей работе Кочнева Е. М. и Морозова Л. Б. [5, с. 3]. Также на данный момент пока еще нет единого определенного способа к экспериментальному исследованию профессиональной ответственности в том или ином виде деятельности, в том числе, профессиональной деятельности психолога, а также с точки зрения ее рассмотрения в процессе учебной и профессиональной деятельности студентов-психологов. Более того, отсутствует и систематизация двух направлений, которые рассматриваются в моей работе, а именно понятия ответственности и профессиональной ответственности. Кроме того, профессиональная ответственность также выступает и как важное личностное образование, необходимое для принятия разных профессиональных решений, которые связаны с временной перспективой.

Для понимания мотивов ответственного поведения необходимо обратиться к исследованию, которое в своей книге описывает К. Муздыбаев. Респондентам были заданы вопросы и ситуации, которые необходимо было оценить от 1 до 7 (от меньшего к большему), оценивали они 15 разных мотивов. Исходя из данных исследования, можно сделать следующие выводы: во-первых, самыми сильными мотивами, заставляющими сотрудников доброкачественно выполнять свои

обязательства, стали желание не подвести товарищей, коллег, не сорвать производственные планы и увеличение собственных доходов. Также в выявленном основным ведущим мотивам можно добавить еще и чувство долга, внутреннюю потребность человека выполнить то, что ему было поручено. Действительно сильно значимых различий у мужчин и женщин нет с точки зрения ответственного отношения к своей работе и побуждающих мотивов, по крайней мере, влияния на качество работы отмечено не было. Важный момент — потому, что гендерная ответственность — частый элемент организационной мифологии.

Также были рассмотрены руководители низшего, среднего, высшего звеньев. В данном случае уровень ответственности напрямую зависит от занимаемого положения, так как руководителю низшего звена нужно следить за меньшим количеством сотрудников, у него меньше обязанностей и есть, чаще всего, единая область деятельности. У руководителя среднего звена ситуация не сильно отличается, но отвечать ему необходимо за большее количество людей и большее количество действий и используемых ресурсов. Руководителю высшего звена необходимо отвечать за прошлых руководителей, за большое количество сотрудников, ресурсов и действий, поэтому уровень профессиональной ответственности на нем значительно выше.

Также рассмотрев работу УИС и МЧС, важно отметить вопросы ответственности в каждой этой сфере. Что касается уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, данные сотрудники могут применять физическую силу в своей работе по отношению к другим людям, поэтому в их образовательной и профессиональной деятельности повышенное внимание уделяется ответственности. Следует отметить, что факторы, необходимые для формирования ответственности у сотрудников УИС, подвержены влиянию от всех возможных аспектов, а именно: пол, возраст, сам характер службы УИС, а также семейные обстоятельства. (Например, у женщин в возрасте 30–35 лет больше внимания и ответственности уходит на детей. У мужчин второго курса преобладает профессиональная ответственность, так как в данный момент у них появляются профильные предметы, важные для будущей профессии.) Что касается МЧС, важно понимать, что такой род деятельности включает в себя огромное количество стресса, риска, опасности для жизни и здоровья, большое количество физического и эмоционального напряжения, необходимо поддерживать данных специалистов, сохранять у них высокий уровень концентрации, внимания, а главное, готовность принимать ответственные решения, от которых зависят жизни других людей. Для повышения уровня ответственности у таких сотрудников и профилактики высокого уровня психоэмоционального стресса проводятся специальные тренинги, которые благотворно влияют на сотрудников.

Необходимо также рассмотреть профессиональную ответственность в деятельности психолога. Закономерности развития профессиональной ответственности у психологов практически не изучены. Профессиональная ответственность психолога состоит из двух аспектов, первый из которых — когнитивный аспект, выражающийся в оценке своих знаний, умений и навыков, а второй — морально-нравственный аспект, который заключается в следовании основному

принципу деятельности психолога «не навреди». Следовательно, для формирования у студентов-психологов профессиональной ответственности необходимо сочетание знаний по профессии и нормативно-правовых, знание основных методологических основ деятельности психолога, знание технологий, возможных для использования психологом.

В процессе анализа проведенных в данной статье исследований психологии ответственности в профессиональной деятельности, было выявлено, что ответственность присуща человеку на всех стадиях жизнедеятельности и любом уровне деятельности, а именно: на стадии дошкольного возраста и усвоения первых норм и правил, обучения в школе, ВУЗе и развития навыков самостоятельного принятия ответственности в других ситуациях — все это включает в себя ответственность, особенно внутреннюю, интернальную. Появляется она в процессе жизнедеятельности как экстернальная. Человеку необходимо понимание и формирование навыка ответственного поведения для достижения успеха в профессиональной деятельности.

Таким образом, были проанализированы этапы изучения ответственности, как личностного свойства, в контексте изучения профессиональной деятельности, рассмотрены взгляды различных наук на данное понятие. Отдельное внимание было выделено на возрастано-психологический анализ этапов развития чувства ответственности для дальнейшего понимания взаимосвязи с профессиональной деятельностью. Были сравнены различные подходы к изучению представленной темы. Также были сформулированы выводы о взаимосвязи ответственности, как личностного, свойства, и некоторых особенностей выполнения профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков С. В. Психология профессиональной ответственности (теория, исследования, тренинг): монография. Х.: изд-во «Гуманитарный Центр», 2021. 148 с.
2. Горбачева В. А. К освоению правил поведения детьми дошкольного возраста // Известия АПН РСФСР. 1945. № 1. С. 125–164.
3. Ежова О. Н., Ушков Ф. И. Ответственность как профессионально значимое качество сотрудника уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Психология и право. 2021. № 2. С. 72–85.
4. Кашапова Г. И. Ответственность как социально-психологический феномен и уровни ее развития // Казанский педагогический журнал. 2012. № 1. С. 110–116.
5. Кочнева Е. М., Морозова Л. Б. Профессиональная ответственность как предмет психологических исследований // Вестник Мининского университета. 2016. № 4. С. 30.
6. Кочнева Е. М., Чиркова Т. И. Свобода выбора и профессиональная ответственность в структуре проектировочной деятельности будущих психологов // Вестник Мининского университета. 2014. № 4. С. 7.
7. Муздыбаев К. Психология ответственности. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2017. 248 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Оникс», 2008. 1200 с.
9. Сахарова В. Г. Ответственность как личностный фактор и возможности ее диагностики. Автореферат диссертации по теме «Ответственность как личностный

фактор и возможности ее диагностики». Автореферат на соискание ученой степени кандидата психологических наук Хабаровск. 2003. URL: <https://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-01/dissertaciya-otvetstvennost-kak-lichnostnyy-faktor-i-vozmozhnosti-ee-diagnostiki> (Дата обращения: 10.01.2025).

10. Ситникова А. Д. Социальная ответственность личности; Социально-философский и педагогический анализ // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 2. С. 361–363.

Попова Анастасия Владимировна,
магистр богословия, магистрант 2 курса,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского,
byfaith@mail.ru

Голуб Наталья Викторовна,
кандидат биологических наук, доцент,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского,
nvgolub@mail.ru

АДАПТИВНОСТЬ КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН (18–25 ЛЕТ)

В статье представлены результаты эмпирического исследования копинг-поведения молодых женщин (18–25 лет), проведенного под руководством к. биол. н. Н. В. Голуб в рамках выпускной квалификационной работы. Исследование построено на основе модели стресса с точки зрения субъект-средового взаимодействия. Выявлены составляющие совладающего поведения молодых женщин, такие как преобладающие копинг-стратегии и психологические защиты, а также их связь с уровнем ситуативной и личностной тревожности и уровнем сформированности «Я-концепции». Сделан вывод об адаптивности совладающего поведения участниц исследования в целом.

Ключевые слова: адаптивность, совладающее поведение, копинг-стратегии, психологические защиты, тревожность, Я-концепция, молодые женщины.

POPOVA A. V., GOLUB N. V.
ADAPTABILITY OF COPING BEHAVIOR
OF YOUNG WOMEN (18–25 YEARS OLD)

The article presents the results of an empirical survey of the coping behavior of young women (18–25 years old) in Russia, guided by N. V. Golub, PhD, in the framework of the qualification thesis. The survey is based on the Subject-Environment Interaction Stress Model. The survey revealed the components of coping behavior of young women, such as prevailing coping strategies and psychological defenses, as well as their interrelation with the level of situational and personal anxiety and the level of formation of their Self-concept. A conclusion was made about the adaptability of coping behavior of survey participants in general.

Keywords: adaptability, coping behavior, coping strategies, psychological defenses, anxiety, Self-concept, young women.

ВВЕДЕНИЕ

Общеизвестно, что стрессонаполненность жизни современного человека постоянно растет. В 2020 году с пандемией значимость этого фактора в жизни человека резко увеличилась, а с 2022 года возросла еще сильнее. Насколько люди справляются с таким давлением обстоятельств? Исследование совладающего

поведения молодых женщин в нашей стране связано с необходимостью укрепления молодого поколения во все усложняющихся условиях жизни, поскольку от этого зависит наше будущее. Женщины принимают решение о том, участвовать ли им в продолжении человеческого рода, и в большей мере несут бремя воспитания детей. От их стрессоустойчивости во многом зависит, каким будет каждое следующее поколение.

Несмотря на большой научный интерес к теме стресса, исследований именно молодых женщин в России проводилось не много. Борисова Н. М. в своей статье дает обзор исследований возрастных особенностей копинг-поведения (далее — КП) и связи возраста и предпочитаемых копинг-стратегий (КС) за 2007–2017 гг. [2].

Нами было найдено всего несколько исследований женщин, проведенных за последние шесть лет. Так, в 2017 году в Южном Федеральном Университете Е. В. Зинченко и И. А. Рудя изучали стратегии КП молодых женщин (20–28 лет), имеющих детей [5]. В этом же году в СПбГУ С. С. Савенышевой было проведено более крупное исследование женщин (25–50 лет) с разным семейным статусом [12]. В 2018 году Л. А. Вайнштейн провела исследование особенностей психологических защит (далее — ПЗ) и способов совладающего поведения у 36 женщин (25–40 лет) с разным семейным статусом [3]. Также в 2018 году в Ульяновском Государственном университете А. В. Волковой и И. В. Михайловой проводилось сравнительное исследование возрастных особенностей совладания со стрессом мужчин и женщин [4]. Авторы привели отдельно статистику женских результатов по трем возрастным группам, при этом к молодежи они отнесли респондентов 18–30 лет. В 2019 году В. Д. Альперович исследовала копинг-стратегии (далее — КС) беременных и не беременных женщин 25–30 лет [1]. Как видно, перечисленные исследования лишь частично отражают избранную нами возрастную группу. Необходимо также учитывать, что все вышеперечисленные исследования проводились до 2020 года, когда ситуация в мире по фактору стрессонаполненности резко изменилась.

Только одно исследование женщин из известных нам было проведено в 2020 году, уже с учетом условий пандемии. В Астраханском Государственном Университете на кафедре конфликтологии Т. А. Кузнецова и Н. В. Майсак изучали выбор женщинами 20–40 лет стратегий совладания в связи с типом внутриличностного конфликта [6]. Приведенный выше обзор подтверждает актуальность исследования КП женщин периода ранней зрелости (18–25 лет) и оценки его адаптивности.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При разработке дизайна исследования мы опирались на модель стресса с точки зрения субъект-средового взаимодействия, учитывающую объективную и субъективную стороны взаимодействия личности и среды (более подробно см. [8]). Согласно теории соответствия личности и среды Дж. Эдвардса, Р. Каплана и Р. Харрисона [7, с. 18–20; 11, с. 97], «стресс — это состояние, возникающее, когда 1) окружающая среда не обеспечивает достаточных, по мнению человека,

ресурсов для удовлетворения его потребностей или 2) способности человека, по его мнению, не отвечают требованиям, необходимым для получения этих ресурсов» (Р. Харрисон, [7, с. 19]). В пласте взаимодействия «объективной личности» (как она есть) с «объективной средой» (как она есть) включаются КС, а в пласте взаимодействия «субъективной личности» с «субъективной средой» (как они воспринимаются человеком) — ПЗ.

Для выявления субъективного восприятия среды был выбран опросник STAI «Шкала личностной и ситуативной тревожности» Ч. Д. Спилбергера (1970) в адаптации Ю. Л. Ханина (1976) [16]. Он позволяет учесть тревогу как актуальное состояние и тревожность как свойство личности в качестве факторов, характеризующих «субъективную среду», согласно средовой теории стресса.

Для описания «субъективной личности», согласно этой же теории, мы взяли шкалу «Я-концепции» из «Теста-опросника личностной зрелости» Ю. З. Гильбуха [15], поскольку «существует глубинная зависимость между «Я-концепцией» и успешностью самореализации» [10, с. 95]. Эта шкала оценивает личность человека по таким характеристикам зрелости, как «уверенность в своих возможностях, удовлетворенность своими способностями, темпераментом и характером, своими знаниями, умениями и навыками, вместе с тем данный аспект предполагает такой существенный параметр поведения, как адекватная самооценка, высокая требовательность к себе, отсутствие самодовольства, скромность, уважение к другим людям. Все эти качества несовместимы с так называемым комплексом неполноценности, нередко проявляющемся в неосознаваемом стремлении подбодрить себя бахвальством, бравадой, саморекламой и т. п.»

Для выявления предпочитаемых ПЗ использовалась «Методика диагностики структуры и силы психологических защит» Л. Ю. Субботиной [14, с. 141–149], созданная на основе теста-опросника Р. Плутчека «Индекс жизненного стиля». Данная методика выявляет следующие ПЗ [14, с. 54–60]: вытеснение, регрессия, формирование реакции, рационализация, смещение, отрицание, проекция, компенсация, сублимация.

Для исследования КС был использован «Опросник способов совладания» WCQ (Р. Лазаруса и С. Фолкман (1988), в адаптации Т. Л. Крюковой, Е. Ф. Куфтяк, М. С. Замышляевой (2004) [9, с. 150–155]. Исследуемые КС: конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения проблемы, положительная переоценка.

Также была разработана анкета для сбора данных респондентов. Сбор эмпирических данных проходил посредством гугл-форм онлайн в течение 5 недель в феврале-марте 2023 года. Участницы были набраны через объявление в социальных сетях.

Для выявления средних показателей по факторам личностной и ситуативной тревожности, а также по сформированности «Я-концепции», использовались методы описательной статистики. Для выявления взаимосвязи между ПЗ и тревожностью, между ПЗ и «Я-концепцией», между ПЗ и КС — был применен коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена. Уровень значимости $p=0,05$.

Для обработки результатов анкеты, а также для выявления степени адаптивности КП в целом, был применен контент-анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 40 женщин в возрасте от 18 до 25 лет, проживающих в Санкт-Петербурге. В основном это студентки (85%), некоторые из которых еще и работают (37,5%), бездетные (97,5%), проживающие самостоятельно (32,5%) или с родителями (40%), довольные уровнем своего здоровья (87,5%) и материального благосостояния (87,5%), имеющие друзей (97,5%) и хобби (92,5%), больше половины из них верят в Бога (67,5%).

Анализ субъективного восприятия среды через фактор тревожности показал, что более чем для половины респонденток (57,5%) характерна высокая личностная тревожность, что делает их уязвимыми для стресса и готовыми остро на него реагировать. Соответственно, окружающую среду они воспринимают, скорее, как враждебную. При этом умеренные (47,5%) и низкие (47,5%) показатели по шкале реактивной тревожности говорят о том, что на момент проведения исследования 95% респонденток не были подвержены сильному стрессу, поэтому их ответы и по другим тестам можно рассматривать как отражающие общие, свойственные им характеристики.

У 67,5% опрошенных выявлен неудовлетворительный уровень зрелости «Я-концепции», т. е. две трети респонденток недостаточно уверены в своих возможностях, способностях, знаниях, умениях и навыках, обладают неадекватной (заниженной или завышенной) самооценкой. Следовательно, для участниц выборки характерно расхождение между «объективной личностью» и ее субъективным восприятием себя в целом.

У 47,5% респонденток сочетаются высокие показатели личностной тревожности и низкий уровень зрелости «Я-концепции», что указывает на серьезное несоответствие между объективно существующими личностью и средой, и их субъективным восприятием респондентками.

Анализ спектра используемых ПЗ показал, что респондентки задействуют все виды ПЗ. В целом по группе в арсенале 75% участниц по 2–4 ПЗ. Самой популярной ПЗ является «Формирование реакции» — выявлена у 75% опрошенных. Следующие наиболее распространенные ПЗ — это «Отрицание» (50%) и «Рационализация» (45%). Далее идут «Компенсация» (30%), «Регрессия» (22,5%), «Смещение» (20%). Реже всего используются «Проекция» (15%), «Сублимация» (10%) и «Вытеснение» (5%).

Корреляционный анализ выявил несколько прямых, слабых связей между ПЗ. Больше всего связей (5) образует ПЗ «Формирование реакции», что говорит о ее наибольшей напряженности. Немного меньше напряженности (по 3) наблюдается в ПЗ «Компенсация» и «Сублимация», при этом обе они усиливают как друг друга, так и ПЗ «Формирование реакции» и «Рационализация». ПЗ «Проекция» не образует ни одной взаимосвязи с другими видами ПЗ.

Анализ предпочитаемых КС показал, что 80% участниц используют от 1 до 4 КС высокой напряженности, применение прочих КС менее выражено. Самыми попу-

лярными копингами у участниц исследования стали «Бегство-избегание» (71,4%), «Поиск социальной поддержки» (48,5%) и «Дистанцирование» (40,8%). Примерно с одинаковой частотой выбирались «Положительная переоценка» (33,2%), «Принятие ответственности», «Конфронтация» и «Самоконтроль» (по 28,1%). Реже всего респондентки выбирали КС «Планирование решения проблемы» (12,5%).

Корреляционный анализ выявил несколько прямых взаимосвязей между КС, слабо выраженных, за исключением двух связей средней силы. Наибольшее количество взаимосвязей (5) обнаружено у КС «Конфронтация», одна из них средней силы — с КС «Бегство-избегание» (0,59), остальные слабые. Стратегии «Конфронтация» и «Бегство-избегание» можно отнести к разряду мало адаптивных или неадаптивных. КС «Бегство-избегание» выражается в стремлении человека не решать проблему, а избежать ее, уйти от нее всевозможными способами, физически или путем переключения внимания. Наибольшая напряженность КС «Конфронтация» указывает на то, что активное сопротивление ситуации дается людям с трудом, что подчеркивается ее взаимосвязью с КС «Бегство-избегание». В обоих случаях КП теряет свою целенаправленность и приводит только к разрядке эмоционального напряжения — может наблюдаться импульсивное поведение и импульсивная реакция на собственное негативное эмоциональное отрицание ситуации.

Взаимосвязь с пограничным значением (0,50) выявлена между КС «Планирование решения проблемы» и «Положительная переоценка». Это говорит о том, что намеренные, целенаправленные действия по анализу ситуации и поиску ее решения способствуют нахождению в ситуации положительного значения и личностному росту. Однако, «Положительная переоценка» используется редко, что указывает на не характерное для молодых женщин приложение сфокусированных усилий к решению проблемы. КС «Самоконтроль» не образовала ни одной связи, у остальных выявленных КС их от 2 до 5.

Также были выявлены следующие корреляции: более зрелая «Я-концепция» способствует снижению личностной тревожности (обратная взаимосвязь (-0,41)); фактор личностной тревожности образует прямые слабые взаимосвязи с такими ПЗ как «Вытеснение» (0,41), «Регрессия» (0,39) и «Проекция» (0,37); реактивная тревожность образует три слабых прямых взаимосвязи с этими же тремя ПЗ (0,33, 0,31 и 0,31, соответственно) и одну слабую обратную взаимосвязь (-0,43) с ПЗ «Отрицание». Факторы тревожности не имеют взаимосвязей с такими ПЗ как «Формирование реакции», «Рационализация», «Смещение», «Компенсация» и «Сублимация».

Следовательно, повышение личностной и реактивной тревожности побуждает респонденток чаще вытеснять из сознания неприятные мотивы и ситуации, переносить собственные чувства или желания на другое лицо или избегать конфликтов путем возвращения к более примитивным формам поведения. Игнорирование неприятной информации, напротив, способствует снижению реактивной тревожности.

Фактор реактивной тревожности образует две слабые прямые взаимосвязи с КС «Принятие ответственности» (0,37) и «Бегство-избегание» (0,34). Фак-

тор личностной тревожности образует четыре прямые взаимосвязи: две средней силы — с КС «Бегство-избегание» (0,51) и «Поиск социальной поддержки» (0,66) — и две слабые — с КС «Дистанцирование» (0,32) и «Принятие ответственности» (0,42). Также выявлена одна обратная слабая взаимосвязь с КС «Положительная переоценка» (–0,32). Факторы тревожности не имеют связей с КС «Конфронтация» и «Планирование решения» проблемы.

Описанные корреляции позволяют прийти к заключению, что реактивная и личностная тревожность побуждают человека обвинять себя в сложившейся ситуации и убегать от ее продуктивного решения. Личностная тревожность также побуждает человека искать помощи или внутренне снижать значимость трудной ситуации. При этом личностная тревожность не способствует росту личности через положительное переосмысление сложившихся обстоятельств. Факторы тревожности никак не участвуют в реализации действий по конструктивному изменению ситуации.

Была выявлена прямая связь средней силы между «Я-концепцией» и КС «Положительная переоценка» (0,54). Это говорит о том, что более зрелая личность будет больше стремиться к сознательному личностному росту, стремясь найти смысл и пользу в сложившейся ситуации.

Также были выявлены множественные взаимосвязи слабой силы между КС и ПЗ, за исключением КС «Принятие ответственности» и ПЗ «Отрицание», у которых не было выявлено ни одной взаимосвязи. Остальные факторы обнаруживают от 1 до 4 взаимосвязей. Важно отметить, что две из этих взаимосвязей — обратные: между ПЗ «Проекция» и КС «Положительная переоценка» и между ПЗ «Вытеснение» и КС «Планирование решения проблемы». Это значит, что чем больше человек неосознанно приписывает свои чувства и желания другому лицу, тем меньше он склонен видеть положительные черты ситуации и извлекать из нее пользу для собственного личностного роста. Также, чем более человеку присуще «выключение» из сознания неприемлемого мотива или неприятной ситуации, тем меньше он анализирует проблему с целью активно ее решать.

Можно также отметить, что наиболее популярная КС — «Бегство-избегание» (71,4%) — имеет прямую взаимосвязь с наименее популярными ПЗ: «Проекция» (15%), «Смещение» (20%) и «Регрессия» (22,5%). То есть, чем больше человек стремится избежать проблемы или уйти от нее, тем для него более характерно безотчетно приписывать свои мысли, чувства и мотивы другим людям, переносить свои действия с реально травмирующего объекта на другой, замещающий его, или возвращаться к более примитивным формам поведения с целью избегания конфликта.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

При оценке адаптивности КП мы воспользовались критериями активного адаптивного высоко функционального КП, предложенными Н. А. Сиротой и В. М. Ялтонским [13]:

1. Сбалансированное использование соответствующих возрасту КС с преобладанием активных проблем-разрешающих и направленных на поиск социальной поддержки.

2. Сбалансированность когнитивного, поведенческого и эмоционального компонентов КП и развитость его когнитивно-оценочных механизмов.

3. Преобладание мотивации на достижение успеха в процессе преодоления стресса и психосоциальных проблем над мотивацией избегания неудачи.

4. Готовность к активному совладанию, а, при необходимости, и противостоянию среде, и связанная с этим осознанная направленность КП на источник стресса с целью его устранения.

5. Развитые в соответствии с возрастом личностно-средовые копинг-ресурсы, обеспечивающие благоприятный психологический фон для преодоления стресса и способствующие развитию эффективных КС.

Выявленное преобладание высокой личностной тревожности в исследуемой группе говорит о повышенной уязвимости для стресса женщин 18–25 лет. В сочетании с отсутствием зрелой «Я-концепции» это свидетельствует о недостаточном развитии личностных копинг-ресурсов, которые могли бы обеспечить благоприятный психологический фон для преодоления стресса и способствовали бы развитию эффективных КС (критерий 5).

С точки зрения теории субъект-средового взаимодействия, это сочетание результатов указывает на несоответствие субъективного восприятия личности и среды в данной возрастной группе женщин: давление среды воспринимается как агрессивное или чрезмерное, а свои силы как недостаточные для того, чтобы это давление выдерживать, что неизменно ведет к более острому восприятию стресса и запускает эмоциональную регуляцию.

Преимущественный выбор таких ПЗ как «Формирование реакции», «Отрицание» и «Рационализация», из которых первая является и наиболее напряженной, также указывает на преобладание эмоциональной регуляции поведения при преодолении трудных ситуаций. Абсолютное преимущество выбора КС «Бегство-избегание» и максимальной напряженности КС «Конфронтация», которые относят к разряду мало адаптивных, также свидетельствует о поиске эмоциональной разрядки, а КС, направленные на решение проблемы, такие как «Планирование решения проблемы», напротив, используются реже прочих. Эту же тенденцию мы видим и в наличии прямой взаимосвязи между КС «Бегство-избегание» и ПЗ «Проекция», «Смещение» и «Регрессия»: эти ПЗ являются способами, посредством которых опрошенные уходят от решения проблем и восстанавливают свое эмоциональное равновесие.

Итак, несмотря на использование в среднем по 2–4 КС и ПЗ, предпочитаемое КП женщин 18–25 лет носит мало адаптивный характер. Отсутствует сбалансированность когнитивного, поведенческого и эмоционального компонентов КП (критерию 2).

Полученные нами данные подтверждают результаты проведенных ранее исследований [1, 4], согласно которым в данной возрастной группе преобладают КС «Бегство-избегание» и «Конфронтация».

Результаты проведенного нами исследования могут быть учтены в консультативной и исследовательской деятельности и взяты за основу при разработке профилактических программ и тренингов по преодолению стресса и повышению стрессоустойчивости молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альперович В. Д. Метафорические представления о трудных жизненных ситуациях и копинг-стратегии беременных женщин // Психолог. 2019. № 6. С. 52–63.
2. Борисова Н. М. Возрастные особенности копинга и связь возраста и стратегий совладающего поведения // Познание. 2019. № 9. С. 46–50.
3. Вайнштейн Л. А. Психологические защиты и способы совладающего поведения у женщин с разным семейным статусом. ВКР. URL: <https://core.ac.uk/download/198200986.pdf> (Дата обращения: 18.02.2023).
4. Волкова А. В., Михайлова И. В. Возрастные особенности совладания со стрессом мужчин и женщин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 3. С. 6–18.
5. Зинченко Е. В., Рудя И. А. Стратегии копинг-поведения у молодых женщин, имеющих детей // Северо-Кавказский психологический вестник. 2017. № 1. С. 27–34.
6. Кузнецова Т. А., Майсак Н. В. Выбор женщинами стратегий совладания в связи с типом внутриличностного конфликта // Вопросы студенческой науки. 2021. № 5. С. 89–94.
7. Нартова-Бочавер С. К. Жизненная среда как источник стресса и ресурс его преодоления: возвращаясь к психологии повседневности // Психологический журнал. 2019. № 5. С. 15–26.
8. Попова А. В. Психологический стресс: его причины, последствия и способы совладания с ним // Психологические исследования: актуальные направления и перспективы: Сборник научно-практических исследований молодых ученых. 2022. № 3. С. 109–123.
9. Психодиагностика стресса. Практикум. Сост. Р. В. Куприянов, Ю. М. Кузьмина. Казань: КНИТУ, 2012. 212 с.
10. Психология стресса. Учебное пособие. / Сост. О. А. Ахвердова, Э. М. Козлова. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. 357 с.
11. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. Анализ, теория, практика. СПб: прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.
12. Савенышева С. С. Стресс, повседневный стресс, копинг и функциональная работоспособность у женщин с разным семейным статусом // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/16PSMN617.pdf> (Дата обращения: 18.05.2022)
13. Сирота Н. А., Ялтонский В. М. Применение и внедрение программ реабилитации и профилактики зависимого поведения как актуальная задача российской клинической психологии // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. № 2. URL: <http://medpsy.ru> (Дата обращения: 14.03.2023).
14. Субботина Л. Ю. Психология защитных механизмов личности: учеб. Пособие. Ярославль: ЯрГУ, 2013. 164 с.
15. Тест-опросник личностной зрелости / Под ред. Гильбуха Ю. З. Киев: НПЦ Психодиагностика и дифференцированное обучение, 1994. 24 с.
16. Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Ч. Д. Спилберге-ра — Ю. Л. Ханина // Сборник психологических тестов. Часть I: Пособие / Сост. Е. Е. Миронова. Мн.: Женский институт ЭНВИЛА, 2005. С. 16–18.

Семёнова Людмила Борисовна,
магистр психологии, аспирант кафедры психологии,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского,
психолог Автономной некоммерческой организации
«Центр развития социальных проектов Тюменской области «Милосердие»;
semdg@yandex.ru

ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА В УСЛОВИЯХ БЕЗДОМНОСТИ

В статье представлены результаты исследования временной перспективы бездомных женщин, проживающих в центре помощи. Автор статьи анализирует особенности восприятия временной перспективы женщин, их отношение к прошлому, настоящему и будущему. Для исследования использовались методики: Опросник временной перспективы Зимбардо (Zimbardo Time Perspective Inventory, ZTPI), разработанный Ф. Зимбардо, в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной и др., проективная методика «Ассоциации», статистический анализ. Результаты исследования могут быть полезны для разработки программ психологической помощи людям, оставшихся без дома. Статья представляет интерес для специалистов в области социальной работы, кризисной психологии, а также для всех, кто интересуется проблемами бездомных людей.

Ключевые слова: временная перспектива, бездомные женщины, прошлое, настоящее, будущее.

SEMYONOVA L. B.

TEMPORAL PERSPECTIVE IN HOMELESSNESS

The article presents the results of a study of the time perspective of homeless women who live in a help center. The author of the article analyzes the peculiarities of women's perception of time, their attitude to the past, present and future. The following methods were used for the study: Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI), developed by F. Zimbardo, adapted by E. T. Sokolova, O. V. Mitina and others, the projective method of the Association, statistical analysis. The results of the study can be useful for developing programs of psychological assistance to homeless people. The article is of interest to specialists in the field of social work, crisis psychology, for everyone who works with the problems of homeless people.

Keywords: time perspective, homeless women, past, present, future.

ВВЕДЕНИЕ

Время выступает ключевым фактором в развитии личности, определяющим её психологические особенности на всех этапах — от прошлого до настоящего и будущего. Его влияние косвенно прослеживается в формировании мотивационных и динамических характеристик, где когнитивные и эмоциональные аспекты тесно переплетаются, образуя целостный «срез» психических процессов человека в контексте его окружения.

Бездомные — это люди, которые не имеют определенного места жительства, без документов, работы, средств к существованию, межличностных взаимодействий. Бездомные находятся вне пространства, вне времени, вне перспективы.

В. Э. Чудновский писал, что нарушения личностного развития связаны с сокращением временной перспективы. Установлено также, что ориентация на дальние цели способствует устойчивости личности (по Трубниковой) [5].

Таким образом, цель исследования: изучить временную перспективу бездомных женщин, подопечных центра помощи «Милосердие».

Временная перспектива способна оказывать серьезное воздействие не только на мысли и чувства, а и на поведение человека, и при этом влияние ее меньше всего осознается или понимается. [2, с. 63]

Понятие временной перспективы было введено К. Левиным, трактующим ее как «всеобщность взглядов индивида на психологическое будущее и психологическое прошлое, существующее в данное время на реальном и различных ирреальных уровнях», он предложил рассматривать формирование жизненного пространства личности с учетом временной перспективы. Временная перспектива личности отражает степень дифференцированности мотивационно-потребностной сферы, поведение личности является тем более последовательным и непротиворечивым, если оно учитывает, как условия актуальной ситуации, так и иерархию предшествующих мотивов и ценностей конкретной личности [1, с. 60].

Работа Ф. Зимбардо и Дж. Бойда открыла необычное (объемное) измерение временной перспективы с помощью Опросника временной перспективы (Zimbardo Time Perspective Inventory — ZTPI) [2, с. 63], его легко использовать; он имеет ясную воспроизводимую факторную структуру; обладает приемлемой надежностью; имеет хорошие показатели валидности; оценивает различные измерения временной перспективы; имеет теоретическую основу, соединяющую мотивационные, эмоциональные, когнитивные и социальные процессы.

По мнению авторов методики, с точки зрения психологического благополучия идеальным вариантом является сбалансированная картина субъективного времени. «Ориентация на будущее дает людям крылья, чтобы воспарить к новым достижениям, ориентация на прошлое (Позитивное) укрепляет корни и питает чувство идентичности, а ориентация на настоящее (Гедонистическое) наполняет нашу ежедневную жизнь молодостью и чувственными радостями. Человек нуждается в гармоничном сочетании этих трех ориентации для того, чтобы полностью реализовать свой потенциал».

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирическое исследование было проведено на базе Центра помощи «Милосердие» г. Тюмень в 2024 г. В исследовании принимали участие 25 женщин в возрасте от 46 до 76 лет: из них бездомные 13 человек (52%) и контрольная группа — 12 женщин (48%), имеющих постоянное место жительства, сопоставимые по возрасту с группой испытуемых.

Исследование проводилось с помощью методик: Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (Zimbardo Time Perspective Inventory — ZTPI), в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной, выявляет индивидуальные предпочтения и установки, связанные со временем. Опросник включает в себя

56 пунктов, которые оцениваются респондентами по 5-ти балльной шкале Ликерта. Пункты распределены по пяти шкалам: позитивное прошлое, негативное прошлое, гедонистическое настоящее, фаталистическое настоящее и будущее. Таким образом, эта методика охватывает всю временную ось, от прошлых переживаний до будущих ожиданий, с учетом разнообразных эмоциональных оттенков — от позитивных до негативных.

Применялась проективная методика «Ассоциации», в которой участникам предлагалось свободно выразить связь между прошлым, настоящим и будущим. Затем, его ответам присваивался балл: 0 — негативный ответ, 1 — нейтральный, 2 позитивный ответ.

В качестве основных методов математической обработки применялись статистическое сравнение выборок по непараметрическому U-критерию Манна-Уитни и корреляционный анализ (непараметрический коэффициент корреляции Спирмена).

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты статистического сравнения контрольной и экспериментальной групп по параметрам выраженности временной перспективы представлены в таблице 1, обнаруженные статистически значимые различия — на рисунке 1.

Таблица 1. Параметры выраженности временной перспективы бездомных в сравнении с контрольной группой

	U Манна- Уитни	Уровень стат. зна- чимости	Среднее в группе бездом- ных	Среднее в контр- ольной группе	Средний балл опрос- ника
Негативное прошлое	8	0,000***	4,4	3,1	3,0
Позитивное прошлое	27,5	0,01**	4,1	3,4	3,2
Фаталистическое настоящее	2	0,000***	3,9	2,8	2,3
Гедонистическое настоящее	33	0,01**	3,5	3,1	3,9
Будущее ОВП	41	0,04*	4,2	3,5	3,3

Условные обозначения: * $p \leq 0,05$ ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$

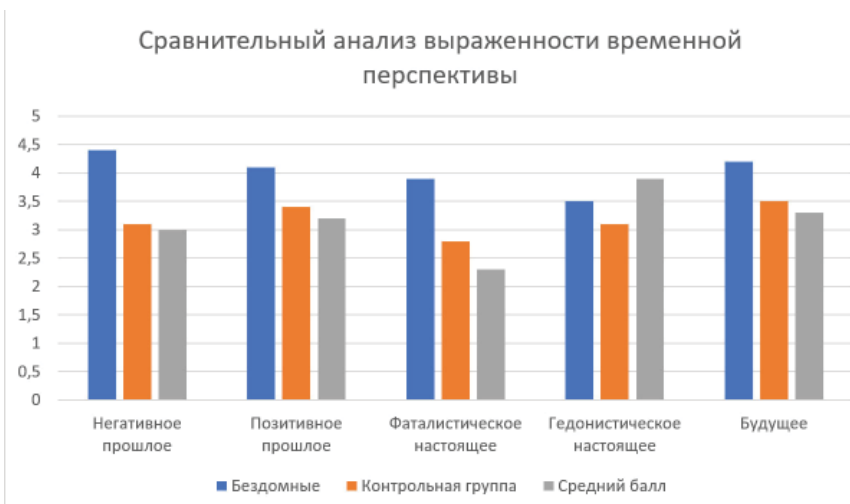

Рис. 1. Сравнительный анализ выраженности временной перспективы бездомных в сравнении с контрольной группой и средними баллами методики.

По методике Опросник временной перспективы, были выявлены статистически значимые различия по всем шкалам ОВП:

Фактор восприятия негативного прошлого ($p \leq 0,001$)

Фактор восприятия позитивного прошлого ($p \leq 0,01$)

Фактор восприятия гедонистического настоящего ($p \leq 0,01$)

Фактор восприятия фаталистического настоящего ($p \leq 0,001$)

Степень ориентации на будущее ($p \leq 0,04$)

Также, для бездомных женщин характерны более высокие значения по всем шкалам, чем в контрольной группе.

Фактор «негативное прошлое» говорит о том, что у бездомных женщин выявлен высокий уровень неприятия собственной прошлой жизни, вызывающая воспоминания о пережитой боли и разочарований.

Такое восприятие прошлого отражает пессимистичный взгляд, который может быть обусловлен как реальными травматичными событиями, так и искаженным восприятием нейтральных моментов. Высокие показатели по этой шкале у бездомных женщин указывают на серьезные психологические проблемы: повышенный уровень депрессии, тревожности, низкую самооценку и склонность к агрессии. Их межличностные отношения страдают от ограниченности и неудовлетворительности, что ведет к отсутствию мотивации к труду ради будущих вознаграждений и неспособности находить удовольствие в текущем моменте жизни. Также, им не свойственна добросовестность.

Авторы адаптации опросника А. Сырцова, Е. Т. Соколова, О. В. Митина [4, с. 101] отмечают, что фактор Фактор «Негативное прошлое» коррелирует с фак-

тором «Фаталистическое настоящее». Высокие баллы фактора «Фаталистическое настоящее» говорят о том, что подопечные центра помощи воспринимают настоящее, как преопределенное, неподверженное личному влиянию, развивающее беспомощность. Бездомные женщины, как правило, не удовлетворены своей жизнью, у них нет надежды на изменения. Их поведение характеризуется низким уровнем планирования, анализа будущих последствий, рефлексии, высоким уровнем подозрительности к окружающим, склонность к обидам.

Вместе с тем, исследование высокий уровень восприятия прошлого:

Бездомные женщины демонстрируют способность принимать часть своего жизненного опыта как ценное, способствующего развитию. Они сохраняют теплые чувства и ностальгию по прошлому, особенно к детству. Подопечные центра помощи обладают небольшим опытом глубоких межличностных связей в истории своей жизни.

По словам авторов адаптации опросника А. Сырцова, Е. Т. Соколова, О. В. Митина [4, с. 101, у этого фактора прослеживается тесная связь с фактором «Гедонистическое настоящее», где нет целостного восприятия жизни, опыт прошлого и будущего не влияют на события настоящего. Это говорит о том, что у подопечных центра помощи сниженная способность осознанно проживать момент. Это приводит к рискованному поведению и неспособности предвидеть последствия. Исследование показывает, что у бездомных женщин повышенный уровень склонности употребления психоактивных веществ, а также отсутствие четких жизненных целей.

Особенно примечателен высокий показатель по фактору «Будущее», который говорит обратное, что у подопечных центра помощи есть цели и планы, что, возможно, является показателем социально-значимых ответов, защитной реакции.

По наблюдениям, бездомным женщинам, не характерны высокоорганизованность, амбициозность, ориентация на достижение поставленных целей. Не отличаются навыками организационного планирования и высокой личной эффективности.

Таким образом, бездомные женщины более ориентированы на прошлое, как негативное, так и позитивное, на фаталистическое настоящее, им характерны высокий уровень депрессии, агрессии, низкая самооценка, импульсивность, обиды, ограниченность межличностных взаимоотношений, беспомощность, безнадёжное отношение к будущему.

Результаты статистического сравнения контрольной и экспериментальной групп по проективной методике «Ассоциации» представлены в таблице 2, выявленные статистически значимые различия — на рисунке 2.

Таблица 2. Параметры ассоциативной оценки временных отрезков бездомных в сравнении с контрольной группой

	U Манна-Уитни	Уровень стат. значимости	Среднее в группе бездомных	Среднее в контрольной группе
Прошное	65	0,45	0,7	0,9
Настоящее	36,5	0,02*	0,7	1,4
Будущее	75,5	0,88	1,5	1,5

Условные обозначения: * $p \leq 0,05$

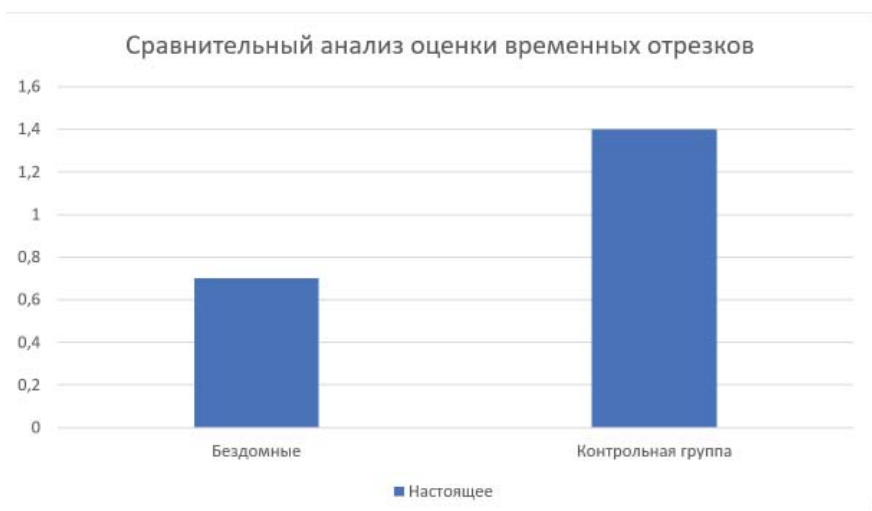

Рис. 2. Сравнительный анализ оценки временных отрезков бездомных в сравнении с контрольной группой

Как видно из таблицы 2, выявлено более негативное отношение бездомных женщин к прошлому и настоящему, по сравнению с контрольной группой, а ассоциативные оценки будущего совпадают. На рисунке 2 указано статистически значимое различие ассоциативных оценок по шкале Настоящее ($p \leq 0,05$).

Следовательно, бездомные женщины характеризуются менее позитивным отношением к настоящему, чем женщины в контрольной группе. Видимо, проживание в центре, не смотря на удовлетворение базовых потребностей в крыше над головой, еде и одежде, не влияет на негативное отношение к настоящему,

не решает проблемы бездомной женщины. Либо она заняла пассивную позицию, не несет ответственность за свою жизнь, не верит в изменения к лучшему.

Таким образом, у бездомных женщин более негативные ассоциативные оценки к настоящему показывают пассивное состояние и неверие в изменения к лучшему.

ВЫВОДЫ

Временная перспектива бездомных женщин статистически значимо отличается от временной перспективы женщин, живущих в домашних условиях.

Бездомные женщины более ориентированы на прошлое, как негативное, так и позитивное, им характерны высокий уровень депрессии, агрессии, низкая самооценка, импульсивность, обиды, ограниченность межличностных взаимоотношений, беспомощное, безнадежное отношение к будущему.

Сочетание высокого уровня факторов негативное прошлое, фаталистическое настоящее у бездомных женщин, указывает на пассивность жизненного поведения, недостаток личной ответственности за будущее. Вместо активной позиции они склонны воспринимать доступную помощь как нечто само собой разумеющееся и сомневаются в собственной способности к позитивным изменениям.

Результаты исследования показали, что для наиболее эффективной ресоциализации бездомных женщин, необходимо формировать целостное восприятие временной перспективы, т. е. жизни в целом, а также развивать умение позитивно переосмысливать свой опыт, находить в нем опору для верных решений в будущем.

Результаты исследования могут быть полезны для разработки программ психологической помощи людям, оставшихся без дома. Статья представляет интерес для специалистов в области социальной работы, кризисной психологии, а также для всех, кто интересуется проблемами бездомных людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зейгарник, Б. В. Теория личности Курта Левина. М.: Наука, 1981. 118 с.
2. Зимбардо Ф., Бойд Д. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.:2010. 352 с.
3. Ральникова, И. А. Жизненные перспективы личности в научной парадигме психологического знания // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 2–1. С. 53–60.
4. Сырцова А. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. № 3. С. 101–109.
5. Трубникова Н. И. Временная перспектива как важнейший компонент жизненного самоопределения // МНКО. 2010. № 5. С. 137–138.

Бандура Оксана Олеговна,
кандидат психологических наук,
заведующий кафедрой клинической психологии СПб ГИПИСР

Собинова Анастасия Владимировна,
аспирант по направлению подготовки
«Общая психологи, психология личности, история психологии»,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского;
kardiakos@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ В ПОВТОРНОМ БРАКЕ

В статье рассмотрены особенности взаимоотношений супругов в повторном браке. Указана статистика повторных браков, обусловленная гендерными особенностями принятия решения о вступлении в повторный брак. Рассмотрена специфика повторно брачных отношений, исходя из структуры повторного брака: в повторном браке опыт предыдущих отношений рассматривается как ресурс, поскольку супруги извлекли уроки из предыдущих отношений и как угроза, так как привносятся негативный опыт и проблемы предыдущих отношений, нерешенные противоречия. В статье приведен анализ работ отечественных и зарубежных авторов, исследовавших влияние отдельных факторов на успешность повторного брака. Сформулирована актуальность исследования психологических особенностей женщин, воспитывающих детей в повторном браке, их связь с удовлетворенностью браком и построением гармоничных внутрисемейных отношений как между супругами, так и детско-родительских, в том числе между ребенком и неродным родителем.

Ключевые слова: брак, взаимоотношения супругов, семейные отношения, повторный брак.

BANDURA O. O., SOBINOVA A. V. *FEATURES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN SPOUSES IN REMARRIAGE*

The article examines the peculiarities of the relationship between spouses in remarriage. The statistics of remarriages are indicated, due to the gender characteristics of the decision to remarry. The specifics of remarriage relations are considered based on the structure of remarriage: in remarriage, the experience of previous relationships is considered as a resource, since the spouses have learned from previous relationships and as a threat, since negative experiences and problems of previous relationships, unresolved contradictions are introduced. The article provides an analysis of the works of domestic and foreign authors who have studied the influence of certain factors on the success of remarriage. The relevance of the study of the psychological characteristics of women raising children in remarriage, their relationship with satisfaction with marriage and the construction of harmonious intra-family relations between both spouses and child-parent, including between a child and a non-native parent, is formulated.

Keywords: marriage, relationship between spouses, family relationships, remarriage.

Брак, один из древнейших социальных институтов, упорядочивающий межличностные и сексуальные отношения супружеской пары. Согласно российскому законодательству, брак — это союз мужчины и женщины, имеющий целью создать семью [5]. Социально-экономические изменения произошедшие в обществе второй половины XX и начала XXI века привели к изменениям в понимании брака и в построении отношений между супругами. Процессы эмансипации женщин и индустриализация общества привели к появлению равноправия в брачном союзе между мужчиной и женщиной. Еще одним значимым изменением в браке стала последовательная полигамия, которая выражается в повторных браках разведенных и вдовых мужчин и женщин. В современной российской и зарубежной действительности повторные браки (союз людей, ранее состоявших в браке) являются достаточно частым явлением, однако мнения авторов различаются. Т. Е. Аргентова, В. В. Колотилина приводят статистические данные, согласно которым, «около 50% мужчин и 33% женщин вновь выходят замуж после года со времени официального развода, 75% женщин и 83% мужчин — после 3 лет» [3]. Также имеются данные, что «более половины разведенных женщин, в том числе имеющих детей, вновь выходят замуж в течение пяти лет после развода и более 3/4 из них выходят замуж в течение 10 лет» [1]. В другой статье Аргентова Т. Е., Аргентова Л. В. отмечают, что в течение 10 лет после расторжения «в повторный брак вступает 68% мужчин и 27% женщин» [4].

Таким образом, мы можем утверждать, что в повторный брак вступают не все разведенные или вдовы женщины, но значительная часть, что делает актуальным исследование данной проблемы, поскольку, согласно статистическим данным, повторные браки также часто распадаются, как и первичные.

Особенности отношений в повторных браках обусловлены как наличием и качеством предшествующего опыта супружеской жизни, так и наличием детей у одного или обоих супругов. Присутствие ребенка от предыдущего брака определяет специфику смешанной семьи: предполагает необходимость выстраивания взаимоотношений не только между супругами и их ближайшими родственниками, но и приемного родителя с пасынком или падчерицей, а также между сводными сиблингами. Опыт предыдущих отношений может быть, как ресурсом, позволяющим сделать правильный выбор партнера и стратегию поведения в повторном браке, так и стать причиной возникновения противоречий между ранее сформировавшимися установками в семейных отношениях и необходимостью выработать новые, возникновение более или менее осознанного сравнения с бывшим супругом. Также, часто возникают противоречия, связанные с принципами воспитания детей, если есть дети от предыдущих браков, конфликтом между любовью к супругу и любовью к ребенку. Таким образом, предыдущий семейный опыт может быть, как ресурсом, позволяющим построить прочные семейные отношения в повторном браке, так и несет определенные риски, преодоление которых, требует дополнительной работы над собой и отношениями с партнером. В этой связи, необходимо отметить важную роль в процессе выстраивания отношения ребенка с приемным родителем поведение родного родителя как в отношении ребенка, так и в отношении супруга.

Говоря об особенностях повторных браков, И. А. Медведева и Т. М. Карманова выделяют две противоположные тенденции, которые присутствуют в работах современных авторов:

1. Сложность развития повторно-брачных отношений по сравнению с первичными браками, так как в повторный брак супруги привносят негативный опыт и проблемы предыдущих отношений, нерешенные противоречия и т. д.;

2. В повторном браке опыт предыдущих отношений рассматривается как ресурс, поскольку супруги извлекли уроки предыдущих отношений, проанализировали причины супружеских конфликтов и разногласий. Предыдущий опыт способствует формированию более терпеливого и трепетного отношения супругов друг к другу, более рационального подхода к распределению семейных ролей [9].

Опыт консультирования в сфере семейно-брачных отношений наводит на мысль, что в случае повторно-брачных отношений, происходит ролевое разделение на родительскую и партнерскую подсистему. Можно предположить, что при наличии такого разделения у женщины меньше ожиданий по отношению к своему партнеру как к родителю ребенка, что снижает дополнительное напряжение в партнерских отношениях и способствует удовлетворенности. Таким образом, удовлетворенность в браке возрастает если супруга в повторном браке воспринимает партнера не только как отца своих детей, но прежде всего, как мужчину (партнера по браку).

На данный момент, в российских и зарубежных источниках отсутствует комплексное исследование факторов, влияющих на успешность повторного брака, удовлетворенность повторным браком обоих партнёров. В современных исследованиях описаны результаты исследования влияния отдельных факторов на успешность брака. Исследованием мотивов и гендерных различий мотивации вступления в брак занимались: С. И. Голод [7,8], Е. В. Волченкова, Э. Г. Эйдемиллер и В. В. Юстицкис, Д. А. Шингаркина, Б. Ю. Шапиро, С. В. Ковалев, Т. А. Андреева, И. В. Гребенников, В. А. Сысенко, Л. Б. Шнейдер, Л. Л. Пучкова, Г. М. Хузина, Н. А. Камнева, Т. Е. Аргентова и В. В. Колотилина. Вопросы обусловленности у женщин мотивации вступления в брак социальными и личностными факторами затрагиваются в работах таких авторов, как С. В. Мерзлякова, И. Ю. Зудилина, Е. Н. Устюжанинова, Т. Авдонькина, А. Х. Мухратова, Е. И. Захарова, А. Г. Долгих.

Т. Е. Аргентова, В. В. Колотилина исследовали специфику детско-родительских отношений в семьях повторного брака. Авторы пришли к выводу что, «детско-родительские отношения в семьях повторного брака во многом зависят от возраста ребенка, наличия у неродного родителя (значительно чаще это мужчина) своих детей от предыдущих отношений и общих детей в новом браке» [2].

Т. Е. Аргентова, В. В. Колотилина выделяют 4 типа повторных браков. Основным критерием для выделения является наличие у супругов детей от предыдущих браков, их место, наличие/отсутствие общих детей [3].

Т. Е. Аргентова, Л. В. Аргентова исследовали отличия в оценке женщинами проблем в семье в зависимости от наличия опыта предыдущих брачных отношений [4].

Ответы на вопросы о том, какой должна быть система отношений в успешном браке можно получить, опираясь на исследования в области системной семейной психотерапии В. Сатир и трехкомпонентной теории любви Р.Стернберга. Согласно данным концепциям, совершенная любовь, включает близость, страсть и выполнение обязательств, что предполагает согласованность ожиданий и притязаний партнеров, а также распределение семейных ролей между супругами. Значимость адекватного распределения ролей обусловлена тем, что выполнение основных семейных ролей и предполагает наличие близости, страсти и ответственности. Отсутствие одного из компонентов приводит к нарушению в семейной системе, что приводит к разрушению брака.

В. В. Гагай и А. В. Ефремова исследовали связь ролевой структуры семьи с удовлетворенностью браком. Авторы в своем исследовании приходят к выводу что, «удовлетворенность браком определяется особенностями ролевой структуры семьи, т. е. ведущими ролевыми ожиданиями и согласованностью ролевых ожиданий» [6]. Ученые пришли к выводу, что важными сферами, влияющими на удовлетворенность браком, являются: хозяйственно-бытовая, родительско-воспитательская, а также сфера внешней привлекательности (данная сфера важна, прежде всего для мужчин). Рассогласованность ожиданий в этих сферах характерно для супругов с низким уровнем удовлетворенности браком [6]. В этой связи, интересным на наш взгляд, является исследование влияния особенностей ролевой структуры семьи на удовлетворенность браком в повторно-брачных отношениях.

Е. М. Фещенко, в своей работе отмечает, что на разных этапах развития семьи ожидания и притязания претерпевают изменения [10].

И. А. Медведева, Т. М. Карманова провели исследования различий ролевых установок женщин в первичном и повторном браке. Результаты исследования позволили сделать выводы о том, что существуют различия в ролевых установках женщин в первичном и повторном браке, причиной которых является наличие опыта супружеских отношений. Отличия проявляются в снижении ожиданий активного включения мужа в решение хозяйственно-бытовых проблем и финансового обеспечения. Приоритетными сферами для женщин в повторном браке становится удовлетворение потребности в эмоциональной близости с партнером. Значимым для женщин, вступающих в повторный брак является совпадения норм морали и ценностей, наличия взаимопонимания и общих интересов. Интимно-сексуальная сфера и функции родительского воспитания в равной степени важны для женщин как в первичном, так и в повторном браке. Однако, следует уточнить, что в данной выборке у женщин, вступающих в повторный брак детей не было [10].

Как правило, в большинстве случаев, в повторном браке женщина проживает со своими детьми, в то время как дети мужчины от первого брака остаются жить с матерью. Каждая женщина, вступая в брак, стремится к счастью. Одним из критериев счастья для большинства женщин является удовлетворенность в браке. Таким образом, важным является исследование психологических особенностей женщин, воспитывающих детей в повторном браке, их связь

с удовлетворенностью браком и построением гармоничных внутрисемейных отношений как между супругами, так и детско-родительских, в том числе между ребенком и неродным родителем. Следовательно, актуальными являются исследования ролевых установок и индивидуальных особенностей женщин, воспитывающих детей в повторном браке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргентова Л. В. Повторный брак как феномен современной социальной жизни монография. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2015. 108 с.
2. Аргентова Т. Е., Колотилина В. В. Особенности детско-родительских отношений в семьях повторного брака // Вестник КемГУ. 2013. № 4. С. 102–106.
3. Аргентова Т. Е., Колотилина В. В. Семья повторного брака как феномен современной социальной жизни // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3. С. 113–117.
4. Аргентова Т. Е., Аргентова Л. В. Особенности оценки женщинами проблем в семье при первом и повторном браке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С. 51–59.
5. Большая российская энциклопедия. Брак. Авторы- составители: А. Б. Синельников (Современные представления о браке); Г. К. Дмитриева, Л. Б. Максимович (Брак в праве); Л. В. Литвинова, В. Цыпин (брак христианский); Д. В. Вальков, С. Б. Яблонская (брак в иудаизме); В. О. Бобровников (брак в исламе); В. Г. Лысенко (брак в индуизме). URL: <https://old.bigenc.ru/> (дата обращения: 05.01.2025).
6. Гагай В. В., Ефремова А. В. Ролевая структура семьи как фактор удовлетворенности браком // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 3. С. 30.
7. Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984. 136 с.
8. Голод С. И., Клецин А. А. Состояние и перспективы развития семьи. СПб: СПбФ ИС РАН, 1994. 44 с.
9. Медведева И. А., Карманова Т. М. Супружеские установки женщин в первом и повторном браках // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 5. Екатеринбург, 2016. С. 149–152.
10. Фещенко Е. М. Ролевые ожидания и притязания супругов на разных этапах развития семьи // Вестник Брянского госуниверситета. 2012. № 1. С. 172–175.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

УДК 199.9

Кретова Лола Адриановна,
кандидат психологических наук,
преподаватель Института философии и психологии «Человек и мир» (Москва),
lola.kretova@gmail.com

«УХОД В ЛЕС»: ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ НОСТАЛЬГИЯ, СВОБОДА, РЕШИМОСТЬ

Городское видение мира, мегаполисные представления о жизни, в том числе о том, что мегаполис — это территория возможностей, пространство самоактуализации, остаются незримым дискурсом даже в таком «человеколюбивом» направлении психотерапии как экзистенциально-гуманистическое. Вопросы тревоги, неудовлетворенности жизнью, собственной неуместности незримо и невольно размещаются в смысловом поле мегаполиса. «Лесистые» мыслители, философы, писатели, психотерапевты откликаются на эти вопросы из другого пространства — из Леса. В статье рассматривается феноменология и онтология «Ухода в Лес», историческая устойчивость феномена, способы, каким он себя жает в современном мире. Лес, как и прежде, становится местом и временем, связанным со стремлением к себе настоящему и к жизни, «какой она должна быть», способом приближения к «утраченной родине духа».

Ключевые слова: уход в лес, онтологическая ностальгия, решимость, психотерапия, суверенность, бытие собой.

KRETOVA L. A.
‘DER WALDGANG’:
ONTOLOGICAL NOSTALGIA, FREEDOM, DETERMINATION

The urban vision of the world, megalopolis ideas about life, including the idea that the megalopolis is a territory of opportunities, a space of self-actualization, remain an invisible discourse even in such a “humanitarian” direction of psychotherapy as existential-humanistic. The issues of anxiety, dissatisfaction with life, one’s own irrelevance are invisibly and involuntarily placed in the semantic field of the megalopolis. “Forest” thinkers, philosophers, writers, psychotherapists respond to these questions from another space — from the Forest. The article examines the phenomenology and ontology of “Going to the Forest”, the historical stability of the phenomenon, the ways in which it manifests itself in the modern world. The forest, as before, becomes a place and time associated with the desire for oneself in the present and for life “as it should be”, a way of approaching the “lost homeland of the spirit”.

Keywords: going to the forest, ontological nostalgia, determination, psychotherapy, sovereignty, being oneself.

«У человека на свете две радости:
одна — в молодости выйти из дома,
другая — в старости вернуться домой».

Михаил Пришвин

УХОД В ЛЕС КАК ФЕНОМЕН

«Уход в Лес» как некий интуитивно схватываемый феномен вызывает определенные коннотации и у религиозного человека, и у человека сугубо светского, и у исследователя, и у того, кто далек от гуманитарных наук. Например, как собственный опыт ухода в лес для уединения, опыт отрешенности и возвращения к миру более глубокому и большему, нежели деятельный, энергичный мир мегаполиса. Или припоминание святых, что предпочли жить отшельниками в лесах. Нередко это художественная литература: прежде всего русская, немецкая, австрийская, скандинавская, американская. И конечно же это тексты мыслителей, которые напрямую обращаются к феномену Ухода в Лес или косвенно — рассматривая динамику «маятникового модерна», движение между протоэкологизмом и технократией [9], или рассуждая о противостоянии между Империей и пустыней.

Стоит, однако, отметить, что у большинства людей эти коннотации вовсе не являются интеллектуальным пониманием, отвлеченным размышлением о феномене. Соприкосновение с опытом Леса через книги, фильмы, тексты мыслителей, через музыку и поэзию — через мусическое — сущностно иное. Оно коренится в собственном опыте священного, в ностальгических воспоминаниях, в опыте *бытия собой*. И особенно в таком явлении, как как переезд горожан за город, в устремленности к жизни на земле, среди лесов и полей, садов и огородов, под небом, где видны звёзды, в переживании родного и возвышенного. Феномен Ухода в Лес, рассматриваемый не только на психическом, социальном уровне контекста, но прежде всего на бытийном, показывает свою смысловую сопряженность с *онтологической ностальгией* — тоске человека по себе настоящему, по подлинному бытию. Глубокое внимание к этому явлению позволяет выйти за рамки привычного говорения о социальных, оздоровительных, воспитательных и культурных аспектах загородной жизни и взглянуть на Уход в лес как на духовное переживание, духовное решение и духовный опыт.

Связанность природы и значимых человеческих переживаний, целостность бытия человека в мире поэтические описания времен года и природных стихий, ностальгия по родному — все это в русской словесности, в философской и религиозной мысли обретает особый объем, особую онтологическую значимость. В этом плане близкое мировосприятие, близкие смыслообразы, простирающиеся в духовное, и объединяют писателей, мыслителей и наших современников — горожан, ушедших в Лес.

Еще в середине прошлого века немецкий мыслитель Эрнст Юнгер в своем эссе «Уход в лес» [17] описывает такое противление захваченности благами и возможностями большого города, стремление к свободе, высвобождение

от власти цифровизации и социальной заботы государства. Уход в лес — это ответ на невозможность выбора, осознание предела, за которым нельзя «отдавать на откуп свое собственное суверенное решение». Как пишет философ Александр Михайловский, переводчик и исследователь Юнгера, «Ушедший в Лес, одиночка обретает в Лесу неподверженную разрушительной работе времени субстанцию, которая становится для него источником свободы, необходимой для того, чтобы сказать «нет» [10, с. 141]. Вопрос о том, можно ли вообще противостоять планетарному «мировому государству», кажется неразрешимым лишь тем, кто подвержен сильному оптическому обману прогресса. Иллюзия неуклонно возрастающего комфорта и безболезненного существования приводит к тому, что подавляющее большинство людей начинает бояться свободы. Ушедшего в Лес отличает «нестерпимая жажда свободы». Опыт суверенного решения описывает и Мартин Хайдеггер в своем известном эссе «Творческий ландшафт: почему мы остаемся в провинции?». Отечественному читателю хорошо знаком другой весьма наглядный пример Ухода в Лес, прочитываемый в дневниковых записях Михаила Пришвина, где Лес — это духовное приближение к утраченному целостному миру, связываемому с образом духовной Родины [4] или «обжигающий опыт леса» В. В. Бибихина [1].

Исследовать этот юнгеровский, пришвинский, хайдеггеровский, бибихинский Лес в психологии весьма непросто. Психологические исследования и психотерапевтические практики как правило обращены к жителю мегаполиса, в жизни которого целеполагание и результаты занимают наиболее почетное место, а соотнесение с ценностями заставляет страдать — от внутреннего конфликта, от неперенной необходимости и невозможности выбора.

Будучи прежде всего «мегаполисной» практикой, психотерапия невольно склонна удерживать человека в целях, ценностях и смыслах агломеративного мира через помощь в поиске идентичности, самостоятельных выборов, помощь в преодолении критических ситуаций, угрожающих «выпадением» человека из агломеративного механизма. Объем такой усредненной заботы непрерывно нарастает, но словно невидимая стена не дает пройти непосредственно к смыслам, шагнуть в мир иной эпистемологии.

УХОД В ЛЕС И РОМАНТИЗМ

Протестом и против такой эпистемологии, и против включенности в механизм мегаполиса, в план благополучия, отбирающего у человека субъектность, стремлением уберечься от «тотального контроля и подчинения городскому миру» становится Уход в Лес, который фактически представляет собой продолжение двухсотлетнего романтического импульса XVIII века и неоромантизма XX века. В решимости вальдтангеров, в романтическом дискурсе и способе бытия открывается целостный мир, который движется из столетия в столетие, не теряя и не меняя своих ключевых смыслов. Ностальгия по утраченному миру, чаемая и недостижимая полнота, подлинность существования в романтизме связаны с поиском и опытом собственной аутентичности, свободой и суверенностью, живым религиозным чувством.

Жажда подлинности бытия не возникает в нейтральных условиях: отнятая свобода, отнятое бытие собой вызывает героический протест против втянутости в просветительский миф, пробуждает тоску и томление по утраченному миру, решимость выйти из общества, которое отзывает человека от его божественной родины [3], отчуждает его от самого себя, вытравливает в человеке ностальгию, притяжение к бытию. Ностальгическое притяжение — это не просто счастливые, «позолоченные временем», «сладко-горькие» воспоминания о безвозвратно ушедшем. Это зов Бытия, призыв невозможной полноты и подлинности существования. В ностальгическом переживании человек вспоминает себя настоящего [19, 7], и это воспоминание простирается одновременно и в опыт будущего, и в опыт прошлого [15], в том числе в опыт, стоящий за пределами земной жизни. Переживание бытия собой или чаяние такого переживания связано с интуицией самопревосхождения, с интуицией богообщения.

УХОД В ЛЕС В ОПЫТЕ СОВРЕМЕННОКОВ

Романтический мир (по всей вероятности, мир более древний, ранее также переоткрытый в эпоху Средневековья, к которой тяготели романтики) переоткрывается и воспроизводится заново не только неоромантиками прошлого столетия, но и нашими современниками.

Следование собственному пути, опыт путешествия находится в тесной связи с переживанием родного — с его утратой и обретением. Тоска по себе настоящему и уникальному, ностальгия и решимость одиночки — это одновременно тоска об утраченной принадлежности чему-то большему, о сопричастности истоку. Значимые воспоминания детства, связанные с опытом себя-в-мире, связь с природой, поэтическое, возвышенное схватывание мира разворачивают совершенно иное восприятие времени, простирающееся назад и вперед: воспоминание — это еще и созерцательное, напряженное ожидание.

Откликом на зов Бытия становится решимость — Уход в Лес как в пространство свободы, и в том числе — в пространство подлинного бытия собой. Лес как пространство суверенности дает о себе знать не только в литературе двух последних столетий, но и в текстах наших современников в соцсетях [6]. «Уход в Лес» опирается не на логику рационального, а на внутреннее чувство, на прислушивание к самому себе которое сущностно — прислушивание к близости Бога, открытость этой близости. Это внутреннее чувство нередко коренится в ностальгических воспоминаниях, воспоминаниях об опыте себя живого, настоящего.

Феноменолого-герменевтический анализ позволил выделить и описать какие смысловые темы наиболее часто звучат в текстах современных вальдгангеров, какой опыт и переживания в своей загородной жизни они выхватывают как наиболее значимые, сцепленные с сущностью, средоточием жизни. Среди этих тем:

При-бытие (или прибытие). Описание переживания, связанного с прибытием в родные места, домой, или на место, которое может стать родным домом. Ожидание встречи, которое автор наделяет особым, онтологическим смыслом: «преддверье подлинного бытия».

Природный мир как Другой. Окружающий мир загорода (в противоположность миру социальному) — природа, дом, сад становятся Другим, который «обращается» к сущностному в человеке, ведет с ним «диалог», а порой воспринимается как захватывающая сила, препятствующая возвращению к привычной городской целеустремленности.

Труд и образ жизни, в котором есть суверенность, созерцательность, замедление или даже вневременность, умиротворение, особый ритм и принятие непредсказуемости жизни.

Ностальгия. Онтологический опыт, прерывание которого вызывает тоску по утраченному. Ностальгическое переживание, которое предваряет и сопровождает «Ушедшего в лес», сцепляется с воспоминаниями детства как воспроизведение детского опыта легкости, самодостаточности, ненавязчивой заботы близкого человека, единения с природой, непринужденности и свободы.

Бытие собой. Бытие собой — это по большей части бытие в одиночестве и тишине.

Эти смысловые темы в историческом плане оказались чрезвычайно устойчивыми, взаимосвязанными, прототипичными. Причем тема онтологической ностальгии — тоски по себе настоящему, по подлинной жизни — звучит как задающая основу жизненному миру вальдгангеров.

И здесь важно подчеркнуть, что опыт Ухода в Лес — это не буколический опыт, а «приближение к огню»: по Бибихину, человеку, обнаружившему просвет, важно выстоять, когда подступит ближайшее, выстоять в своей решимости быть в этой близости к главному. За видимой обретенной безмятежностью — решимость и свобода, цена которых по-своему растет день ото дня. Но растет и внутренняя ясность, целостное схватывание своей жизни и мира как целого.

Романтический мир, к которому принадлежит и феномен Уход в Лес, простирается не к диалогичности, и не только к своему внутреннему Я, а значительно дальше — к природе, космосу, к феноменам, напоминающим об «утраченной духовной родине» — к «жизни, какой она должна быть» (Джек Финней), к бытию собой. В пространство консультирования этот мир приходит как целостный, узнаваемый, передаваемый мир, где обращение к отдельным смысловым темам означает обращение ко всем темам.

«УХОД В ЛЕС» И ТЕМА БЫТИЯ СОБОЙ В КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

Вопрос о том, как «обрести себя», как «быть собой» в психологическом консультировании или в любом другом живом человеческом общении, которое для человека значимо и предполагает открытость и глубину, может прозвучать напрямую. В то же время он может дать о себе знать через переживание тревоги, утраты, одиночества, подавленности, жизненного кризиса, где на первый взгляд человек сталкивается с другой проблемой, нежели вопросы собственной аутентичности. При внимательном вслушивании можно обнаружить, что вопрос о бытии собой простирается за свои пределы: поиск себя соприкасается и с поиском Бога, и с поиском подлинных отношений с людьми, и с поиском своего

места в мире, и с проникновением в культурный, исторический контексты собственного бытия, соприкасается с природным, космическим миром.

Однако такое вслушивание и обнаружение бывает затруднено «шумовыми помехами», которые создают доминирующие в обществе и культуре способы говорения о бытии собой, о становлении. Собеседники не рискуют говорить о подлинных чаяниях, а скорее обращаются к тому, как принято «искать себя» в настоящий момент или размышлять о «бытии собой», редуцируя это бытие к выбору своего «Я», к саморазвитию и самосовершенствованию. У собеседников, в том числе у терапевта и клиента (пациента), у преподавателя и слушателя, у священника и прихожанина, у родителя и ребенка смысловой образ, опыт, интерпретация «бытия собой» могут сущностно различаться. Трудности создает и разделенный язык: современный человек в разных контекстах (в житейском или научном, в консультативной беседе или в духовной) говорит о «бытии собой», приспособляясь, и таким образом нигде не говорит о бытии собой в полноте. Приспособленный к контексту и как правило рациональный язык перестает быть «домом бытия», языком «мыслителей и поэтов», осуществляющим открытость бытия [14], открытость тому главному, что есть в бытии собой.

Популярное представление о «поиске себя» часто подразумевает потребность в достижении идентичности, избираемой из множества вариантов, предлагаемых социальной, культурной средой, обществом, в которое человек пытается вписаться, чтобы обрести личную силу и направленность жизни [13]. В этом отношении поиск аутентичности через такие социокультурные аспекты как аутентичный быт, аутентичный дом, аутентичная одежда и прочее также представляет собой поиск идентичности, стремление стать частью некой социальной группы.

Несколько иной разворот предполагается концепцией «авторства жизни», которое в своей претенциозной модальности основано на убеждении, что стать можно кем захочется. Один из вариантов такого «авторства» — попытка слепить, сконструировать себя через психотехники. В то же время под «авторством» могут подразумеваться субъектные, ответственные, творческие усилия человека быть «действующим лицом» в своей жизни [12] или намерение раскрывать свое подлинное «Я» (свою судьбу, свое предназначение) и следовать ему.

Как мы видим, спектр представлений о поиске себя и бытии собой богат и онтологически различен. Настоящее бытие собой занимает в нем небольшую территорию. Превалирующий социокультурный дискурс говорения о бытии собой, когда человек рассказывает о своей проблеме, о своих поисках способом, наиболее «громко звучащим» в его мире — в интернете, в церковной среде, в его референтном кругу — также может оказаться ширмой, препятствием к тому, чтобы разглядеть и увидеть, что же на самом деле он ищет.

АУТЕНТИЧНОСТЬ В ПСИХОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

В современной психологической науке представления об аутентичности разнятся также, как и в житейском мире. Однако в феноменологическом плане можно говорить о следующих значимых проявлениях аутентичности [11]:

- следование своей природе и индивидуальности;
- чувствительность к небытию собой, в том числе распознавание провокаций внешнего мира, его попыток отобрать субъектность;
- потребность в неизменном основании (есть, куда возвращаться).

Результаты исследований указывают на то, что аутентичность связана с уверенностью и устойчивостью, помогает преодолевать трудности и кризисы, способствует благожелательности во взаимоотношениях с людьми.

Несмотря на значительную представленность аутентичности в психологии и психотерапии, прежде всего экзистенциально-гуманистической психологии, остается ощущение, будто до нас дошли какие-то отдельные фрагменты, отголоски, эхо или даже тени от той аутентичности, которая подразумевалась мыслителями изначально.

Тема аутентичности наиболее отчетливо начинает звучать в эпоху Просвещения в русле романтического мироосмысления как реакция на встраивание человека в социальные и общественные механизмы, в чуждые ему дискурсы, способы видения, мышления, говорения (несомненно, она звучала и раньше в схожих контекстах).

В мироощущении романтиков аутентичность напрямую связана с такими переживаниями как

- чаемая и недостижимая полнота бытия, ностальгия по полноте существования;
- ограниченность земной жизни, смерть;
- оторванность от детства, дома, родной природы (переживание утраченного рая) и стремление вернуться к тому, от чего оказался оторван, влиться в превосходящее;
- необходимость вырваться из «включенности в механизмы» — социальные и технические;
- ответственность за собственную судьбу, перемены в жизни, верность себе;
- живое религиозное чувство;
- восхищение мирозданием, благоговение.

БЫТИЕ СОБОЙ, ВОЗРАСТНЫЕ ЭТАПЫ, БЛАГОГОВЕНИЕ

В какой момент, на каком этапе жизни человек начинает задаваться вопросами о себе? Почему человеку надо пройти такой странный путь становления — от бытия собой в детстве к становлению кем-то (поиски идентичности) — к следованию курсом чужих целеполаганий и ценностей, кажущихся собственными, а затем начать томиться по утраченному и возможно совершить поворот, возвращение к тому, каким он когда-то был? Почему этот уход от себя выглядит неизбежным, необходимым для бытия? Ответы на эти вопросы не очевидны, впрочем, как не очевиден ответ на вопрос о том, меняется ли сущность человека, или только его личность. Притча о Блудном Сыне, ее глубина и многоплановость способна вызвать жаркие споры о том, изменился ли младший сын, обрел ли он себя, и что, собственно, есть изменение и возвращение.

Как показывают наши исследовательские работы [5], в юности впервые переживается тоска по сладости утраченного детства, по себе свободному и настоящему. Очень часто в таких воспоминаниях — время, проводимое на природе, в деревне, где есть привольность и самостоятельность, и есть ненавязчивая, практически незаметная забота близких. В этом времени запечатлеваются и первые мечты (или догадки) о себе, обращенные к своему будущему — к семейной жизни, к профессиональным занятиям.

Затем эта ностальгия по своему детству словно отодвигается на задний план, в тень. И возвращается с новой силой, вбирая в себя не только тоску по детству, но тоску по родине более ранней, изначальной. Этой тоске нередко соположено переживание возвышенного — того, что позволяет нам ощущать свои пределы, но также и духовную независимость от них [16], опыт благоговения, который как правило связан с восхищением природой, стихией, но также возникает как благоговение перед внезапным проявлением чего-то особенного в человеке, в людях — проявлением божественного начала, божественного света или святости.

И здесь возникает второй план — благоговение и связанное с ним самопревосхождение, выход за свои пределы с одной стороны, убирают сосредоточенность человека на себе, все эти поиски себя, стремление к авторству и прочее, а с другой, внезапно дают человеку ощущение этой самой подлинности, настоящей, аутентичности [18].

Возможно, здесь дает о себе знать та целостность, протофеноменальность, та динамика, которую интуитивно ощущает и передает философия романтизма. Поиск себя действительно становится духовным поиском, самопревосхождением, которое переживается как подлинное бытие собой. Но у романтиков жажда аутентичности, поиск себя парадоксальным образом не персонологичны, это поиск человека-в-мире, поиск, простирающийся в ностальгию — тоску по духовной родине, по утраченному раю, в опыт суверенности, в красоту и величие природы, в глубину, требующую от человека выхода из механизмов, в которые он включен обществом «ради его же блага». Тоска по себе настоящему в этом мире не возникает просто так, а как отклик на отнятую свободу, на утрату своей подлинности. «На лесной тропе есть риск заблудиться, и путник теряет себя, чтобы себя найти» [8].

Мой опыт индивидуального консультирования и работы с группами свидетельствует о том, сколь живительно для человека обращение к ностальгии, к своему опыту природы и благоговения, суверенного труда. А именно — к воспоминаниям о себе настоящем. За шелухой привычного дискурса, способов говорения о своей жизни, о целеполагании, о свободе и авторстве, открывается переживание, не требующее аргументации. Не каждый человек сможет или захочет назвать это переживание духовным, в том числе, оберегая священное, тайну. Но это то переживание, в котором человек одновременно открывается и в свою собственную глубину, и в превосходящий его божественный Мир.

На наших занятиях по психотерапии бытия или на встречах, которые так и называются «Уход в Лес», где мы обсуждаем тексты и фильмы, близкие опыту Леса, нередко возникает *вопрос о том, где же границы Ухода в Лес*. Одновременно есть интуитивное понимание, что речь не просто о любви к природе и родным местам, не об отдыхе на природе. И даже не всегда или не только о физическом вступлении в Лес, переезде за город или в сельскую местность. Разговор о том, насколько лес должен быть густой — насколько далеко от города, насколько уединенной должна быть жизнь, и может ли это быть не лес, а поле — все они мимо того смысла, который мы предчувствуем в Уходе в Лес как феномене, который считываем в свидетельствах о Лесе других людей.

Что же все-таки можно разглядеть в этих свидетельствах об опыте Леса?

Лесистый мир, с одной стороны, очень прост, в том числе в плане «здесь и сейчас» переживаний, с другой стороны, чрезвычайно суверенен. Для ушедшего в Лес нехарактерно ставить цели и оценивать достижения, что во многом обусловлено принятием сложноустроенности и непредсказуемости жизни, принципиальной неразрешимости многих ее вопросов.

Опыт Леса для горожанина — это опыт свободы и «захваченности». Это детское чувство подлинности, от которого человек уходит, чтобы что-то сделать в этой жизни, и к которому человек возвращается всю свою жизнь. Тоска по родному месту простирается далее родного места и становится онтологической ностальгией. Родина постоянно отодвигается, подобно горизонту — в сторону детства и даже далее — к протофеноменологическому опыту дома. В городских условиях горизонт не виден; в загородной жизни горизонт недостижим, но отчетлив. Его отчетливость (терапевтичность) рождается через потребность в другом, негородском видении и размышлении, в допущении другого видения, в отклике на его зов.

Это опыт философии (бытия), который не только оказывает целительное (терапевтическое) воздействие на бывшего горожанина. Переживание бытийности, облеченное в слова, распознается слушателями этих слов как собственное переживание, как собственная «тоска по родному», онтологическая ностальгия. Таким образом этот опыт оказывает утешительное воздействие и на человека, который не готов к существенным переменам в своей жизни. Ибо, как отмечает В. В. Бибихин, каждый, кто вступает в Лес, вступает в него на свою глубину [1].

И еще кое-что о текстах наших современников, свидетельствующих об их опыте Ухода в Лес. Во многом они пишут о событиях *«полное участие в которых требует отказа от их именования и осмысления. Такой отказ более распространен, причем в самой обыденной жизни, чем принято считать. Люди исподволь воздерживаются от мысли и речи, опасаясь нарушить неведомую тайную связь с опорой их существа, о которой они редко позволяют себе думать»* [2]. Тексты ушедших в Лес — это кажущаяся открытость. За ней — утаивание, молчание. Прежде всего утаивание духовного опыта, духовных чаяний, которые

не должно открывать всегда и каждому, но которые через описания мира как целого передают читателям узнаваемый в чужих словах собственный опыт, сцеляющий личное время, опыт, который одновременно тащит назад и устремляет к бытию в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биbihин В. В. Лес. Проблема материи, история понятия, живая материя в античной и современной биологии. 2-е издание. СПб.: Владимир Даль, 2024. 479 с.
2. Биbihин В. В. Язык философии. URL: https://www.bibikhin.ru/yazik_filosofii#b130 (Дата обращения 12.10.2023).
3. Горичева Т., Орлов Д., Положенцев А. Каспар Давид Фридрих: взгляд по ту сторону горизонта. Об актуальном в романтизме // Альманах РУССКИЙ МИРЪ. Пространство и время русской культуры. 2010. № 3. С. 208–239.
4. Кнорре Е. Ю. «Ушедший в Лес» в поисках «кладовой солнца»: философия спасения Михаила Пришвина // Вопросы философии. 2023. № 11. С. 16–22.
5. Кретова Л. А. Возрастные особенности тематического и образного содержания ностальгических воспоминаний // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. № 1. С. 20–30.
6. Кретова Л. А. Смыслообразующий опыт загородной жизни бывших горожан: бытийный контекст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Вып. 3. С. 265–283.
7. Кретова Л. А. Терапевтическое воздействие «загородного» нарратива: утешение и смысл // Новые психологические исследования. 2022. № 1. С. 34–55.
8. Михайловский А. В. Мартин Хайдеггер — философ на лесной тропе // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2009. № 2. С. 112–121.
9. Михайловский А. В. Маятник модерна: дискуссии о технике в Германии. М.: Академический проект, 2024. 495 с.
10. Михайловский А. В. Memorandum partisini sive anarchi / Уход в Лес. М.: Ad Marginem, 2020. С. 123–242.
11. Нартова-Бочавер С. К. Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования // Психологический журнал. 2011. № 6. С. 18–29.
12. Низовских Н. А. Человек как автор самого себя: психосемантическое исследование жизненных принципов в структуре саморазвивающейся личности. М.: Смысл, 2007. 255 с.
13. Свасьян К. Человек в лабиринте идентичностей. М.: Evidentis, 2009. 192 с.
14. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447 с.
15. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. Мир — Конечность — Одиночество. СПб.: Владимир Даль, 2013. 592 с.
16. Шиллер Ф. О Возвышенном. Собрание сочинений Шиллера, в переводе русских писателей. т. 4. СПб.: Типография Акционерного Общества «Брокгауз-Ефрон», 1902. 368 с.

17. Юнгер Э. Уход в Лес. М.: Ad Marginem, 2020. 144 с.

18. Jiang, T., Sedikides, C. Awe motivates authentic-self pursuit via self-transcendence: Implications for prosociality // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2022. Vol. 123. No 3. Pp. 576–596.

19. Sedikides C., Wildschut T., Arndt J., Routledge C. Self and Affect: The Case of Nostalgia // *Affect in social thinking and behavior: Frontiers in social psychology*. / In J. P. Forgas (Ed.). New York, NY: Psychology Press. 2006. Pp. 197–215.

ОЦЕНКА ГОТОВНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СПО К РЕАЛИЗАЦИИ ПОМОГАЮЩЕГО СТИЛЯ В ОБУЧЕНИИ

Статья посвящена проблеме экспертной оценки готовности преподавателя СПО к реализации помогающего стиля в обучении. В статье рассматриваются основные характеристики помогающего стиля обучения, описывается комплексная методика педагогической диагностики, направленной на оценку готовности преподавателя СПО к реализации помогающего стиля в обучении, приводятся результаты педагогической диагностики, проведённой среди преподавателей колледжа РХГА им. Ф. М. Достоевского в г. Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: экспертиза в образовании; стили обучения; помогающий стиль обучения; оценка готовности преподавателя.

LITVINENKO E. L.

ASSESSMENT OF THE READINESS OF THE SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION TEACHER TO IMPLEMENT A HELPING STYLE IN TEACHING

The article is devoted to the problem of expert assessment of the readiness of a secondary vocational education teacher to implement a helping style in teaching. The article examines the main characteristics of the helping teaching style, describes a comprehensive methodology of pedagogical diagnostics aimed at assessing the readiness of a secondary vocational education teacher to implement a helping style in teaching, and presents the results of pedagogical diagnostics conducted among teachers of the College of the Russian Christian Academy of the Humanities, Saint-Petersburg, Russia.

Keywords: expertise in education; teaching styles; helping teaching style; teacher readiness assessment.

Актуальность исследования. Запрос современного общества на индивидуализацию образования влечёт за собой изменения в традиционных отношениях между субъектами образования, в частности, между педагогом и учащимися. Рассматриваемого педагогической наукой демократического стиля обучения не всегда оказывается достаточно для описания отношений, которые должны выстраиваться между педагогом и его учащимися в рамках современной образовательной парадигмы. В связи с этим мы представили характеристику ещё одного стиля обучения — помогающего и рассмотрели, по каким критериям и показателям можно отследить готовность педагога к его реализации. В исследовании мы сделали акцент на преподавателях, работающих в системе среднего профессионального образования со старшими подростками, так как применение помогающего стиля в работе с учащимися данного возраста мало изучено, следовательно, представляет научный интерес. Исследование было проведено в рамках выполнения научно-исследовательской работы по направлению маги-

стратуры РГПУ им. А. И. Герцена 44.04.01 «Педагогическое образование» (профиль «Экспертиза в образовании»), представленной к защите в Институте педагогики РГПУ им. А. И. Герцена в декабре 2024 года.

Теоретические основы исследования. Помогающий стиль педагогического общения близок демократическому стилю. Термин «помогающий стиль» применительно к воспитанию ребёнка в семье впервые был предложен американским психологом второй половины XX века Ллойдом Демосом. [5] Помогающий стиль определяется им как стиль воспитания, нацеленный на удовлетворение потребностей ребёнка на каждой стадии его развития. При этом воспитатели (родители) не ограничивают проявление индивидуальных черт характера ребёнка, его особенностей, наклонностей, способностей; не пытаются переделать его и воспитать в соответствии с неким воспитательным шаблоном или образцом. Задача воспитателя — создавать условия для индивидуального развития ребёнка, помогать ему при возникновении трудностей.

Американский психолог XX века, один из создателей гуманистической психологии Карл Рэнсом Роджерс выделяет следующие психологические особенности помогающего стиля: искренность при общении; понимание и принятие человека, его отношения к миру, его чувств и эмоций; обращение к человеку с любовью и уважением; отношение к человеку как к цельной личности; создание ощущения безопасности, защищённости, теплоты при общении; свобода излучать себя и другого человека; свобода от любой моральной оценки [4].

В основе помогающего стиля лежат принципы доверия, понимания и принятия. В условиях доверительных отношений ученик становится более творческим, самостоятельным, дисциплинированным, менее зависимым от окружающих. Доверие между педагогом и учеником способствует личностному росту ученика, его саморазвитию. Помощь ученику, его поддержка возможны лишь в условиях понимания ученика и его принятия как личности. Принятие ученика означает понимание его индивидуальных особенностей, безоценочное общение с ним, толерантное отношение к его идеям, мыслям, суждениям, отсутствие стремления «переделать» или перевоспитать ученика. Принятие ученика предполагает оказание ему помощи, основанной на его индивидуальных способностях, стремлениях и желаниях, с учётом его личностных качеств и жизненных обстоятельств. Помощь не должна быть «навязана» педагогом извне, не должна превращаться в стремление внушить ученику идеи педагога. В атмосфере доверия, принятия и взаимопонимания помощь происходит во время диалога, открытого обсуждения какого-либо вопроса. Только открытая беседа, в которой каждый может высказать свою точку зрения, не боясь быть осуждённым, будет способствовать взаимному личностному росту как ученика, так и педагога.

Говоря об оценке готовности преподавателя к реализации помогающего стиля в обучении, под оценкой мы подразумеваем экспертную оценку, как процедуру оценивания проблемы на основе группового мнения специалистов — экспертов [6]. Оценка выставляется на основании соответствия ряду критериев, предложенных экспертами. Готовность к реализации помогающего стиля в обучении подразумевает наличие у педагога необходимых знаний, умений,

практических навыков, а также личной заинтересованности (мотивации) в применении данного стиля педагогического общения. Таким образом, она включает в себя три компонента: мотивационный, когнитивный и практический [3]. Оценка готовности к реализации помогающего стиля обучения является одним из видов педагогической диагностики — системы специфической деятельности педагогов и педагогических коллективов, нацеленной на выявление интересующих свойств личности с целью измерения результатов воспитания, образования и обучения [1, 2].

Проведение исследования. В рамках исследования в сентябре-октябре 2024 года нами была проведена педагогическая диагностика среди 15 преподавателей колледжа РХГА им. Ф. М. Достоевского г. Санкт-Петербурга с целью выявления степени их готовности к реализации помогающего стиля в обучении. Для этого мы разработали комплексную диагностическую методику, включающую опросник «Ситуации на занятии» для определения основного стиля обучения педагога и «Профайл готовности преподавателя к реализации помогающего стиля обучения» для самодиагностики педагога.

«Профайл готовности преподавателя к реализации помогающего стиля обучения» разделён на три части, отражающих три компонента готовности преподавателя — мотивационный, теоретический и практический. Оценка по каждому компоненту готовности педагога проводится на основе степени соответствия ответов педагога предложенному критерию. Педагогу предлагается положительно или отрицательно ответить на утверждения, отражающие значения показателей, входящих в указанный критерий. Оценка степени готовности педагога проводится с помощью подсчёта положительных и отрицательных ответов педагога по каждому критерию и по общей сумме данных положительных и отрицательных ответов. Результаты представляются в процентном отношении положительных ответов по каждому из критериев и в целом по профайлу и оформляются в виде, представленном в таблице 1.

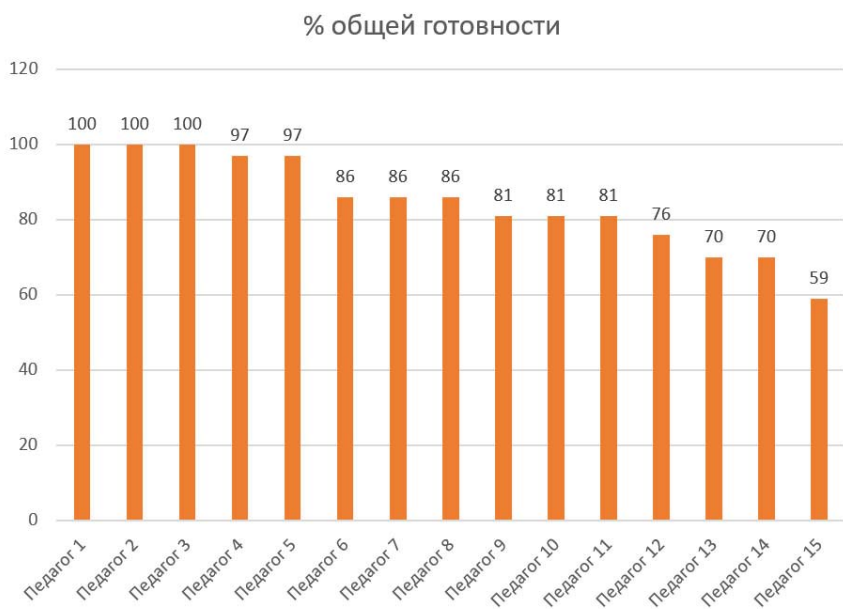
Таблица 1 — Представление результатов оценки готовности педагога по «Профайлу готовности преподавателя к реализации помогающего стиля обучения»

Ф И О педагога	Положительные ответы по критерию «Наличие мотивации к реализации помощищего стиля в обучении» (в процентах)	Оценка готовности по критерию № 1 (очень высокая / высокая / средняя / низкая)	Положительные ответы по критерию «Наличие необходимых знаний о помощищем обучении» (в процентах)	Оценка готовности по критерию № 2 (очень высокая / высокая / средняя / низкая)	Положительные ответы по критерию «Наличие профессиональных умений для применения помогающего стиля обучения» (в процентах)	Оценка готовности по критерию № 3 (очень высокая / высокая / средняя / низкая)	Положительные ответы по профайлу (всего, в процентах)	Оценка готовности общая, по всем критериям (очень высокая / высокая / средняя / низкая)

Высокой степенью готовности педагога к реализации помогающего стиля обучения считается достижение результата 75% и выше по каждому из критериев и в целом по профайлу; средней степенью готовности — достижение результата от 50% до 75%; низкой степенью готовности — достижение результата ниже 50%.

Опросник «Ситуации на занятии» позволяет увидеть стратегии поведения педагога в различных проблемных ситуациях, возникающих во время занятия. При анализе результатов опросника эксперт может предположить, насколько данному педагогу свойственно применение стратегий помогающего стиля в работе с учащимися. Опросник включает в себя описание 15 проблемных ситуаций, в каждой из которых педагогу предлагается на выбор 4 варианта поведения. Педагогу необходимо выбрать один вариант, наиболее соответствующий его поведению в описываемой ситуации. Подсчёт результатов проводится по шкалам, отражающим различные стили обучения: поддерживающий автономию, структурирующий, контролирующий, хаотический, вовлечённый, подстраивающийся, направляющий, объясняющий, требовательный, доминирующий, отстраняющийся, ожидающий.

Результаты исследования. Результаты проведённого исследования показали, что по сумме всех трёх критериев общая готовность преподавателей колледжа РХГА к реализации помогающего стиля обучения оказалась положительной (более 50% ответов «да») у всех преподавателей, прошедших самодиагностику. У более половины преподавателей общая готовность оказалась очень высокой; более, чем у трети преподавателей — высокой; средней у одного преподавателя, прошедшего самодиагностику. Графическое отображение в виде диаграммы общей готовности преподавателей колледжа РХГА к реализации помогающего стиля обучения представлено на рисунке 1. С целью соблюдения этики экспертизы имена преподавателей, прошедших диагностику, не разглашаются.

По критерию № 1 «Наличие мотивации к реализации помогающего стиля в обучении» готовность преподавателей колледжа РХГА также оказалась очень высокой у большинства преподавателей. Диаграмма, иллюстрирующая готовность преподавателей колледжа РХГА к реализации помогающего стиля обучения по мотивационному критерию представлена на рисунке 2.

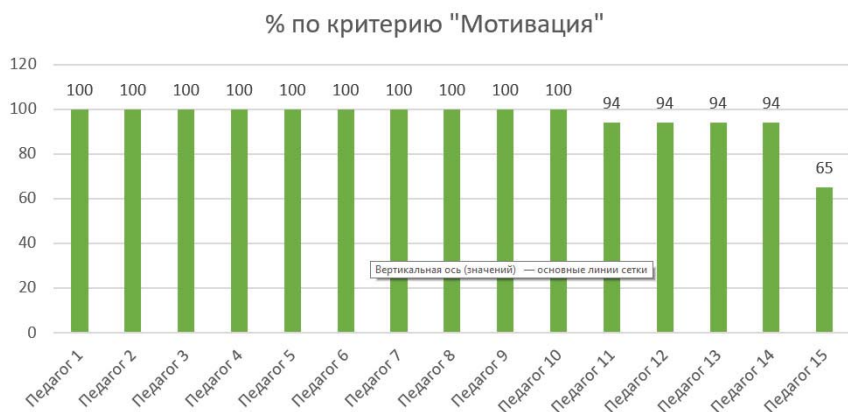

Рисунок 2 — Результаты диагностики по мотивационному критерию

По критерию № 2 «Наличие необходимых знаний о помогающем стиле обучения» готовность преподавателей колледжа РХГА результаты оказались гораздо более различными, чем по критерию № 1. По данному критерию готовность к реализации помогающего стиля обучения у половины преподавателей колледжа РХГА, прошедших самодиагностику, выше средней; у другой половины — ниже средней. Диаграмма, иллюстрирующая готовность преподавателей колледжа РХГА к реализации помогающего стиля обучения по критерию наличия необходимых знаний представлена на рисунке 3.

Рисунок 3 — Результаты диагностики по теоретическому критерию

По критерию № 3 «Наличие профессиональных умений для применения помогающего стиля обучения» готовность преподавателей колледжа РХГА ока-

залась высокой. Диаграмма, иллюстрирующая готовность преподавателей колледжа РХГА к реализации помогающего стиля обучения по критерию наличия необходимых профессиональных умений представлена на рисунке 4.

Рисунок 4 — Результаты диагностики по практическому критерию

Согласно результатам, полученным по методике «Профайл готовности преподавателя к реализации помогающего стиля обучения», наибольшую трудность в развитии готовности преподавателей колледжа РХГА к реализации помогающего стиля обучения представляет отсутствие у преподавателей необходимых знаний об этом стиле обучения. При этом педагоги колледжа РХГА обладают достаточной мотивацией для изучения помогающего стиля и практическим опытом, позволяющим им применять методы помогающего стиля в своей педагогической деятельности. Наличие базы знаний, однако, необходимо для лучшего понимания педагогом трудностей, возникающих в процессе обучения, и лучшего представления о путях их решения. Педагог должен быть знаком с различными стилями обучения, с помогающим стилем в частности, с технологией педагогической поддержки. Он должен знать, что отличает один стиль обучения от другого, какой стиль следует применять в различных ситуациях педагогического общения, какой стиль наилучшим образом раскрывает личностный потенциал учащегося. Без теоретических знаний о стилях обучения педагогу бывает сложно сориентироваться в трудных ситуациях педагогического взаимодействия с учащимися, трудно наладить с ними процесс коммуникации, выстроить доверительные и продуктивные отношения с одним учащимся или с коллективом учащихся.

Результаты опроса преподавателей колледжа РХГА по опроснику «Ситуации на занятии» показали, что основным стилем обучения большинства опрошен-

ных педагогов является структурирующий стиль, подстилем — направляющий. Преподаватели, работающие в таком стиле, большое значение придают структуризации учебного процесса и своей руководящей роли в нём. При организации процесса обучения они стараются объективно оценить возможности и способности учеников, готовы оказать им необходимую помощь и поддержку в усвоении предмета.

Почти четверть опрошенных преподавателей, согласно результатам опроса, работает в стиле, поддерживающем автономию учащихся. Таким преподавателям важно понять интересы учащихся, их увлечения, наклонности и способности. Они стремятся организовывать учебный процесс так, чтобы занятия были максимально интересными и полезными для каждого учащегося. Такие педагоги открыты к диалогу с учащимися, часто предлагают им на выбор несколько видов деятельности, различные задания с учётом интересов учащихся.

Согласно результатам опроса, никто из преподавателей колледжа РХГА не работает в контролирующем или хаотическом стиле.

Графическое отображение результатов опросника «Ситуации на занятии» в виде диаграммы, иллюстрирующей количество педагогов колледжа РХГА, применяющих тот или иной стиль педагогического общения, представлено на рисунке 5.

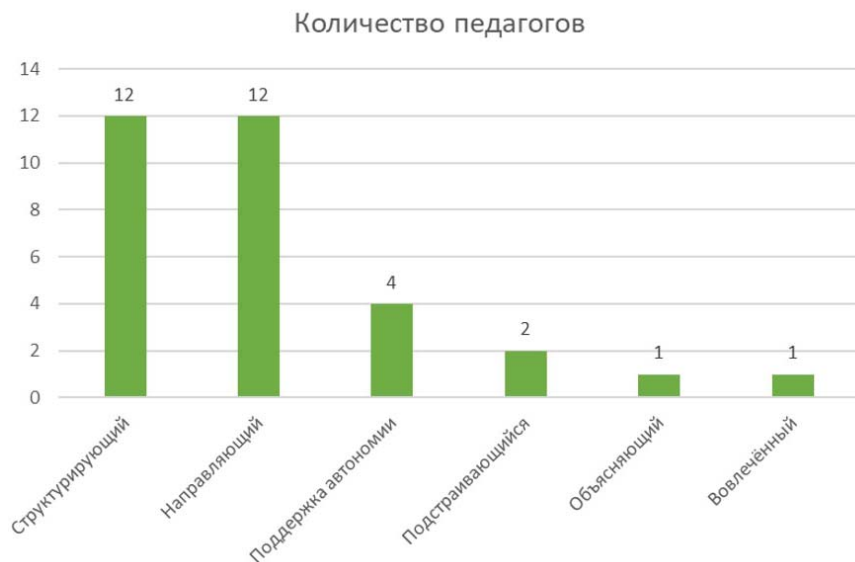

Рисунок 5 — Результаты диагностики по стилям педагогического общения

Выводы. Сопоставив результаты, полученные преподавателями колледжа РХГА по опроснику «Ситуации на занятии» и «Профайлу готовности препо-

давателя к реализации помогающего стиля обучения», мы можем увидеть, что преподаватели, придерживающиеся стиля, структурирующего учебный процесс и поддерживающего автономию учащихся, проявляют высокую готовность к реализации помогающего стиля обучения.

По результатам самодиагностики, для повышения уровня знаний преподавателей колледжа РХГА, мы разработали онлайн курс (<https://stepik.org/course/215382/promo>) по помогающему стилю обучения. После прохождения онлайн курса всеми преподавателями колледжа РХГА, принявшими участие в опросе и в самодиагностике, планируется повторный опрос и самодиагностика преподавателей по этой же методике для выявления изменений в степени их готовности к реализации помогающего стиля обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов В. С. Основы научной организации педагогического контроля в высшей школе // В. С. Аванесов «Педагогическая диагностика», 2002.
2. Аванесов В. С. Педагогические измерения: язык и понятия // Научно-практический журнал «Педагогическая диагностика» 2015. № 2. С. 3–15.
3. Гутник И. Ю., Циммерман Н. В. Оценка готовности педагогов к реализации персонифицированного обучения в общеобразовательной школе // Казанский педагогический журнал 2021. № 6. С. 34–40.
4. Карл Роджерс. О становлении личности. Психотерапия глазами психотерапевта. М.: «Прогресс», 1994. 480 с.
5. Ллойд Демоз. Психоистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 512 с.
6. Современный образовательный процесс: основные понятия и термины. М.: Компания Спутник, 2006. 191 с.

Милер Марина Александровна,
преподаватель Фармацевтического техникума СПХФУ, г. Санкт-Петербург;
аспирант
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
m.miler888@gmail.com

Лукина Людмила Евгеньевна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры культурологии, педагогики и искусств
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
ludmila.lukina@yandex.ru

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ПЕДАГОГА В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ СТУДЕНТОВ

В статье рассматриваются такие ключевые понятия современного образования, как духовность, нравственность, духовно-нравственная культура педагога, духовно-нравственное становление студентов в процессе профессионального образования. Анализ понятия «духовно-нравственная культура педагога» и его структуры проводится с опорой на труды классиков российской педагогики и философии образования (В. И. Вернадского, И. А. Ильина, Л. Н. Толстого и др.), отечественных исследователей закономерностей развития воспитательных систем (Е. П. Белозерцева, Б. З. Вульфов, И. Ф. Исаева, А. А. Королькова, Л. И. Новиковой, А. В. Юревич и др.), современной нормативно-правовой базы образования. Раскрывается значение духовно-нравственной культуры педагога в психолого-педагогическом сопровождении и духовно-нравственном становлении студентов.

Ключевые слова: духовность, нравственность, духовно-нравственная культура педагога, духовно-нравственное становление студентов в процессе профессионального образования.

MILER M. A., LUKINA L. E.
**SPIRITUAL AND MORAL CULTURE OF A TEACHER IN PSYCHOLOGICAL
AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF STUDENTS**

The article examines such key concepts of modern education as spirituality, morality, the spiritual and moral culture of the teacher, the spiritual and moral development of students in the process of professional education. The article analyzes the concept of "spiritual and moral culture of a teacher" and its structure relying on the classical works of Russian pedagogy and educational philosophy (V. I. Vernadsky, I. A. Ilyin, L. N. Tolstoy, etc.), national scientists who explored the development patterns of upbringing (B. Z. Vulfov, I. F. Isaev, A. A. Korolkov, L. I. Novikova, A. V. Yurevich, etc.), the modern regulatory framework of education. The importance of the spiritual and moral culture of a teacher in the psychological and pedagogical support and spiritual and moral development of students is revealed in the article.

Keywords: spirituality, morality, spiritual and moral culture of the teacher, spiritual and moral development of students in the process of professional education.

Культура всегда гордится древностью своего происхождения, неразрывной связью с великим прошлым. Для культуры высшими абсолютами являются истина, красота, правда, любовь, добро, и только тот, кто принимает их как ценности собственного бытия, является истинно культурным человеком.

Н. А. Бердяев

Духовность является прочным фундаментом развития, воспитания подрастающего поколения в противоречивом современном мире. Духовное и нравственное начало являются защитой формирующейся личности в мире зла и негодований, сомнений и поисков смысла: «Прочно Россия стояла, когда устойчивыми были семья, религия, любовь к Отечеству, весь духовно-нравственный уклад жизни: совесть, милосердие, соборное братство в отношениях, любовь к ближнему, стремление к общему благу, почитание святынь и предков, удовлетворенность достатком, но не жажда наживы, трудолюбие» (А. А. Корольков).

Однако в наше время явными являются проблемы гуманитарного знания, которые необходимо рассмотреть на трех уровнях. На макроуровне исследователями большинства направлений гуманитарного знания выделены проблемы общечеловеческого упадка (кризиса Человека, человечности), духовного регресса наций. На мезоуровне очевидна проблематика отсутствия единого понятного диалога с современной молодежью, преемственности ценностей поколений ввиду дезориентированности тех и других из-за воздействия на личность противоречивой информации и кризиса института семьи. На микроуровне проблема видится в обилии мнений о состоянии современной духовности и нравственности в различных сферах жизни, в частности, в социально-образовательной среде образовательных организаций. Общий гуманитарный кризис, несомненно, оказывает негативное влияние на формирование как общей, так и духовно-нравственной культуры каждого участника образовательных отношений. Тревогу вызывает то обстоятельство, что современное молодое поколение заметно отдаляется от своей истории и культуры, социально отчуждаясь в многоликом цифровом пространстве, возрастает риск обесценивая отношений обучающихся с педагогом на всех этапах образования.

Эти факторы актуализируют проблему поиска и использования конструктивных инструментов сопровождения духовно-нравственного становления личности всех категорий обучающихся: «Без духовно-нравственной основы не может устоять ни одно государство, ни одна цивилизация, ни одна империя», ни тонкий зыбкий ум молодого роста в буре самых разных событий» [2].

В подтверждение целесообразности актуализации целей духовно-нравственного развития молодежи обратимся к результатам исследований А. Л. Корженко и др. (2010–2023 гг.) на предмет «построения» духовно-нравственных основ в молодежной среде. В исследовании А. Л. Корженко выделены следующие

характеристики духовных оснований развития современных молодых людей: «1) становление и развитие демократического общества происходит без ориентации на ценностные приоритеты; 2) общая хаотичность этих процессов; 3) разносторонность ценностных ориентаций в массовом сознании молодежи; 4) отсутствие возможностей реализации ценностных ориентации молодежи ведёт к дезинтеграции духовных образований молодежи; 5) увеличение степени несогласования систем воспитания и образования, приводящая к формированию противоположных ценностей и негативных тенденций в общественном сознании; 6) снижение значимости и роли семьи в процессе воспитания; 7) приобретение образованием прагматического оттенка; 8) рост индивидуализма и кризис коллективизма в современной молодежной среде» (Корженко, 2010 год).

Рассматривая молодежь как особую группу (общность) на макро- и микроуровнях, объединённую по возрастному аспекту и периоду развития, мы выявили схожие позиции многих исследователей в оценке духовно-нравственных оснований молодежи и студенчества. Исследователи средового подхода (Ю. С. Мануйлов, В. А. Ясвин, Е. П. Белозерцев и др.) оценивают молодых людей, пребывающих во взаимодействии с пространством, осуществляющих деятельность и формирующихся средой. А. В. Петровский оценивал потенциал молодежной группы как сумму ценностей, норм и деятельности в направлении схожих идей и замыслов; научно-педагогическая школа Л. И. Уманского, а также исследователь Г. Н. Ларина (2017) выявляли уровни социально-психологической зрелости; К. К. Платонов и его ученики рассматривали влияние микро-группы на молодежную макро-группу и их взаимные интеграции; В. Е. Семенов (2017–2018 гг.) исследовал разные духовно-нравственные позиции отдельных молодежных групп, смену «вектора на свободу» на «вектор справедливости». А. В. Юревич (2011–2012 гг.) исследовал психологические аспекты духовно-нравственного состояния молодежи и её реакцию на агрессивный социально-экономический фон, деградацию и деморализацию общества [9]. А. С. Чернышев (2019) рассматривает сопричастность и сотворчество как основы коллективного вклада в будущее для построения нового мира переосмысленных ценностей и форм социальной жизни.

В работах многих исследователей отмечается, что последствия бурного развития в молодёжной среде «потребительского» мышления проявляются в том, что человек забывает о самом главном — человечности, душевности и духовности как исконно русской идее. Борьба с последствиями длительного потребительского (и индивидуалистического) отношения во многих сферах жизни ложится на плечи педагога как главного служителя русской идее. Его миссия сегодня заключается в активизации поиска правды для обретения национального и общечеловеческого, в создании условий для единения внутреннего человека и его жизни с окружающим миром, как сказал великий русский классик Ф. М. Достоевский: «Учитель — это штука тонкая: народный, национальный учитель вырабатывается веками, держится преданиями, бесчисленным опытом». Актуальной проблемой современного образования является анализ структуры понятия «духовно-нравственная культура педагога» и её роли в психолого-

педагогическом сопровождении студентов. Выделим признаки такого качества, как духовно-нравственная культура.

Толковый словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой предлагает следующее определение понятия «признак»: «признак — показатель, примета, знак, по которым можно узнать, определить что-нибудь».

Обладающий высоким уровнем духовно-нравственной культуры практикующий учитель способен преодолеть любые трудности: и профессиональные, и социальные. Мы выделяем первый признак духовно-нравственной культуры учителя — воспитанность в духе традиционных русских ценностей — традиционность, «традиционная культурность».

Современному образованию необходимо возвращение к образу учителя-созидателя, готового служить на благо общества. Учитель дореволюционной России, как и советский учитель, считался идеалом нравственности, образцом служения народу. Способность к служению, высокий уровень самоотдачи педагога — признак профессионализма. Глубокая связь духовности и учительства как феномена отмечена Б. З. Вульфовой: «Вся педагогика — это сфера духовного, а учительская деятельность профессионально духовна по своей сути». На основе сказанного выше нами выделен второй признак духовно-нравственной культуры учителя — служение через педагогическую деятельность.

Древние мыслители говорили, что учитель — прежде всего сам ученик, стремящийся к совершенствованию, находящийся в вечном поиске истины для себя и для других. Профессиональная позиция по отношению к ученику как к субъекту образования, высокий уровень саморефлексии и желание учиться вместе с обучающимися способствует становлению в педагоге духовных, душевных качеств. На основе сказанного выше нами выделен третий признак духовно-нравственной культуры учителя — духовность, устремленность к добру, истине, к Богу.

Основой, истинностью или сущностью духовно-нравственной культуры учителя является совокупность двух доминант духовно-нравственного становления учителя, и возможностей реализации его в педагогической деятельности. Более подробно рассмотреть сущность духовно-нравственной культуры нам поможет культурологический подход (И. Ф. Исаева, А. А. Королькова) и аксиологический подход (С. З. Гончаров, И. А. Громов, В. П. Тугаринов).

Педагогические ценности складывались исторически в виде идей, концепций, педагогических теорий. Будущий учитель субъективирует ценности, овладевая ими, строит свою собственную картину мира (сначала в психолого-профессиональном аспекте, сопоставляя с духовно-нравственными аспектами из периода детства, семьи, социального опыта). Это определяет первичный личностно-профессиональный этап духовно-нравственного становления учителя как приятного и осознаваемого учителем основного ресурса (личностного и духовного), применяемого для реализации педагогической деятельности и профессионального становления.

Ядром (центральным звеном) духовно-нравственной культуры учителя мы считаем личностно-педагогическое сознательность и самовоспитание, выполня-

ющие сложную регулятивную функцию объединения всего многообразия учебной, методической, воспитательной, научно-исследовательской, социальной длительности и определения личностных смыслов каждой из этих деятельностей.

Рассмотрим структуру духовно-нравственной культуры учителя:

1. Духовные ценности (аксиологический компонент). Основа — духовно-нравственное сознание. Ценности общественно-духовные, духовно-педагогические, культурно-образовательные, духовно-личностные.

2. Технология духовно-нравственной деятельности учителя как комплекс приемов, способов проектирования и реализации целостного процесса духовно-нравственного воспитания в образовательно-воспитательной деятельности.

3. Духовно-нравственное становление педагога как основа духовно-нравственной культуры педагогического труда, основанное на принятии духовно-нравственных ценностей и реализация их в педагогической деятельности.

Основа профессионального развития педагога — духовное восхождение в процессах самопознания и самовоспитания, педагогического самоутверждения, саморефлексии. Добрые традиции воспитания, которые верны истинной духовности как основе образования Человека, составляли концепцию воспитания в советской школе, признанной мировым сообществом как лучшая в мире. И в период возвращения воспитания в систему образования нам есть к чему обратиться — к задачам целостного видения культуры, к её духовному ядру. «Истоки органики культуры», с точки зрения профессора, академика РАО А. А. Королькова, таятся в просвещении, в его исторически корневом смысле. Александр Аркадьевич, профессионально занимаясь изучением особенностей русской культуры (ему принадлежат известные книги по русской философии и культуре, например, книга «Драма русского просвещения»), раскрывает смысл судьбы национальных культур, и особенно русской культуры, в современном мире. Автор указывает на опасность потери духовной культуры России в мировой массовой культуре: «В последнее столетие происходила и происходит подмена народной культуры массовой суррогатной псевдокультурой, которая претендует быть доминирующей культурой...и массовая культура — вовсе не наследница народной культуры. Заигрывание с массой, потакание физиологизму вкусов — это не исторический путь России. Разрушение духовной культуры — угроза всей государственности» [7].

Вопросы сохранения и преумножения духовно-нравственной культуры исторически возникали в периоды смуты и разобщенности. История народов и наций учит нас помнить, что «народы, государства исчезали, растворялись, если отворачивались от своей культуры, от традиции. В противоречивое время, когда цифровая среда вытесняет реальную жизнь людей, судьбы духовной культуры зависят от усилий людей, причастных к распространению информации, от каждого человека, безразличного к судьбе Отечества» (А. А. Корольков) [7].

Определение сущности и структуры духовно-нравственной культуры учителя ведет нас к образовательной определённости, смысловому построению жизни современного человека. Поиск определений философско-педагогического

ряда понятий духовности и нравственности подводит нас к выводу об определенных сложностях в осмыслении педагогической духовности в традиционном историко-педагогическом наследии. Духовная культура рождается в сердцах неравнодушных к проблемам современности, что составляет общий духовно-нравственный фон во всем мире: «Как в жизни человека чаша весов может склоняться либо в сторону доминирования телесного над духовным, либо духовного над телесным, так и в образовании складывается иерархичность целей, задач, устремлений, и эта иерархичность подобна соотношению души и тела в жизни человека» (А. А. Корольков) [2].

Единый, принятый всеми ряд понятий духовно-нравственного становления учителя позволяет создать условия для совершенствования духовно-нравственной культуры учителя [9]. Выделим следующие тенденции, ограничивающие развитие духовно-нравственной культуры учителя:

1. В ряде документов, определяющих стратегию развития образования на период до 2030 года («Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России», федеральных государственных образовательных стандартах, Посланиях Президента РФ к Федеральному собранию в 2022–2024 гг.) отображено следующее: «Духовно-нравственное развитие и воспитание гражданина России является ключевым фактором развития страны, обеспечения духовного единства народа и объединяющих его моральных ценностей, политической и экономической стабильности. Невозможно создать современную инновационную экономику, минуя человека, состояние и качество его внутренней жизни. Темпы и характер развития общества главным образом зависят от позиции человека, его мотивационно-волевой сферы, жизненных приоритетов, нравственных убеждений, моральных норм и духовных ценностей. Воспитание человека, формирование свойств духовно развитой личности, любви к своей стране, потребности творить и совершенствоваться — есть важнейшее условие успешного развития России» [9].

2. Отсутствие единого, признанного всем педагогическим сообществом понимания цели, задач и средств формирования духовно-нравственной культуры учителя в образовательной среде педагогического вуза. Источником сил для такой масштабной работы являются истоки русской интеллигенции, педагогические династии, историко-культурное наследие педагогики, основы православно-го воспитания). (Т. А. Хагурова, «О месте и роли интеллигенции») [2].

3. Утраченный за последние годы воспитательный потенциал (несовершенство компетентностного подхода, «технически-профессиональная» подготовка будущего учителя). Отсутствующий до недавнего времени приоритет духовно-нравственного становления, воспитания широкого спектра общечеловеческих качеств оказал существенное влияние на содержание высшего образования. Ценность интеллектуально-творческого труда невероятно мала в современной молодежной среде. Большинство преподавателей, поглощенных отчетностью и составлением образовательных рейтингов, не успевает находить контакт со студентами, изучать каждого ученика. Обилие образовательных шаблонов и проблемы массового образования «вымывают» лучшие традиции отечественного образования, что грозит утратой педагогической культуры.

4. И ещё одна негативная тенденция — отсутствия единых понятий о духовно-нравственном становлении студентов в педагогической среде. Духовно-нравственные основы не определены четко, имеют дискуссионный характер. В средних профессиональных учебных заведениях не хватает ресурсов на реализацию задач духовно-нравственного воспитания, так как преобладает практико-ориентированный подход в получении рабочей профессии (ввиду сокращения образовательных программ и формирования узконаправленных профессиональных компетенций). В высшей школе содержание образования также пока продолжает быть сосредоточено на формировании профессиональной компетентности, недостаточное внимание уделяется совершенствованию представлений будущего специалиста в области духовности и нравственности, в качестве следствия можно рассматривать недостаточную подготовленность к трудовой деятельности и раннее выгорание (в первые месяцы педагогической деятельности), а также «псевдо»-подготовленность к жизни в целом.

Сегодня как никогда актуально оценить моральный облик учителя, а не только его профессиональную компетентность, поскольку сопровождение и поддержка учителя — это необходимый компонент воспитания его учеников, психолого-педагогического сопровождения. Великий русский педагог-гуманист, русский философ и писатель Л. Н. Толстой точно определил состоянии учителя в сложное противоречивое время: «...в людях все великие и благородные чувства: честь, бескорыстие, добродетель, храбрость, спасение от отвратительного материализма» как главное учительское кредо, и главный творчески-воспитательный ресурс русского учителя.

И. Ф. Исаев рассматривает формирование профессионально-педагогической культуры педагога как обязательное условие его личностного и профессионального становления, что дает основу для формирования духовно-нравственной культуры как высшей ступени педагогического труда [6].

Работы И. А. Ильина свидетельствуют о необходимости сохранения и размножения духовного мира учительства, внутренней и внешней интеграции его профессиональных и личностных взаимоотношений в процесс осуществления педагогической деятельности в системе просвещения и психолого-педагогического сопровождения молодого поколения. Учитель и его «личность наставника, его душевные и духовные качества, его вера и убеждения помогут подрастающему поколению в определении жизненного предназначения. Учитель, обладающей духовной культурой, сам способен создать духовную атмосферу для воспитанников» [3]. «Профессиональная нравственность и духовность, профессиональная этика, педагогический такт и совесть — вот основные составляющие духовно-нравственной культуры современного учителя» [5].

В. И. Вернадский определял духовную составляющую педагогического труда как гуманную педагогику как «слышать и слушать молодёжь, вступать в диалог, на них надежда». Свободолюбие должно вызвать интерес повышать качество взаимодействия старшего и младшего поколений. «Уважение их позиций в трудное время — это все дает выход на диалог о духовности учителя с учениками» [1]. Принимают эстафету диалога со студентами беседы ведущих гуманитариев в из-

дании о духовно-нравственном становлении человека [2]. Разноплановая и неоднородная по смыслам и ценностям молодежная группа, ее взгляды и позиции будут определять состояние социума в ближайшие десятилетия. Бесконтрольно сформированные потребительские ценности молодых людей оказывают влияние во всех сферах жизни общества: в управлении страной, ее позициями и основами взаимодействия как в социальном, и в духовном отношении.

Педагогическая деятельность на основе традиционных духовных нравственных и педагогических ценностях позволит осознать, что путь обучающихся к овладению общечеловеческими ценностями лежит через «конкретные формы их осуществления в национальной культуре, ведь через нее каждый воспитанник научится понимать и уважать все богатство традиционной культуры» [4].

Процесс и результат духовного становления педагога обеспечивает студенту прочный фундамент и формирование базовых жизненных ценностей — здоровья, отношений, труда, учения всю жизнь. Высокий уровень развития духовно-нравственной культуры педагога и его ценностных установок в осуществлении педагогической (и воспитательной) деятельности позволяет создать здоровую среду для всех участников образовательных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В. И. Антология гуманной педагогики. — М., 2001. 224 с.
2. Духовно-нравственное становление человека: беседы с преподавателями и студентами / Под общ. ред. Е. П. Белозерцева, Г. В. Заридзе. М.: АИРО-XXI, 2022. 504 с.
3. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин. — Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1996. С. 31–220.
4. Кучерова О. Е. Духовно-нравственная культура учителя в контексте современности // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 20. С. 189–195.
5. Ильин И. А. Кризис безбожия / И. А. Ильин. — Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996. С. 333–358.
6. Исаев И. Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по пед. спец. М.: Академия, 2004. 207 с.
7. Корольков А. А. Драма русского просвещения. СПб.: Алетей, 2013. 336 с.
8. Ларина Г. Н. Проектирование социально-психологической помощи учащейся молодежи в личностном развитии // Социальная и экономическая психология. Ч. 1: Состояние и перспективы исследований / отв. ред. Т. А. Нестик, Ю. В. Ковалева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
9. Милер М. А. Базовые понятия в процессе изучения проблемы духовно-нравственного становления современного человека // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 3. С. 84–88.
10. Юревич А. В. «Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества // Вестник Российской академии наук. 2011. № 1. С. 3–10.

РОЛЬ МОТИВАЦИИ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ КОЛЛЕДЖЕЙ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ

Мотивация играет ключевую роль в процессе обучения, особенно в контексте гуманитарных колледжей, где студенты сталкиваются с изучением естественно-научных дисциплин, не являющихся их основной специализацией. В статье рассматривается значение мотивации, виды мотивации и их влияние на учебные достижения студентов, а также предлагаются методы повышения мотивации через адаптацию учебного процесса и внедрение новых педагогических подходов.

Ключевые слова: мотивация, среднее профессиональное образование, формирование учебной мотивации, естественно-научные дисциплины.

PERVAKOV M. O.

THE ROLE OF MOTIVATION IN TEACHING NATURAL SCIENCES TO STUDENTS OF LIBERAL ARTS COLLEGES

Motivation plays a key role in the learning process, especially in the context of liberal arts colleges, where students are faced with studying natural sciences that are not their main specialization. The article examines the importance of motivation, types of motivation and their impact on students' academic achievements, as well as suggests methods to increase motivation through the adaptation of the educational process and the introduction of new pedagogical approaches.

Keywords: motivation, secondary vocational education, formation of educational motivation, natural science disciplines

Мотивация является одним из ключевых факторов, определяющих успешность обучения студентов, особенно в условиях гуманитарных колледжей, где изучение естественно-научных дисциплин может вызывать некоторые трудности. Вопросы мотивации и поиска путей ее повышения остаются в центре внимания педагогической науки, что подтверждается исследованиями многих российских ученых [4, 5, 7, 8, 12, 13].

В современных реалиях, когда студенты сталкиваются с огромным объемом информации и множеством отвлекающих факторов, поддержание высокой мотивации становится особенно актуальным. Мотивация представляет собой внутренний механизм, побуждающий человека к активной деятельности и достижению поставленных целей. В образовательном процессе мотивация играет ключевую роль, стимулируя студентов к освоению новых знаний и навыков, поддерживая их интерес к учебным дисциплинам и помогая преодолевать трудности, возникающие на пути к обучению.

Мотивация играет особенно важную роль в гуманитарных колледжах, где основной акцент делается на изучение таких дисциплин, как литература, история, иностранные языки и искусство.

Студенты гуманитарного направления часто воспринимают естественно-научные предметы, такие как физика, химия и биология, как сложные и не имеющие прямой связи с их будущей профессией. Из-за этого многие из них могут потерять интерес к изучению естественных наук, что негативно сказывается на их успеваемости в целом.

Тем не менее, несмотря на все сложности, именно естественные науки играют ключевую роль в формировании у студентов целостного мировоззрения, а также в развитии критического мышления и аналитических навыков.

С каждым годом технологические процессы становятся все более сложными, и конечный пользователь все меньше понимает их природу. Природное любопытство, которое заложено в каждом ребенке, заглушается информационным шумом и иллюзией лёгкого понимания через поиск ответов в интернете. На первый взгляд кажется, что в современном мире информация доступна в неограниченном количестве. Однако на практике это может привести к тому, что у человека возникнут проблемы с восприятием и обработкой информации, что может негативно сказаться на его когнитивных способностях.

Понимание основ естественных наук играет ключевую роль в успешной адаптации в современном мире, где технологии и научные открытия играют важную роль в жизни общества. Поэтому перед преподавателями гуманитарных колледжей стоит важная задача — вызвать и поддерживать интерес студентов к изучению естественных наук. Для этого необходимо использовать разнообразные методики и подходы к организации учебного процесса.

При изучении естественно-научных дисциплин студенты сталкиваются с некоторыми основными проблемами. Первая из них касается восприятия естественно-научных дисциплин как сложных и несвязанных с основной специальностью. Ряд исследователей критикует жёсткое разграничение гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, как ведущее к фрагментарности видения реальности и её деформации [3].

Следующей проблемой является негативный опыт изучения естественно-научных дисциплин в прошлом. Нередко, учителя не успевают, или не могут заинтересовать ученика и стимулировать его к дальнейшему изучению предметов. Неприятные взаимоотношения с одноклассниками или преподавателями, чрезмерное давление и стресс, может привести к потере интереса ученика к знаниям [5].

Кроме того, нерешенным остается вопрос несбалансированности естественно-научного и профессионально направленного материала.

Отсутствие интегрированных естественно-научных знаний не позволяет в дальнейшем изучать профильные дисциплины на достаточном уровне. Важно показать значимость естественнонаучных дисциплин в будущей профессии. Например, во время лабораторного практикума по физике студентам нужно объяснить, что все методы экспертизы товаров основаны на общих законах физики,

химии, биологии и необходимы для более глубокого понимания и оценки потребительских свойств товаров, их изменений при производстве и хранении [7].

Для решения данных проблем, необходимо четко разграничить понятия внешней и внутренней мотивации. Внутренняя мотивация, основанная на интересе студента к изучаемому предмету и стремлении к саморазвитию, оказывает положительное влияние на учебные достижения. Внутренняя мотивация выступает ключевым фактором, определяющим активность студента в учебной деятельности, его стремление к самостоятельному освоению материала [4]. Студенты гуманитарного профиля, сталкиваясь с естественными науками, могут проявлять недостаточную внутреннюю мотивацию из-за восприятия этих дисциплин как сложных и далеких от их основной специализации. Важно, чтобы преподаватели помогали преодолеть этот барьер, стимулируя интерес к предмету через актуализацию его значимости.

Исследования отечественных ученых показывают, что развитие мотивации в обучении возможно через организацию проблемных ситуаций и создание условий для самостоятельного поиска знаний [2]. Такие методы могут быть особенно полезны в преподавании естественных наук, когда студенты видят практическое применение знаний и их связь с реальной жизнью.

Особое значение имеет внимание к методологии преподавания естественных наук. Необходимо использование деятельностного подхода, ориентированного на активное включение студентов в учебный процесс через практические задания и исследовательскую деятельность. Это помогает студентам гуманитарных специальностей развить интерес к естественным наукам, видя их актуальность и практическую значимость. Акцент внимания на необходимости создания интегративных учебных программ, которые объединяют гуманитарные и естественнонаучные знания, способствует формированию целостного мировоззрения у студентов [1].

Значимую роль в формировании мотивации играет дидактическая система, которая должна быть направлена на развитие познавательного интереса и активизацию мыслительной деятельности студентов. В этом контексте использование интерактивных методов обучения, таких как лабораторные работы и проектная деятельность, может способствовать повышению интереса студентов гуманитарных колледжей к естественным наукам.

Некоторые исследователи в своих работах подчеркивают значение личностно ориентированного подхода в обучении, когда преподаватель учитывает индивидуальные особенности и потребности студентов, что способствует развитию их внутренней мотивации [6]. Важно, чтобы студенты видели смысл в изучении естественных наук, понимая их связь с будущей профессиональной деятельностью.

В одной из статей по учебной мотивации обращают внимание на необходимость формирования у студентов мотивации к обучению через развитие самостоятельности и ответственности за результаты учебной деятельности. [12]. В этом контексте активное участие студентов в исследовательской работе и проектах может повысить их интерес к естественным наукам. Большее количество индивидуальной и творческой работы, позволит вовлечь студента в процесс обучения и повысить его учебную мотивацию.

Так же для формирования учебной мотивации, преподаватели должны уделять достаточное внимание вариативности занятия, так же использовать активные и интерактивные методы обучения [10, 13].

Среди интерактивных методов можно выделить публичную презентацию проекта, которая является наиболее эффективным способом донесения важной информации и отработки навыков публичных выступлений, необходимых для любого специалиста. Презентации позволяют выделить ключевые моменты сообщения и наглядно представить его содержание на слайде. Использование интерактивных элементов повышает качество выступлений, а навык публичной презентации является необходимым в большинстве профессий.

Ещё одним примером интерактивного метода обучения является учебная дискуссия — организованное коллективное обсуждение определённой проблемы, в ходе которого участники обмениваются идеями, мнениями и суждениями.

Для того чтобы учебная дискуссия была эффективной, необходимо, чтобы тема была актуальной. Также важен уровень информированности, компетентности и научной корректности участников дискуссии. Ключевым фактором для повышения учебной мотивации во время дискуссии является владение преподавателем методикой её проведения, включающей соблюдение правил и регламента.

Метод деловой игры также отличается высокой степенью интерактивности. Она позволяет моделировать разнообразные ситуации, в том числе экстремальные, и искать новые способы решения профессиональных задач. Деловая игра имитирует различные аспекты человеческой деятельности и социального взаимодействия. Этот метод также помогает преодолеть противоречия между абстрактностью учебного предмета и реальностью профессиональной деятельности. Участие в деловых играх способствует развитию критического мышления, коммуникативных навыков, умений решать проблемы и отрабатывать различные варианты поведения в сложных ситуациях.

В отдельную группу методик повышения учебной мотивации можно выделить проблемное обучение. Преподаватель чётко формулирует учебную проблему или подводит обучающихся к её формулировке, организует исследовательскую деятельность по её решению. Анализ и решение творческой задачи осуществляется обучающимися самостоятельно, в результате чего они должны получить реальный продукт в виде проекта [11].

Так же для повышения учебной мотивации, высокую эффективность показал кейс-метод, представляющий собой анализ конкретных ситуаций. Эта методика решает практически все задачи, что ставит перед учащимися образовательный процесс, а также позволяет сформировать высокую мотивацию к учебе и развитию познавательного интереса. Кейс-метод можно рассматривать как одно из средств активизация познавательной деятельности обучающихся, что способствует формированию у студентов креативного мышления и умения самостоятельно принимать решения на проблемные вопросы, что находит свое подтверждение в педагогическом эксперименте [2].

Одним из элементов развития внутренней мотивации к обучению является патриотическое воспитание. Естественно-научные дисциплины, занимая

особое место в науке, культуре и общественной жизни, одни из важнейших составляющих мирового научно-технического прогресса, также способствует патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Изучение физических явлений и процессов, связанных с военной техникой, достижениями советских и российских учёных, играет системообразующую роль в образовании, развивая познавательные способности человека и формируя патриотические чувства [9]

Примерами патриотического воспитания может служить изучение исторических фактов, в виде рассказа о великих открытиях и изобретениях русских учёных в области естественных наук. Также раскрытие красоты природы родного края. Для этого можно использовать экскурсии на природу, конкурсы рисунков и проектов на тему «Природа моего края», различные викторины и игры. Наконец, знакомство с современными достижениями в различных областях отечественной химической промышленности, медицины, сельского хозяйства, биотехнологий. В то же время внутренняя мотивация никогда не формируется в короткий период, и требует воспитательной работы, как педагога, так и родителя.

Наряду с внутренней мотивацией, внешняя мотивация, связанная с оценками, похвалой и перспективами карьерного роста, также играет свою роль в учебном процессе. Существует мнение, что внешние стимулы могут быть эффективными на начальных этапах обучения, однако они не должны становиться доминирующими, чтобы не снижать значение внутренней мотивации.

Системный подход к обучению, включающий как внутренние, так и внешние мотиваторы, является наиболее эффективным для достижения высоких образовательных результатов. Важно, чтобы студенты ощущали поддержку со стороны преподавателей и видели перспективы применения полученных знаний в будущем.

Исследования в области педагогики показывают, что личностные качества преподавателя, его профессиональная компетентность и умение мотивировать студентов играют значимую роль в успехе учебного процесса. Преподаватели должны не только передавать знания, но и вдохновлять студентов на их самостоятельное освоение [13]. Существует целый ряд черт педагога как личности способствующих повышению мотивации у студента, все их, возможно, развить, но тут уже возникает вопрос о мотивации преподавателя, что выходит за рамки данной статьи.

Таким образом, мотивация является ключевым аспектом в процессе обучения естественным наукам студентов гуманитарных колледжей. Комплексный подход, направленный на развитие как внутренней, так и внешней мотивации, способствует усилению интереса студентов к дисциплинам этой области.

Значение мотивации в образовательном процессе трудно переоценить, особенно в условиях гуманитарных колледжей, где преобладают студенты с преобладанием гуманитарных дисциплин. Эти студенты могут воспринимать естественно-научные предметы как менее важные для своей будущей профессиональной деятельности. В таких ситуациях мотивация становится не только инструментом повышения успеваемости, но и способом пробудить интерес к тем областям знаний, которые на первый взгляд могут показаться им не имеющими отношения к их будущему.

Ключевым фактором, способствующим повышению мотивации, является создание благоприятной учебной среды, в которой студенты чувствуют себя вовлечёнными и заинтересованными в процессе обучения. Одним из действенных методов является активное применение междисциплинарного подхода, который объединяет естественные науки с гуманитарными дисциплинами, такими как литература, история или искусство.

Например, изучение физических явлений можно связать с историческими открытиями или научными достижениями, которые оказали значительное влияние на развитие общества и культуры. Это позволяет студентам гуманитарного профиля осознать практическую значимость естественных наук и понять их вклад в общее развитие человеческого знания.

Значимым фактором в развитии мотивации является применение интерактивных методов обучения, которые способствуют активному участию студентов в процессе обучения. Лабораторные работы, эксперименты и исследовательские проекты могут стать отличными инструментами для стимулирования интереса к естественным наукам. Когда у студентов есть возможность самостоятельно проводить эксперименты и наблюдать за их результатами, они начинают глубже понимать изучаемые явления и их практическое применение. Такие интерактивные методы не только развивают научное мышление, но и побуждают студентов к дальнейшему изучению естественных наук.

Кроме того, следует учитывать влияние социальных и культурных факторов на формирование мотивации. Преподаватели могут привлекать внимание студентов к актуальным проблемам современности, чтобы объяснить им естественно-научные концепции. Например, обсуждение вопросов экологии, здоровья или технологических инноваций может вызвать интерес к изучению соответствующих научных дисциплин. Такой подход делает учебный материал более значимым для студентов, что способствует их активному участию в процессе обучения.

Не менее важным аспектом является личностная мотивация студентов, которая формируется под воздействием множества факторов, включая их индивидуальные интересы, ценности и устремления. Преподаватели должны учитывать эти особенности и предлагать задания и проекты, соответствующие увлечениям студентов и их перспективным профессиональным целям. Например, студенты, нацеленные на карьеру в области искусства, могут быть вдохновлены изучением вопросов, связанных с физикой света и цвета, что имеет непосредственное отношение к их будущей работе.

Для формирования устойчивой мотивации важно создавать ситуации успеха, когда студенты могут видеть результаты своих усилий и достигать поставленных целей. Признание и поощрение со стороны преподавателей играют ключевую роль в поддержании мотивации и вдохновляют студентов продолжать обучение.

Внешние мотиваторы, к которым относятся оценки, похвала и перспективы карьерного роста, могут служить дополнительными стимулами, особенно на ранних этапах обучения. Однако основное внимание должно быть сосредото-

чено на развитии внутренней мотивации, которая является более долгосрочной и способствует глубокому усвоению знаний.

В заключение, можно сказать, что формирование мотивации — это сложный и многогранный процесс, который требует повышенного внимания, как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов и всей образовательной системы в целом. Для успешного развития мотивации следует применять разнообразные подходы и методы, учитывающие индивидуальные особенности студентов, их интересы и цели, а также актуальные тенденции в образовании и науке. Только так студенты гуманитарных колледжей смогут преодолеть свои предубеждения и найти интерес к изучению естественных наук, что откроет перед ними новые горизонты для личностного и профессионального роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексашина И. Ю. Моделирование методики преподавания интегрированного курса «Естествознание»: монография. СПб.: СПб АППО, 2015. 178 с.
2. Арюкова Е. А., Кривошеева В. С. Кейс-технологий в образовательном процессе на уроках естественно-научного цикла: обзор отечественных исследований // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 4. С. 13–15.
3. Буданов В. Г. Синергетика в диалоге культур в естественнонаучном образовании гуманитариев. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2015. 180 с.
4. Гиппенрейтер Ю. Б. Психология мотивации и эмоций. М.: АСТ, 2009. 704 с.
5. Гордеева И. В., Судакова Н. П. Мотивация учащихся колледжа к изучению естествознания: проблемы и поиск решений // Дискуссия. 2017. № 8. С. 73–78.
6. Горшкова Л. А. Личностно-ориентированный подход как важное условие эффективности процесса обучения в колледже // Научные высказывания. 2023. № 13. С. 32–36.
7. Дубицкая Л. В., Коваленко А. С. Формирование мотивации к изучению естественно-научных дисциплин у студентов гуманитарных профилей // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 1. С. 34–37.
8. Дубовицкая Т. Д. Методика диагностики направленности учебной мотивации // Психологическая наука и образование. 2002. № 2. С. 42–45.
9. Ермакова Е. В. Элементы патриотического воспитания в преподавании естественно-научных дисциплин на примере физики // Школьные технологии. 2020. № 2. С. 34–44.
10. Иванова Е. В. Сущность содержания интерактивных технологий обучения в среднем профессиональном образовании // Студенческая наука и XXI век. 2021. № 1. С. 123–124.
11. Капунова М. И. Применение инновационных педагогических технологий в дизайн-образовании // Молодой ученый. 2017. № 38. С. 107–110.
12. Леванова А. Е., Урайская И. Н. Формирование у студентов мотивации к обучению // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2013. № 3. С. 86–94.
13. Перваков М. О. Значение учебной мотивации в научном прогрессе. // Знания и научный прогресс: новые подходы и актуальные исследования. Сборник научных трудов по материалам XVIII Международной научно-практической конференции. Анапа, 2024. С. 8–12.
14. Челнокова Е. А., Жидков А. А. Особенности применения интерактивных методов обучения в среднем профессиональном образовании // Научный вектор Балкан. 2020. № 3. С. 30–34.

Попов Андрей Алексеевич,
аспирант кафедры Психотравматологии,
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского,
a. p.agent@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА КОГНИТИВНОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ УЧАЩИХСЯ

В современном мире цифровые технологии играют ключевую роль в образовании, оказывая значительное влияние на когнитивное, социальное и физическое развитие учащихся. Результаты представленных в статье исследований отечественных и зарубежных коллег показывают, что цифровые технологии могут значительно улучшить когнитивные способности учащихся, развить социальные навыки и коммуникацию, а также способствовать эмоциональному благополучию. Однако чрезмерное использование технологий может привести к проблемам со здоровьем, таким как сидячий образ жизни и ухудшение зрения. Цифровые технологии предоставляют уникальные возможности для улучшения образовательного процесса, но требуют внимательного подхода к их использованию для минимизации негативных последствий. Перспективы дальнейшего развития цифрового обучения включают использование искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности, что позволит создать более эффективные образовательные среды.

Ключевые слова: цифровые технологии, образование, когнитивное развитие, социальное развитие, физическое здоровье, VR/AR технологии.

POPOV A. A.

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE COGNITIVE, SOCIAL AND PHYSICAL HEALTH OF STUDENTS

In the modern world, digital technologies play a key role in education, having a significant impact on the cognitive, social and physical development of students. The results of the research presented in the article by domestic and foreign colleagues show that digital technologies can significantly improve students' cognitive abilities, develop social skills and communication, and promote emotional well-being. However, excessive use of technology can lead to health problems such as sedentary lifestyle and impaired vision. Digital technologies provide unique opportunities to improve the educational process, but require a careful approach to their use to minimize negative consequences. The prospects for further development of digital learning include the use of artificial intelligence, virtual and augmented reality, which will create more effective educational environments.

Keywords: digital technologies, education, cognitive development, social development, physical health, VR/AR technologies.

Внедрение цифровых технологий в образовательный процесс является неотъемлемой частью обучения современного человека. Цифровые инструменты позволяют легко адаптировать содержание к индивидуальным потребностям учащихся, что способствует более глубокому усвоению знаний, а разнообразие интерфейсов и вариативность заданий на представленных платформах создают

для ученика такую среду, в которой обучение становится не только доступным, но и увлекательным [3].

Мир не стоит на месте, образовательная система также подвержена тем изменениям, которые несет за собой цифровая революция. Соответственно, новое поколение педагогов и учащихся должны адаптироваться к неизбежным переменам и, безусловно, должны учиться применять современные инструменты в своей образовательной практике. Цифровые технологии предоставляют уникальные возможности для улучшения ведения образовательного процесса, но требуют внимательного подхода к их использованию для минимизации негативных последствий.

Ниже мной представлен обзор нескольких современных инструментов, которыми активно пользуются участники образовательного процесса в своей учебной деятельности, а также описаны преимущества и недостатки каждого вида технологий.

Среди популярных современных ресурсов, используемых участниками образовательного процесса, можно выделить образовательные Интернет-платформы, предоставляющие доступ к онлайн-курсам по различным направлениям деятельности. Такого вида платформы приобрели свою значимость в годы пандемии COVID-19, когда появилась необходимость введения дистанционного обучения по всей стране.

Образовательные платформы универсальны, не ограничивают пользователей в доступе к образовательным ресурсам, воспользоваться ими можно из любой точки мира и с помощью любого электронного устройства с доступом в Интернет. Вместе с тем у участников образовательного процесса всегда есть возможность в выборе времени и темпа обучения, а также возможность повторного просмотра и использования материалов. Безусловно, представленный инструмент требует от учителя и ученика самодисциплины и самоорганизации в подготовке, решении и проверке представленных заданий. Основной задачей перед учеником стоит взаимодействие именно с образовательной платформой, что, безусловно, привносит в процесс обучения ограниченное социальное взаимодействие с учителем, а также с одноклассниками.

Наряду с платформами, предоставляющими онлайн-курсы, весьма популярными стали образовательные мобильные приложения. Такие приложения могут включать образовательные игры, викторины, справочники и другие учебные материалы. Ключевым достоинством образовательных мобильных приложений, помимо широкой доступности, является возможность персонализации обучения и их интерактивность и геймификация. Но также стоит упомянуть о риске зависимости и отвлечения от учебного процесса.

В настоящее время растущую популярность приобретает использование в процессе обучения элементов виртуальной или дополненной реальности — VR/AR технологий.

VR/AR технологии позволяют учащимся в высокой степени погружаться в виртуальные среды или дополнять реальный мир цифровыми элементами. VR-тренажеры и лаборатории имеют проработанный интерфейс и гибкий сце-

нарий. Безусловно, непосредственное участие в образовательной деятельности с использованием виртуальной дополненной реальности способствует улучшению восприятия и запоминанию информации. К сожалению, высокая стоимость оборудования, технические сложности и необходимость специального обучения делают использования такого ресурса невозможным для широкого круга образовательных учреждений.

Рассматривая вопрос о влиянии цифровых технологий на когнитивное развитие учащихся, стоит отметить позитивное воздействие на память и внимание учащихся. Например, использование интерактивных платформ и мобильных приложений позволяет учащимся повторять учебный материал в удобное для них время, что способствует лучшему запоминанию информации. Визуализация данных и использование мультимедийных материалов также способствуют улучшению восприятия и запоминания информации. Согласно работе Каменской В. Г. и Томанова Л. В. о «Цифровых технологиях и их влиянии на социальные и психологические характеристики детей и подростков» определенная часть исследователей позитивно оценивают применение видеоигр в системе образования и в сфере досуга, подчеркивая их развивающее воздействие на зрительную память, пространственную ориентацию и способность принимать верные решения в неопределенных или сложных ситуациях [4]. Изменения в структуре интеллектуальных функций с акцентом на невербальный интеллект явным образом свидетельствуют о направленном воздействии компьютерных игр на высшие психические функции, степень трансформации которых зависит от игровой практики и содержания игр [4].

Вместе с тем обнаружено, что активное использование смартфонов коррелирует с более интуитивным, менее аналитическим мышлением, которое предполагает быстрый просмотр информации и схватывание ключевых слов. [8] Другие авторы получили данные, что обучающиеся, регулярно контактирующие с интернет-средой, имеют более высокие значения по показателям вербального и невербального интеллекта [8].

Однако в исследовании Л. Т. Баранской, А. А. Горбова, Е. Д. Грипич отмечено и негативное влияние использования цифровых ресурсов в процессе обучения. Исследователи отмечают, что одним из наиболее значимых последствий, которое оказывает влияние на когнитивную деятельность учащихся, является нарушение способности к концентрации внимания [1]. Рассматривая работы зарубежных авторов, наши соотечественники отметили, что современные цифровые технологии имеют склонность к формированию поколения, которое «легко отвлечь», поскольку необходимость взаимодействовать с несколькими источниками информации одновременно ведет к поведенческому шаблону усвоения на поверхностном уровне и росту привычки отвлекаться на несущественные раздражители внешней среды [1, 11, 12]

Цифровые технологии способствуют развитию критического мышления и креативности у учащихся [2]. Онлайн-курсы и интерактивные платформы предоставляют возможность анализировать и оценивать информацию, что развивает навыки критического мышления. VR/AR технологии позволяют модели-

ровать сложные ситуации, что способствует развитию креативного мышления и поиску нестандартных решений.

Довольно часто встречаются исследования, в которых описывается позитивное использование цифровых технологий в образовательной деятельности и их влияние на успеваемость и академические результаты учащихся. Так, например, Л. Пагани в своих исследованиях сообщает, что развитие навыков работы с Интернетом в положительно влияет на академическую успеваемость [12]. В том числе в работах зарубежных исследователей Л. Леунга и П. Лее также сформирован вывод о том, что подростки, которые владеют навыками работы с образовательными платформами в сети Интернет, показали позитивные образовательные результаты и академическую компетентность [10].

Цифровые технологии играют важную роль в развитии социальных навыков и коммуникации у учащихся. Онлайн-курсы и мобильные приложения позволяют учащимся взаимодействовать с другими учащимися и преподавателями через чаты, форумы и видеоконференции. VR/AR технологии могут моделировать реальные социальные ситуации, что помогает учащимся развивать навыки общения и взаимодействия.

Использование цифровых технологий может оказывать положительное влияние на самооценку и эмоциональное благополучие учащихся. С. К. Костина и О. Н. Новикова, исследуя вопрос, как подростки оценивают влияние цифровых технологий на их учебные результаты, пришли к выводу о том, что достаточно сильное влияние оказывает самооценка подростками своих навыков работы с цифровыми технологиями [6]. Интерактивные платформы и мобильные приложения предоставляют возможность получать обратную связь и оценку своих достижений, что способствует повышению уверенности в себе. VR/AR технологии могут создавать виртуальные среды, где учащиеся могут экспериментировать с различными ролями и идентичностями, что помогает им лучше понимать себя и свои эмоции.

Эти аспекты показывают, как цифровые технологии могут положительно влиять на социальное и эмоциональное развитие учащихся, развивая их социальные навыки, самооценку и эмоциональное благополучие. Однако важно учитывать возможные негативные последствия и разрабатывать стратегии для их минимизации.

Чрезмерное использование цифровых технологий может привести к ряду проблем, таких как интернет-зависимость и снижение эмоционального благополучия. Учащиеся, проводящие слишком много времени в интернете, могут столкнуться с проблемами концентрации, ухудшением физического здоровья и психологическими трудностями, такими как тревожность и депрессия. Важно обучать учащихся правильному использованию технологий и развивать у них навыки самоконтроля.

А. А. Коновалов, Е. Д. Божкова проводя обзор научных исследований зарубежных специалистов пришли к выводу о том, что установлена статистическая связь количества времени, проводимого за экраном цифровых устройств, с различными проблемами со здоровьем, включая избыточный вес, неправильное питание, симптомы депрессии и снижение качества жизни [4]

Использование цифровых технологий может оказывать негативное влияние на физическое здоровье учащихся. К ряду проблем, таких как: Проблемы с осанкой, снижение физической активности: Учащиеся, проводящие много времени за экранами, могут меньше двигаться и заниматься физической активностью, что приводит к увеличению риска ожирения и сердечно-сосудистых заболеваний [9]. Длительное использование цифровых устройств может вызвать сухость глаз, покраснение, головные боли и помутнение зрения. В исследовании И. А. Криволапчук, М. Б. Черновой, И. И. Криволапчук Были представлены данные, указывающие на увеличение распространенности трудностей, связанных с засыпанием, обусловленных чрезмерным воздействием «экранного времени» [7].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Краткий анализ состояния рассматриваемой проблемы показал, что Цифровые технологии оказывают значительное влияние на систему образования, предоставляя уникальные возможности для улучшения доступности, эффективности и качества обучения. Они способствуют развитию памяти, внимания, критического мышления и креативности у учащихся, а также улучшают их социальные навыки и эмоциональное благополучие. Однако чрезмерное использование технологий может привести к проблемам со здоровьем, таким как сидячий образ жизни и ухудшение зрения. В будущем в сфере образования ожидается активное внедрение искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности, а также облачных технологий. Это даст возможность сформировать ещё более результативные и передовые образовательные пространства, которые будут стимулировать развитие учеников и готовить их к трудностям современного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранская Л. Т., Горбов А. А., Грипич Е. Д. Влияние интернет-технологий на когнитивную деятельность студентов и учащихся // Вестник Уральского государственного медицинского университета. 2021. № 1. С. 72–76
2. Егорова Е. В., Фролова Н. Н., Агапова Е. Н. Цифровые ресурсы формирования критического мышления в системе дополнительного образования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2022. № 206. С. 79–91.
3. Жакупова Г. С. Использование цифровых технологий в образовательном процессе // INTERNATIONAL SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF SCIENCE AND EDUCATION: NEW APPROACH AND RESEARCH OCTOBER, 2024. С. 437–442.
4. Каменская В. Г., Томанов Л. В. Цифровые технологии и их влияние на социальные и психологические характеристики детей и подростков // Экспериментальная психология. 2022. № 1. С. 139–159.
5. Коновалов А. А., Божкова Е. Д. Влияние современной цифровой среды на психическое здоровье // Медицинский альманах. 2021. № 1. С. 6–15.
6. Костина С. Н., Новикова О. Н. Как старшие подростки оценивают влияние цифровых технологий на учебную деятельность? / С. Н. Костина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 190–205.

7. Криволапчук И. А., Чернова М. Б., Криволапчук И. Н. Влияние средств информатизации на физическую активность детей школьного возраста (обзор зарубежных исследований) // Новые исследования. 2019. № 1. С. 5–14.
8. Юмкина Е. А., Волков В. В. Современная наука о влиянии медиатехнологий на функционирование когнитивных способностей школьников // «Феномены медиа: социокультурная и философская реальность»: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2023. С. 115–122.
9. Kautiainen S., Koivusilta L., Lintonen T. Use of information and communication technology and prevalence of overweight and obesity among adolescents. *International Journal of Obesity*. 2005. 29: Pp. 925–933.)
10. Leung L. & Lee P. S.N. (2012) Impact of Internet Literacy, Internet Addiction Symptoms, and Internet Activities on Academic Performance. *Social Science Computer Review*. 30(4). Pp. 403–418.
11. Ophir E., Nass C., Wagner A. D. Cognitive control in media multitaskers // *Proc. Natl. Acad. Sci*. 2009. № 106. Pp. 15583–15587.)
12. How teens do research in the digital world / Purcell K., Rainie L., Heaps A. [et al.] // Pew Research Center. 2012.

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД НА МУЗЫКАЛЬНЫХ ЗАНЯТИЯХ И УРОКАХ МУЗЫКИ В ДОШКОЛЬНОМ И НАЧАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

В статье рассматривается важность гендерного подхода в образовании, который учитывает различия в поведении, восприятии мира, эмоциональных и интеллектуальных характеристиках мальчиков и девочек. Цель работы: на основе анализа трудов отечественных исследователей в области гендерной педагогики и анализа результатов экспериментальной деятельности автора доказать важность дифференцированного подхода в образовании (на примере музыкального развития дошкольников и младших школьников). В докладе представлен анализ результатов опроса, разработанного автором с целью определения уровня осведомлённости респондентов разного возраста, пола, профессии о гендерной педагогике и её проблематике, а также анализу выявленных стереотипных представлений в этой области. Также автором обобщается свой педагогический опыт в области обеспечения гармоничного развития детей на основе применения гендерного подхода на музыкальных занятиях в дошкольном учреждении и уроках музыки в начальной школе.

Ключевые слова: гендерная педагогика, дифференцированный подход, музыкальные занятия, дошкольники.

STOYKA E. M.

GENDER APPROACH TO MUSIC CLASSES AND MUSIC LESSONS IN PRESCHOOL AND PRIMARY EDUCATION

The report examines the importance of a gender approach in education, which takes into account differences in behavior, perception of the world, emotional and intellectual characteristics of boys and girls. Purpose of the work: based on an analysis of the works of domestic researchers in the field of gender pedagogy and an analysis of the results of the author's experimental activities, to prove the importance of a differentiated approach in education (using the example of the musical development of preschoolers and primary schoolchildren). The report presents an analysis of the results of a survey developed by the author to determine the level of awareness of respondents of different ages, genders, professions about gender pedagogy and its issues, as well as an analysis of identified stereotypical ideas in this area. The author also summarizes her pedagogical experience in the field of ensuring the harmonious development of children based on the use of a gender approach in music classes in preschool institutions and music lessons in primary schools.

Keywords: Gender pedagogy, Differentiated approach, Music classes, Preschoolers.

Гендерная педагогика признаёт и изучает отличие в развитии и восприятии информации девочек и мальчиков. Исследования в этой области показывают, что мальчики и девочки обладают различными стилями обучения и восприятия информации, что требует специфических подходов к организации учебного про-

цесса для каждой группы. Такой подход позволяет не только повысить успеваемость, но и способствует более глубокому вовлечению детей в образовательный процесс, а также гармоничному развитию их личности. Одним из ключевых инструментов гендерной педагогики является дифференцированное образование, которое учитывает не только психофизиологические, но и социокультурные различия учащихся. Программы, основанные на этом подходе, создают условия для равного доступа к учебным материалам и возможности максимальной самореализации как мальчиков, так и девочек. Важно отметить, что дифференцированное образование не означает дискриминацию по половому признаку, а наоборот, способствует формированию уважения к уникальным особенностям каждого ребёнка и развитию толерантности. На экспериментальных площадках в образовательных учреждениях Российской Федерации внедрение принципов гендерной педагогики уже показывает положительные результаты. Подобные программы формируют у учащихся умение лучше осознавать свои индивидуальные особенности, строить коммуникацию друг с другом, основываясь на уважении к различиям. Кроме того, применение гендерно-ориентированных методик позволяет педагогам более эффективно планировать и организовывать учебный процесс, делая его интересным и увлекательным для учащихся обоих полов. Внедрение гендерной педагогики в систему образования требует не только разработки новых учебных программ, но и подготовки преподавателей, понимающих важность учета гендерных особенностей в процессе воспитания и обучения. Это является вызовом для педагогического сообщества, однако только так можно обеспечить более качественное и справедливое образование для всех детей, независимо от их пола. Настало время признать, что каждый ребёнок заслуживает индивидуального подхода и равных возможностей для раскрытия своего потенциала.

На протяжении семи лет я посвящаю себя музыкальному развитию детей в дошкольном учреждении и обладаю опытом преподавания в начальной школе.

Цель моего доклада — познакомить вас с гендерным подходом и поделиться результатами моих исследований и наблюдений по данной теме. При изучении гендерной педагогики, предметом которой является специфика обучения и воспитания мальчиков и девочек, необходимо познакомиться со следующими понятиями: «педагогика», «гендерная педагогика», «пол», «гендер». Важно понимать, что понятия «пол» и «гендер» различны. Пол — это биологическая данность, комплекс поведенческих шаблонов, свойственных определённому полу, а гендер — социальное поведение, проявляющееся в общении и взаимодействии. Мужчины и женщинами в социальном смысле не рождаются, ими становятся в результате целенаправленного воспитания, которое важно начинать как можно раньше, уже с дошкольного возраста.

Педагогика — это наука о законах и закономерностях воспитания, образования, обучения, социализации и творческого саморазвития человека. Гендерная педагогика — это раздел педагогики, изучающий особенности гендерной социализации, обучения и воспитания мальчиков и девочек. В мировой психолого-педагогической мысли существуют различные взгляды на гендерные вопросы.

Западноевропейские исследователи склонны считать, что социум оказывает большее влияние на человека, чем генетическая предрасположенность. Часто звучит мнение, что общественные стереотипы навязывают модели поведения: мальчики не должны плакать, девочки обязаны быть покладистыми, что ограничивает свободу самовыражения. Эти идеи нашли отражение в трудах Берна Меган Шона.

Каждый ребёнок — уникальная личность, и общение с ним требует индивидуального подхода, учитывающего особенности его психики и физиологии! Воспитывая и обучая детей, педагоги должны принимать во внимание их половые различия. Мальчики и девочки отличаются не только внешне: мужская и женская природа проявляется задолго до полового созревания, формируя чувства, сознание и поведение.

Педагогам необходимо развивать гендерную чувствительность, внимательно изучая особенности восприятия и обработки информации мальчиками и девочками. Наблюдая за работой воспитателей в дошкольных учреждениях, я замечаю, что они часто пренебрегают спецификой воспитания мальчиков и девочек.

Сегодня границы мужского и женского влияния в обществе постепенно стираются под воздействием средств массовой информации, общественного мнения и социальных факторов. Феминистские идеи играют значительную роль в этом процессе. Профессия учителя, традиционно ассоциирующаяся с женским началом, создаёт дефицит мужских примеров для подражания, что может существенно влиять на воспитание детей. Преобладание женщин в образовательной сфере, особенно в семьях без отца, затрудняет мальчикам поиск своей идентичности в условиях преимущественно женского окружения.

Перед написанием статьи я провела опрос среди взрослого населения в возрасте от 18 до 50 лет, включающего родителей, студентов и учителей. Вопросы были разнообразными и независимыми друг от друга. Мне было важно узнать, слышали ли они о гендерной педагогике и готовы ли отказаться от стереотипа «женщина-педагог». Результаты исследования оказались неоднозначными; более подробно их можно изучить, написав мне на почту. Особое внимание хочу уделить вопросу: «Отдали бы вы ребенка в детский сад с воспитателем-мужчиной?» Анализ ответов — как положительных, так и отрицательных — показал, что многие решения основаны на стереотипах о профессиональной пригодности женщин и страхе домогательств со стороны мужчин. Тем не менее, некоторые ответы совпали с моими убеждениями. На основании проведенного опроса и педагогического опыта я пришла к выводу, что в детских учреждениях лучше чередовать работу мужчин и женщин. Это создаст более гармоничную среду, предоставляя детям возможность взаимодействовать с обоими полами, что я считаю идеальной моделью. Такое распределение ролей в образовательных учреждениях может способствовать более полному развитию детей и формированию у них представлений о разнообразии социальных ролей. Взаимодействие с воспитателями обоих полов помогает детям осознать, что компетенции и качества профессионалов не зависят от их гендера, а основываются на их про-

фессионализме и личных особенностях. Одновременно с этим важно учитывать и поддерживать высокий уровень подготовки воспитателей, независимо от их пола. Чтобы интеграция мужчин в образовательные учреждения была успешной, следует предоставить им такую же поддержку и развитие профессиональных навыков, как и их коллегам-женщинам. Однако, необходимо обеспечивать равные возможности для карьерного роста и профессионального развития, чтобы воспитатели обоих полов могли чувствовать себя уверенными и востребованными в своей профессии. Образовательная среда, где работает равноценное количество мужчин и женщин, создает условия для формирования у детей более сбалансированного восприятия мира. Это открывает новые перспективы для детей, позволяет им находить различные модели поведения и общения, учиться уважать и принимать индивидуальные особенности каждого человека.

Продолжая исследования на уроках музыки в школе, я погрузилась в изучение того, как мальчики и девочки воспринимают ритм и темп музыкальных произведений. В ходе экспериментов выяснилось, что девочки более чутко реагируют на изменения в мелодии — переходы от медленного к быстрому темпу и обратно. Они могли детально описать, какие эмоции вызывали у них эти трансформации. Мальчики же проявляли больший интерес к динамике произведения, комментируя скорость и силу звука. Например, один из вопросов перед прослушиванием Бетховена звучал так: «Как влияет на ваши чувства переход от тихой части к громкой, и какие образы или события возникают у вас в эти моменты?» Анализируя ответы, стало очевидно, что девочки воспринимали динамические изменения как ключевые для формирования эмоционального фона произведения. Они обсуждали тонкое взаимодействие между темпом и настроением, создавая живые образы, наполненные глубокими переживаниями. Мальчики, напротив, были больше сосредоточены на том, как такие изменения могли подтолкнуть их к действию — будь то бег, прыжки или другие физические движения. Эта разница подходов ещё раз подтвердила важность дифференцированного подхода в формулировке вопросов. Постепенно учебные музыкальные занятия превратились в пространство для исследований, где каждый ученик мог раскрыть свою уникальность. Такие перемены не только укрепили дисциплину, но и значительно повысили вовлечённость детей. Девочки начали активно анализировать настроение и атмосферу произведений, связывая их с личными историями и воспоминаниями, строя мост между музыкой и жизнью. Это позволило им глубже взаимодействовать с композициями, развивая не только музыкальный слух, но и эмоциональную зрелость. В процессе разучивания песни с девочками можно было не спешить, останавливаться и тщательно прорабатывать каждую фразу. С мальчиками длительные паузы недопустимы — они быстро утомляются, что негативно сказывается на дисциплине. Разница проявлялась и в самом исполнении. Девочки от природы более эмоциональны внешне, поэтому им легко давалось яркое и выразительное пение. У мальчиков эмоциональность, вероятно, выражается иначе: они значительно хуже передавали характер песни. Мальчикам необходим быстрый темп урока, частая смена заданий; их занятие должно быть подобно калейдоскопу. Только так можно на-

ладить дисциплину. С девочками всё проще: они способны выдерживать спокойный, размеренный ритм урока, позволяющий глубже погружаться в задачу. Когда я разучила вокализацию на мелодию «Хора Фурий» из оперы К. В. Глюка «Орфей и Эвридика», я предложила детям прослушать моё исполнение и повторить его — сначала девочкам, затем мальчикам. Я сделала акцент на выразительность и мысленно сравнивала результаты. Девочки справились лучше: им ближе зеркальное отражение эмоций. Мальчики же пели формально, поскольку плохо копируют эмоциональный посыл педагога. Это позволило мне сделать вывод: девочки легко повторяют информацию, тогда как для мальчиков требуется особый подход. На уроке музыки в 3-м классе проводились эксперименты, направленные на сравнение восприятия музыки мальчиками и девочками. Перед прослушиванием мелодии из оперы К. В. Глюка были заданы вопросы о её характере. Учитывая различия в восприятии, я формулировала двойные вопросы: одна часть адресовалась девочкам, другая — мальчикам. Например: «Что вы почувствовали, слушая эту мелодию (девочки)? И что бы вы хотели сделать под неё (мальчики)?» После прослушивания девочки говорили о грусти, печали, тревоге, тоске, одиночестве. А мальчик ответил: «Встать рано утром на рассвете и пойти гулять». При прослушивании «Утра» Э. Грига был задан вопрос, ориентированный на девочек: «Какие эмоции вызвало у вас это произведение?» На такой вопрос мальчики не смогли ответить, поскольку он оказался им непонятен. Таким образом, мальчики и девочки отвечают на один и тот же вопрос по-разному: девочки делают акцент на эмоциях, а мальчики — на действиях. Один из самых интересных экспериментов заключался в том, чтобы выбрать самого непосредливого мальчика и назначить его своим помощником — «директором класса» на время одного урока. Ему, как взрослому, были поручены обязанности следить за поведением в классе, ставить оценки, отмечать нарушителей и лучших учеников. Я всячески подчёркивала его уникальность и важность, что принесло моментальные результаты. Ранее беспокойный мальчик стал собранным и активным. Класс вёл себя гораздо лучше, чем обычно. Этот опыт наглядно показал, как ответственность может изменить поведение ребёнка.

Ниже представлены наблюдения о некоторых особенностях мальчиков и девочек начальных классов:

ДЕВОЧКИ

- Не могут активно начать работу после перемены.
- Лучше отвечают на вопросы, связанные с эмоциями.
- Хорошо повторяют эмоцию в мелодии, исполняемую педагогом.
- Лучше словесно выражают свои эмоции и подытоживают информацию.
- К завершению урока внимание рассеивается.

МАЛЬЧИКИ

- Начинают активно работать с началом урока.
- Лучше отвечают на вопросы, связанные с действием.
- Не могут эмоционально «зеркально» повторить спетую учителем мелодию.
- Хуже словесно выражают свои эмоции и подытоживают информацию.

— В течение урока могут длительное время удерживать внимание.

В школах учителя чаще замечают и хвалят девочек за прилежание и послушание, тогда как мальчиков чаще ругают за их непоседливость и неусидчивость. Такое положение вещей способствует формированию у молодежи стереотипов и может влиять на самооценку и мотивацию к обучению. Мальчиков, привыкших к активным играм и исследовательской деятельности, вместо поощрения их естественного стремления к познанию, зачастую пытаются уложить в рамки поведения, которые более типичны для девочек. Отсюда возникает необходимость в специальных педагогических подходах, которые бы учитывали различия в восприятии и активности представителей разных полов. Музыкальные педагоги играют особую роль в этом процессе, ведь музыкальное воспитание способно выводить эмоции на поверхность, помогая детям выразить себя, тем самым развивая уверенность в собственных силах и способностях. Преподавателям стоит находить баланс между дисциплиной и творческим самовыражением, чтобы каждый ребенок, независимо от пола, смог открыть в себе способность к искусству, не боясь быть осужденным за свою индивидуальность. Музыка — это язык, который понимают все, и он может объединять разноречивые аспекты воспитания в гармоничное целое. К тому же, именно в музыкальных классах есть возможность обгравывать различные социальные сценарии, которые способствуют развитию взаимопонимания и сотрудничества. Хор, ансамбль или оркестр требует слаженной работы в коллективе, что воспитывает ответственность и уважение к труду других. Здесь впервые у детей появляется возможность почувствовать себя частью чего-то большего и важного, что, безусловно, подкрепляет личностные качества, такие как настойчивость, терпение, эмпатия.

Я убеждена, что на преподавателях музыки в школах лежит высокая ответственность не только за успешное освоение музыкального материала, но и за формирование личностных качеств мальчиков и девочек. Именно в школьные годы, которые охватывают целых одиннадцать лет, дети погружаются в процесс развития множества навыков и черт характера. Главная проблема кроется в том, что система образования в значительной степени сформирована женщинами: образовательные стандарты, программы и учебники создаются преимущественно их руками. Музыкальные педагоги обязаны понимать значимость своей работы как в духовном, так и в социальном аспектах. Музыкальное воспитание способно стать действенным инструментом борьбы с гендерными предрассудками, что поможет расширить возможности для развития детей и сформировать личность, гармонично сочетающую различные качества независимо от пола. При этом важно учитывать природные различия между мальчиками и девочками. Как показывает практика, девочки часто проявляют большую творческую активность и склонность к лидерству, а также реже сталкиваются с проблемами концентрации внимания. Мальчики, в свою очередь, не уступают в творческой инициативе и лидерских задатках, но им чаще свойственны трудности с концентрацией. Их музыкальное восприятие различно: девочки погружаются в образы и эмоции, активно участвуя в классных обсуждениях, тогда как мальчики воспринимают звуки через движение. С ранних лет мальчики демонстрируют ак-

тивность и жажду лидерства; для них значимы сила, независимость, склонность к состязательности и развитое пространственное мышление. Девочки, напротив, тонко чувствуют мир, ценят эмоциональный отклик, стремятся быть принятыми и любимыми. Они находят удовлетворение в гармонии и коллективном взаимодействии, обладая ярко выраженными вербальными навыками.

К семи годам девочки опережают мальчиков в развитии речи, что способствует их успехам в учебе. Они более аккуратны и усердны, тогда как мальчики, предпочитая самостоятельный поиск решений, проявляют изобретательность, особенно в сборке конструкторов и пазлов. Гендерная педагогика изучает эти особенности и активно развивается в российских учебных заведениях. Сухомлинский подчеркивал важность раннего формирования мужественности и женственности. У мальчиков следует воспитывать чувство долга и ответственности, готовя их к ролям мужей, отцов и защитников Родины. Для девочек ключевым является развитие стойкости, активного участия в общественной жизни и достоинства в отношениях с мужчинами, что обеспечивает их полноценное становление. Внимание к индивидуальным чертам каждого ребенка крайне важно. Татьяна Черниговская обращает внимание на различия в мышлении и когнитивных процессах у мальчиков и девочек, обусловленные физиологией: гормоны и биологические процессы влияющие на восприятие; в когнитивной сфере у мальчиков преобладает пространственное мышление, у девочек — речевые навыки; в эмоциональном развитии девочки часто опережают мальчиков по уровню эмоционального интеллекта. Эти тенденции формируются под влиянием как биологии, так и социокультурных факторов, однако их нельзя универсально применить ко всем.

Гендерный подход в образовании подразумевает не только признание и уважение различий между мальчиками и девочками, но и обеспечение равных возможностей для их развития. Это требует от учителей неуклонного внимания к тому, какими методами и средствами учебный процесс может быть адаптирован для оптимального комфорта и эффективности всех учащихся. Например, в некоторых ситуациях мальчики могут проявлять себя более активно в конкурентной среде, тогда как девочки могут находить больший комфорт в кооперативных проектах. Понимание и использование таких особенностей позволяет сделать обучение более инклюзивным и продуктивным для всех. Один из главных аспектов гендерного подхода заключается в отказе от стереотипов. Учитель должен быть бдителен и не позволять предубеждениям определять поведение и решение в классе. Например, распространенное ошибочное мнение о том, что мальчики лучше разбираются в математике, а девочки в гуманитарных науках, способно существенно ограничить потенциал учащихся. Вместо этого, важно развивать уверенность и мотивацию у каждого учащегося, помогая им преодолеть любые барьеры, которые могли бы возникнуть из-за ожиданий общества.

Также гендерный подход в образовании подразумевает подготовку учащихся к осознанному и уважительному взаимодействию друг с другом. Школа может стать местом, где будущие мужчины и женщины научатся работать вместе, понимая и ценя различия друг друга, а также эффективно сотрудничая для до-

стижения общих целей. Это, в свою очередь, закладывает прочную основу для гармоничного социального взаимодействия в дальнейшем, способствуя формированию более справедливого и толерантного общества. В итоге, внедрение гендерного подхода в образовательный процесс обогащает опыт обучения, делая его более гибким и открытым для новых идей и методов. Этот подход не только удовлетворяет актуальные запросы времени, но и помогает создать поколение, способное переосмыслить традиционные роли и усвоить ценность разнообразия в мире. Каждому преподавателю, стремящемуся к совершенствованию своей практики, стоит задуматься о том, как они могут интегрировать эти принципы в свою работу, чтобы способствовать созданию более инклюзивного образовательного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Градусова Л. В. Гендерная педагогика. М.: Флинта, 2011. 176 с.
2. Макаренко А. С. Воспитание детей в семье и школе. Чкалов: Чкаловское изд.-во, 1941. 147 с.
3. Сухомлинский В. А. Как воспитать настоящего человека. М.: Педагогика, 1989. 292 с.
4. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: 2002. 320 с.

МОТИВАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Изучение мотивации — одна из важнейших проблем в современной психологии. Мотивация — это то, движет людьми, заставляет вставать по утрам, заниматься спортом, достигать выдающихся результатов; стремление к реализации потенциала, высшим ступеням развития. Вопросы самоактуализации изучались философами и учеными с древнейших времен по настоящий день. С развитием общества этот вопрос звучит все актуальнее; мы даже функционируем лучшим образом, когда стремимся к чему-либо, мобилизуем наши силы, стремясь к удовлетворению желания. Каким же личностям свойственна самоактуализация и почему они достигают наивысших результатов? Как отмечал А. Маслоу, это полноценные личности, имеющие «надлежащие предпосылки». Важно отметить, что самоактуализирующиеся люди склонны ценить сам процесс к достижению цели, их система ценностей основывается на философском принятии себя.

Ключевые слова: мотивация, самоактуализация, потребности, развитие, мотив.

YUNKA E. V.

MOTIVATION AS A FACTOR IN PERSONAL DEVELOPMENT

The study of motivation is one of the most important problems in modern psychology. Motivation is what drives people, makes them get up in the morning, play sports, achieve outstanding results; the desire to realize potential, higher levels of development. The issues of self-actualization have been studied by philosophers and scientists from ancient times to the present day. With the development of society, this issue sounds more and more relevant; we even function best when we strive for something, mobilize our forces, striving to satisfy desire. What personalities are characterized by self-actualization and why do they achieve the highest results? As A. Maslow noted, these are full-fledged personalities with “appropriate prerequisites.” It is important to note that self-actualizing people tend to value the process of achieving a goal, whose system of life values is based on their philosophical acceptance of themselves.

Keywords: motivation, self-actualization, needs, development, motive.

В зарубежной и отечественной психологии господствуют различные подходы к исследованию личности, но ведущей характеристикой везде считают направленность. По мнению С. Л. Рубинштейна направленность — это «динамическая тенденция», по мнению А. Н. Леонтьева — это «смыслообразующий мотив», по мнению В. Н. Мясищева — это «доминирующее отношение», по мнению Б. Г. Ананьева — это «основная жизненная направленность». Направленность можно определить, как установки, которые стали свойствами личности и проявляются в таких формах, как стремление, влечение, желание, идеал, склонность, интерес, мировоззрение и убеждение. В процессе воспитания формируется направленность личности, и она всегда социально обоснована. Также необходимо

выделить такое понятие как мотив деятельности, который лежит в основе всех форм направленности личности; это побуждения к деятельности, которые связаны с удовлетворением потребности субъекта. Более широким понятием является термин «мотивация»; это система факторов, детерминирующих поведение (сюда следует определить намерения, потребности, мотивы, цели, стремления и др); это также характеристика процесса, стимулирующего и поддерживающего на определенном уровне активность поведения.

Для объяснения причин (внутренних и внешних) поступков человека возникает вопрос о мотивации деятельности. Психологические факторы, которые определяют поведение человека, называют личностными диспозициями. Тогда соответственно говорят мотивациях: диспозиционной и ситуационной; это аналог внутренней и внешней детерминации поведения.

Проблема мотивации поведения человека привлекала внимание ученых с незапамятных времен. Многочисленные теории мотивации стали появляться еще работах древних философов, а в настоящее время таких теорий насчитывается уже несколько десятков [1].

Мотивацию можно рассматривать с разных сторон для различных групп личностей: например, мотивацию в обучении, спорте, в удовлетворении различных потребностей. Как известно, на протяжении всей жизни человек непрерывно чего-то желает; это является его отличительной чертой.

Существует несколько концепций мотивации поведения человека, одной из наиболее известных является концепция А.Маслоу, основателю гуманистической психологии. В современном обществе широко известна структура (иногда ее называют пирамидой или иерархией) человеческих потребностей. В основе

находятся физиологические потребности, затем потребности в безопасности, потребности в принадлежности и любви, потребности в уважении, познавательные потребности, эстетические потребности, потребности в самоактуализации. К самым высшим потребностям относят эстетические и потребность в самоактуализации.

Маслоу А. проводил многочисленные исследования, где нашел закономерность: многие из тех людей, которые достигли успеха в бизнесе, используют позитивный подход к природе человека, в защиту которого он выступал в психологии. Была выявлена и такая закономерность, что руководители, которые относятся к своим подчиненным с доверием и уважением, в коллективе создается благоприятная и продуктивная обстановка; люди готовы проявлять и творческий подход, и рабочую обстановку можно определить, как «здоровую». Маслоу считает фактически любое состояние организма в той или иной мере мотивационным. Человек, как только удовлетворил очередное желание, тут же его место занимает другое, и так бесконечно. В этой гонке очень важно по достоинству ценить то, что человек достиг и уже далее ставить новые цели и идти к ним. То есть наличие потребности говорит о том, что предыдущие желания были достигнуты (удовлетворены).

На данный момент в нашем обществе вопрос самоактуализации становится все острее, так как, как правило, у людей удовлетворены их базовые потребности: у нас есть крыша над головой, мы сыты, имеем определенный уровень компетенций (мы окончили школы и была возможность поступить в колледж или университет), имеем семью и/или друзей и, получив все это, все большее количество людей испытывают познавательные потребности, эстетические и потребности в самоактуализации, задавая себе вопрос кто же они в этом мире возможностей. В связи сменой строя и переходом от коммунизма к рыночной экономике на смену общественной собственности, где на первом месте стоит общество и обеспечивается социальное равенство, выходит человек и конкуренция, которую можно выдержать, лишь тогда, если человек имеет уникальные знания и умения; соответственно на первый план выходит индивидуальность и развитие личности как таковой.

Есть также одна особенность, которую отметил А. Маслоу: чаще всего возникнут беспокойство и неудовлетворенность жизнью, если человек не занимается «своим» делом, то есть тем, для чего он создан, если даже все его потребности удовлетворены. Человек должен быть тем, чем он может быть. В людях заложено желание реализовать себя, выявить свои склонности, которые к ним заложены, выявить свои отличительные черты, чтобы достичь всего, на что они способны.

В данном случае нельзя не учесть тот факт, что с раннего детства уже закладывается желание достичь своей цели, интерес к предмету или объекту и важно поддержать эту мотивацию и усилить. От этого зависит в дальнейшем и успеваемость в школе и интерес к жизни и достигаемые результаты и уверенность в себе. Ребенок и в целом любой человек нуждается в благоприятных условиях и «теплой атмосфере», которая дает ему ощущение внутренней безопасности и свободы. Только так растет ребенок в гармонии со Своим Собственным Я, зная и слыша

свои желания. Тогда вырастает здоровая личность, готовая реализовывать свои собственные цели, имеет мотивацию и желание для достижения новых результатов.

Желание достичь максимальных для себя результатов, самоактуализироваться — это цель в современном обществе, иногда это похоже на гонку, и она может быть выиграна только тогда, когда человек идет именно к своим целям. Люди обращаются к коучам, психологам, психотерапевтам и они находят и открывают более фундаментальный и реальный пласт своей личности; идет достижение Реального «Я», путь к которому лежит через псевдо «Я» [3].

Поиск идентичности человека в большей мере подразумевает «превращение в того, кем действительно является человек», становление в «полноценно функционирующего» человека или «человека в полном смысле слова», т. е. отличающегося от ряда ему подобных и являющегося самим собой [1].

Самореализация достигается симбиозом интеллекта, рационального начала; если человек живет в гармонии с собой, о нем можно сказать, что его личность едина. Если человек страдает неврозом, он в дисгармонии с самим собой и со своими желаниями, его разум борется с эмоциями. Важно учитывать тот факт, что человек раскрывает свой потенциал только тогда, когда он верит в себя, свои возможности и способности; здесь надо осознать и понимать себя. Для мотивации достигать свои собственные цели нужно умение рассчитывать на свои силы, на свой дар и обрести свою систему ценностей и поставить перед собой истинные цели, которые ведут к реализации самого себя.

А. Маслоу же считал, что все самоактуализирующиеся люди имеют общие характерные черты: они принимают себя, других, природу; готовы воспринимать реальность; спонтанны; умеют центрироваться на проблеме; склонны к уединению; автономны; их восприятие свежо; они скромны и уважают окружающих; присутствует чувство юмора; они креативны; присутствует некоторое сопротивление приобщению к культурным нормам; готовы принимать ценности и способны разрешать противоречия.

Личность развивается, когда у нее есть желание; очень важно «удержать» мотивацию в «погоне за жизнью», развивать и подкреплять положительными результатами от уже достигнутых целей. Главные вопросы в любой работе в любом деле, которое мы делаем продолжительное время, это: «Нравится ли нам то, чем мы занимаемся? Черпаем ли мы вдохновение в работе? Какова наша цель? Занимаемся ли мы своим делом?». Если нет — неизбежно будет падать мотивация, что может привести к депрессивным состояниям. Важно всегда ставить перед собой новые «свои» цели и успешно их добиваться, что будет неизменно повышать мотивацию и желание, азарт к жизни и интерес. Также можно отметить, что для многих людей мотивацией, скажем, ходить на работу является получение денег, на самом же деле мы говорим сейчас о скрытой мотивации, потому что за ней есть другое истинное желание: например, путешествие в экзотическую страну, покупка автомобиля или походы в театр.

Во всем этом важно взглянуть внутрь себя (метод интроспекции) и честно отвечать себе на поставленные вопросы. Здесь важна способность к концентра-

ции и сохранение спокойствия и невозмутимости. Из состояния спокойствия мы можем ответить себе на вопрос что именно для нас представляет интерес на данном жизненном этапе и возникнет ли желание, мотив и как следствие мотивация к достижению новой цели. Это, так называемая, мотивация достижения или мотивация избегания неудачи. Таким образом одной из основных характеристик личности становятся доминирующие мотивы, которые отражаются на особенностях других черт личности. К примеру, те люди, которые ориентированы на успех, у них чаще всего в большей мере присутствуют реалистические самооценки; а у индивидов, которые ориентированы на избегание неудач — не-реалистические самооценки, то есть завышенные или заниженные. Тот факт, удовлетворена или не удовлетворена личность собой, деятельностью, которую осуществляет, достигает ли успеха или появляются неудачи — сильно влияют на уровень самооценки. Соответственно, самооценка личности складывается из сочетания успехов и неудач, которые преобладают в жизни человека.

На практике человек стремится к достижению таких результатов, которые согласуются с его самооценкой, способствуют ее укреплению [1].

Самоактуализирующиеся и мотивированные личности способны ценить сам процесс пути к достижению цели, они радуются достижению промежуточного результата в такой же мере, как и ценят непосредственно достижение пункта назначения.

Даже такой «неискоренимый оптимист» как А. Маслоу признает, что Совершенных людей не существует! Но, здоровые самоактуализирующиеся личности способны преодолеть противоречия и противоположности, которые считались несовместимыми, они сливаются в единое целое. Здоровье в данном случае важно, как на физическом уровне, так и на духовном. Истинная самоактуализация возможна, по праву только у здоровых людей, они видят свои цели и желания и неуклонно идут к ним, а сам путь становится интересным приключением, длиною в жизнь. В данном случае мы говорим о гармонически развитой личности (этот вопрос еще подняли древние греки) на интеллектуальном и физическом уровне. К примеру система эллинов до н. э. включала рациональное сочетание физической нагрузки и интеллектуальное развитие.

Самоактуализация, желание человека проявлять себя как креативную, способную создавать что-либо новое личность, говорит о здоровом интересе к жизни, желании развиваться. И не обязательно создавать что-либо по праву великое: можно с неподдельным интересом приходить ежедневно на работу и улучшать ее на любых уровнях: начиная от общения с коллегами и партнерами, заканчивая изобретениями нового оборудования и приборов. Это процесс, когда человек забывает о времени, его планомерном течении и живет здесь и сейчас.

Яркое противопоставление самоактуализирующихся людей — это невротические личности. Это люди, у которых имеются невротические проявления, то есть они склонны искажать реальность, делают скоропостижные выводы, которые делают из ложной картины, они боятся новизны и неизвестности, слишком зациклены на своих потребностях, не способны оценивать действительность, слишком зависят от мнения окружающего общества.

Очень ярко описывает невротические личности Карен Хорни в своей книге «Невроз и личностный рост». В своей книге она делает выводы, что энергия людей идет на реализацию их собственных желаний и на воплощение в жизнь всего разнообразия возможностей, которые потенциально присущи людям в благоприятных условиях. Все люди отличаются и характером, и темпераментом, и способностями, на все это оказывает влияние условий в детстве и развитие жизни. В соответствии с этим люди меняются: их характер становится более мягким или жестким, они становятся более осторожными или доверчивыми, уверенными или более опасливыми, но в любом случае может проявить свой потенциал. Жизнь может развиваться по различным сценариям, но человек будет развивать свои задатки и способности.

Если же человек проявляет себя как невротическую личность; то есть под действием некоторого внутреннего принуждения человек отчуждается от того, что ему свойственно на самом деле; он расходует свои силы и энергию на выполнение не свойственной ему задачи и старается превратить себя в абсолютное совершенство «посредством жесткой системы внутренних предписаний».

В своих трудах Карен Хорни описывает проблемы человека, забывшего о себе, о своем предназначении, который ставит перед собой не «свои цели», а навязанные обществом. Все это может начаться с того момента, когда ребенок рос в неблагоприятной для себя среде, его желания были подавлены или не услышаны, все это ослабляет внутреннюю силу и цельность личности.

Главное отличие между здоровым влечением и невротическим стремлением к славе — это побудительные мотивы. Человек стремится к своим здоровым желаниям, используя те склонности и способности, которые заложены в нем изначально и присущи именно ему. Но так называемая Погоня за славой, напротив, возникает из потребности в актуализации идеального Собственного Я [3].

В книге Фила Нюрнбергера «Свобода от стресса — холистический подход» также высказывается мнение по поводу людей склонных к самоактуализации: они не подвергаются сильному стрессу, меньше болеют и в гораздо большей степени удовлетворены жизнью. Именно самоактуализирующиеся люди, как показывает практика, достигают высот в своей деятельности. Им менее свойственно напряжение и беспокойство по поводу их высоких достижений и профессионализма. Они умеют управлять стрессом.

Наше психоэмоциональное состояние оказывает действительно важное значение как на наше здоровье, так и в целом на наши достижения в жизни. Только из состояния спокойствия и уверенности возможно достигать результатов в жизни, будет здоровая мотивация, которая выражает главные личностные стремления и желания; важно успокоить свой разум, а при постановке цели надо всегда отвечать себе на вопрос, насколько они действительно ваши собственные и, честно отвечая на этот вопрос, человек берет на себя ответственность за свое собственное благополучие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маклаков А. Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2024. 511с.
2. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2010. 186 с.
3. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. М.: Академический проект, 2024. 400 с.

УДК 248.2

Каптен Герман Юриевич

Кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии
Государственного университета аэрокосмического приборостроения
gkapten@rambler.ru

ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ В ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКОЙ МОЛИТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

Представленная работа посвящена изучению вопроса о правомочности использования термина «измененные состояния сознания» по отношению к молитвенной практике восточного христианства. Под термином «измененное состояние сознания» понимается глубокое погружение в молитву, приводящее к частичной невосприимчивости к внешним раздражителям. Внешними проявлениями такого состояния будет длительная неподвижность, замедление дыхания и сердцебиения. Внутренними же будут: глубокая фиксация на молитве, остановка внутреннего диалога, необычные ощущения, в том числе и видения и т. п. Если проанализировать имеющиеся рекомендации источников, то исихастские приемы включают в себя сознательную сенсорную депривацию, остановку внутреннего диалога, концентрация на молитвенной формуле и ритме дыхания. Поэтому молитвенное делание в рамках этой традиции вполне подходит под описание измененного состояния сознания, однако по целому ряду причин православие не систематизировало методику вхождения в это состояние и до сих пор испытывает определенную неловкость в разговоре о конкретных приемах достижения глубокой молитвы.

Ключевые слова: Измененные состояния сознания, Патрология, Исихазм, Иисусова молитва.

KAPTEN G. Y.

ALTERED STATES OF CONSCIOUSNESS IN EASTERN CHRISTIAN PRAYER PRACTICE

The presented work is devoted to studying the issue of the validity of using the term «altered states of consciousness» in relation to the prayer practice of Eastern Christianity. By the concept of «altered state of consciousness» we will understand deep immersion in prayer, leading to partial insensitivity to external stimuli. External manifestations of such a state will be prolonged immobility, slow breathing and heartbeat. Internal manifestations will be: deep fixation on prayer, stopping of internal dialogue, unusual sensations, including visions, etc. If we analyze the available recommendations of sources, then hesychast techniques include conscious sensory deprivation, stopping of internal dialogue, concentration on the prayer formula and breathing rhythm. Therefore, prayerful work within the framework of this tradition is quite suitable for the description of an altered state of consciousness, however, for a number of reasons, Orthodoxy has not systematized the method of entering this state and still experiences a certain awkwardness in talking about specific methods of achieving deep prayer.

Keywords: Altered states of consciousness, Patrology, Hesychasm, Jesus prayer.

Когда мы говорим про измененные состояния сознания в религиозной практике, то первыми ассоциациями, скорее всего, будут разнообразные техники введения шамана в трансовое состояние или же йогические приемы достижения самадхи. Вопрос о существовании подобных методик в христианстве задается намного реже.

Существуют ли в христианстве сознательно практикуемые техники вхождения в трансовые состояния? Да, существуют, примером этого могут служить многочисленные методы достижения «даров Духа» в современном харизматическом протестантизме. Да и некоторые католики Южной Америки практикуют вполне шаманские, по сути, приемы, на что, например, указывают наблюдения П. В. Берснева [1, с. 258]. Что, правда, вызывает неоднозначную реакцию католического духовенства.

В связи с этим нельзя не указать на известную методологическую проблему. Существующие научные методы не способны ответить на принципиально важные для любого практика вопросы, в том числе: насколько различен будет опыт его переживания в зависимости от принадлежности практикующего к той или иной традиции?

Пока еще никто не дошел до состояния Просветления как, например, буддист, а затем вернулся бы на «нулевой уровень», принял Крещение, дошел до высот христианского созерцания и сумел бы сопоставить эти достижения и рассказать свои выводы исследователю. Тем более невозможно говорить о массовости подобных случаев, удовлетворяющие научному критерию повторяемости эксперимента.

Представленное исследование пытается найти ответ на намного более простой вопрос: можно ли найти практики осознанного вхождения в особые состояния сознания в православной традиции, у таких ее представителей, чистота веры которых не подвергается сомнению?

В первую очередь следует определиться с основным термином — под понятием «измененное состояние сознания» в применении к восточному христианству мы будем понимать глубокое погружение в молитву и сосредоточение на ее Адресате, приводящее к частичной невосприимчивости к внешним материальным раздражителям. Если воспользоваться признаками транса, которые выделяют Михаил Романович Гинзбург и Евгения Леонидовна Яковлева [2, с. 51–52], то внешними проявлениями такого состояния будут длительная неподвижность, замедление дыхания и сердцебиения. Внутренними же показателями могут быть глубокая фиксация на молитве, остановка внутреннего диалога, необычные ощущения, в том числе и видения и т. п.

Едва ли не самым ярким описанием этого в сравнительно близкой к нашему времени православной литературе является небольшой фрагмент из «Откровенных рассказов странника»: «молитва сердца столько меня услаждала, что я не полагал, есть ли кто счастливее меня на земле, и недоумевал, какое может быть большее и лучшее наслаждение в царствии небесном. Не только чувствовал сие внутри души моей, но все и наружное представлялось мне в восхитительном виде, и все влекло к любви и благодарению Бога; люди, деревья, растения,

животные, все было мне как родное, на всем я находил изображение имени Иисуса Христа. Иногда чувствовал такую легкость, как бы не имел тела, и не шел, а как бы отраднo плыл по воздуху; иногда входил весь сам в себя и ясно видел все мои внутренности, удивляясь премудрому составу человеческого тела; иногда чувствовал такую радость, как будто сделан я царем и при всех таковых утешениях желал, когда бы Бог дал поскорее умереть и изливаться в благодарности у подножия Его в мире духов» [7, с. 107–108].

Если пропустить практику гласолалии и обратиться непосредственно к материалу патристики, то первые упоминания, которые могут свидетельствовать о наличии практик вхождения в измененное сознание во время глубокой молитвы принадлежат Евагрию Понтийскому.

«Держи себя как невещественный перед Невещественным, и ты уразумеешь» [8, Vol 79, 1182a]. Евагрий, будучи сторонником оригенистской картины мира, представляет человека как «умного духа», из-за грехопадения, помещенного в плоть. Соответственно и спасение для него есть последовательное совлечение всего материального и возвращение к истинному духовному способу существования. Во время молитвы, аскет с помощью своего ума, как самой чистой и свободной от греховности составляющей своего существа, соединяется с Богом, как мировым Разумом.

Конечно, этого фрагмента, даже если сопоставить его с рядом других высказываний Евагрия, недостаточно, чтобы утверждать наличие какой-либо психосоматической практики в монашестве IV–V веков. Однако нельзя не отметить, что философское основание системы аввы достаточно хорошо позволяет вписать такую практику в его мировоззрение.

Если рассмотреть признанных авторитетов монашеского движения раннего средневековья от афоризмов Антония Великого до Иоанна Лествичника, то нельзя не отметить, что они очень часто пишут о молитве, но почти не упоминают о каких-либо конкретных практиках. Чаще всего мы находим упоминания о чтении Псалтыри, пении неких гимнов и т. п. Однако сам метод чтения, подбор текстов и прочее практически не упоминаются.

В святоотеческой литературе V–VI веков есть лишь редкие упоминания о подробностях монашеской молитвенной практики. Об этом повествуют небольшие рассказы в патеричных сборниках, а также есть краткие упоминания в своеобразном путевом дневнике преп. Иоанна Кассиана, так, например, он указывает, что египетские монахи помимо псалмов совершают индивидуальную молитву: «они считают более полезным совершать молитвы хотя и короче, но чаще, чтобы через частые молитвы пребывать в постоянном союзе с Богом, а через краткие — избежать стрел дьявола, нападающего на нас особенно во время молитвы» [5, с. 23].

Кроме этого, Иоанн Кассиан оставил очень интересное указание о достижении созерцания Бога через интеллектуальные упражнения: «Бог познается не в одном блаженном и непостижимом существе Своем..., но познается также из величества и красоты Его творений... когда мы помыслим о беспредельном Его могуществе, о неусыпном Его оке, которое видит тайны сердечные и от ко-

того ничто не может скрыться, то, объятые сердечным страхом, удивляемся и поклоняемся Ему. Когда помыслим, что Он знает число дождевых капель, песка морского и звезд небесных, то поражаемся величием естества и премудрости Его. Когда помыслим о неизреченной и неизъяснимой Его премудрости и человеколюбии, о непостижимом долготерпении, переносящем бесчисленные падения грешников, то прославляем Его. Когда помыслим о великой любви Его к нам, по которой Он не погнушался для нас, ничего доброго не совершивших, сделаться человеком, чтобы избавить нас от оболычения, то пробуждаемся к любви Его...» [5, с. 221].

Учитывая настойчивое повторение идеи о необходимости поиска духовного наставника, можно предположить, что если какие-либо технические методы развивались в монашеской среде, то они передавались устным способом.

Тем не менее, можно уверенно утверждать, что техники контроля за вниманием в этой среде существовали и активно развивались. Об этом есть достаточно много упоминаний у разных авторов. Например, Диадок Фотикийский наставляет: «Ум наш большей частью мало расположен бывает к молитве... чтоб не давать хода его свободному в себе разглагольствованию и не полагать его охоте безмерно предаваться выпрненным парениям... научимся сохранять его безмечтанным во время созерцания» [3, Т. 3, с. 45].

Последующие авторы все больше развивали «техническую составляющую» молитвы, что привело, в итоге, к формированию в Византии развитого учения исихазма, включавшего в себя не только теоретическую, но и практическую составляющую. Авторы XIII–XIV веков оставили достаточно подробное описание методов входа в измененное сознание:

«Понудь ум свой сойти из головы в сердце и держи его в нем, и непрестанно зывай умно и душевно» [3, Т. 5, с. 221]. «Собрав ум свой к себе, введи его в путь дыхания, коим воздух доходит до сердца, и вместе с сим вдыхаемым воздухом понудь его сойти в сердце и там остаться... Когда таким образом войдешь ты в сердечное место... держись сего делания всегда, и оно научит тебя тому, чего другим путем не узнаешь никогда» [3, Т. 5, с. 242–243].

«Естественный метод (прием) схождения в сердце путем дыхания, и это уединение в месте безмолвном и несветлом, и все другое подобное, только способствуют к сему... Сядь на стульце в келье безмолвной и несветлой, и собрав ум от обычного ему во вне кружения и скитания, путем дыхания тихо сведи его внутрь сердца и держи молитву... то очень полезно будет... поговорить... о всяком вообще мечтании. Ибо очень много противится оно проклятое чистой сердечной молитве, и единичному неблуждающему деланию ума... Таковое мечтание надобно отметать в конец... Преуспевшие же при долголетнем подвиге, всякое вообще отметають мечтание и непотребное и благопотребное, так что и следа его не остается» [3, Т. 5, с. 328–329, 369].

Подобные фрагменты позволяют уверенно утверждать, что психосоматические приемы в православной традиции существуют, как минимум, с поздневизантийской эпохи. О распространенности таких методик можно судить по достаточно характерному эпизоду, произошедшему во время правления

императора Андроника II. Отец будущего святителя Григория Паламы, будучи человеком весьма благочестивым, на заседании совета вошел в глубокое молитвенное состояние так, что не услышал обращенный к нему прямой вопрос императора. Последний с юмором заметил, что сановник предстоит перед Самим Богом и запретил его тревожить.

Так же и Варлаам Калабриец оставил после себя карикатурное описание этих методов: «Меня посвятили в чудовищные и абсурдные верования... Они сообщили мне об удивительном разлучении и воссоединении разума и души... о разумных входах и выходах, производимых ноздрями при дыхании, о заслонах вокруг пупа и, наконец, о видении душой нашего Господа» [6, с. 354].

Все вышеизложенное позволяет дать краткую сводку рекомендаций исихастов: сознательная сенсорная депривация, остановка и (или) контроль внутреннего диалога, концентрация на молитвенной формуле и ритме дыхания. По причинам, которые будут рассматривать чуть ниже, в православной традиции не появилось развернутой систематизации ступеней трансовых состояний подвижника, в отличие, например, от дхармических религий.

Если все же попытаться провести такие параллели, то можно осторожно предположить, что исихастские методы погружают практикующего в состояния, близкие по описанию к различным ступеням сампраджнята-самадхи в которых не происходит переживания растворения практикующего в Абсолюте (савитарка, вичара, ананда, сасмира), а его взаимодействие с Ним можно характеризовать как диалог личности с Личностью. При этом формы асампраджнята-самадхи, когда происходит остановка самосознания и «исчезновение Я» для христианской традиции не характерны.

Еще одним интересным моментом, который характеризует восточно-христианских молитвенных методик, является категорический запрет на те или иные визуализации. Это достаточно сильно отличает православную традицию от схожих на нее восточных нехристианских практик, характерных, например, для шаманских практик и методов ваджраяны. Хотя надо отметить, исихазм тут не абсолютно уникален, запреты на визуализацию или строгое ее ограничение существуют и в некоторых восточных мистических практик, что, например, проявляется в Тхераваде.

Почему же, в православии не появилось подробной систематизации молитвенных состояний? Надо признать, что в восточно-христианской традиции существует определенная неловкость в разговоре о конкретных методах вхождения в измененные состояния сознания.

Наверное, самой главной причиной является то, что молитва в восточно-христианской практике всегда понимается как разговор личности с Личностью. Его же очень сложно загнать в четкие рамки систематического описания.

С этим связано и соображение, что использование тех или иных технических приемов может быть оценено как магическая попытка манипулирования Богом, что для православной мысли в лучшем случае просто глупо, а в худшем граничит с прямым богохульством. Соответственно и отторжение этих методик, по сути, есть отвержение магизма. Еще преп. Максим Исповедник, описывая

путь подвижника (аскезис — гнозис — теозис) настаивает на том, что переход от простой аскезы к познанию происходит только через «скачок» (διαβάσις), который может быть совершен только под действием благодати, даруемой Богом, но ни в коем случае не автоматически при соблюдении определенных условий.

Еще одним важным фактором, ограничивающим развитие подобных методик, является опасность прелести. Едва ли не каждое сочинение о внутренней молитве содержит предостережение о том, что механическое использование таких практик грозит впадением в грех гордыни. Более того, это соображение вызвало в определенное время угасание практики умной молитвы и многие современные авторы вынуждены были подробно доказывать, что сама по себе практика молитвы не может быть прелестной.

«Иные», считающие себя за одаренных духовным рассуждением и почитаемые многими за таковых, «боятся» этой молитвы, как какой заразы, приводя в причину «прелесть» — будто бы непременно спутницу упражнения Иисусовой молитвой — сами удаляются от нее и других учат удаляться. Изобретатель такого учения, по мнению моему, — диавол, которому ненавистно Имя Господа Иисуса Христа как сокрушающее всю его силу: он трепещет этого Всесильного Имени и потому оклеветал Его перед многими христианами, чтобы они отвергли оружие пламенное, страшное для их врага — спасительное для них самих» [4, Т. 7, с. 228]. — утверждал в XIX веке еп. Игнатий (Брянчанинов).

К другим факторам, повлиявшим на этот процесс, можно отнести ярко выраженный эксклюзивизм исихастской традиции. Систематизация видов молитвенных состояний практически неизбежно приводит к проведению параллелей с другими конфессиями или, даже иными религиями. При этом достаточно очевидно сходство с мистическими созерцаниями и методами их достижений в других системах. Отсюда рождается вопрос о тождестве созерцания исихаста с аналогичными переживаниями дхармических традиций, что ставит под удар представления о принципиальной уникальности христианства.

Следует особо подчеркнуть, что неудобство обсуждения подобных вопросов связано не сколько с узко конфессиональной позицией большинства собеседников, но и с вполне объективной невозможностью «опытным» путем установить действительно ли объект мистического созерцания различных традиций тождественен. О чем говорилось и в самом начале статьи.

Таким образом можно заключить, что в восточном христианстве существуют, по меньшей мере со Средних веков, известные методы глубокой молитвы, которые типологически схожи с аналогичными приемами в других традициях, а существующие описания переживаний этого состояния по всем признакам подходят под определение «измененные состояния сознания». Однако само православие чаще избегает подобных отождествлений или, даже, напрямую их отрицает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берснев П. В. Священный космос шаманов. СПб.: «Академия исследования культуры», 2014. 368 с.

2. Гинзбург М. Р., Яковлева М. Е. Эриксоновский гипноз: систематический курс. М.: МПСИ, 2008. 312 с.
3. Добротолюбие. М.: Изд.-во Сретенского монастыря, 2010. 608 с.
4. Игнатий Брянчанинов, свт. Полное собрание сочинений. М.: «Паломникъ», 2007. 4000 с.
5. Иоанн Кассиан Римлянин, преп. Писания. Москва: «АСТ», Минск: «Харвест», 2000. 799 с.
6. Иоанн Мейендорф, прот. Введение в святоотеческое богословие. Минск: «Лучи Софии», 2007. 384 с.
7. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Изд. Введенской Оптиной пустыни, 1991.
8. *Patrologia Græca Cursus Completus* / ed. J.-P. Migne. Paris. 1857–1866.

Коврегина Галина Михайловна,
студент, факультет философии, богословия и религиоведения
Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского,
g_kovregina@mail.ru

**ЛИТЕРАТУРНО-ЦЕРКОВНОЕ ТВОРЧЕСТВО
СЕЛЬСКОГО СВЯЩЕННИКА РЯЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ
КАК ИНДИКАТОР РАЗВИТИЯ МИССИОНЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ
КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.**

В статье приводятся результаты анализа публикационной активности А. Е. Незлобина, сельского священника Рязанской Епархии конца XIX-начала XX вв на фоне церковной и государственно-конфессиональной политики Российской Империи, социальных явлений с. Горлово и событий личной жизни. Исследование выполнено на основе выявленных в Государственном архиве Рязанской области рукописей и напечатанных при жизни автора проповедей, бесед, слов и поучений. Рассматривается взаимосвязь динамики проповеднической и церковно-писательской деятельности представителя сельского духовенства с периодом становления и развития миссионерского движения Русской Православной Церкви, а именно Братства св. Василия, епископа Рязанского.

Ключевые слова: сельское духовенство, миссионерство, сектантство, раскольниковство, Рязанская епархия, Братство св. Василия, епископа Рязанского.

KOVREGINA G. M.
*LITERARY AND ECCLESIASTICAL WORK OF A RURAL PRIEST
OF THE RYAZAN DIOCESE AS AN INDICATOR OF THE DEVELOPMENT
OF THE MISSIONARY MOVEMENT
IN THE LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES*

The article presents the results of an analysis of the publication activity of A. E. Nezlobin, a rural priest of the Ryazan Diocese in the late XIX and early XX centuries, against the background of the church and state-confessional policy of the Russian Empire, the social phenomena of the village of Gorlovo and the events of his personal life. The research was carried out on the basis of manuscripts identified in the State Archive of the Ryazan region and sermons, conversations, words and teachings printed during the author's lifetime. The article examines the relationship between the dynamics of the preaching and church-writing activities of a representative of the rural clergy with the period of formation and development of the missionary movement of the Russian Orthodox Church, namely the Brotherhood of St. Basil, Bishop of Ryazan.

Keywords: rural clergy, missionary work, sectarianism, schism, Ryazan diocese, The Brotherhood of St. Basil, Bishop of Ryazan.

В настоящее время ведутся активные исследования этапов становления и развития миссионерской деятельности в Российской Империи. Однако остается не мало «белых пятен» в изучении личного вклада представителей сельского духовенства русской «глубинки» в миссионерское движение. К тому же, исследуемый период конца XIX-начала XX вв. представлен весьма небольшим

количеством священнослужителей, эффективно проводившими борьбу с внутрицерковным сектанством на территории Рязанской губернии. В предлагаемой статье внимание фокусируется на литературно-церковной деятельности Александра Евфимиевича Незлобина, служившего вторым священником в церкви вмч. Димитрия Солунского в селе Горлово Скопинского уезда Рязанской губернии в конце XIX-начале XX вв.

Основой исследования является сборник трудов А. Незлобина «Явим незлобие и простоту нашего сердца...», содержащий поучения, слова и беседы на воскресные и праздничные дни, а также катехизические поучения на «Отче наш», Символ веры и Десять заповедей [5]. Сборник составлен М. Е. Денисовым по опубликованным при жизни священника проповедям, а также выявленным в Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) рукописным материалам.

О. Александр (1857–1905 гг.) являлся одним из немногих священников-проповедников, труды которого были опубликованы в таких церковных изданиях, как «Миссионерский сборник» Совета Братства св. Василия Рязанской епархии, журналах «Христианская беседа» Московской епархии, «Пастырский собеседник» Казанской Духовной академии и др. Одной из целей публикаций текстов, сочиненных сельскими священниками, была методическая поддержка проведения внебогослужебных собеседований.

На текущий момент выявлено более 220 работ А. Е. Незлобина. Большая часть трудов была опубликована и переиздана при жизни автора, часть работ в количестве 51 рукописи сшита в сборнике «Проповеди и поучения священников, читанные им в церквях Рязанской епархии», хранящемся в Государственном архиве Рязанской области [2]. Всего же за время служения с 1881 по 1905 гг. священником А. Незлобиным было создано и произнесено с амвона Димитриевской церкви и порядка 600 трудов собственного сочинения: проповедей, поучений, слов, внебогослужебных бесед и катехизических поучений.

Священнослужению о. Александра предшествовал, по окончании в 1879 г. Рязанской Духовной семинарии, период службы в земском училище с. Кораблино Ряжского уезда. Уже в это время А. Незлобин неоднократно получал поощрения «за усердное и исправное ведение учительской должности от училищного ряжского совета награжден пятьюдесятью рублями» (1880 г.) и «от Министерства народного просвещения тридцатью двумя руб. серебром» (1881 г.) [1]. В январе 1881 года Александр Незлобин был определен на вторую священническую вакансию к церкви в честь великомученика Димитрия Солунского с. Горлово Скопинского уезда. В обязанности второго священника входили богослужения, внебогослужебные собеседования и совершение треб для закрепленных ним жителей с. Горлово, д. Ново-Александровки и д. Даниловки.

Число прихожан только с. Горлово за время служения о. Александра увеличилось с 3000 человек в 1881 году до 4500 к 1905 году. Рост населения был обусловлен бурным освоением плодородных земель южных губерний Российской Империи, в том числе и Рязанской. Следствием политики государства по освоению земель, стало развитие сети железных дорог, а на пересечении транспортных путей стали появляться железнодорожные станции. Таким транспортным уз-

лом стала станция Кашино близ с. Горлово. Увеличение численности населения, начавшаяся трудовая миграция, неизбежно повлекло и изменение морально-нравственного состояния жителей. Со середины XIX вв. на территории Рязанской губернии обнаруживались проблемы бытовой и нравственной жизни крестьян: воровство и разного рода мошенничество, конокрадство; святотатства; поджоги носящие форму как социального протеста, так и являющиеся способом мести; клязуничество и доносы; безграмотность, в том числе и религиозная, эпидемические болезни. С возникновением отхожих промыслов появились такие пороки как пьянство, нищенство, безнравственность семейных отношений. Красноречиво о религиозно-нравственном состоянии народа свидетельствуют Рязанские епархиальные ведомости за 1890 г. № 2, где читаем: «До какой степени часто бывают странны и спутаны религиозные представления русского народа, ... в силу заговоров сильно верят как сами заговаривающие, так и те, кто обращается к ним за помощью». Там же, «Не менее печальные факты приходится наблюдать и в нравственной жизни народа. Вместе со многими другими пороками за последнее время в среду народа более и более проникает ужасный порок тунеядства... Причина этого явления кроется во взгляде на нищенство, как выгодный заработок». Наблюдалось также и изменение внутрисемейных отношений. Нравственные устои патриархального уклада начали постепенно сдавать свои позиции. Отмечается изменение отношений детей к неработающим родителям. Приходилось принуждать детей к содержанию родителей решениями сельских сходов или волостных судов.

Кроме того, с 1881 по 1905 гг. произошло увеличение старообрядческих (раскольнических) сект, достигшее к 1899 году максимальной численности. Например, на территории Рязанской губернии насчитывалось более 16000 старообрядцев. Активно стали возникать и новоцерковные образования сектантского типа. Важно упомянуть, что такие секты как «хлысты» и «скопцы» были укоренены внутри приходов. Например, в селе Горлово, после визита в село А. П. Дубровицкого в 1822 г, укоренилась секта «духовных скопцов» [10, с. 45], а протоиерей Иоанн Стахийев, в своем донесении Русскому географическому обществу о нравственном состоянии жителей Скопинского уезда, сообщает следующее: «Раскольники в некоторых селениях есть, иные беспоповщитского толка, а иные подозреваются в молоканской или хлыстовщинской секте...».

В целях борьбы с негативными явлениями социальной и религиозной жизни, в Рязанской епархии в 1878 г. организуется Братство св. Василия Рязанского, задачей которого было «просвещение народа в религиозно-нравственном направлении». В каждом уезде была учреждена должность местного миссионера, в задачу которого входило, помимо миссионерской работы, сбор статистических данных и составление отчетов по старообрядцам и сектантам вверенного им уезда.

В 1889 году Указами Св. Синода епархиальным архиереям был предоставлен ряд полномочий в борьбе с расколом и сектантством:

«1) организовывать и проводить публичные беседы с раскольниками и сектантами; ... 3) открывать церковно-приходские школы, с целью просвещения детей сектантов».

В соответствии с политикой Русской Православной Церкви в отношении раскольников и сектантов, миссионерским Комитетом Рязанской епархии в этом же году в «Рязанских епархиальных ведомостях» публикуется новая, соответствующая религиозно-нравственному состоянию народа и миссионерской деятельности, измененная программа, утвержденная Синодом. Появляются новые отделы ежемесячного издания:

«1) *Известия о религиозно-нравственном состоянии народа, очерки народных нравов, местных обычаев, поверий, предрассудков, суеверий и т. п.*

2) *Известия о пастырской деятельности местного духовенства, о мерах и способах, предпринимаемых для воздействия на строй и направление религиозно-нравственной жизни народа, о развитии внебогослужебных собеседований ...* 3) *Сведения о состоянии церковно-приходских школ и других, строящихся в ведении духовенства учебных учреждений, каковы школы грамотности, воскресные и т. п. Деятельность местных пастырей по открытию и развитию этих учреждений, сведения об отношении к ним народа, о построении новых школьных зданий...* 4) ... *известия о мерах, предпринимаемых местными пастырями в борьбе с сектантством; публичные собеседования с сектантами*». В Научно-литературном разделе вводятся «1) Образцовые слова и поучения местных пастырей. 2) Научные статьи духовного содержания: догматического/библейско-истолковательного, исторического, правоучительного, канонического, литературного и др...».

В 1890 г. Братством начинает выпускаться «Миссионерский сборник», целью которого было «а) служить печатным органом пастырей Церкви и миссионеров; б) вспомоществовать им в миссионерской деятельности» [8, с. 184]. Начинается активное привлечение сотрудников-корреспондентов из местного городского и преимущественно сельского духовенства.

Рассмотрим в контексте становления и развития миссионерского движения в Рязанской губернии проповедническую деятельность А. Незлобина. Распределение количества и типов его литературно-церковных трудов по годам их создания и публикаций в церковных изданиях показывает соответствие писательской активности о. Александра епархиальной политике.

Религиозное просвещение и миссионерскую деятельность священник начал еще до официального введения в 1891 году обязательных внебогослужебных собеседований. Приведем цитату из отчета А. Е. Незлобина за 1887 г, направленного в Совет Братства св. Василия «Внебогослужебные собеседования как прежде, так и в настоящем 1887 году ведутся мной по воскресным и праздничным дням в церкви между утреней и Литургией очередной недели. Начиная с прошлого 1886 года и по настоящее время собеседования ведутся применительно к программе собеседования, находящейся в книге «Воскресные и праздничные собеседования». [3]. Тексты упомянутых бесед ежегодно направлялись автором в Совет Братства св. Василия Рязанского. Свидетельствуют об активной миссионерской священников Димитриевской церкви и «Путевые заметки» 1887 года архиепископа Рязанского и Зарайского (Феоктиста) в которых читаем: «...священники Архангельский и Незлобин отличаются усердием в проповедовании слов

Божия с церковной кафедры. При ревизии предоставили целые тетради своих слов и поучений» [7, с. 450]. С появлением же в 1890 г. «Миссионерского сборника», появляются и первые публикации бесед и слов А. Незлобина.

Как уже упоминалось, в 1891 году Епархиальными властями была разработана программа собеседований, а священникам вменялась обязанность их проведения. С этого времени наблюдается значительное увеличение количества поучений, слов и бесед собственного сочинения о. Александра. Если в период с 1887 по 1890 гг. создавалось около 20 сочинений/год, то, начиная с 1891 г. Незлобин пишет уже по 4050 катехизических поучений на «Отче наш», «Символ веры» и «Десять заповедей». Представляется корректным предположение, что поучения были предназначены для религиозного просвещения прихожан: «Сектантство и раскол коренятся в неправильном понимании и приложении к жизни основных истин веры и христианской нравственности. Следовательно, искоренение расколо-сектантства зависит от научения народа истинному пониманию смысла христианского вероучения и христианских обязанностей» [4].

С 1899 А. Е. Незлобин ежегодно печатается в церковных изданиях, находящихся за пределами Рязанской епархии. Учитывая трудности развития миссионерской деятельности, характерно обозначенных в воззвании от Православного Миссионерского Общества: «Между православными христианами, в особенности из духовенства православного, всегда являлись и являются люди готовые послужить распространению веры христианской между неверующими. ... Но таких проповедников веры (миссионеров) у нас еще очень мало, и они встречают величайшие затруднения и испытывают многие нужды и лишения в своей деятельности» [6, с. 124], можно сделать вывод о необходимости публикаций в широкой печати проповедей священников-миссионеров в целях подготовки священнослужителей к такой деятельности.

Скончался о. Александр 27 сентября 1905 года. В некрологе, размещенном в Рязанских епархиальных ведомостях, отмечалось, что «Как пастырь, почивший о. Александр отличался своею ревностною проповедническою деятельностью и усердным исполнением пастырских обязанностей», «Насколько покойный был хороший и ревностный проповедник, настолько же он был и усердным и добросовестным исполнителем своих пастырских обязанностей», *«Похоронить и проводить своего почившего пастыря на место вечного покоя собралась многочисленная паства — местные крестьяне и торговцы, которая со слезами прощалась в последний раз с своим любимым пастырем»* [9].

Подводя итоги изложенному, можно отметить, что миссионерская деятельность А. Е. Незлобина была обусловлена, с одной стороны личными качествами священника и его способностью к созданию литературно-церковных текстов, а с другой — являлась реализацией в конкретном приходе церковной и государственно-конфессиональной политики конца XIX-начала XX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРО. Ф. 627. Оп. 240. Скопинский уезд. Д.29. Л.204 об.
2. ГАРО. Ф. 975. Оп. 1. Д. 22.

3. ГАРО. Ф. 975. Оп.1 Д.12, Л. 197–198.
4. Миссионерское обозрение. 1899 год. Январь-Июнь. № 1, Мелетий, еп. Рязанский. Новогодние думы о нуждах внутренней миссии нашей Церкви // Миссионерское обозрение. 1899. № 1. С. 4–13. URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravoslavnye-zhurnaly/missionerskoe-obozrenie-1899-god-janvar-iyun-1/1_1 (Дата обращения: 12.01.2025).
5. Незлобин А., свящ. Явим незлобие и простоту нашего сердца. М.: ООО «Старая Басманная», 2011. 712 с.
6. От Православного Миссионерского Общества. Воззвание. Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь // Рязанские Епархиальные ведомости. 1893. № 4, С. 123–126.
7. Путевые заметки, веденные с 26 мая по 9 июня сего 1887 года при обозрении его высокопреосвященством, Феоктистом, архиепископом Рязанским и Зарайским церквей Рязанской епархии и ревизии причтов // Прибавления к Рязанским епархиальным ведомостям. 1887. № 18–19. С. 450.
8. Савинцев В. А., иерей. Миссионерская деятельность Рязанской епархии среди старообрядцев во второй половине XIX — начале XX вв. Диссертация ... кандидата богословия. СПбДА. 2021. 231 с.
9. Священник. О. Александр Евфимиевич Незлобин (некролог) // Рязанские Епархиальные ведомости. 1905. № 22. С. 795–798.
10. Селиванов А. З. Очерки социального быта Рязанского края. По архивам рязанских помещиков — Бекетовых, Д. А. Толстого и Дубровицких // Труды общества исследователей Рязанского края. Выпуск XXXVIII. 1930. 80 с.

НЕОТВРАТИМОСТЬ НАКАЗАНИЯ И ЗАКОНЫ ЭТИКИ

Цель доклада исследовать природу нравственности. Доказать, что законы этики есть, и за их игнорирование следуют санкции, подобно тому как следует наказание, за нарушение, как биологических законов, так и юридических. В экспозиционном разделе доклада автор поставил перед собой амбициозную задачу выявления условий безопасного существования человека в мире, обосновывая утверждение, что категория нравственности в жизненном мире человека, есть гарант его неуязвимости перед силами разрушения и уничтожения. Следующий этап — поиск метода, избавляющего от аннигилирующих последствий судьбы, сгенерированной самим человеком, своей моделью поведения.

Ключевые слова: этика, мораль, нравственность, Сократ, совесть, Веды, Христианство суд, милосердие, дух, покаяние, искупление, аура, безопасность существования. судьба, Сартр.

AVSEEV A. A.

INEVITABILITY OF PUNISHMENT FOR VIOLATION OF THE LAWS OF ETHICS

The purpose of the report is to study the nature of morality. To prove that there are laws of ethics, and that ignoring them is followed by sanctions, just as there is punishment for violating both biological and legal laws. In the exposition section of the report, the author set himself the ambitious task of identifying the conditions for the safe existence of a person in the world, substantiating the statement that the category of morality in the life world of a person is a guarantor of his invulnerability to the forces of destruction and annihilation. The next stage is the search for a method that gets rid of the annihilating consequences of the fate generated by the person himself, by his model of behavior

Keywords: ethics, morality, ethics, Socrates, conscience, Vedas, Christianity, judgment, mercy, spirit, repentance, redemption, aura, security of existentialism. fate, Sartre.

Человек всегда ставил и ставит вопрос о справедливости мира, о вознаграждении или наказании за то или иное поведение и поступки. Несчастья, неудачи, постигающие его в повседневной жизни, воспринимаются им как роковые случайности. Логичность и закономерность наступивших негативных событий остается за скобками его восприятия. Однако, как ни странно она есть. Мы приведем самые общие, абстрактные рассуждения на эту тему.

И в первую очередь поговорим о закономерностях. Главная особенность закона — его необходимость и неотвратимость. Если процесс не соответствует закономерностям и правилам, своего возникновения и протекания, он аннигилируется, уничтожается. Жизнь человека регулируется тремя видами законов. Во-первых, физико-биологическим, во-вторых, юридическим, определяющим безопасную жизнь человека в обществе, в-третьих, духовными или этически-ми без соблюдения, которых невозможна безопасность личного существования.

Большинству понятно, наказание за нарушение законов биологического существования, физическая гибель. Без удовлетворения витальных потребностей жизнь человека прекращается. Не соблюдение комплекса юридических законов, также ведет к санкциям со стороны общества и государственных органов. Как правило, в обществе есть понимание, что за нарушение юридических законов следуют или административные, или уголовные наказания, или воздействие общественного мнения. Общественное мнение, либо поощряет, либо порицает поступки членов общества, таким образом, регулируя поведение людей. В социальной сфере человек не совершает противоправные деяния принудительно, из боязни наказания. Страх наказания основная мотивационная причина неконфликтного взаимодействия людей в обществе.

Люди не воруют, не грабят, не применяют насилие, боясь наказания. Безопасность граждан обеспечивают правоохранительные институты государственной власти и общественное мнение, ограждающие индивидов от девиантного и делинквентного поведения некоторых асоциальных членов социума. Но, что касается сферы духовного существования человека, то люди не воспринимают этические или нравственно религиозные нормы как обязательные к исполнению. Законодательная природа этики ускользает от их внимания. Признать функционирование этических, нравственных норм в качестве законов, подлежащих безусловному исполнению, не приходит никому в голову.

Биологические законы человеческого существования обусловлены природой, юридические принудительно силой государства, социальные — общественным мнением.

Функция контроля за их исполнением ложится на внешние по отношению к человеку субъекты — природу и общественное мнение совместно с действием государственной правоохранительной системой.

Но, в случае неисполнения нравственных законов, концепт субъекта контроля в традиции ещё не был разработан. Он в ней, конечно, есть, но для человека непостижим. И вот именно в этом моменте возникают проблемы. Если духовная сфера подчиняется своим специфическим законам, содержание которых коренится в этике, то естественно предположить, что за их нарушение с необходимостью следует неотвратимость наказания, которое можно понимать, как последствия. Но если в предыдущих двух случаях наказывает необходимость природы и общество, то кто субъект наказания в сфере духовности? Какова степень вины за нарушение законов нравственности и как определить адекватность наказания за неисполнение норм этики? Т.е. иными словами, какой провинности, какое наказание будет соответствовать. Есть ли вообще это возмездие и какова его природа? Прямых ответов на эти вопросы нет.

Кроме внешних регуляторов социально одобряемого типа поведения человек обладает внутренней мотивацией не совершать асоциальных проступков. Человек не грабит, не убивает, не ворует не из боязни наказания, а руководствуясь повелениям своей совести. Совесть, таким образом, становится основой морально — нравственного, правильного поведения. Дать определение совести очень трудная задача. Это некое неverifiedируемое качество человеческой лич-

ности имматериальная, невидимая, неосязаемая субстанция, вполне реально проявленная в чувстве стыда и «угрызениях совести». Совесть аккумулирует некий сущностный, не осознаваемый, предустановленный, изначально присущий человеку комплекс морально — этических установок. Совесть сложный феномен, она с одной стороны субстанциальна, поскольку этические нормы органичны личности человека. Они закодированы в генотипе. С другой, они историчны, т. е. необходимо время и условия для их полного раскрытия и формирования. Требуется эволюция личностных качеств человека для их раскодирования. Для конституирования феномена совести необходим правильно организованный процесс воспитания в широком смысле. Этапы — родительское воспитание, воспитание в социальных институтах, самосовершенствование по достижении зрелости. Совокупность этических норм, достигших своего акме и составляет совесть. Из этого следует актуальность процесса воспитания. Совесть — наиглавнейшая его цель и предназначение. К 21 году её основы обычно полностью сформирована и могут быть мотивом и нравственным регулятором поведения человека. В этом и состоит зрелость. Тем не менее, культура и совесть продолжают развиваться и углубляться на протяжении человеческой жизни. Человек уже сам, без родителей, без школьных учителей способен генерировать осознанные мировоззренческие жизненные стратегии и их реализовывать. Надежным компасом в этом деле ему служит совесть.

Однако не все так однозначно как представляется на первый взгляд. Многие индивиды, прошедшие все этапы воспитания и социализации, не достигают степени полностью сформированной нравственной личности. В результате, в обществе достаточно много людей с асоциальным поведением. В чём проблема? Причин две. Первая, изъяны в процессе формирования личности. Но есть и более глубокая причина противоправного поведения человека в обществе. Чтобы её понять, следует иметь ввиду, одну из концепций созревания плода в утробе матери. Генезис плода ребенка проходит несколько стадий. Растительную, водную, земноводную, животную и человеческую. Параллельно этому формируются и свойства души, соответствующие этим стадиям. Если у матери в поведении происходит фиксация на одном из этапов, то формируется только определенный тип душевной организации, например, растительный или животный. Душа ребенка не достигает уровня формирования человеческих качеств, детерминирующих феномен совести, таких как честность, порядочность, сострадание, милосердие, бескорыстие, взаимопомощь, тяга к искусствам и др. (Угрызания совести возникают при отклонении поведения или мыслей человека от этих нравственных норм). Во время беременности женщина в равной степени должна взаимодействовать с растительным миром, животным, водным, земноводным и, наконец, с миром культуры и общества. Люди, души которых не достигли стадии человечности, не являются людьми как таковыми, поскольку у них отсутствует совесть, несмотря на наличие тела. Они, как правило, или становятся преступниками, или отличаются ярко выраженным асоциальным поведением [2]. Вот вторая причина.

Этические и нравственные нормы не всегда имели значение и параметры современного нам этапа эволюции. Вспомним, например, историю жизни

и судьбу древнегреческого мыслителя и философа Сократа. Как нам повествует Платон в «Апологии Сократа», Сократ добровольно принял смерть, выпив чашу с ядом цикуты, будучи приговоренным судом архонтов к смертной казни за нечестивое отношение к древнегреческим олимпийским богам. У Сократа в Афинах было очень много почитателей его философии и сторонников, предлагавшим ему устроить побег из тюрьмы. Он отказался и принял смерть. Отвергая обвинение в оскорблении олимпийских богов, Сократ, обращаясь к соратникам, настаивал на своём твердом желании исполнить долг законопослушного гражданина Афин и подчиниться обвинительному вердикту высокого суда. Он добровольно сделал выбор в пользу чести и достоинства, пожертвовав ради этого своей жизнью. Парадокс, тот же Сократ гордился тем, что мог заслужить любовь молодых афинских юношей. Дилемма, Сократ человек высоких моральных достоинств или развратник? Святой мученик или грешник, погрязший в содомистских оргиях с юными афинскими аристократами? Размышление над этим парадоксом выводит на не менее парадоксальное умозаключение о том, что современные морально этические представления кардинально отличаются от моральных устоев народов древней Греции. Генезис нравственных установок историчен. Не Сократ безнравственен, а для человечества, в том числе и для граждан греческих полисов, ещё не существовало запретов на гомосексуальные отношения. В древне афинском обществе, табу на однополые половые связи ещё не актуализировалось.

Объяснить этот факт, можно только прибегнув к гегелевской трактовке хода истории как пути освобождения мирового духа и духовной сущности человека от детерминации его поведения природно — биологическими инстинктами, лишенными самосознания. Объяснение заключается в констатации процесса одухотворения, в наработке комплекса нравственных табу, преобразующих самость в человека, т. е. нравственно духовную личность. Уровень самосознания, осознанного мировосприятия в соответствии с нормами этики в генезисе конечного человеческого духа возрастает, а инстинктивного, физиологического аннигилируется. Человечество проходит долгий путь от промискуитета и полигамии к моногамной семье и браку одного мужчины с одной женщиной. Комплекс табу в ходе эволюции общественных отношений, в конечном счете, сформировал этические принципы правильного поведения, приобретших форму законов нравственной жизни человека. Соблюдение их обеспечивает и гарантирует индивидам безопасную жизнь, ограждая его от негативных последствий нарушения нормативности этических принципов. Гегель генезис освобождения и конституирования духа как такового в полноте его особенных свойств, назвал феноменологией духа (процесс формообразований проявляющегося духа в бытии).

Согласно Гегелю, человеческий дух в своем эволюционном генезисе проходит те же этапы, что и мировой дух. Как полагали и Гегель, и Хайдеггер: «человека нельзя объяснить из самого человека, для этого нужно объяснить само бытие» [5, с. 119]. После рождения любого человека сначала зарождается душа, потом сознание, самосознание, разум, дух. Дух субъективный есть сущность человека. Она теоретична и практична. Теоретический дух структурирован со-

зерцанием, представлением, памятью, мышлением. Практический дух есть желание, влечение и счастье. Субъективный дух объективируется в общественной жизни и проявляется как право, мораль и нравственность. Он становится объективным духом. Единство двух составляющих духа, по Гегелю, конституирует абсолютный дух, т. е. дух как таковой [1, с. 479–480]. В нем достигается полнота человеческого духа, его целостность. Если формообразования субъективного духа не осознаются человеком, в деятельности объективного духа прослеживается только осознание результатов объективирования субстанциальной мощи или воли мирового духа, то абсолютный дух есть творческий, созидающий, осознающий человеческий дух, творящий свободно и независимо, не подчиняющийся закону необходимости, инстинктивной запрограммированности своего воплощения. Абсолютный дух достоин личности, зрелого человека. Он проявлен в искусстве, религии и философии.

В самом общем, популярном смысле, дух, духовность в настоящем контексте подразумевает единство, развитой эмоционально чувственной сферы, разума, этических установок, совести и воли, стремящейся к их реализации. Абсолютным выражением сущности человека и человечности есть не столько совесть, сколько дух. Духовность. Совесть одна из важнейших компонентов духа, но не единственная. Совесть и дух. Совесть есть побуждение (оно бессознательно) к правильному, нравственному поведению, она определяет мотивационные установки (они разумны) для поступка. Дух есть волевая, сознательная деятельность по реализации бессознательных побуждений совести и сознательных мотивационных установок как целей. Цель духовной деятельности — достижения блага.

Современное общество большое внимание стало уделять своему здоровью. Спорт, самые современные технологии медикаментозного лечения, конечно, приносят несомненную пользу. Но, с другой стороны, следует признать отсутствие понимания, того, что эти важные составляющие здоровья, не главные, а второстепенные. Они могут быть полезны, тогда, когда мир духа обуславливает жизненный мир человека. Духовно — нравственная жизнь гарантирует счастливую судьбу и здоровье. Безнравственная нет.

Мотивационные установки духовности следующие: голодного накорми, просящему подай, слабому помоги, больному исцели, ненависть и зависть из сердца удали, любому человеку желай блага.

Процесс окончательного оформления, превращения человеческого индивида, отягощенного связанностью природными свойствами, в полноценную, духовную личность, в человека, наступает в христианстве. По гегелевской терминологии именно в нём понятие или идея человека, пройдя необходимые этапы самопознания, соответствует его действительности. Человек становится носителем той духовности, той божественной субстанциальности, определение которой сформулировано выше. Человеческий дух возвышается до степени божественного духа. Или в христианском контексте, человечность обретает образ и подобие бога. В секуляризованном варианте индивид, т. е. человек как биологический вид, обретая духовность, превращается в личность, в человека как такового. В христианскую эпоху человек, приобщенный к духу, стал человеком

в подлинном и современном понимании этого феномена. Гегель бы сказал, что действительность человечности стала тождественной её понятию.

Аллегорически, момент, достигшего зрелости духа, отражен в христианской догматике в символе веры, о сошествии на верующих христиан Святого духа. Если соотнести событие причастия конечного человеческого духа божественному, то оно случилось в пятидесятницу, т. е. на пятидесятый день по воскресении Христа. Следовательно, представляется возможным даже исторически определить момент очеловечивания человека.

Возвращаясь к теме воздаяния за нарушение норм морали и нравственности, отметим, наказание связано со страданием. Поэтому страдание и его степень есть чувственное выражение наказания. Если человек страдает, по разным причинам, значит, он наказывается за свое неправильное, не субстанциальное, т. е. не тождественное своему закодированному создателем сущностному идеалу, проявление. В этом контексте актуализируется тезис Гегеля: «Страданий без вины не бывает». Применительно к нравственной сфере, имеется в виду, метафизическая вина за нарушение законов этики. Возмездие может иметь место в любой сфере существования человека: биологической, юридической или духовной. Налицо факт, согласно которому, люди никак не хотят признать — этические нормы действительно обладают свойствами и характеристиками законов, а, следовательно, их нарушение влечет неотвратимость наказания невидимого судьбы, о существовании которого мы ничего не знаем. Нам также неведома логика и правила его судопроизводства.

Вывод из всего сказанного очевиден. Болезни, несчастные случаи, утраты, неудачи, все то, что приносит нам страдание, есть следствие не согласующегося с законами этики, поведения. Не понимание связи между болезнью и её причиной приводит и к ошибочным действиям по её устранению. Человек не осознает, что болезнь духа, т. е. пренебрежение законами этики, принуждает его судьбу к включению механизма наказания в форме невезения, вредных привычек, пороков, негативных эксцессов, болезней, направленных на аннигиляцию телесности как таковой. Прежде, лечебного воздействия на дух, он лечит свое тело. Надо же, напротив, в первую очередь, восстановить гармоничное состояние духа, а потом оказывать помощь телу.

Итак: болезнь духа первична, болезнь тела вторична.

Но было бы неверно предаваться пессимизму и полагать, будто человечество обречено на бесконечные страдания, ведь мы ежечасно, ежеминутно нарушаем этические нормы. Не может быть, чтобы Разумная вселенная, Создатель, не оставили человеку шанс для избавления от страданий и мук. Научной теории, объясняющей феномен восстановления отклонения от парадигмы истинного экзистирования самости человека, нет. Скорее всего, существует, по меньшей мере, два варианта позитивного разрешения этой проблемы. Ведический и христианский. Но главная трудность объяснения этого феномена заключается в том, что исследователю приходится научно осмысливать истину религиозных учений Вед и Христианства, изложенную во вненаучной, аллегорической и мифологической форме.

Практически во всех религиях указан возможный вариант гармонии человека, мира и высших сил. Он представлен понятием искупления. Изначально, искупление означало возмещение причиненного вреда либо расплату за содеянное. В то же время искупление есть замена наказания раскаянием и искупительными действиями. В истории значение термина менялось. Понятие искупления возникло еще в первобытном обществе из антропоморфных представлений о богах, подобно людям склонных обижаться, мстить и прощать. Поэтому искупление предполагало жертвоприношение богам с целью загладить нанесенные им обиды и оскорбления. Искупление, согласно нормам обычного права, означало возмездие и предполагало кровную месть. В монотеистических религиях оно трактовалось как исправление человеческой природы поврежденной первородным грехом.

Искупительный тезис, следующий из ветхозаветного контекста, гласил — «наказание за грех — смерть». Для обычного человека такая форма сознательного искупления невозможна. Христианская парадигма актуализирует понятие искупительной жертвы совершенно по-иному, нежели ранее. В религии христианства Бог-Отец из любви к людям послал едиnorodного своего сына, дабы он страданиями и смертью на кресте искупил грехи людей, и принёс очистительную жертву. Под грехом понимаются деяния людей не согласующиеся с волей вседержителя и отделяющие человека от него, его защиты. Праведная жизнь с соблюдением канонов христианского благочестия, т. е. воплощением заповедей в своей земной жизни гарантирует человеку покровительство бога, его опеку и избавление от неисчислимых бедствий. В христианской концепции спасения искупительной жертвой стал Иисус Христос. Он своей мученической смертью на кресте искупил как первородный грех Адама и Евы, так и грехи прошлых и будущих поколений людей и восстановил общение Бога — Отца с человеком. Люди обрели покровительство и защиту божественной троицы. Посредством молитвы верующие общаются с богом. Нисходящая благодать, свидетельствует о благословении божьем, знаком согласованности их деяний с волей всевышнего. Именно такая жертва стала камнем преткновения и главной проблемой для восприятия евангельских истин, современным человечеством. Представить себе, что один человек, даже вочеловечившийся бог, может избавить людей прошлых и будущих поколений от смертного греха, как первородного, так и вообще от любого, современному человеку, в особенности, просто не по силам. Тертулиановский тезис: верую, ибо абсурдно, его не убеждает. Содержание религиозных доктрин, выпадающее за рамки осмысления и понимания, воспринимается научным сознанием XX–XXI века сказкой, фантазмагорией, не достойной серьезного внимания и значения. В этом, корень атеизма и неверия. Объяснение феномена искупления Христом грехов человечества, как православным, так и богословием других конфессий представляет тавтологию. Следовательно, понимание его значения кроется только за границами христианской догматики.

В ведической традиции тема искупления находит отражение в концепции конституирования отрицательной кармы, и как результат — реинкарнация души в существа низшего порядка, нежели человек. Требуется длинная цепь переро-

ждений, позволявшей душе опять стать достойной воплощения в человеческое тело, при условии соблюдения норм праведной жизни. Очевидно, что в ведической концепции искупительной жертвой стало низведение разумной человеческой души с её высоким уровнем вибраций в существа с вибрациями гораздо низшего порядка — животных, растений и даже в неорганический субстрат.

В план космогенеза Вселенского разума миллионами лет трудившегося над эволюцией жизни на нашей планете и стремившегося, преодолевая низшие, созидать высшие формы разумности, никак не входило намерение наблюдать, как процесс развития, вместо прогресса, напротив, превратился бы в движение в обратном направлении. Вместо совершенствования, мироздание могло бы пойти путём деградации. Поскольку люди не могут не совершать безнравственных поступков, то в какой-то момент могла бы возникнуть ситуация преобладания в мире неразумных форм существования над разумными.

Этого нельзя было допустить.

Закон бытия Вселенной — «суд и милосердие» (по Гегелю, суд-разумно-отрицательный или диалектический момент в понятии правосудия; милосердие-разумно-положительный или спекулятивный момент). Вследствие этого, как мы видим в источниках, Высшими силами была предусмотрена защита человека. Если же придерживаться гегелевской логике рассуждения, то мировой дух, в своем движении самопознания, миновал ступень Разума и достиг ступени духа. Следует отметить, для решения задач исследования, уже невозможно удовлетвориться достижениями академической науки и философии. Поэтому, необходим переход в другие сферы осознания реальности. В эзотерических и ведических концепциях человека, его тело не ограничивается только плотным, физическим телом. Согласно этим традициям, его окружает совокупность более тонких энергетических полей или тел: эфирное, астральное, ментальное и духовное.

Как представляется, исторически, духовное тело в ауре сформировалось в христианскую эпоху. В религии христианства этот момент зафиксирован в явлении нисхождения на верующих святого духа.

Если же прибегнуть к гегелевскому пониманию процесса эволюции качественных характеристик форм человеческого существования, то обретение им духа, стадии духовности, есть необходимая ступень в развертывании логического содержания мирового духа во времени и пространстве, после следующих этапов его формообразований: души, сознания, самосознания, и разума. Подробное изложение отражено в разделе «Феноменология духа» третьего тома «Энциклопедии философских наук» под заглавием «Философия духа».

Необходимо выяснить: какую роль духовное тело играет в ауральной защите человека? А если говорить более конкретно, какое новое качество приобретает искупительная жертва с обретением человеком духовного состояния. Вспомним, что в древности сложился способ искупления, заключавшийся в принесении в жертву домашних животных. Исполняя обряд жертвоприношения, люди пытались умиловить богов, вымаливая у них прощения за нарушение религиозных заповедей. В ведической традиции возобладали доктрина реинкарнации. Недостойное поведение души в проявленном мире наказывалось перемещением

её в низшие формы жизни, пока она снова не заслужит воплощения в тело человека, искупив свою вину.

Следующий этап эволюции искупления, христианский — искупление в духовном теле. Оно детерминировано вполне определёнными закономерностями — осознанием проступка или негативного поведения, раскаянием, искренним желанием и стремлением заслужить прощение, искупительными действиями. Закон бытия в сфере духа — любовь, добрые дела, покаяние и искупительные процедуры. Его соблюдение гарантирует стабильность безопасного существования человека в мире. Если обратиться к этимологии слова любовь, тот оно означает — люди бога ведающие. Те люди, для которых нравственные понятия — органическая, неотъемлемая часть и их сути, и сути наивысшей инстанции мироздания. Добро — это поведение, мотивированное нравственными нормами, проявляющееся в межличностных отношениях, в политике, в социальной сфере, искусстве и др. Интенции сознания человека детерминированы этими нравственными установками.

Как уже было указано выше, «наказание за грех — смерть». Даже с наступлением эры духа люди, не подчиняющие свое поведение законам нравственности, постепенно уничтожаются. И не важно, каким образом. Но у человека появляется и шанс выжить, если он будет следовать алгоритму покаяния и нравственного образа жизни. В результате энергия негативного поведения стирается, обнуляется и человек покаянием заслуживает прощение, вина прощается, а наказание отменяется. Он снова перемещается в зону безопасного существования. Возможность прощения, при соблюдении искупительных процедур, относится, в том числе, и к людям с асоциальным поведением второго типа.

Таков смысл искупительной жертвы Иисуса Христа. Как он через страдания и смерть на кресте вернулся к Богу-Отцу, так и человек покаянием может вновь заслужить и вернуть «ауральную защиту». Христос искупил грехи человечества физическими страданиями и смертью, а люди в духовном теле искупают вину нравственными страданиями в покаянии. После повсеместного воцарения христианского вероучения, стремление человека к очищению, позволяло отменить обязательность смерти из акта искупительного жертвоприношения. Следовательно, можно предположить, что мир вступил в новую, более гуманную эпоху искупления, чем была ранее.

Обретение аурой человека духовного тела открыло путь Духовным иерархиям для дальнейшего совершенствования успешной вселенской эволюции.

Отметим: мировоззрение человечества на современном этапе, надо признать, принципиально не религиозное. Оно научное, и поэтому, ничего не принимающее на веру. Наоборот, предполагает понимание и обоснование, предложенных к рассмотрению, как теорий, так и вероучений различных религиозных конфессий. Таковы реалии эпохи XXI века.

Предложенная в статье трактовка христианского канонического положения об искуплении призвана заложить основы научного, секулярного познания догматики религиозного откровения. Как представляется, когда будет предпринята научная интерпретация христианского вероучения в целом, способная снять

пелену аллегорий и символов с библейских текстов, тогда любому, даже не искушенному в богословии человеку, станет понятен эзотерический, истинный смысл догматических положений церкви, скрытый за мифологической, фантазийной, аллегорической формой изложения. Библия будет восприниматься не как собрание сказок, легенд и мифов, а как целостное учение о реальном пути обретения духовности и нравственного совершенствования, обеспечивающих безопасное существование людей в мире. Несомненно, такой научный подход к осмыслению и осознанному восприятию содержания евангельского повествования будет содействовать возрастанию авторитета церкви, и как следствие, росту числа верующих христиан. Миссию интерпретации в строго научных понятиях христианского вероучения, несомненно, должна возложить на себя теология и философия.

В контексте настоящего исследования термин «наука» понимается широко и включает, содержание знаний, как академической науки, богословия и философии, так и эзотерической, кроме, конечно, оккультных.

На основании изложенного, приходим к важнейшему выводу. Судьба человека зависит не от вмешательства внешних нам сил, как необходимость, на которую мы никак повлиять не можем, а напротив она полностью зависит от нас, от нашей воли. Мало того, как это ни парадоксально, не наша судьба управляет событиями нашей жизни и определяет её ход, а мы сами. Но мы этого не осознаём. Судьба, конечно, присутствует в нашем бытии в форме необходимости, но эта необходимость не зависит от чего-то внешнего, она сформирована нашим выбором между добром и злом. Если мы руководствуемся добром и любовью, совершая те или иные поступки, линия нашей жизни перемещается в зону безопасного существования и наоборот, если выбираем зло. Уникальность содержания статьи заключается в том, что любой человек, на основе полученных из неё знаний, может сам по своей воле избежать превратности судьбы, в том случае, если он свое поведение будет почитать моральными нормами. И осознавая отклонение от них, восстанавливать гармоничное соответствие между поступком и его моральным достоинством, прибегая к, в общем — то, стандартным приёмам. И тогда судьба его будет счастливой, спокойной, радостной и безмятежной. Редуцируя дефиницию понятия истории Шеллинга, к понятию судьбы, поскольку история носит судьбоносный характер: «понятие истории должно представлять собою соединение свободы и необходимости и возможна только на основа такого соединения» [4, с. 150] констатируем: судьба есть симбиоз реализованных понятий свободы и необходимости. Это означает, что человек может делать свободный выбор между добром и злом, но впоследствии, события его жизни будут следовать с необходимостью в рамках выбранной им парадигмы. Или на уничтожение, или на восхождение к личностному росту.

В большом приближении, созвучная этому тезису идея содержится в основном философской концепции Ж. -П. Сартра. В отличие от предшествующей античной и христианской традиции, постулировавших первичность сущности (идея, душа, дух) по отношению к существованию, он полагал, что существование первично, а сущность вторична. «Сущность человека не предшествует

его существованию. Он проектирует себя сам и обречён на свободу и ответственность, которую он не может перекладывать на Бога» [4, с. 319–384]. Какова сущность человека, можно понять только с его смертью, после анализа смыслов, которые проявились в результате существования. Человек сам своими поступками создает свою судьбу, полагал Сартр, свободно выбирая возникновения тех или иных событий. «Жизнь приобретает смысл, если мы сами придаем его ей» [4, с. 21]. Но у Сартра мы не видим системы критериев для того чтобы сделать предпочтение при выборе того или иного поступка. Выбор во многом интуитивен и невозможно спрогнозировать результат.

В этом небольшом исследовательском эссе, была предпринята попытка рассмотреть феномен безопасного существования человека в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г. В. Ф. Философия духа // Энциклопедия философских наук. Т. 3. М.: Мысль, 1997. 480 с.
2. Вырышева Е. ВсеЯсная грамота, ч. 2. Челябинск. URL: <https://youtu.be/UtDFuXDXcAY> (дата обращения 06.12.2024)
3. Сартр Ж. -П. Тошнота, Стена, Слова, Ставок больше нет. М.: АСТ, Neoclassic, 2024. 624 с.
4. Сартр Ж. -П Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М: Изд-во политической литературы, 1989. 489 с.
5. Хайдеггер М. Афоризмы. Минск: Современное слово, 1998. 384 с.
6. Шеллинг В. Ф. Й. Система трансцендентального идеализма // Сочинения в двух томах. Т. 1. М: Мысль, 1987. 687 с.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РЕЛИГИИ И. КАНТОМ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И ЭЗОТЕРИОЛОГИИ

В книге «Религия в пределах только разума» Кант пишет, что «религия есть познание всех наших обязанностей как божественных заповедей». Данная статья освещает четыре преимущества, которые дает данное определение для изучения религиозных, эзотерических и естественно-научных взглядов. Во-первых, в ней демонстрируется, как данное определение позволяет проникнуть в сущность некоторых систем взглядов, которые обозначаются словом «религия». Во-вторых, показывается как, используя кантовское определение, можно классифицировать указанные феномены. В-третьих, на примере творчества Г. Ф. Лавкрафта и К. Э. Циолковского, раскрывается как указанное определение позволяет проникнуть в атеистические и материалистические системы взглядов, организованные по аналогичной с религией структуре. В заключительной части приводится несколько примеров того, как использование определения И. Канта позволяет обнаружить системы, выходящие за его пределы и тем самым облегчает работу с неклассифицированным остатком данных, в котором обычно и таятся закономерности, которые только предстоит открыть.

Ключевые слова: Кант, Лавкрафт, Циолковский, религия, бог, абсолют, материя.

PLYASOV D. L.

I. KANT'S DEFINITION OF RELIGION AND ITS SIGNIFICANCE FOR RELIGIOUS STUDIES AND ESOTERICOLOGY

In his book "Religion within the Boundaries of Mere Reason", Kant wrote that "religion is the recognition of all duties as divine commands." This article highlights the four advantages that this definition provides for studying religious, esoteric, and natural science viewpoints. First of all, the article demonstrates how this definition allows to gain an insight into some belief systems, which are designated by the word "religion". Secondly, it shows the way to classify the given phenomena based on Kant's definition. Thirdly, using the example of the works of H. P. Lovecraft and K. E. Tsiolkovsky, it is revealed how this definition allows one to penetrate into atheistic and materialistic systems of views organized according to the structure which is similar to religion. In its final part, the work provides several examples to use I. Kant's definition to identify the systems that go beyond it and thereby facilitates work with the unclassified remnant data, which usually contains patterns that have yet to be discovered.

Keywords: Kant, Lovecraft, Tsiolkovsky, religion, God, absolute, matter.

Вряд ли читателю данной статьи нужно рассказывать, что Иммануил Кант — это русско-немецкий философ, живший в Кёнигсберге с 1724 по 1805 года, который помимо трех легендарных «Критик», одна из которых входит в пятерку сложнейших произведений по философии, написал также «Метафизические на-

чала естествознания», «Спор факультетов», «Конец всего сущего» и целый ряд других великолепных произведений.

А вот о чем точно стоит рассказать, так это о судьбе его творений. Дело в том, что труды от «Критики чистого разума» до «Антропологии» образуют систему. Однако, никто ею не пользуется. Те, кому интересны вопросы познания сконцентрировали свое внимание на «Критике чистого разума», кому интересна этика — на «Критике практического разума» и «Метафизике нравов», искусствоведы забрали «Критику способности суждения», а религиоведы заинтересовались «Религией в пределах только разума» и последними разделами всех трех критик, ибо именно в них идет речь о Боге. Но если бы дело ограничилось только этим. Нет! Множество мыслителей и ученых всех направлений, часто заимствовали какой-нибудь элемент из системы Канта, чтобы гармонично встроить его в свои взгляды.

Например, в своей работе «Метафизические начала естествознания» Иммануил Кант высказывал мысль, что есть только один способ поставить «учение о душе» на рельсы науки — «применить к потоку внутренних изменений закон непрерывности», ибо «чистое внутреннее созерцание, в котором должны были бы быть конструированы душевные явления, есть *время*», а оно имеет «лишь одно измерение» [5].

И именно это делает Вильям Джеймс в своей «Психологии», заявив: «В каждом личном сознании процесс мышления заметным образом непрерывен», — и, тем самым, явил миру один из основополагающих концептов психологии — «поток сознания» [2].

Другой пример взаимодействия с кантовским наследием содержится в книге «Пространство. Время. Материя» 1918 года, которая до сих пор носит славу одной из лучших работ, популярно излагающих теорию относительности Эйнштейна. Ее автор — математик Герман Вейль, начинает свое изложение с объяснения того, что такое пространство и время вообще. И это кантовские пространство и время [4]. И уже в следующей главе, он показывает, как от кантовского понимания пространства и времени перейти к евклидовой геометрии и далее.

Эзотерикам также полюбили некоторые идеи кантовской метафизики. В частности, Фредерик Майерс — человек стоявший у истоков «Общества психологических исследований», исследователь и практик спиритизма — в своей книге «Человеческая личность и её жизнь после смерти тела» (1903 г.) использует кантовскую идею двоичности человеческой природы, чтобы создать теоретическую базу, объясняющую многочисленные феномены не тождественности сознания и тела, которые он якобы обнаружил [5].

Не обошли стороной кантовское наследие и литераторы. Так, например, Г. Ф. Лавкрафт заимствует у кенигсбергского профессора идею разделения всех предметов опыта на явления и вещи-в-себе [3, 7] и эксплуатирует ее, что называется, по полной программе. В его рассказах, то привычные вещи проявляют оккультные свойства [8], то обнаруживаются неизвестные науке законы, позволяющие творить то, что еще вчера казалось невозможным, то в двери восприятия из интеллигибельного мира ломится толпа враждебно-настроенных субъектов

[8, с. 299–311], то какой-нибудь герой сам раздвигает стены чувств и изменяет свою человеческую природу, получая доступ к сверхъестественным силам [там же], а самое главное, благодаря Канту (и Дарвину) вся эта чертовщина — больше не фэнтези, но научная фантастика.

Из приведенных примеров видно, как различные умы тянулись к идеям Канта, словно птицы к спелым ягодам. Они хватали их и уносили в «родное гнездо», где роняли семена в почву окружающей их культуры. И уже там семена кантовской метафизики прорастали плодородными лозами. Теперь уже не важно, знаем ли мы о том, что писал Кант или нет, принимаем это или отрицаем — мы уже живем в мире, созданном из его идей, мы дышим кантовской метафизикой даже не зная этого. Если систему Гегеля часто сравнивают с мышеловкой, в которую легко войти, но из которой тяжело выбраться, то систему Канта уместнее всего сравнить с матрицей.

И сейчас самое время познакомиться с одним из элементов «кода» данной версии «матрицы» — определением религии И. Канта, представленном в его труде «Религия в пределах только разума».

Религия (рассматриваемая субъективно) есть познание всех наших обязанностей как божественных заповедей [6].

При первом прочтении данное определение может шокировать своей простотой и даже вызвать глубокое непонимание необходимости знакомства со всем предыдущим содержанием статьи о многообразии проявлений кантовской метафизики. Однако, практика показывает, что шок проходит, если прочитать это определение несколько раз, причем медленно и вдумчиво. Далее следует обратить внимание на то, что разум не сразу находит возражения против него. В самом деле, оно кажется очевидным и достаточно всеобъемлющим, чтобы с ним можно было работать. Но ведь именно такое определение нам и нужно! Да, оно не сулит нам революции, однако, осознание того, что мы и так подразумевали, осознание того, чем мы все время дышали — это не мало. Поэтому данное определение очень важное.

Не менее важно и то, что представленное определение работает как родовое понятие для самых массовых ныне исторических религий. Благодаря этому определению классификация религий теряет свою произвольность и получает живую стемель для видового разветвления.

В самом деле, не важно о каком божестве дающим заповеди идет речь, — это могут быть абсолюты вроде христианской Троицы, или единого и единственного Аллаха. Это могут быть языческие божества вроде Шамаша или Мардука, Зевса или Афины. Это могут быть даже и местные божки, причем даже и недобрые совсем — у нас таких принято называть «демонами» — вроде змея У'Тхлена, который требует человеческих жертв. Определение Канта вмещает все это многообразие.

Вмещает оно и многообразие обязанностей, предписанных людям этими божествами: от универсальных императивов, касающихся всех людей, которые изложены в Гите или Новом завете, до территориальных, профессиональных или племенных обычаев, каковыми, например, были законы Моисея во времена Моисея и Иисуса Навина.

Также и с моментом «познания» наших обязанностей как божественных заповедей. Не важно идет ли речь об откровении, как, например, в случае с аскетом Яджнавалкьи и Шукла-Яджурведой или же о каком-то рассудочном познании Бога, как у Фомы Аквинского, или же мы, как атеисты, заявляем, что за пределами воображения верующих никакого познания Бога не существует — определение Канта остается действительным, не зависимо от того, какой подход мы используем. Впрочем, он об этом сам писал в примечании к определению [6].

Но не только этим оно хорошо. Будет преступным не отметить его потенциал, ведь идея больше смысла, а смысл больше слов. И если задумываемся о смысле использованных Кантом слов, то можно почувствовать, как это определение буквально требует расширения.

В самом деле, как же шуньята? Дао? Небо? Рок? Уж слишком легко мы замечаем этот массив данных. Но удивительно совсем не то, что мы его замечаем, а то, как легко мы можем вписать этот массив данных в кантовское определение, совсем не сломав его смысл. Всего-то нужно заменить «божественные заповеди» на «жизнь абсолюта» и все по-прежнему работает.

Тоже самое происходит и с другим массивом данных, состоящим из религиозных верований, не требующих от людей, населяющих землю, безоговорочного подчинения, каковым, например, является система оккультного Таро. Как и в предыдущем случае нам достаточно заменить «наши обязанности» на «наше существование» и все по-прежнему продолжает работать.

Напоследок, можно заменить слово «познание» словом «восприятие», что-бы оставить кантовский бэкграунд за скобками и получить определение, которое выделяет что-то реальное в феномене религии, определение, которое пусть и не охватывает все, что мы подразумеваем под религией, но точно схватывает нерв живой жизни многих религиозных систем.

Это определение звучит так:

Религия (рассматриваемая субъективно) есть восприятие нашего существования как части жизни абсолюта.

И снова достоинством этого определения является совсем не революция или «коперниканский переворот», но упорядочивание мыслей, которые мы и так думали, и которые, однако, никак не складывались в систему. Теперь же, имея систему взглядов, можно легко взаимодействовать с массивом данных, которые в эту систему не вошли. Одним из примеров такого взаимодействия, является вопрос, который словно бы напрашивается сам собой:

Что будет если поставить на место абсолюта материю?

В истории было много людей, которые так делали. Обзор их взглядов не представляется возможным в рамках маленькой статьи, поэтому приходится ограничиться только двумя: Г. Ф. Лавкрафтом и К. Э. Циолковским.

Последний, известный в мире как «отец космонавтики», но практически неизвестный как натурфилософ, гуманист и писатель-фантаст, поэтому он будет первым.

На космос Константин Эдуардович смотрел как на «бесконечный и сложный механизм», сложность которого столь велика, «что граничит с произволом, неожиданностью и случайностью». Сложность эта «дает иллюзию свободной

воли сознательных существ». Но на самом деле, в этой системе «все периодически, но ничто и никогда строго не повторяется» [12].

Космос бесконечен во времени и пространстве и заполнен материей. «Без материи не существует ни время, ни пространство, ни сила». «Материя усложняется с течением времени». Таким образом и жизнь, и разум — процесс усложнения материи, причем минимальной единицей психики Циолковский считал атом. Находясь в неживой материи, например, камне, воде или воздухе, атом как бы спит, короткие промежутки пребывания в живой материи можно принять за бодрствование. Они сливаются в бесконечное целое, а большие промежутки «без времени» «могут считаться за нуль», подобно тому, как наши часы бодрствования не разделяются ощущениями пребывания во сне, но примыкают друг к другу без промежутков в памяти. [12]

Человек и человечество, да, и вообще, разумные существа с этой точки зрения есть эмерджентное состояние атомов, которые суть подлинная субстанция жизни, а мы в их играх краски, звуки, кисти и глина. Поэтому смерти бояться не надо, ведь на самом деле исчезает лишь наша форма, но «чувствовать» наши атомы «могут и в Васильеве, и в Петрове, и в льве, и в мухе, и в растении».

Такие дела творятся не только на Земле, но и на других планетах способных дать жизнь. Причем, условия для самозарождения жизни очень разнообразны. Где-то только появляются микроорганизмы, где-то условия эволюции уже смогли реализовать «питомник разума», одним из которых является Земля, а где-то условия были еще лучше и там разумные существа прежде других достигли совершенства, «выражающегося в высочайшем могуществе и длинной, безболезненной, счастливой жизни» [12].

Конечно, эти существа не живут обособленно, сами по себе. Высокоразвитые цивилизации объединяются. Есть союзы планет, солнечных систем, звездных групп и даже галактические и межгалактические союзы. Путем экспансии они заселяют новые безжизненные миры, а там, где жизнь не достигла разумного уровня, «она безболезненно прекращалась и заменялась их совершенным родом», ведь нет никакой нужды «допускать мучения несознательных существ, грызущих самих себя в течении миллионов лет».

Но планеты, где жизнь успела создать самосознательных существ, берутся под опеку. Некоторая степень самостоятельности им оставлена для приобретения опыта, для достижения совершенства (только не для гибели) [12].

Разумно возникает вопрос: зачем все это?

По мнению Циолковского, стремлением ответить на этот вопрос движется весь научно-технический прогресс человечества [11].

«В ходе этого прогресса мы пройдем четыре стадии развития:

1. Эра рождения, в которую вступит человечество через несколько десятков лет, и которая продлится несколько миллиардов лет.

2. Эра становления. Эта эра будет ознаменована расселением человечества по всему космосу. Длительность эры — сотни миллиардов лет.

3. Эра расцвета человечества. Теперь трудно предсказать ее длительность — тоже, очевидно, сотни миллиардов лет.

4. **Эра терминальная** займет десятки миллиардов лет. Во время этой эры человечество полностью ответит на вопрос: зачем? — и сочтет за благо включить в действие второй закон термодинамики в атоме, то есть из корпускулярного вещества превратится в лучевое» [11].

Что такое лучевая эра космоса? По этому поводу Циолковский ответил кратко: «Мы ничего не знаем и ничего предполагать не можем» [11].

Но он допускает, что «что через многие миллиарды лет лучевая эра космоса снова превратится в корпускулярную, но более высокого уровня, чтобы все начать сначала: возникнут солнца, туманности, созвездия, планеты, но по более совершенному закону, и снова в космос придет новый, более совершенный человек... чтобы перейти через все высокие эры и через долгие миллиарды лет погаснуть снова, превратившись в лучевое состояние, но тоже более высокого уровня. Пройдут миллиарды лет, и опять из лучей возникнет материя высшего класса и появится, наконец, сверхновый человек, который будет разумом настолько выше нас, насколько мы выше одноклеточного организма. Он уже не будет спрашивать: почему, зачем? Он это будет знать и, исходя из своего знания, будет строить себе мир по тому образцу, который сочтет более совершенным... Такова будет смена великих космических эр и великий рост разума! И так будет длиться до тех пор, пока этот разум не узнает всего, то есть многие миллиарды миллионов лет, многие космические рождения и смерти. И вот, когда **разум** (или материя) **узнает** все, само существование отдельных индивидов и материального или корпускулярного мира он сочтет ненужным и перейдет в лучевое состояние высокого порядка, которое будет все знать и ничего не желать, то есть в то состояние сознания, которое разум человека считает прерогативой богов. Космос превратится в великое совершенство» [11].

Из изложенного видно, что Циолковский очень оптимистичный мыслитель. Однако, второй герой не таков. Говард Филипс Лавкрафт — писатель-фантаст, творчество которого скорее призвано погрузить читателя в тревожное состояние, пошатнуть уверенность в мировоззренческой установке и заставить задуматься о безотрадной стороне мироздания, а вовсе не напугать. Материалист, одним из источников вдохновения были передовые естественно-научные открытия, особенно в сфере биологии и астрономии. Помимо «мифов Ктулху», написал замечательное исследование о сверхъестественном ужасе в литературе и явил миру разновидность ужаса, названную его именем.

Какие же идеи он излагал? Одна из них была описана выше: это разделение мира на феномены и вещи-в-себе. Люди могут постигать лишь то, что способствовало выживанию нашего вида в ходе естественного отбора. Поэтому истинный облик Вселенной нам не доступен в обычном состоянии.

Но не только истинный облик вселенной нам недоступен в обычном состоянии. В обычном состоянии нам недоступен и свой собственный истинный облик, который рождается из того, что самовосприятие тоже сформировано тюрьмой из пяти чувств. Но мы можем пошатнуть стены этой тюрьмы. В рассказе «Из глубин мироздания» посредством стимуляции шишковидного тела какими-то электромагнитными полями, главный герой Кроуфорд Тиллингаст

не только получает способность видеть и контактировать со сверхматериальным миром, но и открывает эту способность у своего заклятого друга [7]. Другой способ — это обратиться к оккультному знанию, особенно к тому, что содержится в Некрономиконе, ибо там подробно рассказано, как активировать оккультные свойства вещей и по каким законам существует мир вещей-самих-по-себе [8]. И, конечно, есть третий способ — прямой контакт с кем-то или чем-то либо частично, либо полностью является частью интеллигибельного мира. Встреча может быть случайной, как у матросов «Эммы», которые нашли остров Ктулху [7], так и намеренной, как у филолога и оккультиста Роберта Сейдема, который искал расположения Лилит, чтобы победить смерть, но удалось ли ему это в полной мере — остается не ясным [8].

Существа эти тоже бывают очень различны. Одни — Старцы — представляют собой инопланетян, осевших на Земле миллиарды лет назад и выродившихся, потерявших свое величие и скрывающихся в далеких горах, другие наоборот — представляют собой активных деятелей, как, например, те таинственные существа, что являлись к музыканту Эриху Цанну. Конечно, есть и полностью трансцендентные существа, которые в обиходе называются богами, например Йог-Соттот, который не только знает ворота, но и сам эти ворота, а также ключ и страж, в чьих руках прошлое, настоящее и будущее [7, 8].

Весь этот бестиарий служит лишь одной цели: показать, насколько ничтожен род человеческий. Многочисленные экстравагантные смерти героев рассказов тому доказательство. В самом деле, Кроуфорд Тиллингаст — погиб в ходе эксперимента по расширению дверей восприятия; Харли Уоррен — погиб в ходе контакта с ужасом, который сам же и призвал; Роберт Сейдем — предположительно искал бессмертия, пропал безвести, предположительно погиб; Генри Эйкли — поселился в глуши, где жили Старцы, его мозг был изъят, сохранен и предположительно увезен на Плутон; доктор Муньос — изменил свое тело, чтобы неограниченно долго жить при низких температурах, погиб, когда отключился рефрижератор. В общем, мир — это враждебное для человека место и хорошо, что у нас есть тюрьма из 5 чувств, ибо тех, кто дерзает взглянуть на истинный лик абсолюта, ждет либо смерть, либо безумие [7, 8].

Вот, что узрел Лавкрафт, когда поставил на место абсолюта материю.

Из изложенного видно, что материалистическое мировоззрение, можно описать как «восприятие своего индивидуального существования как части жизни абсолюта», т. е. теми же словами, какими выше определялась религия.

Представляется, что это интересный фактик в мире галактик. Но таких фактиков, с помощью кантовского определения религии можно найти очень много. Особенно, если нас интересуют именно не укладывающиеся в данное определение случаи.

В частности, к ним относятся:

1. Художники, в творчестве которых фигурируют религиозные и мистические мотивы, благодаря которым можно распознать к какой религиозной системе принадлежит творец, но по которым зачастую невозможно составить точное изложение его верований [14].

2. Случаи, когда бог-законодатель не есть верховный бог. Это хорошо видно на примере Древнегреческой религии известной своими богами-законотворцами, над которыми стоит Рок. Однако, Рок не давал никаких законов, его существование не наделяет индивида обязанностями. И все же, он является важной частью религиозной жизни Древней Греции [9].

3. Системы, которые работают независимо от того, какой сейчас Бог. Самым выдающимся примером для этого случая является астрология. Зародившаяся в Шумере, она интегрировалась в античную культуру, подружилась с христианством и пережив волну критики в эпоху Нового времени, в 21 веке благополучно сосуществует с психологией [10]. На примере истории астрологии, мы видим, как изменение лика абсолюта не влияет на основные предпосылки учения, чего если руководствоваться кантовским определением религии, быть не должно.

Из изложенного следует, что определение религии Кантом имеет четкие границы, а это облегчает работу с неклассифицированным остатком, т. е. с самым многообещающим массивом данных.

Выводы:

1. Многие религии действительно организованы так, как описывает Кант, а значит, его определение схватывает, как минимум, один нерв живой жизни религии.

2. Оно дает логическую основу для классификации религий.

3. Данное определение открывает для анализа системы, которые казались совсем не связанными с вопросами жизни религий.

4. Оно в целом облегчает работу с неклассифицированным остатком, что позволяет находить взаимосвязи в данных, которые кажутся несвязанными друг с другом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вейль Г. Пространство, время материя. Лекции по общей теории относительно-сти. М.: «Янус», 1996. 480 с.
2. Джеймс В. Психология. URL: <https://psylib.org.ua/books/james02/index.htm> (Дата обращения 04.01.2025).
3. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 7. М.: Чоро, 1994. 495 с.
4. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 3. М.: Чоро, 1994. 741 с.
5. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. 630 с.
6. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. 613 с.
7. Лавкрафт Г. Ф. Зов Ктулху. М.: Эксмо, 2010. 704 с.
8. Лавкрафт Г. Ф. Хребты Безумия. М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. 640 с.
9. Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. М.: Правда, 1987. 576 с.
10. Саплин А. Ю. История астрологии: с древнейших времен до наших дней. СПб.: Издательство РХГА, 2020. 780 с.
11. Циолковский К. Э. Презы о земле и небе: научно-фантастические произведения. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. 448 с.
12. Циолковский К. Э. Очерки о Вселенной: издание второе, дополненное. — Калуга: Золотая аллея, 2001. 384 с.
13. Frederic W. H. Myers. Human personality and its survival of bodily death. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/38492/pg38492-images.html> (Дата обращения 04.01.2024).
14. HR Giger. 40th Anniversary Edition by TASCHEN, 2021. 512 p.

**РИТУАЛ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРОЦЕДУРЕ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ
В ЭЗОТЕРИОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Статья рассматривает право, как общественный институт, основой для формирования которого является правосознание. В связи с данным пониманием ритуал в юридической процедуре — отражение данного аспекта понимания права, его культурного, сущностного смысла во внешне формальной процедуре.

Ключевые слова: понимание права, правосознание, ритуал, юридическая процедура.

FEDORUK E. O.
RITUAL IN LEGAL PROCEDURE:
SETTING THE PROBLEM IN AN ESOTERIC CONTEXT

The article considers law as a public institution, based on legal awareness. In connection with this understanding, ritual in a legal procedure is a reflection of this aspect of understanding law, its cultural, essential meaning in an externally formal procedure.

Keywords: understanding of law, legal consciousness, ritual, legal procedure.

Если бы люди прошлого могли говорить, вне всяких сомнений они могли бы поведать нам, что закон — это священный текст, а юридические ритуалы, доступные (и понятные) ограниченному кругу лиц, суть явления эзотериологичные, и даже сакральные. К примеру, у Тита Ливия [8] (книга II, стих 4) мы находим описание подготовки и раскрытия заговора в Риме (ок. 509 г. до н. э.): один из рабов подслушал разговор заговорщиков и донёс на своих хозяев. Далее рассказывается о награждении (денежном) и освобождении этого раба при помощи виндикты (символическое прикосновение должностного лица специальной палочкой — фестукой — к отпускаемому на волю рабу). Рабу дали новое имя — Виндиций (по всей видимости, оно и происходит от виндикты). Такой способ освобождения имел форму мнимого судебного процесса, и, как мы видим, сопровождается ритуальным прикосновением, очень напоминающим касание волшебной палочкой из многочисленных сказок. Нет оснований считать ритуалы с виндиктой абсолютно формальными. Во многих других процедурах (а эта «палочка» применялась не только для освобождения рабов, но и, к примеру, для эмансипации, истребования вещи из незаконного владения и др., — и «закрепления» такого перехода, который был уже оформлен в силу судебной процедуры) [3], несмотря на другие, формальные, способы проведения процедуры и фиксации юридически значимых событий и состояний, виндикта (фесту-

ка) — была символом священного в юридическом, сакрального в формальном, эзотерического в профанном.

Современные подходы к пониманию права и его процедур можно (с большой долей условности и обобщением, приближенным к глобальному) разделить на два принципиально различных: 1) нормативистский, «молекулой» права в котором является норма права, а само право не имеет смысла без государства, и призвано проводить именно его интересы, обеспечивая развитию политического курса страны, и 2) естественно-правовой («чистое право» Г. Кельзена, психологическая теория права Л. С. Петражицкого и другие подходы). В последнем «нормы» как таковые исходят не от государства. Основой их «производства» является правосознание — конкретного индивида или общественное. Без правосознания не может существовать и самого права, как без внутреннего ощущения, без чувств — не может появиться нечто разумное³ [6] (без идеи нет знания; без правосознания — нет права). Человек есть существо сознательное, общественное, вовлечённое в культурные и исторические процессы. «В основе его активности всегда лежат некоторые фундаментальные предпосылки видения мира права: нормы, неправомерность, моральность/аморальность, свобода/несвобода, праведность/неправедность, правильность/неправильность, законность/незаконность поведения. Этот регистр выступает как необходимая составляющая нашей жизни, как обыденная философия, то есть совокупность тех фундаментальных оснований, исходя из которых человек совершает поступки/проступки, познает, восхищается или негодует. Человек в повседневной жизни не осознает этих глубинных предпосылок, они не выражены для него в понятиях, они ему интуитивно ясны, формируются на основе чувственных представлений, воображения, образов, метафор и символов» [1]. Таким образом, функционирование права как социального института предполагает наличие особых образов и символов, которые вырабатываются человеческим воображением. Человек мыслит образами, и право для него существует, прежде всего, как образ, трансформирующийся в одно из понятий нравственности, морали, культуры, общества. Но не государства и политики. А коль скоро право являет собой деятельность, осуществляемую в рамках этического восприятия, будучи при этом именно общественным институтом, то оно не может быть отделено от культуры.

Имея «глубинную связь с сущностными областями человеческого опыта» [4], право (и для каждого человека, и для всего общества) живёт образами, существует и рождается именно в образах. Образы сложнее понятий, они обладают большими выразительными возможностями и, следовательно, более точны. Они отражают психологические модели, создание которых происходило в течение многих поколений. Как верно указывает Бенджамин Селлс: «Закон в нашем воображении гораздо более влиятелен, чем можно себе представить. Обычно он

³ Здесь уместно обратиться к философии рационализма, представителями которой считают Р. Декарта, Б. Спинозу и Дж. Локка. Вместе с тем, Локк не разделял концепцию врожденных идей («иннативизм», восходящий к Платону и развитый в античное время и в средневековом платонизме), опираясь, тем не менее, в этом вопросе на значимый постулат: «Нет ничего в разуме, чего не было бы раньше в ощущениях, в чувствах».

действует через подсознание, влияя на наши идеологические установки, на наш повседневный опыт, на то, что мы думаем о роли Закона в обществе, как мы относимся к понятиям «порядок» и «подчинение» и как мы понимаем великие идеи правды и справедливости» [7]. Такое понимание права позволяет рассматривать ритуалы (и, кстати, ещё символы) в праве как события, наполненные внутренним (с философской, психологической точки зрения) смыслом, исходящими из ощущений и образов, доступные для понимания каждого субъекта, обладающим сознанием, в то время как формальная сторона права и нормативное его понимание доступны ограниченному кругу специально обученных лиц. Таким образом, обладая внешним формализмом, юридические процедуры не лишены внутренней — глубинной, сущностной — части, которая может быть познана, прочувствована и понята с помощью правосознания. В этом заключается эзотериологический контекст понимания юридического ритуала.

По мнению Л. Н. Кулаковой, основное отличие эзотерического способа познания от традиционного, научного, состоит в том, что: «эзотерическая доктрина рассматривает мир как результат Творения. Но основополагающие принципы проявленного мира, как мира вещественного, видимого, так и невидимого, называемого Божественным, одни и те же. В Эзотериологической доктрине принципы и законы трактуются как выражение Мирового Разума, воплощенного в природе и определяют структуру и эволюцию Мироздания в целом» [5]. К сожалению, в этом понятии не присутствует обращение к человеку и его познанию, а ведь именно он (человек, личность, индивид), исследуя себя и внешний мир, самостоятельно определяет, что эзотериологично, а что нет, и мерилom здесь выступает не внешняя доктрина, а внутреннее понимание человека, основанное на опыте предшествующих поколений и выражающееся прежде в образах, а затем и в знаниях, формализуемых вовне. У А. Д. Вяткина Ритуал (обряд) — это «совокупность условных действий, обусловленных традицией, лишённых непосредственной целесообразности и с позиции практического смысла иррациональных, но в то же время являющихся непрерываемым символом определённых социальных отношений, способом их наглядного выражения и закрепления. Ритуал — форма реализации мифа, что зависит не от его абстрактной «правильности» или «истинности», а только от такого его толкования в представлении человека и всего сообщества» [2]. То есть сознание «первобытное» движет познанием ритуала. Возможно, такая трактовка может найти отражение в понимании ритуала в юридической процедуре?

В любом случае, историческую связь юридических ритуалов с магией и религией нетрудно проследить, и найти эзотерическое в юридических процедурах (а также символах) также возможно. В дальнейшем автор планирует развитие мысли в данном направлении. Пока что (конкретно для настоящей статьи) ставилась цель постановки вопроса об эзотериологическом контексте применительно к ритуалу в юридической процедуре, и вывод о возможности существования такого угла рассмотрения — положительный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьевский В. Л. Теория права и философия права как теоретические дискурсы: специфика и взаимоотношения // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 4(40). С. 12.
2. Вяткин А. Д. Эзотерическая энциклопедия. М., 2018. С. 202.
3. Гай. Институции. Перевод Ф. М. Дыдынского. М., 1997. URL: <https://ancientrome.ru/antlitr/gaius/index.htm> (дата обращения: 15.12.2024).
4. Кристи Н. Борьба с преступностью как индустрия. Вперед к ГУЛАГу западного образца. М.: РОО «Центр содействия реформе уголовного правосудия», 2001. С. 190–191.
5. Кулакова Л. Н. Фундаментальный учебник по астрологии. Книга 3. Эзотеризм, наука и религия. Новосибирск, 2009. С. 147.
6. Протоиерей Дмитрий Гольцев. Гносеология Джона Локка // Христианское чтение. 2008. № 29. С. 210–211.
7. Селлс Б. Душа закона. Глубинная психология о законе, юристах и юриспруденции. М.: Городец, 2016. С. 56.
8. Тит Ливий. История Рима от основания города. Том I. Перевод Н. А. Поздняковой. М., 1989. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1364000200> (дата обращения: 15.12.2024).

Научное издание

**XXVII ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
БОГ. ЧЕЛОВЕК. МИР
18–21 ДЕКАБРЯ 2024 ГОДА**

Сборник докладов

Подписано в печать 25.02.2025. Формат 60×90 ¹/₁₆

Бум. офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 23,25. Зак. № 335

191011, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии
имени Ф. М. Достоевского

Тел.: (812) 310-79-29; +7 (981) 699-6595

E-mail: irhga@mail.ru. URL: <https://irhga.ru>